

АРГУМЕНТЫ ИСТИНЫ

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

КРАХ СССР

АРГУМЕНТЫ ИСТИНЫ

ГУМЕНТЫ ИСТИНЫ АР
ТЫ ИСТИНЫ АРГУМЕН
ГИНЫ АРГУМЕНТЫ ИС
МЕНТЫ ИСТИНЫ АРГУ
НТЫ ИСТИНЫ АРГУМЕН
СТИНЫ АРГУМЕНТЫ И

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

КРАХ СССР

Москва
алгоритм
ЦПАГУП

УДК 338
ББК 65.9(2)
К 21

Издательство выражает признательность
Центру проблемного анализа и государственно-управленческого
проектирования за помощь в подготовке и издании книги

Кара-Мурза С.Г.

К 21 Крах СССР. — М.: Алгоритм, 2013. — 448 с.

ISBN 978-5-4438-0214-5

Эта книга посвящена внутренним факторам и условиям, которые ослабили СССР и привели его к кризису 80-х годов. Она написана уже с новым знанием о советском периоде нашей истории. Катастрофы — жестокий эксперимент. Именно когда рушатся под явными ударами такие сложные конструкции как государство и общество, на короткое время открывается глазу их истинное внутреннее строение, сокровенные достоинства и слабые точки. В этот момент можно многое понять — и о стране, и о себе.

Знание необходимо и потому, что мы и впредь будем двигаться вслепую, если не поймем советского строя, к тому же не убитого, а лишь искалеченного и ушедшего в катакомбы. В выборе и построении возможного для нас жизнеустройства будет совершенно необходим опыт советского строя, включая опыт его катастрофы.

Книга предназначена для студентов, преподавателей и всех, кто думает о прошлом и будущем России.

**УДК 338
ББК 65.9(2)**

ISBN 978-5-4438-0214-5

© Кара-Мурза С.Г., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

В августе 1991 г. верхушка КПСС передала власть «второй смене» — тоже радикальной антисоветской группировке из рядов своей же номенклатуры, и та выполнила вторую, «грязную», часть работы по уничтожению СССР и советского государства.

Но государство — не человек, оно умирает долго и трудно, и в течение более 20 лет мы наблюдаем его агонию. Только во время этой агонии, через утраты и обретение памяти, начинает ныне живущее поколение понемногу осознавать, что же это было за государство — *советское*. Начинает понимать, каким *обществом* это государство было рождено и на каких *уставах* держалось. Через смертельные удары по его уязвимым точкам мы начинаем различать, пока еще смутно, его строение, чувствовать его природу.

Советский строй возник в страшных родовых муках. Травмы остались в памяти: у кого-то пострадали близкие, кто-то был потрясен зрелищем чужих страданий. Потому и нашлось достаточно таких, кто бескорыстно и по доброй воле помогал словом и делом Б. Ельцину с А. Чубайсом и Дж. Бушу с Джефффри Саксом. Кто-то из таких и сегодня радуется, но даже и они не могут не понимать, что «целились в коммунизм, а стреляли в Россию». Но не будем отнимать утешения у убийц бескорыстных. Пусть считают, что уничтожить Россию им пришлось, изгоняя из нее дьявола коммунизма. Будем говорить о целом.

Эта книга — один из тех трудов, что стали появляться уже с новым знанием о советском периоде нашей истории. Катастрофы — это жестокий эксперимент. В технике аварии и катастро-

фы — источник важнейшего знания. Что же говорить об обществе и стране, само рождение и жизнь которых покрыты многими слоями священных тайн и преданий! Именно когда рушатся под явными ударами такие сложные конструкции, как государство и общество, на короткое время открывается глазу их истинное внутреннее строение, сокровенные достоинства и слабые точки. В этот момент можно многое понять — и о стране, и о себе.

Но очень ненадолго приоткрывается нам суть вещей, и мы обязаны сделать усилие и успеть добыть драгоценное знание, пока раны раскрыты. Это знание оплачено страданиями миллионов людей — можем ли мы дать ему пропасть!

Речь не идет о возврате в «*тот*» советский строй. Это невозможно и никому не нужно — вернуться, чтобы снова вырастить М. Горбачева с Б. Ельциным? Знание необходимо потому, что мы и вперед будем двигаться вслепую, если не поймем старого строя, к тому же вовсе не убитого, а лишь искалеченного и ушедшего в катакомбы. Понять советский строй — это выиграть целую кампанию войны с теми, кто стремился и стремится нас ослепить. Недаром антисоветизм — одна из главных сегодня идеологических программ. Возможно, главная, причем во всем мире. На ее подпитку в России брошены силы всех окрасок, потому что, поняв советский строй, люди очень быстро нащупают контуры нового проекта и пробьют к нему туннель.

Советский проект был для всего фашиствующего мирового интернационала как кость в горле. Уже на первой своей, ранней, стадии реализации в виде СССР в ходе трудных проб и ошибок он показал, что жизнь общества без разделения на избранных и отверженных **возможна**. Возможно и существование человечества, устроенного как семья, «симфония» народов — а не как мировой апартеид, вариант неязыческого рабовладения.

Поражение советского проекта на территории СССР — тяжелый удар по этим надеждам. Слишком сильны оказались в человеке инстинкты хищника, слишком устойчивы внедряемые веками идеи господства, присвоения. На короткий срок они были оттеснены в тень духовным порывом народов России, а на хищников были надеты намордники. Найдя мощных союзников и в мировой политике, и среди своих воров и романтиков, хищники вырвались на волю. Тот строй, который создавался на принципах сотрудничества и солидарности, перед ними не устоял.

Но и тем, кто этому потакал, и тем, кто не сумел защитить СССР, надо восстанавливать какое-то жизнеустройство. Воля к жизни понемногу и незаметно начнет отвлекать людей от телеэкрана и заставит искать выход. Есть основания на это надеяться.

Уже сегодня всем, кто сохранил здравый смысл, ясно, что хаос разрушения СССР не сложился в России в новый порядок, обеспечивающий выживание страны и народа. Те «стратегические программы», которые нам периодически дают «пожевать» президенты и их эксперты, есть продукт чисто идеологический, сшитый на скорую руку. Он не предназначен ни для обсуждения, ни тем более для выполнения. Это — прикрытие еще на год, на два. Пока и верующие в рынок, и его критики грызут эту кость, господствующее меньшинство вывозит достояние страны за рубеж, отправляет туда же детей и внуков учиться, обустроивает гнезда комфорта в самой России — на случай, если паралич умирающего народа затянется.

А те сценарии, которые пишутся всерьез, предусматривают, как самый лучший вариант, превращение России в периферию мировой капиталистической системы — в площадку, на которой «экономические операторы» будут в небольших очагах современной экономики добывать то, что необходимо «глобальному рынку». И очаги эти будут окружены морем обнищавшего населения, выброшенного из цивилизации и самым примитивным образом добывающего скудное пропитание. Это население уже не будет ни русскими, ни татарами, ни якутами, это будет утратившая национальную культуру человеческая пыль. Она будет оставлена на земле в таком количестве, чтобы бесперебойно рожать и выращивать до 18 лет почти даровую рабочую силу для «очагов цивилизации» и солдат-контрактников для внутренних войск.

Как большинство ни оттягивает этот момент, каждому придется взглянуть правде в глаза и признать, что или наши народы восстановят то жизнеустройство, которое совместимо с природой, наличными ресурсами и культурой, или исчезнут как народы и как страны, подобно американским индейцам.

В выборе и построении возможного для нас жизнеустройства будет совершенно необходим опыт советского строя, включая опыт его катастрофы. Мы должны понять, что абсолютно необходимо для нашей жизни, что важно и желательно, а без чего можно обойтись. Понять источники и нашей силы, и поразительной уязвимости.

Приведенный в книге фактический материал уже достаточно хорошо известен. Но в публикациях в течение последних 20 лет он приводился как доводы в спорах о текущем моменте и о будущем — о том, как слова и дела повлияют на жизнь народов постсоветских республик, осколков бывшего СССР. В данной книге этот материал служит объяснению одного исторического факта — краха СССР и советского строя.

Это иной взгляд на факты.

ВВЕДЕНИЕ

Мы имеем опыт катастрофы — поражение советского строя, включая его политическую систему и систему межнационального общежития (СССР). За 20 лет после ликвидации СССР мы многое поняли. Остается ряд загадок, но мы имеем к ним подходы. Об этом и будем говорить, создавая нашу картину крупными мазками, без деталей.

Данная книга посвящена *внутренним* факторам и условиям, которые ослабили СССР и привели его к кризису 80-х годов XX в. С этим кризисом советский строй не справился. Это не значит, что внешние факторы несущественны для судьбы СССР. Напротив, советский строй не устоял против разрушительного воздействия *союза внутренних и внешних* антисоветских сил, который и сложился в 70—80-е годы XX в. Скорее всего, без этого обе группы сил порознь справиться с советской системой не смогли бы.

Решающее значение внутренних факторов определяется тем, что для нас факторы внешней среды — это почти данность, устранить которую невозможно. Для анализа примем ее как константу, а внутренние условия и факторы — следствия действий или бездействия самой советской системы, государства и общества. Это те *переменные*, на которые они могли и обязаны были влиять. У противников СССР в холодной войне без союзников внутри советского общества не хватило бы сил для победы. Эти наши собственные переменные мы обязаны изучить — ведь жизнь продолжается, а уроки поражения самые ценные.

Перед нами два вопроса: что такое был «советский строй» и что с ним произошло? Почему СССР рухнул, казалось бы, на пике своего могущества? Почему к концу 80-х годов XX в. его легитимность была подорвана и в массовом сознании иссякло *активное* благожелательное согласие на его существование? Как было определено еще в XVI в. Н. Макиавелли, власть держится на *силе* и *согласии*. Развивая эту тему, А. Грамши добавил, что согласие

должно быть активным. Если население поддерживает политическую систему пассивно, то этого достаточно, чтобы организованные заинтересованные силы сменили социальный строй и политическую систему. А такие силы всегда есть и в стране, и за рубежами. В 1990—1991 гг. массовое сознание населения СССР не было *антисоветским*. Люди желали, чтобы главные условия советского общественного строя были сохранены и развивались, но они желали этого *пассивно*. И этим советский общественный строй был обречен.

Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет в преддверии гражданской войны в Испании написал: «Вера в то, что бессмертие народа в какой-то мере гарантировано, — наивная иллюзия. История — это арена, полная жестокостей, и многие расы как независимые целостности сошли с нее. Для истории жить не значит позволять себе жить как вздумается, жить — значит очень серьезно, осознанно заниматься жизнью, как если бы это было твоей профессией. Поэтому необходимо, чтобы наше поколение с полным сознанием, согласованно озаботилось бы будущим нации»[129].

Но советских людей, родившихся после великой Победы в Великой Отечественной войне, этой простой мудрости не научили.

Трудность разговора на тему книги заключается в том, что официальная советская история была мифологизирована, и от нас до сих пор требуются большие усилия, чтобы уйти от ее стереотипов. Многие покажутся непривычным, многое трудно будет встроить в устоявшиеся взгляды. Эта история «берегла» нас от тяжелых размышлений и кормила упрощенными, успокаивающими штампами. И мы не вынесли из истории уроков, даже из Гражданской войны.

Мы, например, не задумывались над тем, почему две марксистские революционные социалистические партии, даже, точнее, фракции одной партии (большевики и меньшевики), оказались в той войне по разные стороны фронта. Советские экономисты обучались в Академии народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, а Г.В. Плеханов считал Октябрьскую революцию реакционной. Разве это не символично? Мы только сейчас узнаем, что западные марксисты считали большевиков «силой *Азии*», в то время как марксисты-меньшевики считали себя «силой *Европы*».

Этот разговор трудный и потому, что через образование мы получили язык западных понятий, а болезни и радости западных обществ трудно выразить на этом языке. Но давайте сделаем усилие и взглянем на катастрофу СССР без догм и стерео-

типов, стараясь говорить на естественном языке, а не на языке идеологии.

Итак, о том, что было. Кратко об исходных установках книги.

Советский строй — это реализация цивилизационного проекта, рожденного Россией и лежащего в русле ее истории и культуры. Надо различать *советский проект*, т. е. представление о благой жизни и дороге к ней, и *советский строй* как воплощение этого проекта на практике. Многое из намеченного проектом не удалось создать в силу исторических обстоятельств, но очень многое удалось — сегодня это даже поражает. И то, и другое надо понять. Советский строй просуществовал 70 лет, но в бурном XX в. это было несколько исторических эпох. Его стойкость при одних трудностях и хрупкость при других многое сказали о человеке, обществе и государстве.

Советский проект — это не просто социальный проект, но и ответ на фундаментальные вопросы бытия, рожденный в Европе, в сложном обществе России, находящейся «между молотом Запада и наковальней Востока» (Д.И. Менделеев). Рядом был мощный Запад, который дал свой ответ на вопросы бытия в виде рыночного общества и человека-атома, индивида — из недр протестантской Реформации. Рядом начинал подниматься и мощный Восток, ответ которого на те же вопросы мы только-только начинаем понимать.

Советский проект повлиял на все большие цивилизационные проекты: помог зародиться социальному государству на Западе, демонтировать колониальную систему, на время нейтрализовал соблазн фашизма, дал многое для укрепления и самосознания цивилизаций Азии в их современной форме.

Советский проект не исчерпал себя, а советский строй не выродился и не погиб сам собой. У него были болезни роста, несоответствие ряда его институтов новому состоянию общества и человека во второй половине XX в. Было и «переутомление» от форсированных усилий и тяжелой войны. Было и замешательство на распутье. В этом состоянии он был «убит» противником в холодной войне, хотя и руками «своих» — союзом трех сил советского общества: части номенклатуры КПСС, части интеллигенции («западники») и части преступного мира.

Никаких выводов о порочности *проекта* из факта убийства его «носителя»-строителя не следует. Бывает, что умного, сильного и красивого человека укусит тифозная вошь, и он умирает.

Никаких выводов о качествах этого человека и даже о его здоровье сделать нельзя. Из факта гибели СССР мы можем сделать только вывод, что *некоторые защитные системы* советского строя оказались слабы. Этот вывод очень важен, но на нем нельзя строить отношение к другим системам советского строя, это было бы просто глупо.

Нет смысла давать советскому строю формационный ярлык — социализм, «казарменный феодальный социализм», государственный капитализм и т.д. Эти определения только ведут к бесполезным спорам. Например, во время перестройки интеллигенцию увлек совершенно схоластический спор о том, являлся ли советский строй социализмом или нет. Как о чем-то реально существующем и однозначно понимаемом спорили, как его надо называть. Сказал «казарменный социализм» — и вроде все понятно. Академик Т.И. Заславская уже под занавес перестройки в важном докладе озадачила аудиторию: «Возникает вопрос, какой тип общества был действительно создан в СССР, как он соотносится с марксистской теорией?» [63].

Страну уже затягивало дымом, а глава социологической науки погрузилась в тонкости дефиниции и марксистской теории, смысл которой даже закоренелые начетчики помнили очень смутно.

А вот как трактовал и трактует природу СССР профессор МГУ А.В. Бузгалин: «В сжатом виде суть прежней системы может быть выражена категорией “мутантного социализма” (под ним понимается тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы)».

А.В. Бузгалин считает, что создал целую теоретическую категорию, объясняющую гибель советского строя. На деле взятая им из биологии ругательная метафора «мутант» бессодержательна и ничего не объясняет. Мутация есть изменение в генетическом аппарате организма. Если такое изменение наследуется и благоприятствует выживанию потомства, то эта полезная мутация служит важным механизмом эволюции. Если, как это делает А.В. Бузгалин, уподоблять общественный строй биологическому виду, то *любое* социальное жизнеустройство оказывается «мутантным» и иным быть не может.

Метафора неверна уже потому, что мутация есть изменение чего-то, что уже *было* как основа («дикий вид»). Если бы в мире где-то существовал *правильный социализм*, а под воздействием И. Сталина из него возник казарменный социализм, исказивший исходный образец, то его еще можно было бы обозвать мутантом. Но

никакого исходного социализма, от которого произошел советский строй, не существовало. И эту метафору профессор МГУ переносит из публикации в публикацию уже в течение 20 лет.

Будем исходить из очевидной вещи: советский строй был *жизнеустройством* большой сложной страны со своим типом хозяйства, государства, национального общежития. Мы знаем, как питались люди, чем болели и чего боялись. Сейчас мы видим, как ломают главные структуры этого строя и каков результат, выражающийся в простых и жестких понятиях. Из всего этого и надо извлекать знание о советском строе, создавать его образ и искать причины его слабости и гибели.

Не будем удревнять проблему и уходить в глубь веков, хотя корни там. Достаточно начать уже с XX в. Россия в начале XX в. в главных своих чертах была *традиционным* (а не западным, гражданским) обществом, хотя и пребывала в состоянии быстрой и далеко зашедшей *модернизации*. Начиная с Петра I Россия осваивала и в то же время «переваривала», хотя и с травмами, западные институты и технологии, но не утратила своей цивилизационной идентичности. Ярче всего она выражалась в антропологии — господствующим в культуре представлениям о человеке. Производными от этих представлений были основные ценности, понятия о добре и зле, благой жизни, о собственности и хозяйстве, власти и правах человека. Именно глубинные представления о человеке, а не социальная теория, породили русскую революцию и предопределили ее характер.

Это тезис фундаментальный, он вызывал острые дебаты в моменты всех общественных столкновений XX в. и продолжает вызывать их сегодня.

Советский проект вызревал очень долго. Откуда взялись декреты советской власти и сама идея национализации земли? Они взялись из тех представлений общинного крестьянства, которые вынашивались в течение примерно 30—40 лет. Уже в «Письмах из деревни» А.Н. Энгельгардта (80-е годы XIX в.) видно, как в крестьянской общине вырабатывалось и совершенствовалось представление о благой жизни, а потом (в 1904—1907 гг.) излагалось эпическим стилем в виде наказов и приговоров. Из наказов и брали эти представления эсеры и большевики. Сегодня процесс формирования этого проекта реконструирован достаточно надежно.

Русская революция 1905—1907 гг. была началом *мировой революции*, вызванной сопротивлением крестьянского тради-

ционного общества разрушающему действию западного капитализма (сопротивлением против «раскрестьянивания»). В Западной Европе эти «антибуржуазные» революции (или контрреволюции, типа крестьянских восстаний Вандеи) потерпели поражение, а на периферии — победили или оказали влияние на ход истории. Это революции в России, Китае, Индонезии, Индии, Вьетнаме, Алжире, Мексике, самые последние на Кубе и в Иране — по всему «незападному» миру.

Модель, созданная русскими марксистами с активной помощью К. Маркса и Ф. Энгельса для понимания России, была логична: Россия должна пройти тот же путь, что и Запад, — буржуазную революцию, развитие капитализма, разделение народа на классы, борьба которых приведет к пролетарской революции в момент, когда капитализм исчерпает свой потенциал и станет тормозить прогресс производительных сил. Эту модель не приняли М. Бакунин, а потом народники, разработавшие концепцию *некапиталистического* развития России. Народников разгромили марксисты, они считали, что разрушение традиционного хозяйства капитализмом быстро идет в России. Г.В. Плеханов полагал, что оно уже состоялось. Так же поначалу считал и В.И. Ленин, мысливший в рамках политэкономии капитализма. Однако эта модель была неадекватна в принципе — не в мелочах, а в самой своей сути.

В.И. Ленин пересмотрел модель Маркса в отношении России в ходе революции 1905 г. и порвал с марксистским взглядом на крестьянство как на реакционную мелкобуржуазную силу. Это был разрыв с западным марксизмом. В статье 1908 г. «Лев Толстой как зеркало русской революции» Ленин дает новую трактовку русской революции. Это не буржуазная революция ради устранения препятствий для капитализма, а революция союза рабочих и крестьян ради *предотвращения* господства капитализма. Она мотивирована стремлением *не пойти* по капиталистическому пути развития. Ортодоксальные марксисты (меньшевики) эту теорию не приняли, и конфликт с большевиками углубился.

Второй развилкой на этом пути была Февральская революция 1917 г.

Раздел 1

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ. НАЧАЛО

Глава 1

КОРОТКАЯ СПРАВКА О РЕВОЛЮЦИЯХ 1917 г.¹

Между Февралем и Октябрем 1917 г.

25 октября (7 ноября) 1917 г. в России произошла революция, которую потом называли Великой Октябрьской социалистической. Было отстранено от власти Временное правительство, учрежденное после свержения монархии в феврале 1917 г. Февральская революция была организована крупной буржуазией при поддержке правительств Англии и Франции, в союзе с которыми (Антантой) Российская империя с 1914 г. воевала с Германией и ее союзниками.

Правители Англии и Франции считали, что монархия в России теряет контроль над страной, в которой шли сложные революционные процессы, и опасались, что царь пойдет на сепаратный мир с Германией. Российская буржуазия, тесно связанная с иностранным капиталом, была противником монархии и сословного государства, которые препятствовали модернизации экономической и политической системы по западным либеральным буржуазно-демократическим канонам.

Ленин писал в марте 1917 г. то, что было тогда известно в политических кругах: «Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и «связями», давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать сепаратным соглашениям и сепаратному миру Николая Второго с Вильгельмом IV,

¹ Эта сжатая справка дает широко известные сведения. Более подробно изложено в [74].

непосредственно организовывали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для *смещения* Николая Романова».

Февральская революция победила так быстро и бескровно потому, что на время возник союз сил, имевших совершенно разные цели, — прозападной буржуазии и Антанты, желавших продолжения войны, с массовым народным движением, желавшим мира. «Штабом» революции была Государственная Дума, где большинство имела буржуазная Конституционно-демократическая партия («кадеты»).

В революционные дни в Петрограде был создан Совет. Если весь ход формирования Временного правительства легко проследить документально, то о процессе возникновения советов историки говорят скупко. Активный деятель того времени художник А.Н. Бенуа писал в апреле 1917 г.: «У нас образовалось само собой, в один день, без всяких предварительных комиссий и заседаний нечто весьма близкое к народному парламенту в образе Совета рабочих и солдатских депутатов».

В Петрограде важную роль в образовании Советов сыграли кооператоры. Еще до отречения царя, 25 февраля 1917 г., руководители Петроградского союза потребительских обществ провели совещание с членами социал-демократической фракции Государственной Думы в помещении кооператоров на Невском проспекте и приняли совместное решение создать Совет рабочих депутатов — по типу Петербургского совета 1905 г. Участники этого заседания были арестованы и отправлены в тюрьму всего на несколько дней, до победы Февральской революции.

Активной и влиятельной силой в Февральской революции было российское политическое масонство, которое было воссоздано в начале XX в. с помощью западных масонов. В Москве и Санкт-Петербурге были учреждены ложи «Возрождение» и «Полярная звезда», для чего из Парижа прибыли члены совета Великого Востока Франции. Главное направление деятельности этих лож лежало в русле буржуазно-либеральной оппозиции самодержавию. В 1910 г. была создана ассоциация лож — Великий Восток народов России (ВВНР). Она имела своим лозунгом «борьбу за освобождение отечества». Имелась в виду замена самодержавия парламентской республикой. В 1912 г. в масоны был принят А.Ф. Керенский, который в 1915 г. стал руководителем ВВНР

(вместе с левым кадетом, впоследствии заместителем председателя Государственной Думы, Н.В. Некрасовым).

В августе 1915 г. руководители масонов, собравшись на квартире социолога кадета М.М. Ковалевского, договорились о создании буржуазно-либерального Прогрессивного блока. Масоны согласовывали позиции либеральной и левых фракций в Думе и способствовали их совместным выступлениям. Как вспоминает в эмиграции (1928 г.) один из руководителей масонства меньшевик А.Я. Гальперн: «очень характерной для большинства членов организации была ненависть к трону, к монарху лично за то, что он ведет страну к гибели... Конечно, такое отношение к данному монарху не могло не переходить и в отношение к монархии вообще, в результате чего в организации преобладали республиканские настроения».

Осенью 1916 г. от ВВНР откололась радикальная часть, которая готовила дворцовый переворот и одновременно «террористические действия» против рабочего движения. А.Я. Гальперн вспоминает: «Последние перед революцией месяцы в Верховном Совете было очень много разговоров о всякого рода военных и дворцовых заговорах. Помню, разные члены Верховного Совета, главным образом Некрасов, делали целый ряд сообщений — о переговорах Г.Е. Львова с генералом Алексеевым в Ставке относительно ареста царя... Был ряд сообщений о разговорах и даже заговорщических планах различных офицерских групп».

25 февраля 1917 г. массовые демонстрации под лозунгами «Хлеба!» и «Долой самодержавие!» переросли во всеобщую политическую стачку¹. На другой день к ней стали присоединяться войска. 27 февраля 1917 г. Совет министров ушел в отставку и разошелся. 28 февраля 1917 г. многие министры, включая Председателя Совета министров, были арестованы. Генералы, стоявшие на либеральных позициях, принудили царя к отречению от трона, в столице начались демонстрации рабочих и солдат гар-

¹ В начале 1917 г. возникли перебои в снабжении хлебом Петрограда и ряда крупных городов. Возможно, они были созданы искусственно, ибо запасы хлеба в России были, но наличие заговора вовсе не обязательно. На заводах были случаи самоубийств на почве голода. Подвоз продуктов в Петроград в январе 1917 г. составил половину от минимальной потребности. Продразверстка, введенная правительством осенью 1916 г., провалилась. В феврале 1917 г. председатель Государственной Думы М.В. Родзянко писал царю: «В течение по крайней мере трех месяцев следует ожидать крайнего обострения на рынке продовольствия, граничащего со всероссийской голодовкой».

низона. К революции присоединился даже полк личной охраны царя, состоящий только из георгиевских кавалеров.

Хотя выступление солдат 27 февраля 1917 г. было стихийным, активность масонов с первого дня революции была очень велика. Историк В.И. Старцев в комментариях к документам о тех событиях пишет: «И проведение Н.С. Чхеидзе председателем Петроградского Совета рабочих депутатов, а других масонов — членами его Исполкома, и формирование корпуса эмиссаров Временного комитета Государственной Думы, и создание самого Временного правительства, а также нажим на П.Н. Милюкова с целью немедленного провозглашения республики в ночь на 3 марта 1917 г. — все это показывает энергичную деятельность членов Великого Востока народов России с 27 февраля по 3 марта 1917 г.».

После февральских событий в ложу «Истинные друзья» был принят эсер Б.В. Савинков. В мае 1917 г. из 66 членов ЦК партии кадетов 11 были масонами. К октябрю 1917 г. активно действовали 28 лож системы ВВНР.

Правительство было сформировано из представителей правой буржуазии и крупных помещиков, важные посты были отданы кадетам. Правительство было тесно связано с буржуазными общественными организациями, которые возникли в годы войны (Всероссийский земский союз, Городской союз, Центральный военно-промышленный комитет). Параллельно и независимо от правительства возник Петроградский Совет.

И кадеты, и правые либералы были едины в своей ориентации на Запад и в намерении продолжать войну. В апреле 1917 г. военный министр А.И. Гучков (лидер правых консерваторов) заявил на большом совместном заседании правительства, Временного комитета Государственной Думы и Исполкома Петроградского Совета: «Мы должны все объединиться на одном — на продолжении войны, чтобы стать равноправными членами международной семьи».

Овладесть ситуацией Временное правительство не смогло и переживало все более тяжелые и длительные правительственные кризисы: 3—4 мая, 3—23 июля, 26 августа—24 сентября 1917 г. В результате этих кризисов менялся состав, уже 5 мая 1917 г. правительство стало коалиционным, но все три коалиции были непрочными. Разрушению подверглась вся система власти, важнейшие вопросы откладывались до появления Учредительного собрания. Были ликвидированы посты генерал-губер-

наторов, губернаторов и градоначальников, полицейские и жандармские должности и управления.

Как признал тогда лидер правых А.И. Гучков, «мы ведь не только свергли носителей власти, мы свергли и упразднили саму идею власти, разрушили те необходимые устои, на которых строится всякая власть». Тот факт, что Временное правительство, ориентируясь на западную модель либерально-буржуазного государства, разрушало структуры традиционной государственности России, был очевиден и самим пришедшим к власти либералам. Французский историк М. Ферро, ссылаясь на признания А.Ф. Керенского, отмечает это *уничтожение российской государственности* как одно из *важнейших явлений* февральской революции¹.

При таком развале государства безвластие коснулось буквально каждого человека. Временное правительство назначило в губернии и уезды своих комиссаров. Но у них не было реальных средств влиять на положение. Как они сами заявили на совещании в Петрограде, без опоры на местные советы их власть «равна нулю» — но правительство вело дело к конфликту с советами, в то же время потакая им (например, через комиссаров правительства шла финансовая поддержка Советов).

Февральская революция нанесла сокрушительный удар по армии — важнейшему институту государства. 2 марта 1917 г. секретарь ЦИК Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов адвокат Н.Д. Соколов (бывший, как и А.Ф. Керенский, одним из руководителей российского масонства тех лет) подготовил и принес в только что созданное Временное правительство известный Приказ №1. Приказ предусматривал выборы в войсках комитетов из нижних чинов, изъятие оружия у офицеров и передачу его под контроль комитетов, установление неограниченной «ни в чем» свободы солдата. Этот приказ начал разрушение армии. Став военным министром, Керенский издал аналогичный приказ, известный как «декларация прав солдата». В июле генерал А.И. Деникин заявил: «развалило армию военное законодательство последних месяцев»².

¹ Напротив, рабочие организации, тесно связанные с Советами, стремились укрепить *государственные* начала в общественной жизни в самых разных их проявлениях. Меньшевик И.Г. Церетели писал тогда об особом «*государственном инстинкте*» русских рабочих и их «*тяге к организации*».

² Критическим событием, положившим начало Февральской революции, был бунт 27 февраля 1917 г. учебной команды лейб-гвардии Волынского полка, которая

В армии была проведена чистка командного состава (по данным А.И. Деникина, за первые недели было уволено около половины действующих генералов). На главные посты были назначены близкие к думским оппозиционным кругам выдвиженцы — А.И. Деникин, Л.Г. Корнилов, А.В. Колчак. Следуя обязательствам перед Антантой и взяв курс на продолжение войны «до победного конца», Временное правительство столкнулось с созданными им самим трудностями — армия стала неуправляемой, началось массовое дезертирство. В июле на фронте были восстановлены упраздненные во время революции военно-полевые суды, но это не поправило дела. Учрежденное Политическое управление Военного министерства безуспешно пыталось наладить в войсках пропаганду в пользу продолжения войны. Солдаты стремились домой, где начался передел земли¹.

3 июля 1917 г. было нарушено неустойчивое равновесие сил между Временным правительством и Петроградским советом (так называемое «двоевластие»), была расстреляна демонстрация, шедшая под советскими лозунгами. Сформированное 24 июля 1917 г. правительство стало сдвигаться вправо, его председатель А.Ф. Керенский (перешедший в партию эсеров) занял и посты военного и морского министра; в третьем правительстве он был председателем и Верховным главнокомандующим. 25 августа 1917 г. произошел неудачный мятеж генерала Л.Г. Корнилова, который вместе с рядом других генералов пытался свергнуть Временное правительство.

Важнейшие изменения произошли в **национально-государственном устройстве**. Революция 1905—1907 гг. сплотила бур-

отказалась выйти для пресечения «беспорядков». Начальника команды, штабс-капитана, солдаты выгнали из казармы, а фельдфебель Кирпичников выстрелом в спину убил уходящего офицера. Этому событию было придано символическое значение — командующий Петроградским военным округом генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов лично наградил Кирпичникова Георгиевским крестом — наградой, которой удостоивали только за личное геройство. Одно это событие нанесло тяжелый удар по армии. Кстати, многие наши антисоветские патриоты считают Л.Г. Корнилова монархистом — вот насколько подорвана историческая память.

¹ М.М. Пришвин записал в дневнике 15 июня: «Солдатки, обиженные и ничего не понимающие, пишут письма мужьям: «Тебя, Иван, тебя, Семен, тебя, Петр, мужики обделили. Бросайте войну, спешите сюда землю делить...». Земельный вопрос надо было решать срочно. Временное правительство осталось глухо и взяло курс на «войну до победного конца»»[148].

жуазию и землевладельцев национальных регионов вокруг царской власти как самой надежной защиты. После краха монархии положение изменилось, стало преобладать стремление к огосударствлению наций. Начался распад империи, вызванный не отпадением частей, а разрушением центра.

Прежде всего сепаратизм поразил армию. Еще до февраля были созданы национальные части — латышские батальоны, Кавказская туземная дивизия, сербский корпус. После февраля был сформирован чехословацкий корпус, и вдруг «все языки» стали требовать формирования национальных войск. Командование и правительство не были готовы к этому. Например, разрешили создание «Украинского полка имени гетмана Мазепы». Началась «украинизация» армии (солдаты отказывались идти на фронт под предлогом: «Піде́м під українським прапором»). Летом 1917 г. разгорелась борьба за Черноморский флот, на кораблях поднимали украинские флаги, с них списывали матросов-неукраинцев.

Вопрос национально-государственного устройства до последнего момента игнорировался Временным правительством, о нем не упоминается ни в декларациях, ни даже в постановлении о провозглашении России демократической республикой (1 сентября 1917 г.). Вся практика Временного правительства способствовала децентрализации и сепаратизму не только национальных окраин, но и русских областей. Резко усилилось сибирское «областничество» — движение за автономию Сибири. Конференция в Томске (2—9 августа 1917 г.) приняла постановление «Об автономном устройстве Сибири» в рамках федерации с самоопределением областей и национальностей и даже утвердила бело-зеленый флаг Сибири. 8 октября 1917 г. открылся I Сибирский областной съезд. Он постановил, что Сибирь должна обладать всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, иметь Сибирскую областную думу и кабинет министров. Были планы преобразовать саму Сибирь в федерацию. После Октября Дума не признала советскую власть, и большинство ее депутатов было арестовано.

Наиболее неудачно сложились отношения Временного правительства с Украиной. Уже 4 марта 1917 г. в Киеве была образована Центральная рада, которая требовала территориально-национальной автономии Украины. 10 июня 1917 г. рада провозгласила автономию. Тактика Временного правительства все откладывать

до Учредительного собрания привела к отделению Украины, хотя позиции сепаратистов там были исключительно слабы¹.

Обратимся к тому, что происходило на другой ветви революционного процесса — в Советах. Становление системы Советов на первом этапе было процессом «молекулярным». Поначалу обретение Советами власти происходило вопреки намерениям их руководства (эсеров и меньшевиков). Никаких планов сделать советы альтернативной формой государства у них не было, их целью было поддержать новое правительство снизу и «добровольно передать власть буржуазии».

Та сила, которая стала складываться сначала в согласии, а потом и в противовес Временному правительству и которую летом возглавили большевики, была выражением массового *стихийного* движения. Сила эта по своему типу не была «партийной». На предприятиях Советом был весь трудовой коллектив, а выборы депутатов в Советы высших уровней (совдепы) должны были организовать кооперативы и заводские кассы взаимопомощи. В деревне Советом был сельский сход. Иными словами, способ организации этой власти был совсем иным, нежели в западном гражданском обществе.

По подсчетам историков, в 1917 г. количество членов всех политических партий по всей России составляло около 1,2% населения страны. Партийно-представительная демократия, свойственная классовому гражданскому обществу, не была принята населением. Либерально-буржуазное правительство, которое пыталось опереться на такую политическую структуру, «повисло в воздухе».

Напротив, Советы (рабочих, солдатских и крестьянских) депутатов формировались как органы не классово-партийные, а корпоративно-сословные, в которых многопартийность постепенно вообще исчезла. Эсеры и меньшевики, став во главе Петроградского совета, не предполагали, что под ними поднимается неведомая теория государственности крестьянской России.

¹ Глава образованного радой правительства (Директории) В.К. Винниченко в воспоминаниях, изданных в Вене в 1920 г., признает «исключительно острую неприязнь народных масс к Центральной раде» во время ее изгнания в 1918 г. большевиками, а также говорит о враждебности, которую вызывала проводимая радой политика «украинизации». Он добавляет, упрекая украинцев: «Ужасно и странно во всем этом было то, что они тогда получили все украинское — украинский язык, музыку, школы, газеты и книги».

Советы вырастали из крестьянских представлений о правильной власти. Исследователь русского крестьянства А.В. Чаянов писал: «Развитие государственных форм идет не логическим, а историческим путем. Наш режим есть режим советский, режим крестьянских советов. В крестьянской среде режим этот в своей основе уже существовал задолго до октября 1917 года в системе управления кооперативными организациями».

За параллельными решениями и делами Временного правительства и Петроградского совета наблюдали в России все, до кого доходила информация, и Совет все время «набирал очки». Важнейшим пробным камнем стал вопрос о земле. Уже 9 апреля 1917 г. Петроградский совет признал «запашку всех пустующих земель делом государственной важности» и потребовал создания на местах земельных комитетов.

И не только в главных вопросах — мира и земли — брал верх Совет, но и по множеству житейских дел, которые сильно влияли на обыденное сознание. Легитимизация власти в обыденном сознании происходит именно через накопление малых, «молекулярных» оценок.

Совет, имея авторитет в среде рабочих и солдат, оказался гораздо более дееспособным, чутким и гибким в разрешении критических проблем для жизни граждан. Так, в первые же дни революции была ликвидирована полиция, из тюрьмы выпущены уголовники, и город жил под страхом массовых грабежей. Временное правительство создало милицию из студентов-добровольцев, а Совет — милицию из рабочих, фабрики и заводы обязаны были отрядить каждого десятого рабочего. Было очевидно, что основную работу по наведению порядка выполняла рабочая милиция. Сравнение было в пользу Совета.

Именно в Советы приходилось обращаться за разрешением социальных конфликтов (например, при конфликте инженеров с рабочими в Петрограде и врачей с младшим персоналом в Москве). Таких вопросов, в решении которых Советы оказывались более практичными и близкими к жизни органами власти, было множество.

Огромное влияние на исход этого сравнения оказала армия. Выехав 5 апреля 1917 г. на фронт, военный министр А.И. Гучков был поражен тем, что генералы подумывали о том, чтобы вступить в партию эсеров, тогда самую популярную. Он писал: «Такая готовность капитулировать перед Советом даже со

стороны высших военных, делавших карьеру при царе, парализовала всякую возможность борьбы за укрепление власти Временного правительства».

Таким образом, министр Временного правительства с самого начала говорит о взаимоотношениях с Советами в терминах не сотрудничества, а борьбы. Фактически уже начиная с Февраля политиками, не принявшими советского проекта, создавался механизм будущей гражданской войны. Она просто находилась в латентном, «инкубационном» периоде. Один из кандидатов на должность военного министра во Временном правительстве полковник Б.А. Энгельгардт писал в марте 1917 г.: «Чтобы остановить развивающееся движение, есть лишь одно средство: окупить руки по локоть в крови, но в настоящую минуту я не вижу для этого ни возможностей, ни охотников». Когда «дети Февраля» получили для этого возможности и собрали «охотников», они начали гражданскую войну.

В июле Временное правительство сделало отчаянный шаг, чтобы ликвидировать двоевластие (расстрел демонстрации 3 июля), но это лишь развязало Советам руки для радикальных мер. Уйдя в тень, советы оставили сцену Временному правительству, и это очень ухудшило образ буржуазных либералов. В августе была попытка свергнуть Временное правительство «справа» (корниловский мятеж). Тот факт, что защиту его в основном пришлось организовывать Петроградскому совету, в глазах граждан означал полное банкротство правительства. От оставшейся у него чисто номинальной власти оно было отстранено без всякого насилия 25 октября 1917 г., в день открытия II Всероссийского съезда Советов, на котором и была провозглашена Советская власть и приняты ее первые Декреты.

В заключение стоит привести эпизод, который больше говорит не об истории, а о типе того антисоветизма, вокруг которого собрались в конце 80-х годов силы, сокрушившие СССР. В книге «При свете дня» В. Солоухин уверяет, что «по личным распоряжениям, по указаниям, приказам Ленина уничтожено несколько десятков миллионов россиян». Для убедительности этого нелепого утверждения он начинает счет прямо с ночи 25 октября 1917 г., когда якобы по приказу Ленина арестованных в Зимнем дворце министров Временного правительства «не мешкая ни часу, ни дня, посадили в баржу, а баржу потопили в Неве».

Реальная судьба министров иная. Все они были вскоре после ареста освобождены. Из пятнадцати министров восемь эмигрировали, семь остались в России. Из них в результате репрессий погиб в 1938 г. один — министр земледелия С.Л. Маслов. В СССР он был видным деятелем Центросоюза и преподавал в МГУ. Военный министр генерал А.А. Маниковский во время Гражданской войны был начальником снабжения Красной армии. Морской министр Д.Р. Вердеревский уехал во Францию, а в 1945 г. явился в посольство СССР и принял советское гражданство. Министр путей сообщения А.В. Ливеровский стал в СССР видным специалистом по транспорту, строил «Дорогу жизни» к блокадному Ленинграду. Один из министров, С.Н. Третьяков, эмигрировал во Францию, стал виднейшим агентом советской контрразведки (с 1929 г.) и в 1943 г. был казнен немцами.

Отношения между Февральской и Октябрьской революциями

В преподавании официальной советской истории давалась следующая упрощенная схема. В феврале 1917 г. в России произошла буржуазно-демократическая революция, которая свергла монархию. Эта революция под руководством большевиков переросла в социалистическую пролетарскую революцию. Однако силы «старой России» собрались и летом 1918 г. при поддержке империалистов начали контрреволюционную гражданскую войну против советской власти.

Эта картина неверна не в деталях, а в главном. Февральская революция не могла «перерасти» в Октябрьскую, поскольку для либерально-демократической, западнической буржуазии и царская Россия, и советская Россия были одинаковыми врагами. Для февраля обе они были «империями зла».

Возьмем суть. С конца XIX в. Россия втягивалась в периферийный капитализм, в ней стали орудовать европейские банки, иностранцам принадлежала большая часть промышленности. Этому сопротивлялось монархическое государство — строило железные дороги, казенные заводы, университеты и науку, разрабатывало пятилетние планы. Оно пыталось модернизировать страну — и не справилось с этой задачей. Причина в том, что государство было повязано и сословными интересами, и долгами

перед западными банками. Как говорил М. Вебер, попало в *историческую ловушку* и выбраться из нее уже не могло.

Главным врагом монархического государства была буржуазия, которая требовала западных рыночных порядков и, кстати, демократии, чтобы рабочие могли свободно вести против нее классовую борьбу. В этой борьбе они бы заведомо проиграли (как это и произошло на Западе). Крестьяне (85% населения России) к требованиям буржуазии относились равнодушно, но их допекли помещики и царские власти, которые помещиков защищали. Рабочие были для крестьян «своими» и даже «родственниками» — и по крови, и по образу мыслей и жизни. В 1902 г. начались крестьянские восстания из-за земли, в ходе их возникло «межклассовое единство низов» — и произошла революция 1905 г. Только после нее большевики поняли, к чему идет дело, и подняли знамя «союза рабочих и крестьян» — ересь с точки зрения марксизма. Крестьяне отшатнулись от монархии и повернулись к революции из-за столыпинской реформы.

Отношение к русской революции К. Маркса и Ф. Энгельса, труды которых оказывали большое влияние на российскую интеллигенцию, было внутренне противоречивым. Оно сводилось к следующему:

— они поддерживали революцию в России, не выходящую за рамки буржуазно-либеральных требований, свержающую царизм и уничтожающую Российскую империю; структура классовой базы такой революции для Маркса и Энгельса была несущественна;

— они категорически отвергали рабоче-крестьянскую народную революцию, укрепляющую Россию и открывающую простор для ее модернизации на собственных культурных основаниях, без повторения пройденного Западом пути.

В этом представлении выразилась замечательная прозорливость и интуиция основоположников марксизма. Они увидели и почувствовали главное — в России параллельно назревали *две* революции, в глубине своей не просто различные, но и враждебные друг другу. На первых этапах они могли переплетаться и соединяться в решении общих тактических задач, но их главные, *цивилизационные*, векторы были принципиально различны.

Это представление, на первых этапах смутное, было принято российскими марксистами для определения их отношения к реальному ходу революционного процесса в России. Первым крити-

ческим моментом стала революция 1905—1907 гг., которая явно пошла по тому пути, который был отвергнут и осужден К. Марксом и Ф. Энгельсом. Марксисты оказались перед историческим выбором: включиться в эту революцию или остаться верными учению Маркса и противодействовать этой революции («будущему Октябрю»). Фракция большевиков, возглавляемая В.И. Лениным, извлекла уроки из первого акта русской революции и примкнула к революционным народным массам. Меньшевики остались с учением Маркса, к ним потом присоединились и эсеры.

Таким образом, в России одновременно произошли две разные революции. Одна из них — та, о которой и мечтали Маркс и Энгельс. Это революция западническая, имевшая целью ликвидацию монархической государственности и империи, установление свободного капиталистического рынка.

Другая революция — рабоче-крестьянская (советская), имевшая целями закрыть Россию от свободного рынка, отобрать бывшую общинную землю у помещиков и не допустить раскрестьянивания. К этой революции примкнули рабочие с их еще крестьянским общинным мировоззрением и образом действия (например, способом организации в трудовые коллективы и подпольные общины). Такую революцию Маркс и Энгельс считали реакционной, поскольку она прямо была направлена на то, чтобы остановить в России колесо капиталистического прогресса.

Каждое из этих революционных течений имело двух главных врагов: самодержавие и альтернативную революцию. Конъюнктурно они на короткий период могли быть и союзниками (конкретно, в феврале, во время свержения монархии).

Обе революции ждали своего момента, он наступил в начале 1917 г. Масоны завладели Государственной Думой, имели поддержку Антанты, а также генералов и большей части офицерства. Оно к тому времени стало разночинным и либеральным, монархисты-дворяне пали на полях сражений. Крестьяне и рабочие, собранные в 11-миллионную армию, два с половиной года в окопах обдумывали и обсуждали проект будущего. Они уже были по-военному организованы и имели оружие. В массе своей это было поколение, которое в 1905—1907 гг. подростками пережило карательные действия против их деревень и ненавидело царскую власть.

Февральская революция 1917 г. завершила долгий процесс разрушения легитимности государства Российской империи.

Те культурные силы, которые стремились поддержать традиционные формы Российского государства (славянофилы в конце XIX в., «черносотенцы» после революции 1905 г.), были дискредитированы и оттеснены на обочину. После Февраля кадеты сразу заняли главенствующее положение во Временном правительстве и вырабатывали его программу, в союзе с большей частью эсеров и меньшевиков. Все они сходились на том, что в России происходит буржуазно-демократическая революция и любая альтернатива ей, в том числе под знаменем социализма, будет реакционной (контрреволюцией).

Февральская революция была *переворотом в верхах*, проведенным Государственной Думой и генералами. Но она стала возможной потому, что ее поддержала и либеральная буржуазия с частью бюрократии, и солдаты с рабочими. Порознь ни одной из этих сил не было бы достаточно — во всех революциях требуется участие влиятельной части госаппарата. В данном случае революционной была Государственная Дума (включая депутатов-монархистов типа А.И. Гучкова и В.В. Шульгина), большая часть генералитета, армии и полиции, чиновничества. Была и поддержка правительств государств Антанты.

Как и предполагал Ф. Энгельс, «эту революцию начали вышние классы столицы». Ф. Энгельс в своих трудах лишь выразил то, что правящая верхушка Запада и так прекрасно знала (хотя информационно-психологическая поддержка от марксизма была ей очень кстати).

Но февраль развязал руки революции советской. Уникальность русской революции 1917 г. в том, что с первых ее дней в стране стали формироваться два типа государственности: буржуазно-либеральная республика (Временное правительство) и «самодержавно-народная» Советская власть. Это был *единственный в своем роде* опыт, похоже, его не переживал ни один народ в истории. Два типа государственности означали два разных пути, разных жизнеустройства. Они находились на двух разных и расходящихся ветвях исторического процесса, и люди в течение довольно долгого времени могли сравнивать оба типа — это исключительно эффективный способ познания.

Столкновения между Временным правительством и Советами начались быстро. И кадеты, и меньшевики ориентировались на Запад и требовали продолжать войну. В ответ уже 21 апреля 1917 г. в Петрограде прошла демонстрация против этой полити-

ки правительства; и она была обстреляна — впервые после февраля. Как писали, «дух гражданской войны» повеял над городом.

Да, вялотекущая гражданская война началась в момент Февральской революции, когда произошел слом старой государственности (в апреле 1917 г. крестьянские волнения охватили 42 из 49 губерний европейской части России). Но это была война не с монархистами — вот что важно понять! Это была война «будущего Октября» с Февралем. Произошло то «превращение войны империалистической в войну гражданскую», о котором говорили большевики. Они это именно *предвидели*, а вовсе не «устроили» — никакой возможности реально влиять на события в феврале 1917 г. большевики не имели. Накануне Февраля в организациях партии большевиков работало около 10 тыс. человек, а большая часть руководства находилась в эмиграции или в ссылке.

Стихийный процесс продолжения траектории российской государственности от самодержавной монархии к советскому строю, минуя государство либерально-буржуазного типа, обрел организующую его партию (большевиков) после февраля — в момент Апрельской конференции их численность оценивалась уже в 50 тыс. Отвергая западнический либерально-буржуазный проект, рядовые консерваторы-монархисты (и даже черносотенцы), да и половина состава царского Генерального штаба, после февраля пошли именно за большевиками.

Монархия капитулировала без боя. С февраля в России началась борьба *двух революционных движений*. Более того, на антисоветской стороне главная роль постепенно переходила от либералов к социалистам — меньшевикам и эсерам. И те и другие были искренними марксистами и социалистами, с ними были Г.В. Плеханов и В. Засулич. В это же надо наконец-то вдуматься! Они хотели социализма для России, только социализма по-западному, «правильного». А в России народ был «неправильный». Если взглянуть на дело со стороны меньшевиков-марксистов, то Октябрь выглядит событием реакционным, *контрреволюционным переворотом*. В этом они были верны букве марксизма, прямо исходили из указаний К. Маркса и Ф. Энгельса. Февральская революция в России произошла согласно теории Маркса, а Октябрьская — вопреки этой теории.

Замечательно это выразил основатель итальянской компартии (тогда социалист) А. Грамши в статье «Революция против “Капитала”» (5 января 1918 г.): «Это революция против “Капитала”»

Карла Маркса. “Капитал” Маркса был в России книгой скорее для буржуазии, чем для пролетариата. Он неопровержимо доказывал фатальную необходимость формирования в России буржуазии, наступления эры капитализма и утверждения цивилизации западного типа... Но факты пересилили идеологию. Факты вызвали взрыв, который разнес на куски те схемы, согласно которым история России должна была следовать канонам исторического материализма. Большевики отвергли Маркса. Они доказали делом, своими завоеваниями, что каноны исторического материализма не такие железные, как могло казаться и казалось» [216].

Нестабильное равновесие, возникшее после октября, сломали прежде всего эсеры. Признав советскую власть, Учредительное собрание блокировало бы гражданскую войну. А вот если бы большевики сдались Учредительному собранию, война все равно была бы неизбежной. Шанс на выход из тупика давал именно и только советский проект (хотя какие-то его вариации были возможны, но и те были загублены левыми эсерами). Эсеры и объявили Советской власти гражданскую войну, а подполковник В.О. Каппель был их первым командиром (его недавно перезахоронили с воинскими почестями и хоругвями как якобы монархиста).

Большевики ушли от марксизма не только в том, что исходили из иной картины мироустройства, осознали природу капиталистической системы «центр — периферия» и цивилизационный смысл русской революции. Они ушли и от присущего марксизму *механицизма* во взглядах на исторический процесс. Они мыслили уже в понятиях перехода «порядок — хаос — порядок» и верно оценивали значение *момента* и *движения*. Помимо верной оценки движущих *сил* русской революции они умело действовали в «точках бифуркации», в моменты неустойчивых равновесий.

Благодаря организующему действию большевиков Советам удалось прийти к власти на волне самой Февральской революции, пока не сложился новый государственный порядок, пока все было на распутье и люди находились в ситуации выбора, но уже угас оптимизм и надежды на то, что Февраль ответит на чаяния подавляющего большинства населения — крестьян.

Это удалось потому, что в России в отличие от марксистской теории классовой революции была создана теория революции, *предотвращающей* разделение на классы. Для крестьянских стран эта революция была средством спасения от втягива-

ния страны в периферию западного капитализма. Там в России, где победили силы, стремящиеся стать «частью Запада», они выступали против Советской революции, даже и под красным знаменем социализма.

В работе В.И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», написанной в 1916 г. в Цюрихе и напечатанной в середине 1917 г. в Петрограде, развивается представление о судьбе периферийных стран мировой системы, преодолевающее главные догмы марксизма. В дополнение к отходу от марксистских представлений о крестьянстве «Империализм...» стал необходимым блоком для выработки учения об антикапиталистической революции «*в одной стране*» — вне зависимости от участия в ней пролетариата развитых капиталистических стран. Таким образом, «Империализм...» является текстом, представляющим ядро **ленинизма** как новой теории революции.

Из приведенных в «Империализме...» данных об изъятии Западом ресурсов периферии следует, что рабочий класс промышленно развитых стран Запада **не является** революционным классом. В.И. Ленин приводит исключительно красноречивые рассуждения идеологов империализма (например, Сесилия Родса) о том, что разрешение социальных проблем в самой метрополии было едва ли не важнейшей целью эксплуатации зависимых стран («Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами»). Эту проблему Запад успешно решил — его «низшие классы» оказались подкупленными в достаточной мере, чтобы оставаться спокойными, что подтверждается цитатами из текстов как буржуазных экономистов, так и западных социал-демократов. Таким образом, и на практике эксплуатация рабочих была дополнена (а скорее, даже замещена) эксплуатацией народов, а *классовая борьба* заменена *борьбой народов*.

Пожалуй, самой сильной иллюстрацией к этой теме служат приведенные Лениным высказывания самого Энгельса. Так, 7 октября 1858 г. (!) он писал Марксу: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно». И это представление Энгельса, сложившееся к 1858 г., вполне устойчиво. 12 сентября 1882 г. он

пишет Каутскому, что «рабочие преспокойно пользуются вместе с ними [буржуазией] колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке».

Значит, неверно, что лишь мировая пролетарская революция, начатая в западных странах, может стать мотором освобождения народов от капиталистической эксплуатации. Отказ от этого постулата был важным шагом в создании ленинской теории революции. Из него прямо следовала установка большевиков, что уповать на пролетарскую революцию в метрополии капитализма не приходится, а революция в странах периферийного капитализма, к которым относилась и Россия, неизбежно приобретала не только антикапиталистический, но и национально-освободительный характер борьбы против гнета иностранного капитала. Впоследствии ленинская теория революции получила развитие на опыте подобных революций в других крестьянских странах.

Ортодоксальные марксисты (П.Б. Аксельрод, В. Засулич, Г.В. Плеханов) посчитали, что в феврале главная задача русской революции, поставленная К. Марксом и Ф. Энгельсом, выполнена. А с реакционной советской революцией надо бороться. Эта часть марксистов стала антиленинцами и заняла антисоветскую позицию — в точном соответствии с теми заветами, которые Маркс и Энгельс сформулировали в 1870—1880 гг.

Чистым случаем можно считать политику *меньшевиков*, которые пришли к власти в Грузии. Руководил ими талантливый марксист Н.Н. Жордания, в прошлом член ЦК РСДРП (кстати, как и И.В. Сталин, исключенный из духовной семинарии). В отличие от меньшевиков в России, Н.Н. Жордания в Грузии убедил партию не идти на коалицию с буржуазией, а взять власть самим. Сразу была образована Красная гвардия из рабочих, она разоружила солдатские Советы, которые поддерживали большевиков (в этих Советах русские были в большинстве). В феврале 1918 г. эта Красная гвардия подавила демонстрацию большевиков в Тифлисе. Для защиты от турок меньшевики призвали на помощь немецкую армию, а потом и британскую.

При этом внутренняя политика правительства Н.Н. Жордания была *социалистической*. В Грузии была проведена стремительная аграрная реформа — земля помещиков конфискована без выкупа и продана в кредит крестьянам. Затем были нацио-

нализированы рудники и почти вся промышленность (по найму у частных собственников к 1920 г. в Грузии работало всего 19% занятых). Была введена монополия на внешнюю торговлю.

Таким образом, возникло типично социалистическое правительство под руководством марксистской партии, которое было непримиримым врагом Октябрьской революции. И это правительство вело войну против большевиков. Н.Н. Жордания объяснил это в своей речи 16 января 1920 г. так: «Наша дорога ведет к Европе, дорога России — к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империализма. Поэтому я должен сказать со всей решительностью: я предпочту империализм Запада фанатикам Востока!».

Другим примером может служить Юзеф Пилсудский, ставший диктатором Польши и начавший, под давлением Антанты, войну против Советской России в 1920 г. Он был революционером и социалистом, поклонником Ф. Энгельса, руководителем Польской социалистической партии. Но главным пунктом в его политической программе была «глубокая ненависть к России». Он был сослан по тому же делу о подготовке покушения, по которому был казнен брат Ленина — Александр Ульянов. Находясь в ссылке в Сибири, Ю. Пилсудский, по его признанию, «вылечился от остатков тогдашнего русского влияния, очистился для западноевропейского влияния». В 1895 г. он написал брошюру «Россия», в которой говорит почти дословно то же самое, что говорили наши демократы спустя сто лет, в начале 90-х годов XX в.

Суть Октября как *цивилизационного* выбора отметили многие левые идеологи России и Европы. Лидер эсеров В.М. Чернов считал это воплощением «фантазий народников-максималистов», лидер Бунда М.И. Либер (Гольдман) видел корни стратегии Ленина в славянофильстве, на Западе сторонники К. Каутского определили большевизм как «*азиатизацию* Европы». Стоит обратить внимание на это настойчивое повторение идеи, будто советский проект и представлявшие его большевики были силой *Азии*, в то время как и либералы-кадеты, и даже марксисты-меньшевики считали себя силой *Европы*. Они подчеркивали, что их столкновение с большевиками представляет собой *войну цивилизаций*.

Конфликт этого типа вновь стал назревать с 60-х годов XX в. уже в новых поколениях и сильно изменившемся обществе.

Глава 2

ГЕНЕЗИС СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА

Аграрная цивилизация. Традиционное общество. Община

В XVIII в. на Западе вошло в обиход слово «цивилизация». Цивилизацией называли общество, основанное на разуме и справедливости. Словом «цивилизация» стали обозначать *стадию развития* общества, следующую за дикостью и варварством. Старое понятие «христианский мир» стало малоупотребительным, оно выполняло свои функции, пока свою политическую и культурную объединительную роль играла Священная Римская империя, скрепленная католичеством и латинским языком. После Реформации и религиозных войн понятие «христианский мир» в большой мере утратило свою эффективность. На смену ему почти повсеместно пришло понятие «Европа».

В начале XIX в. в ходе становления мировой колониальной системы возникла «этноисторическая концепция цивилизаций», согласно которой у каждого народа — своя цивилизация. Позже стало развиваться понятие «*локальные цивилизации*». Одной из таких локальных цивилизаций была Россия (восточнохристианская, или евразийская цивилизация). После победы над Наполеоном этот статус России был принят и на Западе, и в самосознании образованного слоя самой России.

В России начала XX в. западники и славянофилы, монархисты и либералы, большевики и меньшевики, эсеры и анархисты мыслили о стране и ее будущем в понятиях цивилизации. Их программы, направленные, казалось, на разрешение чисто социальных и политических противоречий, на деле представляли собой разные *цивилизационные проекты*. Результатом их сопоставлений, столкновений и синтеза стал *советский проект*. Не употребляя понятийный аппарат цивилизационного подхода, мы упускаем многие стороны реальности.

Эти понятия были для российского самосознания столь актуальны, что сам цивилизационный подход начал интенсивно разрабатываться именно в России. В трудах Н.Я. Данилевского были предложены признаки и критерии для выделения и раз-

личения «локальных цивилизаций», введены представления о *культурно-историческом типе* как носителя главных черт той или иной цивилизации (его основной труд «Россия и Европа» был написан в 1869 г.)¹. Эти идеи затем, в XX в., развивались в трудах О. Шпенглера, А. Тойнби и П.А. Сорокина.

Траектория развития Запада как цивилизации неповторима. В становлении его важным фактором была новая антропологическая модель. На уровне религиозного сознания главное изменение в представлении о человеке на Западе произвела протестантская Реформация в Европе. Она отвергла идею коллективного спасения души, религиозное братство людей. Именно эта идея и соединяла ранее людей в христианстве: все люди — братья во Христе, он *за всех нас* пошел на крест. На Западе, напротив, возник религиозно обоснованный *индивидуализм*. Это общество возникло на идее *предопределенности*. В кальвинизме, который дал религиозное оправдание капитализму, люди изначально разделены на *избранных* и *отверженных*.

Вот фундаментальное утверждение кальвинистов (1609 г.): «Хотя и говорят, что Бог послал сына своего для того, чтобы искупить грехи рода человеческого, но не такова была его цель: он хотел спасти от гибели лишь немногих. И я говорю вам, что Бог умер лишь для спасения избранных» [25, с. 213].

Это значило, что люди изначально не равны, а делятся на меньшинство, избранное к спасению души, и тех, кому предназначено вечно страдать в геенне, — *отверженных*. Видимым признаком избранности стало *богатство*. Бедность была ненавистна как симптом отверженности, людей соединяли не любовь и сострадание, а ненависть и стыд. М. Вебер поясняет, что дарованная избранным милость требовала от них «не снисходительности к грешнику и готовности помочь ближнему... а ненависти и презрения к нему как к врагу Господню» [25, с. 157].

В ходе Реформации, Просвещения и буржуазных революций возникло и новое рациональное представление о человеке — *свободный индивид*. *Ин-дивид* — это перевод на латынь греческого слова *α-том*, что по-русски означает *неделимый*. Человек стал атомом человечества — свободным, неделимым, в непре-

¹ Конечно, в среде образованных людей влияние западников явно преобладало. Работа Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» была издана в Петербурге в 1871 г. тиражом 1200 экземпляров. К моменту смерти автора в 1885 г. тираж так и не был распродан.

рывном движении и соударениях. При этом каждый имел в частной собственности свое *тело*. Оно стало самым исходным, первичным элементом частной собственности, и в обладании ею все были равны. В России сам смысл понятия «индивид» широкой публике даже до сих пор неизвестен — это слово воспринимается как синоним слова «личность», что неверно.

Философское основание западного общества сформулировал в XVII в. Т. Гоббс. У него сосуществование индивидов в обществе определяется их исходным равенством. Но в отличие от равенства людей, как братьев во Христе, у Т. Гоббса «равными являются те, кто в состоянии нанести друг другу одинаковый ущерб во взаимной борьбе». Равенство людей-«атомов» предполагает здесь не любовь и солидарность, а войну: «хотя блага этой жизни могут быть увеличены благодаря взаимной помощи, они достигаются гораздо успешнее подавляя других, чем объединяясь с ними» [42, с. 303].

Когда средневековая Европа превращалась в современный Запад, произошло освобождение человека от связывающих его солидарных, общинных человеческих связей. Капитализму был нужен человек, свободно передвигающийся и вступающий в отношения купли-продажи на рынке рабочей силы. Поэтому *община* (крестьянская или ремесленная) была врагом буржуазного общества и его культуры.

Понятие «индивид» развивалось на протяжении четырех веков философами, вплоть до Поппера и фон Хайека, и самыми разными школами политэкономии, социологии, антропологии, поведенческих наук и даже психоанализа. В России своя, идущая от православия, антропологическая модель — человек как *соборная личность* — оформилась в конце XIX в. в трудах философов-немарксистов (П. Хомяков, К. Леонтьев, Вл. Соловьев).

Создание капитализма как основного уклада жизни целой цивилизации стало великой программой многих народов Европы. Авангардом ее были голландцы, фризцы и англичане, но каждый народ внес в это строительство свое: и в дебаты и войны Реформации и буржуазных революций, и в Великие географические открытия и завоевания колоний, и в создание науки, техники и фабрики для индустриальной революции.

К. Полани, описывая процесс становления капитализма в Западной Европе, отмечал, что речь шла о «*всенародной стройке*», что главные идеи нового порядка были приняты *народом*.

Он писал: «Слепая вера в стихийный процесс овладела сознанием масс, а самые «просвещенные» с фанатизмом религиозных сектантов занялись неограниченным и нерегулируемым реформированием общества. Влияние этих процессов на жизнь народов было столь ужасным, что не поддается никакому описанию. В сущности, человеческое общество могло погибнуть, если бы предупредительные контрмеры не ослабили действия этого саморазрушающегося механизма» [160, с. 314].

Как известно, Запад в этом катаклизме не погиб, а вышел из него как могучая, энергичная цивилизация с ненасытной жадой экспансии. Она проявилась прежде всего в торговле и войне. О. Шпенглер так излагает культурные корни английского капитализма: «Английская хозяйственная жизнь фактически тождественна с торговлей, с торговлей постольку, поскольку она представляет культивированную форму разбоя. Согласно этому инстинкту все превращается в добычу, в товар, на котором богатеют... Властное слово “свободная торговля” относится к хозяйственной системе викингов. Становится понятен Адам Смит с его ненавистью к государству и к “коварным животным, которые именуются государственными людьми”. В самом деле на истинного торговца они действуют, как полицейский на взломщика или военное судно на корабль корсаров» [194, с. 78—80].

В России разрыва общинных связей и стоящих за ними связей религиозного братства не произошло, воздействие капитализма запоздало. Российская социальная философия (как православная, так и либеральная, а позже советская) вообще считала концепцию индивида некорректной, поскольку личности вне общества просто не существует. Общество и личность связаны нераздельно и *создают друг друга*. В антропологической модели, развитой в России, человек всегда включен в солидарные группы (семьи, деревенской и церковной общины, трудового коллектива). Обыденным выражением этой антропологии служит девиз: «Один за всех, все за одного».

Отрицание индивидуализма было одним из важнейших культурных устоев России как цивилизации, что и предопределило общий духовный кризис, возникший при вторжении западного капитализма в конце XIX — начале XX в. Н.А. Бердяев в книге «Самопознание (Опыт философской автобиографии)» писал: «У нас совсем не было индивидуализма, характерного для европейской истории и европейского гуманизма, хотя для нас

же характерна острая постановка проблемы столкновения личности с мировой гармонией (Белинский, Достоевский). Но коллективизм есть в русском народничестве — левом и правом, в русских религиозных и социальных течениях, в типе русского христианства. Хомяков и славянофилы, Вл. Соловьев, Достоевский, народные социалисты, религиозно-общественные течения XX века, Н. Федоров, В. Розанов, В. Иванов, А. Белый, П. Флоренский — все против индивидуалистической культуры, все ищут культуры коллективной, органической, «соборной», хотя и по-разному понимаемой» [цит. по 41, с. 167].

Уже сравнение условий России и Запада объясняет, почему динамика и формы ее культурного и хозяйственного развития кардинально отличались от западных. Мы не можем здесь рассматривать всю совокупность природных факторов, влияющих на выбор форм хозяйства. Этому посвящена обширная литература XIX и XX вв.

Само *пространство* заставляло в России принять хозяйственный строй, очень отличный от западного. В России из-за обширности территории и низкой плотности населения транспортные издержки в цене продукта составляли в конце XIX в. 50%, а транспортные издержки во внешней торговле были в 6 раз выше, чем в США. На внутреннем рынке России торговля всегда была торговлей на «*дальние расстояния*». В 1896 г. средние пробеги важнейших массовых грузов по внутренним водным путям превышали 1000 км. Средний пробег по железной дороге в тот год составил: по зерну 638 км, по углю — 360 и по керосину — 945 км [160, с. 317].

Условия пространства, расстояний, транспортной сети и плотности населения на Западе, подробно описанные Ф. Броделем [19], отличаются от условий России просто разительно (первая глава второго тома его книги называется «Пространство, враг номер один»).

Второй неустранимый фактор — почвенно-климатические условия. Возьмем сравнительно хорошо описанное в истории время с X по XIX в. В этот период практически все богатство России создавалось сельскохозяйственным трудом крестьянства. Запад с XVI в. начал уже эксплуатацию колоний, но и в Западной Европе сельское хозяйство играло огромную роль. Сравним условия земледелия и главный показатель этого хозяйства — урожайность зерновых на Западе и в России.

В XIV в. в Англии и Франции поле вспахивали 3—4 раза, в XVII в. — 4—5 раз, в XVIII в. рекомендовалось производить до 7 вспашек. Это улучшало структуру почвы и избавляло ее от сорняков. Главными условиями для такого возделывания почвы были мягкий климат и стальной плуг, введенный в оборот в XIV в. Возможность пасти скот практически круглый год и высокая биологическая продуктивность лугов позволяли держать большое количество скота и обильно удобрять пашню (во многих местах имелась даже официальная должность инспектора за качеством навоза).

А вот что пишет об условиях России академик Л.В. Милов: «Главным же и весьма неблагоприятным следствием нашего климата является короткий рабочий сезон земледельческого производства. Так называемый беспашенный период, когда в поле нельзя вести никакие работы, длится в средней полосе России семь месяцев. В таких европейских странах, как Англия и Франция, “беспашенный” период охватывал всего два месяца (декабрь и январь).

Столетиями русский крестьянин для выполнения земледельческих работ (с учетом запрета на труд по воскресеньям) располагал примерно 130 сутками в год. Из них около 30 суток уходило на сенокос. В итоге одנותягловый хозяин с семьей из четырех человек имел для всех видов работ на пашне (исключая обмолот снопов) лишь около 100 суток. В расчете на десятину (около 1 га) обычного крестьянского надела это составляло 22—23 рабочих дня (а если он выполнял полевую барщину, то почти вдвое меньше).

Налицо колоссальное различие с Западом. Возможность интенсификации земледелия и сам размер обрабатываемой пашни на Западе были неизмеримо больше, чем в России. Это и 4—6-кратная пахота, и многократное боронование, и длительные “перепарки”, что позволяло обеспечить чистоту всходов от сорняков, достигать почти идеальной рыхлости почвы и т.д.

В Парижском регионе затраты труда на десятину поля под пшеницу составляли около 70 человеко-дней. В условиях российского Нечерноземья земледелец мог затратить на обработку десятины земли всего 22—23 дня. Значит, если он стремился получить урожай на уровне господского, то должен был выполнить за 22—23 дня объем работ, равный 40 человеко-дням, что было невозможно даже путем чрезвычайного напряжения сил всей семьи, включая стариков и детей...

По нормам XIX в. для ежегодного удобрения парового клина нужно было иметь 6 голов крупного скота на десятину пара [т.е. 12 голов на средний двор. — С.К.-М.]. Поскольку стойловое содержание скота на основной территории России было необычайно долгим (198—212 суток), то, по данным XVIII—XIX вв., запас сена должен был составлять на лошадь — 160 пудов, на корову — около 108 пудов, на овцу — около 54 пудов... Однако заготовить за 20—30 суток сенокоса 1244 пуда сена для однопашного крестьянина пустая фантазия... Факты свидетельствуют, что крестьянская лошадь в сезон стойлового содержания получала около 75 пудов сена, корова, наравне с овцой, — 38 пудов. Таким образом, вместо 13 кг в сутки лошади давали 6 кг, корове вместо 8 или 9 кг — 3 кг и столько же овце. А чтобы скот не сдох, его кормили соломой. При такой кормежке удобрений получалось мало, да и скот часто болел и издыхал» [115].

Какова же была урожайность на Западе и в России? Ф. Бродель приводит множество документальных сведений. «В имениях Тевтонского ордена в Пруссии урожайность пшеницы с 1550 г. по 1695 г. доходила до 8,7 ц/га, в Брауншвейге была 8,5 ц/га, в хороших хозяйствах во Франции с 1319 по 1327 г. пшеница давала урожаи от 12 до 17 ц/га (средний урожай сам-восемь). В 1605 г. французский обозреватель сельского хозяйства писал о средних урожаях: "Хозяин может быть доволен, когда его владение приносит ему в целом, с учетом плохих и хороших лет, сам-пять — сам-шесть"» [20, с. 135].

В целом по Англии дается такая сводка урожайности зерновых: 1250—1499 гг. — 4,7:1; 1500—1700 гг. — 7:1; 1750—1820 гг. — 10,6:1. Такие же урожаи были в Ирландии и Нидерландах, чуть меньше во Франции, Германии и Скандинавских странах. Итак, с XIII по XIX в. они выросли от *сам-пять* до *сам-десять*.

Какие же урожаи были в России? Читаем у Л.В. Милова: «В конце XVII в. на основной территории России преобладали очень низкие урожаи. В Ярославском уезде рожь давала от сам-1,0 до сам-2,2. В Костромском уезде урожайность ржи колебалась от сам-1,0 до сам-2,5. Более надежные сведения об урожайности имеются по отдельным годам конца XVIII в.: это сводные погубернские показатели. В Московской губернии в 1788, 1789, 1793 гг. средняя по всем культурам урожайность составляла сам-2,4; в Костромской (1788 г., 1796 г.) — сам-2,2; в Тверской (1788—1792 гг.) средняя по ржи — сам-2,1; в Новгородской — сам-2,8».

Мы видим, что разница колоссальная — в России на пороге XIX в. урожай сам-2,4! В 4 раза ниже, чем в Западной Европе. Надо вдуматься и понять, что эта разница, из которой и складывалось «собственное» богатство Запада (т.е. полученное не в колониях, а на своей земле), накапливалась **год за годом в течение тысячи лет**. Величина этого преимущества с трудом поддается измерению.

А ведь и крестьянин, и лошадь в России работали впроголодь. Как пишет Л.В. Милов, в Древнем Риме, по свидетельству Катона Старшего, рабу давали в пищу на день 1,6 кг хлеба (т.е. 1 кг зерна). У русского крестьянина суточная норма *собранного* зерна составляла 762 г. Но из этого количества он должен был выделить зерно «на прикорм скота, на продажу части зерна с целью получения денег на уплату налогов и податей, покупку одежды, покрытие хозяйственных нужд».

Как известно, Запад делал инвестиции для строительства дорог и мостов, заводов и университетов главным образом за счет колоний. У России колоний не было, источником инвестиций было то, что удавалось выжать из крестьян. Насколько прибыльным было их хозяйство?

Л.В. Милов пишет: «На этот счет есть весьма выразительные и уникальные данные о себестоимости зерновой продукции производства, ведущегося в середине XVIII в. в порядке исключения с помощью вольнонаемного (а не крепостного) труда. Средневзвешенная оценка всех работ на десятине (га) в двух полях и рассчитанная на массиве пашни более тысячи десятин (данные по Вологодской, Ярославской и Московской губерниям) на середину века составляла 7 руб. 60 коп. Между тем в Вологодской губернии в это время доход достигал в среднем 5 руб. с десятины при условии очень высокой урожайности. Следовательно, затраты труда в 1,5 раза превышали доходность земли... Взяв же обычную для этих мест скудную урожайность (рожь сам-2,5, овес сам-2), мы столкнемся с уровнем затрат труда, почти в 6 раз превышающим доход» [114].

Понятно, что в этих условиях ни о каком капитализме речи и быть не могло. Организация хозяйства могла быть только крепостной, общинной, а затем колхозно-совхозной. Только когда в условиях планового хозяйства и крупных сельскохозяйственных предприятий, как общее дело всего народного хозяйства, смогли перейти от трехпольного земледелия к интенсивным много-

польным севооборотам, некоторые отрасли сельского хозяйства стали в России прибыльными.

Л.В. Милов делает вывод: «Общий итог данного обзора можно сформулировать так: практически на всем протяжении своей истории земледельческая Россия была социумом с минимальным совокупным прибавочным продуктом. Поэтому, если бы Россия придерживалась так называемого эволюционного пути развития, она никогда не состоялась бы как великая держава...

И в новейший период своей истории... в области аграрного производства Россия остается в крайне невыгодной ситуации именно из-за краткости рабочего периода на полях. По той же причине российский крестьянин лишен свободы маневра, компенсировать которую может только мощная концентрация техники и рабочей силы, что, однако, с необходимостью ведет к удорожанию продукции... В значительной мере такое положение сохраняется и поныне. Это объективная закономерность, которую человечество пока не в состоянии преодолеть»[114].

Важнейшим для России институтом, в символической форме воплощающим тип семейных отношений, была община. Она сложилась в России под сильным влиянием православного мироощущения и православной антропологии и просуществовала тысячу лет, наложив глубокий отпечаток на всю национальную культуру.

Русский народ, выражаясь словами А.С. Панарина, «оказывается хранителем общинного сознания в эпоху, когда общинность репрессирована политически, экономически и идеологически. В этом смысле народ оказался великим подпольщиком современного гражданского общества» [134, с. 241].

Именно община с ее уравнильным укладом позволила «великорусскому пахарю» освоить огромную зону рискованного земледелия и обеспечить своим трудом и воинской повинностью создание великой державы со всеми необходимыми институтами. Общинный уклад позволил крестьянскому двору организовать хозяйство «ради жизни» (а не ради наживы) — по типу хозяйства семьи (а не рынка)¹. Семейное хозяйство, основанное

¹ Уже Аристотель сформулировал основные различия между двумя типами хозяйства. Одно из них — *экономика* (натуральное хозяйство), что означает «ведение дома», материальное обеспечение экоса (дома) или полиса (города). Это производство и коммерция в целях удовлетворения потребностей, оно не обязательно сопряжено с рынком и движением денег. Другой тип — *хрематистика*

на соединении ресурсов, а не их купле-продаже, исключительно эффективно для определенного класса целей. Полная замена его рыночными отношениями невозможна, так как оказывается, что ни у одного члена семьи не хватило бы денег расплатиться по рыночным ценам с другими членами семьи за их вклад¹.

На большом международном семинаре в 1995 г., посвященном проблеме голода, историк В.В. Кондрашин говорил: «Страх перед голодом был одной из причин консолидации российского крестьянства в рамках традиционной поземельной общины. В течение столетий в условиях налогового гнета государства, помещичьей кабалы община обеспечивала минимальное приложение сил трудовых своих членов, удерживала массу крестьянских хозяйств от разорения. В общине традиционно была взаимоподдержка крестьян в случае голода. Общественным мнением была освящена помощь в деле спасения от голода слабейших крестьянских семей... Надо сказать, что хроническое недоедание крестьян [в пореформенный период] создавало в России социальную базу для большевизма и распространения уравнилельных коммунистических идей...

К концу XIX в. масштабы неурожаяев и голодных бедствий в России возросли... В 1872—1873 и 1891—1892 гг. крестьяне безропотно переносили ужасы голода, не поддерживали революционные партии. В начале XX в. ситуация резко изменилась. Обнищание крестьянства в пореформенный период вследствие непомерных государственных платежей, резкого увеличения в конце 90-х годов XIX в. арендных цен на землю... — все это поставило массу крестьян перед реальной угрозой пауперизации, раскрестьянивания... Государственная политика по отношению к деревне в пореформенный период... оказывала самое непосредственное влияние на материальное положение крестьянства и наступление голодных бедствий» [88].

Историки отмечают, что под воздействием развития капитализма в российском обществе происходили разнонаправленные процессы. Так, старообрядческие общины стали передавать

(рыночная экономика). Она нацелена на накопление богатства вне зависимости от его использования. Каждой цивилизации присущи разные конфигурации соотношений и взаимодействия между этими двумя «чистыми» типами хозяйства.

¹ Проведенный недавно расчет показал, что средняя американская домохозяйка «производит и поставляет» своей семье услуги, которые на рынке стоили бы около 100 тыс. долларов в год.

своим энергичным членам общинные деньги для ведения предпринимательства — сначала торгового, позже промышленного. К 1917 г. большинство отечественных промышленников составляли старообрядцы и их дети. Иначе пошло дело у крестьян.

И. Ионов пишет об этом: «Однако история России знает и *обратную* социокультурную инверсию, своего рода реакцию на процесс вестернизации и модернизации. Ее результатом стало развитие традиционалистских настроений и взглядов. Наиболее ярким фактом, демонстрирующим этот процесс, был рост стремления к уравнительности у русского крестьянства центральных губерний в 1870—1900 гг. в ходе его втягивания в товарно-денежные отношения и развития социального расслоения в деревне, зафиксированного статистикой. Вместо того чтобы стремиться обогатиться за счет других крестьян, расширить свой надел, выйти из общины, крестьяне именно тех губерний, где были сильно развиты отходничество и товарно-денежные отношения, стремились к укреплению общины, к переходу от менее уравнительных (по числу работников) к более уравнительным (по едокам) переделам земли, предотвращавшим дальнейшее расслоение и ослабление общины. В Московской губернии число таких общин за указанный период возросло в 3 раза (до 77%), во Владимирской — в 5 раз (до 94%), в Саратовской — в 41 раз (до 41%)» [71].

В крестьянской поземельной общине сложилась стройная система нравственных норм и своя система права, которые к началу XX в. соединили всю сеть общин на территории Российской империи в дееспособное гражданское общество, собранное на иных основаниях, нежели на Западе. Социолог У.Р. Каттон (США) приводит такую историю: «В 1921 г. голодную общину на Волге посетил корреспондент американской газеты, собиравший материалы о России. Почти половина общины уже умерла с голоду. Смертность продолжала возрастать, и у оставшихся в живых не было никаких шансов выжить. На близлежащем поле солдат охранял огромные мешки с зерном. Американский корреспондент спросил у пожилого лидера общины, почему его люди не разоружат часового и не заберут зерно, чтобы утолить голод. Старик с достоинством отвечал, что в мешках находятся зерна для посева на следующий год. “Мы не крадем у будущего”, — сказал он» [79].

Община была защитным механизмом, позволявшим пережить бедствия, которыми была полна история России, вызванные и природными, и социальными катастрофами (неурожая-

ми, войнами, революциями и реформами). В общинных («традиционных») обществах не допускалась глубокая бедность как социальное явление — кусок хлеба полагался всем. Такая бедность возникла лишь в «современном» обществе Запада (обществе *модерна*).

Французский историк Ж. Дюби так описывал болезненный переход от традиционного уклада к городской жизни Нового времени: «В городе добивались успеха не все. Городское богатство было приключением, везеньем, т.е. нестабильностью. В игре одни выигрывали, другие теряли. На новом социальном пространстве возникало небывалое, сотрясающее душу явление — нищета в неравенстве. Уже не та нищета, что обрушивалась поровну на всю общину, как при голоде в тысячном году. А нищета одного, отдельного человека. Она была возмутительна, потому что соседствовала с неслыханным богатством» [178, с. 138].

Новое, буржуазное, общество приняло бедность части населения и на уровне обыденных житейских обычаев и установок, и на уровне социальной философии. Как писал Ф. Бродель об изменении отношения к бедным, «эта буржуазная жестокость безмерно усилится в конце XVI в. и еще более в XVII в.». Он приводит такую запись о порядках в европейских городах: «В XVI в. чужака-нищего лечат или кормят перед тем, как выгнать. В начале XVII в. ему обривают голову. Позднее его бьют кнутом, а в конце века последним словом подавления стала ссылка его в каторжные работы» [20, с. 92].

Установление рыночной экономики впервые в истории породило государство, которое сознательно сделало голод средством политического господства. К. Поланьи в своей книге об истории возникновения рыночной экономики «Великая трансформация» отмечает, что, когда в Англии в XVIII в. готовились новые *Законы о бедных*, философ и политик лорд Таунсенд писал: «Голод приручит самого свирепого зверя, обучит самых порочных людей хорошим манерам и послушанию. Вообще, только голод может уязвить бедных так, чтобы заставить их работать. Законы установили, что надо заставлять их работать. Но закон, устанавливаемый силой, вызывает беспорядки и насилие. В то время как сила порождает злую волю и никогда не побуждает к хорошему или приемлемому услужению, голод — это не только средство мирного, неслышного и непрерывного давления, но также и самый естественный побудитель к труду и старательности.

Раба следует заставлять работать силой, но свободного человека надо предоставлять его собственному решению»¹.

А в России еще «Домострой» учил: «И нищих, и малоимущих, и бедных, и страдающих приглашай в дом свой и как можешь накорми, напои, согрей, милостыню дай». Модернизация лишь придала этому порядку слабый европейский оттенок: Александр I в указе 1809 г. повелел бродяг отправлять к месту жительства «безо всякого стеснения и огорчения» самим бродягам. В северных деревнях дома даже имели специальные приспособления в виде желоба. Нищий стучал клюкой в стену, подставлял мешок, и по желобу ему сбрасывали еду. Устройство находилось на тыльной стороне дома, вдали от окон — «чтобы бедный не стыдился, а богатый не гордился» [150].

В России «право на жизнь» всегда было *естественным* правом. Человек, просто потому что он родился в общине и был «один из нас», имел право на жизнь, а значит, на некоторый минимум благ². Поэтому так болезненно и было воспринято вторжение западного капитализма, в результате которого с конца XIX в. стали происходить голодные бедствия как социальное, а не стихийное явление. Российское сословное общество и государство стали отходить от патернализма, перестали признавать *право на жизнь*, что и завершилось революцией³.

Говоря о русской культуре, Н.А. Бердяев отмечает важную особенность: «Русские суждения о собственности и воровстве

¹ Эта утрата культуры солидарности осознается и переживается на Западе. Ф. фон Хайек, идейный основатель современного неолиберализма, писал: «Всенародная солидарность со всеобъемлющим этическим кодексом или с единой системой ценностей, скрыто присутствующей в любом экономическом плане, — вещь неведомая в свободном обществе. Ее придется создавать с нуля» [183]. Таким образом, на Западе, по мнению философов неолиберализма, ликвидировали «всенародную солидарность до нуля» — а теперь ее придется «создавать с нуля». Сейчас мы видим, как это сложно: ВВП сокращается на 0,5%, в результате половина молодежи становится безработной, но растет число миллиардеров.

² В «Письмах из деревни» А.Н. Энгельгардт подробно описывает правила и ритуалы подаяния крестьянам, которые при неурожаях шли от деревни к деревне «в куски» — уже в 80-е годы XIX в.

³ Белинский писал Боткину в 1847 г. из Европы, куда он приехал впервые в жизни: «Только здесь я понял ужасное значение слов *пауперизм* и *пролетариат*. В России эти слова не имеют смысла. Там бывают неурожай и голод местами... но нет бедности... Бедность есть безвыходность из вечного страха голодной смерти. У человека здоровые руки, он трудолюбив и честен, готов работать — и для него нет работы: вот бедность, вот пауперизм, вот пролетариат!» [11].

определяются не отношением к собственности как социальному институту, а отношением к человеку... С этим связана и русская борьба против буржуазности, русское неприятие буржуазного мира... Для России характерно и очень отличает ее от Запада, что у нас не было и не будет значительной и влиятельной буржуазной идеологии» [14].

Развитие капитализма в России побудило крестьянство и значительную часть всех других сословий искать альтернативный проект будущего — не только из-за угрозы социальных бедствий, но и по духовным (даже религиозным) причинам. Так, миллионы людей стали обдумывать тот образ будущего, который в 1917 г. получил имя *советский*.

Апокалиптика и хилиазм

Для выработки больших проектов, устремленных в будущее, необходим поток сообщений особого типа — *Откровений*. «Откровение» тайн будущего (*апокалиптика*) изначально и поныне является столь важной частью общественной жизни, что, по выражению немецкого философа, «апокалиптическая схема висит над историей».

Классификация типов знания для предвидения будущего сложилась в религиозной мысли. Пророки, отталкиваясь от злободневной реальности, задавали путь ее движения в очень отдаленное будущее, объясняли судьбы народов и человечества. *Пророчество* как способ построения образа будущего не утратило своего значения и в наши дни. В переломные периоды это проявляется наглядно, достаточно вспомнить роль Маркса, который, судя по структуре своего учения, был прежде всего пророком.

«Внизу», в массе, будущее предсказывают прорицатели разного типа. Они не претендуют на то, чтобы услышать Откровение, а дают *трактовку* прежних пророчеств. Предсказания и прогнозы такого рода — необходимый ресурс революций, войн, катастрофических реформ. Почему «откровения», стоящие на столь зыбком фундаменте, так востребованы во все времена? Потому что они задают путь, который, как верят люди, приведет их к светлому будущему. И вера эта становится духовным и политическим ресурсом — люди прилагают усилия и даже несут большие жертвы, чтобы удержаться на указанном пути.

Поэтому прогнозы и имеют повышенный шанс сбыться, хотя изменчивость условий и многообразие интересов множе-

ства людей, казалось бы, должны были разрушить слабые стены указанного прорицателем коридора. Чтобы «откровение» стало движущей силой общественных процессов, оно должно включать в образ будущего *свет надежды*. Пророчеству, собирающему людей (в народ, в партию, в класс или государство), всегда присущ *хилиазм* — идея тысячелетнего Царства добра, выраженная в символической религиозной форме¹. Она зародилась как *ересь* еще в общинах ранних христиан, веривших в возможность построения Царства Божия на земле.

Мобилизующая сила хилиазма колоссальна. По словам С.Н. Булгакова (в молодости марксиста, а позже православного философа), хилиазм «есть живой нерв истории, — историческое творчество, размах, энтузиазм связаны с этим хилиастическим чувством... Практически хилиастическая теория прогресса для многих играет роль имманентной религии, особенно в наше время с его пантеистическим уклоном» [20].

В создании образа будущего надежда на избавление сопровождается *эсхатологическими* мотивами (предчувствием преображения мира). К Царству добра ведет трудный путь борьбы и лишений, гонений и поражений, возможно, катастрофа Страшного суда (например, в виде революции — «и последние станут первыми»). Будучи предписанными в пророчестве, тяготы пути не подрывают веры в неизбежность обретения рая, а лишь усиливают ее. В революционной лирике этот мотив очень силен.

Поэт Валерий Брюсов, свидетель и мыслитель революции, патриарх русского символизма и художественный идеолог крупной буржуазии, на склоне лет вступивший в коммунистическую партию, написал:

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в поражения, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром — Серп и Молот.

Дни просияют маем небывалым,
Жизнь будет песней; севом злато-алым
На всех могилах прорастут цветы.

¹ Хилиазм (от греч. *chilias* — тысяча) — одно из наименований миллениаристских движений, исходящих из веры в возвращении Мессии через тысячу лет.

Пусть пашни черны; веет ветер горный;
Поют, поют в земле святые корни,—
Но первой жатвы не увидишь ты.

Образ будущего задает народу «стрелу времени» и включает народ в *историю*. Он соединяет прошлое, настоящее и будущее, скрепляет цепь времен. Культура России пережила почти вековой подъем апокалиптики, замечательно выраженной в трудах политических и православных философов, в приговорах и наказах крестьян, в литературе Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и М. Горького, в поэтической форме стихов, песен и романсов Серебряного века и 20-х годов XX в.

Исключительно важный для предвидения источник знания — откровения художественного творчества. Они содержат предчувствия, которые часто еще невозможно логически обосновать. Георгий Свиридов писал в своих «Записках»: «Художник различает свет, как бы ни был мал иной раз источник, и возглашает этот свет. Чем ни более он стихийно одарен, тем интенсивней он возглашает о том, что видит этот свет, эту вспышку, протуберанец. Пример тому — великие русские поэты: Горький, Блок, Есенин, Маяковский, видевшие в Революции свет надежды, источник глубоких и благотворных для мира перемен».

Корнями апокалиптики русской революции уходит в иное мировоззрение, нежели пророчества Маркса. В ней приглушен сильный у Маркса мотив разрушения «мира зла» и строительства Царства добра *на руинах*. В крестьянской России будущее виделось как *нахождение* утраченного на время града Китежа, как преобразование через очищение добра от наслоений зла, произведенного «детьми Каина». Таковы общинный и анархический хилиазм Бакунина и народников, наказов крестьян в 1905—1907 гг., социальные и евразийские «откровения» А. Блока, крестьянские образы будущего земного рая у С. Есенина и Н. Клюева, поэтические образы В. Маяковского («Через четыре года здесь будет город-сад»).

Всякая новая государственность зарождается как политический (и «еретический») бунт. Образ советской власти вырабатывался в полемике с иными цивилизационными проектами (консервативно-сословный и буржуазно-либеральный проекты), которые разделили тогда российское общество. Подобно протестантской Реформации на Западе этот бунт означал ради-

кальный сдвиг в знании о мире, человеке, обществе и власти в России. Во время перестройки ее идеологи (например, академик-экономист С. Шаталин) не без оснований уподобляли весь советский проект хилизму и отрицали его, как их духовные отцы в 1917 г.

Но всякий большой революционный проект носит черты религиозного движения. Религиозным чувством были проникнуты и революционные рабочие и крестьяне, и революционная интеллигенция. Н. Бердяев писал: «Социальная тема оставалась в России религиозной темой и при атеистическом сознании. "Русские мальчики", атеисты, социалисты и анархисты — явление русского духа. Это очень хорошо понимал Достоевский» [14]¹.

Духовные искания рабочих и крестьян революционного периода отражались в культуре. Исследователь русского космизма С.Г. Семенова так характеризует первый этап становления советского проекта: «Никогда, пожалуй, в истории литературы не было такого широчайшего, поистине низового поэтического движения, объединенного общими темами, устремлениями, интонациями... Революция в стихах и статьях пролетарских (и не только пролетарских) поэтов... воспринималась не просто как обычная социальная революция, а как грандиозный катаклизм, начало "онтологического" переворота, призванного пересоздать не только общество, но и жизнь человека в его натурально-природной основе. Убежденность в том, что Октябрьский переворот — катастрофический прерыв старого мира, выход "в новое небо и новую землю", была всеобщей» [165].

Великим еретиком и богостроителем был М. Горький, один из созидателей советского проекта. В своей статье о религиозных исканиях М. Горького историк М. Агурский пишет, ссылаясь на исследования русского мессианизма, что «религиозные корни большевизма как народного движения уходят в полное отрицание значительной частью русского народа существующего мира как мира неправды и в мечту о создании нового "обо-

¹ Даже антирелигиозные действия 20-х годов XX в. несли в себе религиозную компоненту. Иван Солоневич писал: «Комсомольского безбожия нельзя принимать ни слишком всерьез, ни слишком буквально. У русской молодежи нет, может быть, веры в Бога, но нет и неверия... Я бы сказал, что русский комсомолец, как он ни будет отбрыкиваться от такого определения, если и атеистичен, то атеистичен тоже по-православному. Если он и делает безобразия, то не во имя собственной шкуры, а во имя "мира на земли и благоволения в человецех"» [169, с. 455].

женного" мира. Горький в большей мере, чем кто-либо, выразил религиозные корни большевизма, его *протетеевское богоборчество*» [2]. Религиозными мыслителями были многие деятели, принявшие участие в создании советской культуры, — В. Брюсов и С. Есенин, Н. Клюев и А. Платонов, В. Вернадский и К. Циолковский¹.

М.М. Пришвин записал в своем дневнике 7 января 1919 г.: «Социализм революционный есть момент жизни религиозной народной души: он есть прежде всего бунт масс против обмана церкви, действует на словах во имя земного, материального изнутри, бессознательно во имя нового бога, которого не смеет назвать и не хочет, чтобы не смешать его имя с именем старого Бога» [149].

В целом, большинство населения России подошло к 1917 г., охваченное предчувствием великого преображения мира через революцию. Обсуждались и становились все более явными черты будущей благой жизни, образ которой вскоре и оформился как советский проект. Мессианской страстью были проникнуты и стремления тех, кто этого проекта не принимал.

Сдвиги в самосознании российских трудящихся

Справедливость — едва ли не самая древняя из осознанных человеком ценность. Она еще питается умолкающими под гнетом культуры инстинктами сохранения жизни и продолжения рода. Такие ценности, как равенство, классовый или национальный интерес, прогресс и права личности, выработаны в культуре совсем недавно, в современную эпоху. А о справедливости как основании права и государства писали такие философы древности, как Сократ, Платон и Аристотель, в понятных нам терминах и логике.

¹ Не будем забывать, что представления о будущем, порождаемые революционным сознанием, всегда содержат сильную составляющую мессианизма и утопизма. Столкновения разных прорицаний ведут к политическим конфликтам. Например, у М. Горького из утопии рационального планируемого будущего выводилась идея борьбы с природой, как стихией, и даже ненависть к крестьянству, как «воплощенной стихийности». Социалистический утопизм соединялся с «естественно-научным», и это наблюдалось у виднейших и даже великих советских ученых. Лишь с начала 30-х годов XX в. началось, шаг за шагом, «охлаждение» технократического энтузиазма и массовой веры в близкое чудо. Этот консервативный сдвиг (борьба с «левацким уродством») был очень болезненной и сложной программой.

Социальная справедливость как принятый и признанный обществом тип распределения тягот и благ различна в разных культурах и обществах в разные периоды времени. В сословном обществе, которое существовало в России до 1917 г., представления о справедливости вырабатывались исходя из объективной и духовной реальности, как распределение социальных ролей, прав и обязанностей всех сословий. И материальная реальность, и культура менялись, писанные и неписанные договоры нарушались, противоречия достигали критического порога. Случались бунты. Тягловые сословия, прежде всего крестьяне, составляли против помещиков и защищавшей их власти, как нарушивших систему прав и обязанностей. Но эти бунты и восстания не предполагали изменения всей структуры общества или статуса сословий — крестьяне не пытались произвести «экспроприацию экспроприаторов» и стать помещиками.

Это положение стало быстро меняться в ходе *модернизации*. Европейское образование принесло в Россию новые понятия, выработанные Просвещением. Наложившись на православную культуру, эти идеи толкнули исторический ход событий в России в совсем иной «коридор», нежели на Западе. В кратчайший период в среде образованной молодежи соединились идеи православного гуманизма и братства людей с национальной идеей России. Возник росток современного светского и гуманистического российского мировоззрения с сильной революционной компонентой.

Надо сегодня вчитаться в стихи, написанные совсем юным А.С. Пушкиным в 1818 г.:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

А. Радищев сострадал угнетенным и возмущался несправедливостью, он говорил эпическим языком традиции. Пушкин же

дал язык и новый *понятийный аппарат*. Философ В.В. Розанов сказал, что российскую монархию убила классическая русская литература. Это гипербола, но в ней есть зерно истины.

В 1823 г. Пушкин пишет стихотворение «Деревня», в котором уже виден вектор *социального* проекта, ставится вопрос об изменении самого типа российского общества:

Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь *барство* дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.

.....
Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

И это не юношеский романтизм, стихи отражают состояние умов целой социокультурной группы, влияние которой так и росло до 1917 г. М.А. Бакунин, давая отповедь на серию статей Ф. Энгельса о реакционном характере России, русского народа и крестьян (в сравнении с «революционными немцами»), пишет в книге «Кнута-германская империя и социальная революция»: «С 1818 по 1825 год мы видели, как несколько сот дворян, цвет дворянства, принадлежащего к наиболее образованному и богатому классу, подготовили заговор, серьезно угрожавший императорскому деспотизму... основываясь... на полном освобождении крестьян с наделением их землею. С тех пор не было в России ни одного заговора, в котором бы не участвовала дворянская молодежь, часто очень богатая. С другой стороны, все знают, что по преимуществу сыновья наших священников, студенты академий и семинарий составляют в России священную фалангу революционной социалистической партии...

Можете ли вы вообразить себе немецкого бюрократа или же офицера немецкой армии, которые были бы способны составить заговор и восстать за свободу, за освобождение народов? Несомненно, нет... Ну, а бюрократия русская и русские офицеры насчитывают в своих рядах многих заговорщиков, борющихся за благо народа... И я повторяю, большое счастье для русско-

го народа, что он не проникся этой цивилизацией точно так же, как не проникся и цивилизацией монголов» [9].

Тот факт, что ни русский народ, ни русская революция «не прониклись этой цивилизацией», т.е. буржуазным духом, стал ясен с самого начала этого процесса, с декабристов. Уже тогда США стали выразителем нового духа Запада, и А. Пушкин сказал: «Мне мешает восхищаться этой страной, которой теперь принято очаровываться, то, что там слишком забывают, что человек жив не единым хлебом». А Н.В. Гоголь добавил: «Что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выведенного яйца не стоит».

Но обратимся снова к непосредственно предреволюционному периоду. Реформа 1861 г., предоставив простор для развития капитализма в России и модернизации многих сторон жизни, в то же время породила глубокий кризис («Распалась цепь великая, распалась и ударила — одним концом по барину, другим по мужику»). Происходила ломка хозяйственных укладов. В докапиталистической стадии развития хозяйства России отсутствовал уклад городского хозяйства, подобный укладу западных городов с их сложной цеховой организацией ремесленной промышленности и мануфактуры. Основная масса русской мелкой промышленности была рассеяна по деревням. Теперь развивалась городская промышленность с большими фабриками и заводами, формировались новые социальные и культурные типы, новые общности типа трудовых коллективов, в том числе многонациональных.

Изменился уклад деревни, был разорван «общественный договор» между крестьянами и помещиками, резко возросла роль общины в жизнеустройстве деревни. Крестьяне были «освобождены» так, что были обязаны платить за свою землю «выкупные» (их отменили только вследствие революции 1905 г.). Феодальная собственность помещиков стала преобразовываться в частную, что означало резкий перелом в социальных отношениях. Исторически в ходе собирания земель в процессе превращения «удельной Руси в Московскую» шел обратный процесс — упразднение зачатков частной собственности, владение землей стало государственной платой за обязательную службу. Некоторые историки именно в этом видят главную задачу опричнины Ивана Грозного. Американский историк Р. Пайпс пишет: «Введение обязательной службы для всех землевладельцев означало...

упразднение частной собственности на землю. Это произошло как раз в то время, когда Западная Европа двигалась в противоположном направлении. После опричнины частная собственность на землю больше не играла в Московской Руси сколько-нибудь значительной роли» [171].

При частной собственности на землю аграрное перенаселение в России позволило поднять арендную плату в 4—5 раз выше капиталистической ренты. Поэтому укреплялось не капиталистическое, а трудовое крестьянское хозяйство — процесс шел совершенно иначе, чем на Западе. А.В. Чаянов пишет: «В России в период, начиная с освобождения крестьян (1861 г.) и до революции 1917 г., в аграрном секторе существовало рядом с крупным капиталистическим крестьянское семейное хозяйство, что и привело к разрушению первого, ибо малоземельные крестьяне платили за землю больше, чем давала рента капиталистического сельского хозяйства, что неизбежно вело к распродаже крупной земельной собственности крестьянам» [187, с. 143].

В то же время государство с помощью налогообложения стало разрушать натуральное хозяйство крестьян, заставляя их выносить продукт на рынок, что обеспечивало валютные поступления от экспорта зерна. В середине 70-х годов XIX в. средний доход крестьян с десятины в европейской части России составлял 163 коп., а все платежи и налоги с этой десятины — 164,1 коп. Поэтому практически все крестьяне занимались отхожим промыслом или сочетали земледелие с сезонной работой в промышленности. Резко повысилась мобильность населения. Со словное общество России, оставаясь в главных признаках обществом традиционным, быстро модернизировалось.

Это сказывалось и на самосознании. В него проникали мировоззренческие структуры Просвещения, которые резко изменяли установки и крестьян, и рабочих, но этого не видела правящая элита. Правящей верхушке России в начале XX в. было присуще наивное представление о реальности, главные противоречия которой якобы могут быть разрешены общенародной любовью к монарху и его непререкаемым авторитетом. Сдвигов в массовом сознании крестьян в послереформенный период старались не замечать. Как результат, вера царя в крестьянский монархизм в существенной мере предопределяла неадекватность всей его политической доктрины.

Л.Н. Толстой писал в 1895 г.: «В то время как высшие правящие классы так огрубели и нравственно понизились, что ввели в закон сечение и спокойно рассуждают о нем, в крестьянском сословии произошло такое повышение умственного и нравственного уровня, что употребление для этого сословия телесного наказания представляется людям из этого сословия не только физической, но и нравственной пыткой» [174].

Насколько верхушка была оторвана от реальности, говорит простодушная похвальба царя П.А. Столыпину, тогда саратовскому губернатору: «Если б интеллигенты знали, с каким энтузиазмом меня принимает народ, они так бы и присели».

Главное было в том, что принципиально менялись представления о *справедливости*. В прошлом крестьянские бунты и восстания были следствием нарушения помещиками и чиновниками межсословных «договоров», невыполнением их традиционных обязанностей. Крестьяне бунтовали против «злых помещиков» и «злых бояр», но не против самого устройства сословного общества и тем более не против монархии — она была легитимирована Откровением, нападки на царя — это почти нападки на Бога. В 70—80-е годы XIX в. крестьяне зачастую сами вязали и сдавали в полицию агитаторов, которые «шли в народ» и пытались объяснить несправедливость всего общественного строя. В начале XX в. крестьяне стали считать несправедливым и нетерпимым само социальное *неравенство*.

Проблема *осознания* массами объективной реальности и определения привычной несправедливости как *зла* исключительно важна для объяснения процессов созревания революции и выработки советского проекта, актуальна она для нас и сегодня. Реформа 1861 г., как она была проведена, «включила» этот процесс осознания. Де Токвиль, изучавший революции, делает такой общий вывод: «Зло, которое терпеливо сносили как неизбежное, становится нестерпимым, коль скоро воспринята идея избавления от него. Тогда все устраненные злоупотребления представляются менее значимыми в сравнении с теми, что остались, так что ощущение их становится более болезненным. Зло действительно стало меньшим, но более острой становится чувствительность к нему».

Эта проблема во второй половине XX в. стала предметом интенсивных исследований. Социолог и культуролог Л.Г. Ионин пишет: «Обратимся к *традиционному* обществу... Зарождается

сословная структура: возникают различия между крестьянами и ремесленниками, между последними и знатью. Но и здесь социальное неравенство не выглядит и не является проблемой, ибо объективное неравенство в этих обществах воспринимается как часть *божественного порядка*. Принцип вертикальной классификации интерпретируется как частное проявление идеи мирового порядка — божественной иерархии, воплотившейся в иерархии сословий и каст...

В *современном* обществе по сравнению с простым и традиционным ситуация существенным образом меняется... Многообразные объективные неравенства не только осознаются как таковые, но и интерпретируются с точки зрения идеала равенства. Поэтому они воспринимаются как факты социального неравенства и становятся как предметом общественного дискурса, так и причиной многих классовых и прочих конфликтов. Возникают — в противоположность теориям божественной иерархии или природного порядка — многочисленные теории социальной структуры... К задачам исследователя прибавляется анализ социального неравенства (то, что для ученых прошлых времен — магов, шаманов, монахов — попросту не было темой) и путей его преодоления...

Фактическому неравенству был противопоставлен идеал равенства, и с этого времени — с века Просвещения — борьба за равенство стала одним из основных мотивов современной культуры. Впоследствии, во второй половине XIX в., открытие социального неравенства и требование равенства было осмыслено как часть грандиозного духовного переворота того времени» [70].

Огромную роль в зарождении советского проекта сыграла революция 1905—1907 гг. В тот момент в подавляющем большинстве населения еще были надежды на общественный договор с монархическим государством и привилегированным меньшинством, но в то же время уже возникло, по выражению Т. Шанина, «межклассовое единство низов».

В социальном, культурном, мировоззренческом отношении крестьяне и рабочие, которые представляли собой более 90% жителей России, являлись единым народом, не разделенным сословными и классовыми перегородками и враждой. Этот единый народ рабочих и крестьян и был *гражданским обществом* России — ядром всего общества, составленного из свободных граждан, имеющих сходные идеалы и интересы. Оно отличалось

от западного гражданского общества тем, что представляло собой *Республику трудящихся*, в то время как ядро западного общества представляло собой *Республику собственников*. Словные «оболочки» российского общества (дворяне, буржуазия, чиновничество) утрачивали жизненные силы и даже в краткосрочной перспективе должны были занять подчиненное положение, как это и произошло в советское время на целый исторический период.

Более того, это «русское гражданское общество» было очень развитым и в смысле внутренней организации. Если на Западе после распыления общин и превращения людей в «свободные атомы» потребовалось около двух веков для того, чтобы из этой человеческой пыли начали складываться *ассоциации* для ведения борьбы за свои права и интересы (партии, профсоюзы и т.д.), то Россия эти структуры унаследовала от своей долгой истории. Такой структурой, принимавшей множественные и очень гибкие формы, была *община*, пережившая татарское иго и феодализм, абсолютизм монархии и наступление капитализма. Соединение большинства граждан в общины сразу создавало организационную матрицу и для государственного строительства и самоуправления, и для поиска хозяйственных форм с большим потенциалом развития.

В ходе революции 1905—1907 гг. русские рабочие и крестьяне обрели столь сильно выраженное гражданское чувство, что стали *народом* даже в том смысле, какой придавали этому слову яковинцы, — революционным народом, спасающим Отечество. Именно в эти годы на сельских сходах обсуждался образ чаемого будущего, составлялся план *благой жизни* — по всем главным ее срезам, от национализации земли до всеобщей системы образования.

Летом 1905 г., уже в разгар революции, при обсуждении с царем положения о выборах в Государственную Думу один сановник предложил исключить грамотность как условие для избрания. Он сказал: «Неграмотные мужики, будь то старики или молодежь, обладают более цельным мирозерцанием, нежели грамотные». Министр финансов В.Н. Коковцов возразил, сказав, что неграмотные «будут только пересказывать эпическим слогом то, что им расскажут или подскажут другие». Однако, как он вспоминает, царь обрадовался благонадежности неграмотных. В тот момент это уже было не просто ошибочным, но и очень опасным

взглядом — отлучение крестьян от образования стало одной из важных причин их сдвига к революционным установкам.

Образовательная политика царского правительства в отношении крестьян поражает своим дискриминационным характером. Крестьян-общинников, которые получали образование, согласно законодательству, действовавшему до осени 1906 г., исключали из общины с изъятием у них наделной земли. Крестьянин реально не мог получить даже того образования, которое прямо было ему необходимо для улучшения собственного хозяйства, — в земледельческом училище, школе садоводства и др., поскольку окончившим курс таких учебных заведений присваивалось звание *личного почетного гражданства*. Вследствие этого крестьянин формально переходил в другое сословие и утрачивал право пользования наделной землей. Лишались такие крестьяне и права избирать и быть избранными от крестьянства. Как пишет Л.Т. Сенчакова, «понятие образованные крестьяне выглядело логическим абсурдом: одно из двух — или образованные, или крестьяне» [167, т. 1, с. 180].

В приговоре в I Государственную Думу схода Спасо-Липецкого сельского общества (Смоленская губ., 4 июня 1906 г.) говорилось: «Страдаем мы также от духовной темноты, от невежества. В селе у нас есть церковная школа, которая ничего населению не приносит. Обучение же в ней с платой (за каждого ученика вносится 1 р. денег и воз дров, а также натурой). Те скудные знания, которые дети получают в школе, скоро забываются. О библиотеках и читальнях и помину нет» [167, т. 1, с. 185].

Более того, в среде крестьян сложилось устойчивое убеждение, что правящие круги злонамеренно препятствуют развитию народного просвещения и образования. В приговоре в I Государственную Думу схода крестьян с. Воскресенского Пензенского уезда и губ. (июль 1906 г.) сказано: «Все начальники поставлены смотреть, как бы к мужикам не попала хорошая книга или газета, из которой они могут узнать, как избавиться от своих притеснителей и научиться, как лучше устроить свою жизнь. Такие книги и газеты они отбирают, называют их вредными, и непокорным людям грозят казаками» [167, т. 1, с. 185].

В 1905—1907 гг. газета стала важным атрибутом крестьянской жизни в России. Вот сообщение мая 1906 г.: «Буквально не было ни одного глухого уголка, откуда бы не неся один вопль: дайте нам газету! По данным статистического отделения москов-

ской губернской земской управы, из ответов 700 корреспондентов из 700 деревень губернии выясняется, что газеты или журналы получают в 79% деревень и на каждую деревню приходится по 2—3 периодических издания». Газеты читали вслух, информацию получала вся деревня. Вот сообщение из газеты «Страна» (10 мая 1906 г.): «Ты, Павел, — обратились крестьяне одной деревни Юрьевского у. Владимирской губ. к грамотею, читавшему им долгую зиму газеты, — не паши, не коси, ты читай и нам передавай, а мы за тебя все делать станем». И Павел читал газеты в горячую страдную пору и передавал содержимое своим односельчанам, а они благодарили его и хвалили» [166].

В этих новых условиях складывались общий понятийный язык и общая мировоззренческая матрица подавляющего большинства русского народа. Сложилось одно из важнейших условий для великой революции — «кристаллизация общественного мнения, т.е. осведомленность недовольных о том, что в равной степени недовольны и другие, и они, вероятно, присоединятся ко мне в выражении моего недовольства. Взаимная осведомленность о возмущении... создает тот род требований перемен, который становится эффективным при свершении революций» [36].

Крестьяне России переросли сословное устройство общества, они обрели именно *гражданское* чувство. Судя по многим признакам, оно им было присуще даже в гораздо большей степени, нежели привилегированным сословиям. 12 июля 1905 г. крестьяне с. Ратислова Владимирской губ. составили приговор, в котором содержался такой пункт: «Третья наша теснота — наше особое, крестьянское положение. До сих пор смотрят на нас, как на ребят, приставляют к нам нянек, и законы-то для нас особые; а ведь все мы члены одного и того же государства, как и другие сословия, к чему же для нас особое положение? Было бы гораздо справедливее, если бы законы были одинаковы, как для купцов, дворян, так и для крестьян равным образом и суд был бы одинаков для всех» [167, т. 2, с. 251].

В период работы I Государственной Думы произошел всплеск политической активности крестьян. Они в массовом масштабе освоили чтение газет. Вот, исправник Юрьев-Польского уезда пишет доклад губернатору Владимирской губернии (3 июня 1906 г.): «Благодаря массе получаемых крестьянами газет, причем предпочитают ими более резкие, интерес к которым у крестьян очень велик, они знают все, что происходит в Петер-

бурге... Каждая газета со стенографическим отчетом заседаний Государственной думы действует настолько разжигающе, что прокламации становятся почти безвредными листками.

Крестьяне знают, как дума относится к министрам, и это приобретает громадное значение и силу, так как делается открыто, пишется во всех газетах, причем передовые статьи еще более разъясняют смысл происходящего, всецело становясь на сторону более дерзких в выражениях депутатов. Уважение к власти благодаря этому у крестьян падает с поразительной быстротой. Разосланные экземпляры ответа Совета министров на адрес думы произвели на крестьян неблагоприятное впечатление и повели к ухудшению настроения...

В настоящее время настроение у крестьян сильно приподнятое, почти ежедневно во всех селениях уезда под вечер крестьяне собираются у какого-либо дома, и все разговоры их о думе, о ее заботах об них, о скорой перемене условий жизни и обязательно о земле» [167, т. 1, с. 89—90].

Но главное, появление Государственной Думы — представительного, хотя и безвластного органа — породило особую форму политической борьбы крестьянства — составление петиций, наказов и приговоров, значительная часть которых направлялась в Государственную Думу. В российских законах отсутствовало петиционное право — подача всяческих прошений и проектов «об общей пользе» после реформы 1861 г. была запрещена. Особенно этот запрет был оговорен при учреждении Государственной Думы. В параграфе 61 положения о Государственной Думе было сказано: «В Государственную Думу воспрещается являться депутациям, а также представлять словесные и письменные заявления и просьбы» [167, т. 1, с. 36].

Таким образом, составляя наказания и приговоры, крестьяне прекрасно понимали, что коллективно совершают противоправные политические действия, и эти действия были уже активной формой борьбы. Размах ее был велик. В I Государственную Думу поступило свыше 4000 пакетов и телеграмм. Только в Трудовую группу депутатов было подано более 400 приговоров и наказов из 50 губерний.

Поскольку наказ или приговор должны были подписывать все участники сельского схода, и это считалось уголовным преступлением, не могло быть и речи о том, чтобы отнестись к составлению текста легковесно. Тем более крестьяне не допуска-

ли, чтобы в него внесли свои требования и формулировки какие-то посторонние люди (например, политические агитаторы каких-либо партий).

Известен, например, такой случай. Крестьяне двух деревень Клинского уезда составили на сходе приговор и отдали поправить его врачу местной фабрики. Но, боясь, что он, как человек «рабочей партии», может приписать что-то лишнее, дали после него проверить текст полу-черносотенцу. Затем снова попросили врача посмотреть, «не наплел ли он чего-либо» [167, т. 1, с. 96].

В посланиях крестьян в Государственную Думу хорошо видно, какие надежды возлагали крестьяне на эту возможность решить свои жгучие проблемы *в рамках монархической государственности*. Как будто чувствовали, что эта возможность — последняя. Сельский сход деревни Виткулово Горбатовского уезда Нижегородской губернии написал: «Единственный светлый луч блеснул перед нами — это обещанная Государственная Дума, и единственная надежда наша на нее. Мы верим, что дума поможет нам выбраться из лап нужды и позаботится вывести нас из тьмы на путь света» [167, т. 2, с. 221].

А вот приговор Вишнегрунского сельского общества Льговского уезда Костромской губернии: «Приветствуем вас, наши любимые избранники! Трудна и тяжела ваша работа; это не работа, а скорее всего упорная борьба со старым порядком порядка нового... На вас вся наша надежда; все наши взоры и мысли из бедных забытых лачужек устремлены туда, где возвышается пышный Таврический дворец. Ежечасно мы ждем, что воссияет из этого дворца солнце свободы, добра и правды» [167, т. 2, с. 222].

Наверное, ни один парламент в мире никогда не получал таких драматических и поэтических посланий. «Мы с вами и за вас. Вы умерли, а мы с вами...» (Ивонинская вол. Смоленской губ.). «Государственная Дума в нашем представлении есть святыня и заступница всего угнетенного народа... Требуйте, мужайтесь, иначе и не возвращайтесь к нам» (Ливенский уезд Орловской губ.). «Пока крестьян не убоготворите, потудово не приезжайте в наше общество» (Новооскольский уезд Курской губ.).

В очень многих приговорах и наказах крестьяне прямо предупреждают, что их надежда на Государственную Думу — последняя. Если она окажется бессильной, то переход к борьбе с применением насилия станет неизбежным. Так, сход крестьян деревни Куниловой Тверской губернии писал: «Если Государст-

венная Дума не облегчит нас от злых врагов-помещиков, то придется нам, крестьянам, все земледельческие орудия перековать на военные штыки и на другие военные орудия и напомнить 1812 г., в котором наши предки защищали свою родину от врагов французов, а нам от злых кровопийных помещиков» [167, т. 2, с. 272].

Понятно, что разгон I Государственной Думы стал переломным моментом в настроениях крестьян, это был еще не осознанный поворот к войне. Еще большим потрясением стал разгон II Государственной Думы. Александр Блок 3 июня 1907 г., в день разгона II Государственной Думы, написал о «хозяевах» российской жизни:

Тропами тайными, ночными
При свете траурной зари
Придут замученные ими,
Над нами встанут упыри.
Овеют призраки ночные
Их помышленья и дела,
И загниют еще живые
Их слишком сытые тела.
Их корабли в пучине водной
Не сыщут ржавых якорей,
И не успеть дочесть отходной
Тебе, пузатый иерей!
Довольных сытое обличье,
Сокройся в темные гроба!
Так нам велит времен величье
И розоперстая судьба!..

Существенно, что на II Государственную Думу крестьяне уже не возлагали таких надежд, как на первую. Так, резко сократилось число направленных туда наказов и приговоров (1900 против 4000), при этом заявления эти присылались более отсталыми слоями крестьянства из более глухих уголков страны — теми, кто еще сохранял иллюзии, от которых освободился авангард.

Новый избирательный закон почти не пропустил крестьян в III Государственную Думу. Но и немногие депутаты-трудовики (нередко сельские учителя, выдвинутые общинным сходом) повторили в этом «заповеднике консервативных помещиков» глав-

ные крестьянские требования: передел земли, выборность государственных чиновников и отмена столыпинской реформы. Все это говорит о том, что у крестьян России имелась невидимая, не выраженная в партиях, но целостная идеология и система общенациональной организации, способная четко выразить главные требования и поддержать своих депутатов, которые эти требования выдвигали в думе.

Когда читаешь эти приговоры и наказания в совокупности, то видишь, что революция означала для крестьян переход в качественно иное духовное состояние. Их уже нельзя было удовлетворить какими-то льготами и «смягчениями» — требование свободы и гражданских прав приобрело экзистенциальный характер, речь велась о проблеме бытия. *«Желаем, чтобы все перед законом были равны и назывались бы одним именем — русские граждане».* Приговор схода крестьян деревни Пертово Владимирской губернии, направленный во Всероссийский крестьянский союз (5 декабря 1905 г.), гласил: «Мы хотим и прав равных с богатыми и знатыми. Мы все дети одного Бога, и сословных различий никаких не должно быть. Место каждого из нас в ряду всех, и голос беднейшего из нас должен иметь такое же значение, как голос самого богатого и знатного» [167, т. 2, с. 252].

В рамках мироощущения традиционного общества крестьяне России начала XX в. имели развитые и одинаково понимаемые в пределах России представления о гражданских свободах. Вот что сказано в принятом 31 июля 1905 г. приговоре Прямухинского волостного схода Новоторжского уезда Тверской губернии: «Крестьяне давно бы высказали свои нужды. Но правительство полицейскими средствами, как железными клещами, сдавило свободу слова русских людей. Мы лишены права открыто говорить о своих нуждах, мы не можем читать правдивое слово о нуждах народа. Не желая дольше быть безгласными рабами, мы требуем: свободы слова, печати, собраний» [167, т. 2, с. 254].

В июне 1905 г. в Петербурге прошло совещание 26 губернских предводителей дворянства, которое поддержало требования земцев о проведении конституционных реформ. В записке, поданной царю, содержалась важная и глубокая мысль: «Роковое стечение обстоятельств таково, что, если бы удалось силою отсрочить революцию, не устранив ее причин, каждый месяц такой отсрочки отзывался бы в грядущем несоразмерным усилением ее кровавой беспощадности и безумной свирепости» [35, с. 156].

Революция 1905—1907 гг. была лишь первой пробой сил. Она не достигла всех своих целей, но стала «университетом» для рабочих и крестьян. Никакой подавленности и униженности во взглядах крестьян после поражения революции не наблюдается — они рассматривают будущую революцию как трагическую, но все более неизбежную альтернативу. И в этом нет никакого чувства мести, а есть осознание того, что у народа, видимо, не будет иного пути, как «временно впасть в пучину бедствий».

Наказ крестьян с. Никольского Орловского уезда и Орловской губернии в I Государственную Думу (июнь 1906 г.) гласит: «Если депутаты не истребуют от правительства исполнения народной воли, то народ сам найдет средства и силы завоевать свое счастье, но тогда вина, что родина временно впадет в пучину бедствий, ляжет не на народ, а на само слепое правительство и на бессильную думу, взявшую на свою совесть и страх действовать от имени народа» [167, т. 2, с. 271].

Начался отход крестьян от государства. Приговор крестьян дер. Стопино Владимирской губ. во II Государственную Думу в июне 1907 г. гласил: «Горький опыт жизни убеждал нас, что правительство, века угнетавшее народ, правительство, видевшее и желавшее видеть в нас послушную платежную скотину, ничего для нас сделать не может... Правительство, состоящее из дворян чиновников, не знавшее нужд народа, не может вывести измученную родину на путь права и законности» [167, т. 2, с. 239].

Историк крестьянства Э. Вольф пишет: «Революционная активность, очевидно, является результатом не столько роста промышленного пролетариата как такового, сколько расширения промышленной рабочей силы, все еще тесно связанной с деревенской жизнью. Сама попытка среднего и “свободного” крестьянина остаться в рамках традиций делает его революционным» [30].

Из революции 1905—1907 гг. В.И. Ленин и идущая за ним часть большевиков сделали фундаментальные выводы. Уроки этой революции позволили им преодолеть важнейшие догмы марксизма и начать строить новую концепцию общества, государства, революции и даже мироустройства (*марксизм-ленинизм*). По мере того как продвигалась эта работа, партия большевиков все больше приобретала *национальный* (точнее, *народный*) характер. Важнейшим поворотом на этом пути стало принятие и развитие идеи *союза рабочих и крестьян* как субъекта русской революции. Эта идея, высказанная М. Бакуниным

в его полемике с К.Марксом, стала затем частью представлений народников. Русские ортодоксальные марксисты (Г.В.Плеханов) верно оценили ее как откат от марксизма к народничеству. Для большевиков зеркалом русской революции стал Лев Толстой — выразитель мировоззрения русского общинного крестьянства.

Альтернативные проекты. Реформа Столыпина

В первые годы XX в. и либералы, и социал-демократы исходили из того постулата, который был сформулирован уже в предисловии к «Капиталу» К. Маркса, — капиталистический способ производства должен охватить все пространство («весь аграрный строй государства становится капиталистическим»). Другими словами, вся сельская Россия в принципе должна стать капиталистической, а крестьянство должноделиться на фермеров и сельский пролетариат — к этому направлена русская революция.

И народники, и А.Н. Энгельгардт в своих «Письмах из деревни» старались показать, что это невозможно в принципе, а не из-за косности крестьянства. В своей теории К.Маркс преувеличивал роль капитализма, приписав ему неоправданно большую долю достижений человечества. Одновременно он слишком принизил роль всех иных типов хозяйства — в том числе и на самом Западе (например, в XIX в. семейное хозяйство на Западе составляло, вероятно, больше половины всего народного хозяйства, но о нем К. Маркс вообще не упоминает).

В 80-е годы XIX в. экономисты-народники развили концепцию некапиталистического («неподражательного») пути развития хозяйства России. Один из них, В.П. Воронцов, писал: «Капиталистическое производство есть лишь одна из форм осуществления промышленного прогресса, между тем как мы его приняли чуть не за самую сущность». При этом народники прекрасно знали марксизм, многие из них были лично знакомы с К. Марксом или находились с ним и Ф. Энгельсом в оживленной переписке.

Возможность русской общины встроиться в индустриальную цивилизацию еще до народников предвидели славянофилы. А.С. Хомяков видел в общине именно цивилизационное явление — «уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории» — и считал, что община крестьянская может и должна

развиться в общину промышленную. О значении общины как учреждения для России он писал: «Отними его, не останется ничего; из его развития может развиваться целый гражданский мир».

Еще более определенно высказывался Д.И. Менделеев, размышляя о выборе для России такого пути индустриализации, при котором она не попала бы в зависимость от Запада: «В общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыши возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение». [160, с. 169, 343—344].

Более того, в конце XIX в. Россия уже и не могла встроиться в западный капитализм. Сегодня, на основании большого массива исследований «третьего мира», вовлеченного в мировую систему капитализма, мы видим, что капитализм есть *система-кентавр*. Эта система сложилась как *центр и периферия* (иногда добавляют и «полупериферию»). Возникновение в *центре* капиталистического уклада с высоким уровнем производства неминуемо сопровождается разрастанием окружающей его «оболочки» из массы хозяйств, ведущих натуральное или полунатуральное хозяйство. Для капиталистического уклада симбиоз с этим «архаическим» хозяйственным пространством необходим, он без него не может существовать.

Россия в начале XX в. могла обеспечить средствами для интенсивного хозяйства лишь кучку капиталистических хозяйств помещиков (на производство 20% товарного хлеба), но не более. Остальное — горбом крестьян. В 1910 г. в России в работе было 8 млн. деревянных сох, более 3 млн. деревянных плугов и 5,5 млн. железных плугов. Соха дополняла плуг, а не воевала с ним.

Вот фундаментальный факт: крестьяне арендовали землю по цене, намного превышающей доход от предмета аренды. А.В. Чаянов пишет: «Многочисленные исследования русских аренд и цен на землю установили теоретически выясненный нами случай в огромном количестве районов и с несомненной ясностью показали, что русский крестьянин перенаселенных губерний платил до войны аренду выше всего чистого дохода земледельческого предприятия» [187, с. 407].

Расхождения между доходом от хозяйства и арендной платой у крестьян были очень велики. А.В. Чаянов приводит данные

для 1904 г. по Воронежской губернии. В среднем по всей губернии арендная плата за десятину озимого клина составляла 16,8 руб., а чистая доходность одной десятины озимого при экономичном посеве была 5,3 руб. В некоторых уездах разница была еще больше. Так, в Коротояжском уезде средняя арендная плата была 19,4 руб., а чистая доходность десятины 2,7 руб. Ясно, что землевладельцу было выгоднее сдать землю в аренду, чем вести на ней фермерское капиталистическое хозяйство. Поэтому западнический проект кадетов осуществить либеральную модернизацию сельского хозяйства, превратив крестьян в фермеров, уперся в непреодолимые ограничения.

Попытка модернизации села через разрушение общины при сохранении помещичьего землевладения («реформа Столыпина») лишь ухудшила положение большинства крестьян¹. Это породило и острую *духовную* проблему. Церковь стала утрачивать свой авторитет, скреплявший национальное сознание. Это привело к отходу крестьянства от монархии, которую легитимизировала церковь. Начиная с 1906 г. из епархий в Синод стал поступать поток донесений о массовом отходе рабочего люда от церкви. В 1906 г. один из сельских сходов направил в Государственную Думу свое решение закрыть местную церковь, так как «если бы был Бог, то он не допустил бы таких страданий, таких несправедливостей». Расширился охват крестьян сектантством. В народных религиозных верованиях, например, в тайных псалмах духоборцев, «детьми Каина» назывались «зараженные сребролюбием господа», а «детьми Авеля» — бедные люди, которые «питаются трудом».

Другое главное противоречие программы кадетов заключалось в том, что они стремились ослабить или устранить тот барьер, который ставило на пути развития либерального капи-

¹ Так, в результате расширения экспорта зерна сократилось животноводство и повысились цены на мясо. В статье «Обзор мясного рынка» («Промышленность и торговля», 1910, № 2) сказано: «Все увеличивающаяся дороговизна мяса сделала этот предмет первой необходимости почти предметом роскоши, недоступной не только бедному человеку, но даже и среднему классу городского населения». Крестьяне ели мяса намного меньше, чем в городе. Именно из-за недостаточного потребления белковых продуктов и особенно мяса жители Центральной России стали в начале XX в. такими низкорослыми. В Клинском уезде Московской губернии в 1909 г. мужчины к окончанию периода роста — 21 году — имели в среднем рост 160,5 см, а женщины — 147 см. Более старшее поколение было крупнее. Мужчины 50—59 лет в среднем имели рост 163,8 см, а женщины — 154,5 см.

талистического общества самодержавие с его сословным бюрократическим государством. В этом вопросе был важен анализ М. Вебера, который собран в его «Русских штудиях».

М. Вебер считал, внимательно изучая революцию 1905 г. и концепции российских либералов, что происходящие в России процессы имели важное значение для обществоведения. Это было первое крупномасштабное столкновение традиционного (в основном крестьянского) общества с наступающим на него современным капитализмом. Такое столкновение давало очень ценное знание как о современном капитализме, так и о его главном противнике — традиционном обществе. М. Вебер даже изучил русский язык, чтобы следить за ходом событий.

Анализируя проекты кадетов в контексте социальной и культурной ситуации в России, М. Вебер предвидел, что в случае поражения монархии через прорванную кадетами плотину хлынет мощный *антибуржуазный* революционный поток, так что идеалы кадетов станут абсолютно недостижимы. Либеральная аграрная реформа, которую предлагали кадеты, «по всей вероятности мощно усилит в экономической практике, как и в экономическом сознании масс, архаический, по своей сущности, коммунизм крестьян», — вот вывод М. Вебера. Таким образом, их реформа «должна замедлить развитие западноевропейской индивидуалистической культуры».

При этом политические требования кадетов как будто совпадали с крестьянскими: и те и другие поддерживали идею всеобщего избирательного права. Но М. Вебер считал, что оценки кадетов ошибочны, потому что крестьяне в своих требованиях исходят из совсем иного основания: в их глазах всякие ограничения избирательного права противоречат традиции русской общины, в которой каждый землепользователь имел право голоса. Как пишет Вебер, «ни из чего не видно, что крестьянство симпатизирует идеалу личной свободы в западноевропейском духе. Гораздо больше шансов, что случится прямо противоположное. Потому что весь образ жизни в сельской России определяется институтом полевой общины».

М. Вебер писал, что кадеты прокладывали дорогу как раз тем устремлениям, что устраняли их самих с политической арены. Так что кадетам, по словам Вебера, ничего не оставалось, кроме как надеяться, что их враг — царское правительство — не допустит реформы, за которую они боролись. Редкостная исто-

рическая ситуация, и нам было бы очень полезно разобрать ее сегодня. Неудача кадетов очень важна для понимания России.

Под воздействием импортированного капитализма русская буржуазия до срока состарилась и, вступив в союз с бюрократией, оказалась неспособной совершить то, что на Западе совершила юная буржуазия. Историк-эмигрант А. Кустарев (А. Донде), изучавший «Русские штудии» М. Вебера, пишет: «Самое, кажется, интересное в анализе Вебера — то, что он обнаружил драматический парадокс новейшей истории России. Русское общество в начале XX в. оказалось в положении, когда оно было вынуждено одновременно “догонять” капитализм и “убегать” от него. Такое впечатление, что русские марксисты (особенно Ленин) вполне понимали это обстоятельство и принимали его во внимание в своих политических расчетах, а также в своей зачаточной теории социалистического общества. Их анализ ситуации во многих отношениях напоминает анализ Вебера» [91].

Это верное замечание, и надо только удивляться, что к сходным выводам М. Вебер и В.И. Ленин пришли после революции 1905—1907 гг., исходя из совершенно разных философских посылок.

Альтернативный либеральному проект консервативной модернизации — в рамках монархического государства и без ликвидации помещичьего землевладения — был положен в основу *реформы Столыпина*. Вспомним главное в замысле этой реформы. После отмены крепостного права в 1861 г. крестьяне оставили почти без земли. Было утверждено «временнообязанное» состояние — крестьяне были обязаны продолжать барщину или оброк до *выкупа* земли. Почему-то решили, что эти отработки продлятся 9 лет, на деле они затянулись до 1881 г., и пришлось издать закон об *обязательном* выкупе — крестьян обязали регулярно вносить выкупные платежи.

Чтобы закрепить крестьян на земле, заставить их выкупать землю и облегчить сбор податей и платежей, правительство уже сточило круговую поруку — усилило власть общины, затруднило выход из нее. Но сама община менялась, развивалась и превратилась в организатора сопротивления и борьбы. Поскольку все помыслы П.А. Столыпина были направлены на модернизацию при сохранении помещичьей собственности, он стал вождем тех сил, которые начали уничтожать общину. В этом и была суть реформы. Задумано было так: если принудить крестьянина

к выходу из общины с наделом, то произойдет быстрое расслоение крестьян, богатые скупят все наделы и станут фермерами, а остальные — батраками. Получится капитализм на селе, опора строя (это называли «прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве»).

Но сама идея реформы не отвечала реальности. Аграрное перенаселение создало порочные круги столь фундаментального характера, что их никак не могла разорвать реформа, не предполагавшая крупных вложений ресурсов в сельское хозяйство. Неблагоприятным для реформы было и состояние общественного сознания. Измученные выкупными и подушными податями, крестьяне озлобились и на помещиков, и на правительство. И в 1902 г. по всей черноземной полосе прошла полоса восстаний. По сути, началась крестьянская революция, на фоне которой и наступил 1905 г. В этих условиях начать жесткую реформу по развалу общины — значило пойти ва-банк. Ведь реформа предполагала создать «крепких хозяев» — но одновременно и массу разоренных людей. «Столпы общества» предупреждали: если реформа не увенчается успехом, ее результатом будет катастрофическая революция.

В 1906 г., став премьером, П.А. Столыпин начал лихорадочно проводить план в жизнь. Кто же оказался прав: А.В. Чаянов и Л. Толстой вместе с критиками реформы «справа» — или П.А. Столыпин? История ответила четко: реформа Столыпина провалилась, она прямо привела к революции. Причина — не в ошибках, слабостях и даже не только в нехватке средств (хотя и этой причины было бы достаточно). Причина более общего характера — в несоответствии идей Столыпина интересам основной массы крестьянства и реальности периферийного капитализма. Россия была в совсем ином положении, чем Пруссия.

Главным в опыте реформы было то, что трудовые крестьянские хозяйства, выйдя из общины и даже приобретя, с большими лишениями, дополнительные наделы, быстро теряли землю. Кто же ее скупал? Газеты того времени писали, что землю покупают в основном «те деревенские богатеи, которые до того времени не вели собственного сельского хозяйства и занимались торговлей или мелким ростовщичеством».

П.А. Столыпин, по типу образования и мышления ученый, проверил очень важную альтернативу, на которую возлагали надежды и марксисты. Он вел свою неудавшуюся реформу почти

как научный эксперимент, регулярно «выкладывал» эмпирические результаты, так что за реформой можно было следить по надежным фактическим данным (в отличие от аграрной реформы 90-х годов XX в.).

В 1911 г. газета «Речь» писала: «добрая половина крестьянских посевных земель находится в руках городских кулаков, скупивших по 30 и более наделов». В Ставропольской губернии земля скупалась в больших размерах «торговцами и другими лицами некрестьянского звания. Сплошь и рядом землеустроитель вынужден отводить участки посторонним лицам в размере 100, 200, 300 и более дес.»¹. Зачем скупали землю кулаки? Прежде всего в целях сдачи ее в аренду — за отработки (бесплатный труд) или исполу (за половину урожая). Переход земли из наделов в аренду означал обогащение сельских паразитов-рантье за счет регресса хозяйства и страданий крестьянина.

Банк покупал у выходящих из общины крестьян землю в среднем по 45 руб. за десятину, а продавал землю по цене до 150 руб. Вот вывод ученых того времени: «Продавая земельные участки по невероятно вздутой цене и в то же время беспощадно взыскивая платежи, банк в конце концов приводил к разорению своих наименее имущих и состоятельных покупателей, и последние нередко или оказывались вынужденными добровольно продавать свои участки и оставаться совсем без земли, или насильственно удалялись, “сгонялись” самим банком за неисправный взнос платежей».

Обещанной помощи от государства крестьяне, выделявшиеся на хутора, не получили. Историк А.В. Ефременко пишет (с симпатией к замыслу П.А. Столыпина), на основании отчетов о реформе и исследований 1914—1915 гг.: «Переход к хуторскому землевладению, при всей его экономической выгоде и агрономической целесообразности, не мог не ухудшить материальное положение новых собственников, так как все денежные средства их в начальный период шли главным образом на самые неотложные расходы, связанные с возделыванием земли или переносом построек. Тем не менее с 1907 по 1913 гг. денежное воспомоществование получили лишь 307 365 таких домохозяйств, или

¹ Заметим, что закон запрещал продавать более шести наделов в одни руки (средний надел составлял 7 дес.). Видно, была и тогда в России коррупция, хотя демократия еще не победила.

27,6% всех перешедших к единоличному землевладению. Общая же сумма выданных им за семь лет пособий и ссуд составила 26,8 млн. руб., или в среднем 87,2 руб. на один двор... Таковыми деньгами никого на хутор заманить было нельзя, тем более что почти 95% общей суммы материального содействия при землеустройстве выдавались в виде ссуд, а безвозвратные пособия составляли только 5%» [59].

Объективные результаты реформы в развитии сельского хозяйства таковы. Площади посевов выросли за годы реформы на 10,5 млн. дес. (на 14%). Производство в 1911—1915 гг. по сравнению с 1901—1905 гг. выросло: пшеницы на 12%, ржи на 7,4, овса на 6,6 и ячменя на 33,7%. В 1913 г. 89% национального дохода в сельском хозяйстве пришлось на долю крестьянских хозяйств, а на долю частных владельцев — 11%. В целом темп прироста продукции в сельскохозяйственном производстве в результате реформы Столыпина упал. В 1901—1905 гг. он составлял 2,4% в год, а в 1909—1913 гг. снизился в среднем до 1,4%. Прирост продовольствия стал ниже прироста населения. Главное, что не произошло заметного улучшения техники и организации земледелия.

Вот что показали имитационные модели двух вариантов развития сельского хозяйства России: по схеме реформы Столыпина и по прежнему пути, через крестьянское землепользование и сохранение общины. Без реформы социальная структура деревни в 1912 г. была бы такой: бедняки — 59,6, середняки — 31,8, зажиточные — 8,6%. Соотношение этих групп было бы 59,6 : 31,8 : 8,6. Реально в ходе реформы соотношение стало 63,8 : 29,8 : 6,4. Относительно консервативного варианта реформа привела к заметному социальному регрессу. Если бы столыпинская реформа продолжалась еще в течение 10 лет, как и было предусмотрено, то, согласно моделированию, социальная структура ухудшилась бы еще сильнее, до соотношения 66,2 : 28,1 : 5,5 [154]. Результаты моделирования приводит В.Т. Рязанов [160, с. 337—338].

Столыпинская реформа лишь усугубила взаимную ненависть частных собственников земли и крестьянской массы. 24 января 1909 г., во время беседы с французским ученым П. Боером, который взял интервью у виднейших российских политиков (П.А. Столыпина, С.Ю. Витте и др.), С.А. Муромцев посчитал именно этот рост взаимной глухой ненависти главной опасностью для России. И эта опасность, по его мнению, лишь усугублялась внешней политической апатией и отсутствием видимых об-

щественно-политических движений, задавленных полицейскими репрессиями.

В целом, вызвав тяжелые социальные потрясения, реформа Столыпина не дала заметного общественного и экономического эффекта. Кооперация крестьян обещала дать значительно больше, чем классовое расслоение и капиталистическое ведение хозяйства. Реформа Столыпина вошла в непримиримый конфликт с большинством населения России. В области науки ему противостояла русская агрономическая мысль, воплощенная в трудах А.В. Чаянова, а в области духа ему противостоял Лев Николаевич Толстой, выразитель философии крестьянства, «зеркало русской революции».

Поэтому несостоятельны историософские модели нынешних антисоветских патриотов, обвиняющих большевиков за то, что «мы потеряли ту Россию». В том-то и заключался порочный круг, в который загнала Россию монархия: если не проводить модернизацию, Россию сожрет Запад; если идти на модернизацию, монархия сама так подрывает свою базу, что Россию может сожрать Запад. Сил и воли на то, чтобы овладеть кризисом модернизации, монархический режим не имел (как, скажем заранее, и советский режим в конце 80-х годов XX в.). И в момент неустойчивого равновесия Запад постарался монархический имперский режим России сбросить. Дальше, как мы знаем, из этого кризиса победителем вышел советский режим, который смог овладеть процессом модернизации и в то же время закрыть Россию от ее переваривания Западом. Но в тот момент расчет Антанты был, конечно, на то, что вместо царя у власти встанет прозападный либеральный режим.

Забегая вперед, скажем, что крупной акцией в антисоветской кампании перестройки стало создание «мифа Столыпина». Тот, чье имя сочеталось со словом «реакция», стал кумиром демократической публики! Дошло до того, что в среде интеллигенции Столыпин стал самым уважаемым деятелем во всей истории России — 41% поставили его на первое место, выше Александра Невского, Петра Великого или Г.К. Жукова. Это такое красноречивое явление, что надо на нем остановиться подробнее.

П.А. Столыпин прославился на двух поприщах: как министр внутренних дел, давший целую доктрину борьбы с революцией («успокоение»), и как премьер-министр с 1906 по 1911 г., проводивший «столыпинскую реформу». До этого он был губерна-

тором в Гродно, часто ездил в Пруссию и уже в молодости стал поклонником хуторского хозяйства Прибалтики, потом служил саратовским губернатором. Лично выезжал на усмирение крестьянских волнений, бывал и под градом камней, и под пулями, приказывал пороть целые деревни. Но ведь не за это же любила Столыпина наша трудовая интеллигенция.

Фигура П.А. Столыпина была раздута в перестройке не потому, что его реформа была успешной, она провалилась в главном. Главное — замысел. П.А. Столыпин был альтернативой советской аграрной политике, как бы предшественником М. Горбачева и А. Чубайса. Он разрушал сельскую общину — так же как А.Н. Яковлев мечтал разрушить колхоз.

Общности — активные участники революции

Ранее говорилось о крестьянстве как самой большой социальной и культурной общности России, которая активно осмысливала образ будущего исходя из своего общинного мировоззрения. Здесь коротко опишем то состояние, в котором находились перед 1917 г. другие активные общности.

Рабочий класс. К моменту революции 1917 г. общая численность рабочего класса в России оценивалась в 15 млн. человек — примерно 10% всего населения. Считают, что рабочих фабрично-заводской промышленности с семьями было 7,2 млн. человек, из них взрослых мужчин — 1,8 млн.

Рабочий класс России, не пройдя через горнило протестантской Реформации и длительного раскрестьянивания, не обрел мироощущения *пролетариата* — класса индивидов, торгующих на рынке своей рабочей силой. В подавляющем большинстве русские рабочие были рабочими *в первом поколении* и по своему типу мышления во многом оставались крестьянами. В 1905 г. половина рабочих-мужчин еще имела землю, и эти рабочие возвращались в деревню на время уборки урожая. Очень большая часть рабочих жила холостяцкой жизнью в бараках, а семьи их оставались в деревне. В городе они чувствовали себя «на заработках».

Таким образом, между рабочими и крестьянами в России поддерживался постоянный и двусторонний контакт. Даже и по сословному состоянию большинство рабочих были записаны как крестьяне. Крестьяне и рабочие составляли тот «народ», ко-

торый был отделен, а в критические моменты и противопоставлен «верхним» сословиям царской России.

Сохранение общинной этики и навыков жизни в среде рабочих проявилось в форме мощной рабочей солидарности и способности к самоорганизации, которая не возникает из одного только *классового* сознания. Это определило необычное для Запада поведение рабочего класса в революционной борьбе и в его самоорганизации после революции, при создании советской государственности. Многие наблюдатели отмечали даже странное на первый взгляд явление: рабочие в России начала XX в. «законсервировали» крестьянское мышление и по образу мыслей были «более крестьянами», чем те, кто остался в деревне¹.

Надо подчеркнуть очень важный факт, который в нашей упрощенной истории исключался из рассмотрения: главными носителями революционного духа среди рабочих к 1914 г. стали не старые кадровые рабочие (они в массе своей поддерживали меньшевиков), а молодые рабочие, недавно пришедшие из деревни. Именно они поддерживали большевиков и помогли им занять главенствующие позиции в советах. Это были вчерашние крестьяне, которые пережили революцию 1905—1907 гг. именно в момент своего становления как личности — в 18—25 лет. Через десять лет они принесли в город дух революционной общины, осознавшей свою силу. На самых крутых поворотах революционного процесса эта низовая масса большевиков создавала такое положение, которое можно назвать вслед за Б. Брехтом «ведомые ведут ведущих».

Согласно теории В.И. Ленин считал, что России потребуются довольно длительный этап *государственного капитализма*. В 1918 г. готовились переговоры с промышленными магнатами о создании крупных трестов с половиной государственного капитала (иногда и с крупным участием американского капитала). Но события пошли не так, как задумывалось, — началась «*стихийная*» национализация. Английский историк Э. Карр в 14-томной «Истории Советской России» (до 1929 г.) пишет о первых месяцах после Октября: «Большевиков ожидал на заводах тот же обезкураживающий опыт, что и с землей. Развитие революции принесло с собой не только стихийный захват земель крестьянами, но и стихийный захват промышленных предприятий рабочими. В промышленности, как и в сельском хозяйстве, революционная

¹ Это же явление наблюдалось и до сих пор наблюдается в Японии.

партия, а позднее и революционное правительство оказались захвачены ходом событий, которые во многих отношениях смущали и обременяли их, но, поскольку они [эти события] представляли главную движущую силу революции, они не могли уклониться от того, чтобы оказать им поддержку» [78, с. 449].

Национализация промышленности была глубинным движением, своими корнями уходившим в «общинный крестьянский коммунизм» и тесно связанным с движением за национализацию земли. Российским марксистам, возглавившим советскую революцию, пришлось примкнуть к этому движению.

Надо сказать о том культурном типе, который представлял из себя молодой грамотный русский рабочий начала XX в. Это был рабочий, который обладал большой тягой к знанию и чтению, характерной для пришедших из деревни рабочих. Отличие в том, что русский рабочий одновременно получил три типа литературы на пике их зрелости: русскую литературу «золотого века», оптимистическую просветительскую литературу эпохи индустриализма и столь же оптимистическое обществоведение марксизма.

Это сочетание во времени уникально. Видный ученый-большевик А. Богданов в 1912 г. писал, ссылаясь на беседу с английским профсоюзным лидером, что в те годы в заводских библиотеках в России были, помимо художественной литературы, книги типа «Происхождение видов» Ч. Дарвина или «Астрономия» К. Фламариона — и они были зачитаны до дыр. В заводских библиотеках английских тред-юнионов были только футбольные календари и хроники королевского двора.

Советский проект, в каких бы терминах он ни излагался, воспринимался большинством простонародья как *общее дело*, которое и сплачивает людей традиционного общества. Об этом кадет Н.А. Гредескул так писал, споря с авторами «Вех», которые надеялись на интеллигентскую революцию: «Нет, русское освободительное движение в такой мере было “народным” и даже “всенародным”, что большего в этом отношении и желать не приходится. Оно “проникло” всюду, до последней крестьянской избы, и оно “захватило” всех, решительно всех в России — все его пережили, каждый по-своему, но все с огромной силой. Оно действительно прошло “ураганом”, или, если угодно, “землетрясением” через весь организм России. Наше освободительное движение есть поэтому не что иное, как колоссальная реакция всего народного организма на создавшееся для России труднейшее и опаснейшее историческое положение» [49, с. 254].

Буржуазия. Численный состав крупной буржуазии был в России очень невелик. В 1905 г. доход свыше 20 тыс. руб. (10 тыс. долл.) в год от торгово-промышленных предприятий, городской недвижимости, денежных капиталов и «личного труда» получали в России, по подсчетам Министерства финансов, 5739 человек и 1595 акционерных обществ и торговых домов (их пайщики и составляют первое число)¹. Остальные богатые люди, не считая помещиков, получали доход на службе.

Мы видим, что «масса» буржуазии была очень мала. В Москве, согласно переписи 1902 г., было 1394 хозяев фабрично-заводских заведений, включая мелкие. 82% предпринимателей входили в состав старых ремесленно-торговых сословий, были включены в иерархию феодального общества, имели свои сословные организации и не испытывали острой нужды в переустройстве общества на либерально-буржуазный лад.

Страх, который буржуазия, подавленная «импортированными силами крупного капитала» (М. Вебер), испытала во время революции 1905—1907 гг., заставил ее искать защиты у царского бюрократического государства. Большинство буржуазии после революции стало консервативным, многочисленные попытки основать политические партии буржуазии («собственников») не увенчались успехом.

Обычным для ортодоксальных марксистов и либералов было считать, что революция 1905 г. произошла *«слишком рано»* — не созрели для нее еще предпосылки, слаба была буржуазия, не созрела почва для демократии. Изучая начиная с 1904 г. события в России, М. Вебер приходит к более сложному и фундаментальному выводу: *«слишком поздно!»*. Успешная буржуазная революция в России была *уже* невозможна. И дело было, по его мнению, не только в том, что в массе крестьянства господствовала идеология «архаического аграрного коммунизма», несовместимого с буржуазно-либеральным общественным устройством. Главное заключалось в том, что русская буржуазия оформилась как класс в то время, когда Запад уже заканчивал буржуазно-демократическую модернизацию и исчерпал свой освободительный потенциал. Буржуазная революция, по его выражению, может быть совершена только «юной» буржуазией, но эта юность непо-

¹ Более дотошные подсчеты (В.С. Дякин) дают число лиц с доходом выше 20 тыс. руб., равное 12 377 человек. Это принципиально дела не меняет.

вторима. Россия в начале XX в. уже не могла быть изолирована от «зрелого» западного капитализма, который утратил свой оптимистический революционный заряд.

Назревающая революция, казалось бы, объективно призванная расчистить путь для буржуазно-демократических преобразований, изначально несла сильный антибуржуазный заряд. В 1905 г. М. Вебер высказал мнение, что грядущая русская революция не будет буржуазно-демократической, это будет революция нового типа, причем первая в новом поколении освободительных революций.

Поэтический идеолог крупной буржуазии В. Брюсов сказал тогда:

И тех, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.

М. Вебер, объясняя коренное отличие русской революции от буржуазных революций в Западной Европе, приводит фундаментальный довод: к моменту первой революции в России понятие «собственность» утратило свой священный ореол для представителей буржуазии в либеральном движении. Это понятие даже не фигурирует среди главных программных требований этого движения. Как пишет один из исследователей трудов М. Вебера, «таким образом, ценность, бывшая мотором буржуазно-демократических революций в Западной Европе, в России ассоциируется с консерватизмом, а в данных политических обстоятельствах даже просто с силами реакции». В общем, буржуазия в России не стала ведущей силой буржуазной революции, как это было на Западе. Еще важнее, что она и не воспринималась как такая сила другими частями общества.

Часть буржуазии, переживавшая духовный кризис, поддерживала социалистическую оппозицию, порой тяготела к социал-демократам (иногда даже финансируя их боевые дружины, как в 1905 г. крупный московский заводчик Н.П. Шмит, именем которого назван переулочек на Красной Пресне; позже он все деньги отдал большевикам, и на них издавалась газета «Правда» и содержались профессиональные революционеры за границей). Но и эта небольшая часть буржуазии не претендовала на роль лидера в революции, она лишь следовала голосу «больной» совести.

В целом российская буржуазия в ходе революции раскололась, ее нельзя считать социальной силой, антагонистической

советскому проекту. Личный выбор в том катаклизме делался во многом под воздействием конкретной ситуации. Даже в период максимальных успехов белых М.М. Пришвин, сам в то время убежденный антикоммунист, писал: «Сейчас все кричат против коммунистов, но по существу против монахов, а сам монастырь-коммуна в святости своей признается и почти всеми буржуями».

Армия. Особую роль и в выработке советского проекта, и в создании структур советской государственности сыграла российская *армия*. Исторически именно она стала одной из важнейших матриц, на которых вырос советский проект, а затем и советы как тип власти. В определенном смысле армия *породила* советский строй. Большая армия, собранная в годы Первой мировой войны, стала тем форумом, на котором шла доработка советского проекта, вчерне намеченного в наказах и приговорах 1905—1907 гг.

Первая мировая война вынудила мобилизовать огромную армию, которая, как выразился Ленин, «вобрала в себя весь цвет народных сил». Впервые в России была собрана армия такого размера и такого типа. В начале 1917 г. в армии и на флоте состояло 11 млн. человек — это были мужчины молодого и зрелого возраста.

Очень важен тот факт, что очень значительная часть солдат из крестьян и рабочих прошли «университет» революции 1905—1907 гг. в юношеском возрасте, когда формируется характер и мировоззрение человека. Они были и активными участниками волнений, и свидетелями карательных операций против крестьян после них. В армию они пришли уже лишенными верноподданнических монархических иллюзий.

Классовый состав армии был примерно таков: крестьяне — 60—66%, пролетарии — 16—20% (из них 3,5—6% фабрично-заводские рабочие), из средних городских слоев — около 15%. Армия стала небывалым для России форумом социального общения, причем общения, не поддающегося политической цензуре. «Язык» этого форума был антибуржуазным и антифеодальным.

В тесное общение армия ввела и представителей многих национальностей (костяк армии составляли 5,8 млн. русских и 2,4 млн. украинцев). В армии возникли влиятельные национальные и профессиональные организации, так что солдаты получили большой политический опыт сразу в организациях разного

типа, в горячих дискуссиях по всем главным вопросам, которые стояли перед Россией.

После Февральской революции именно солдаты стали главной силой, породившей и защитившей *Советы*. Вот данные мандатной комиссии I Всероссийского съезда Советов (июнь 1917 г.). Делегаты его представляли 20,3 млн. человек, образовавших советы: 5,1 млн. рабочих, 4,2 млн. крестьян и 8,2 млн. солдат. Солдаты представляли собой и очень большую часть политических активистов — в тот момент они составляли более половины партии эсеров, треть партии большевиков и около одной пятой меньшевиков.

Российская армия еще до 1917 г. сдвигалась к тем ценностям, которые вскоре резко выделили Красную Армию из ряда армий других стран, — к ценностям *общины*, отвергающей классовое и сословное разделение. Более того, эта община, уходящая корнями в русскую культуру, сильно ослабляла и межнациональные барьеры.

Доработка советского проекта в 1918—1921 гг.

Советский проект был в главных своих чертах выработан в сознании крестьянства за время после реформы 1861 г. и совершенно определенно изложен в его главных срезам в наказах и приговорах 1905—1907 гг. Затем он был дополнен «сознательными рабочими», сохранившими общинное мироощущение, и четко выявился в период между февралем и октябрём 1917 г. в деятельности Советов и рабочего самоуправления (фабзавкомов). Научный социализм, развитый в приложении к России интеллигенцией самых разных политических оттенков, привнес в советский проект идею модернизации и развития. В этом проекте вполне ясно просматривались главные черты будущего жизнеустройства.

Удивительно точным оказалось предвидение М. Вебера, который внимательно следил за ходом революции 1905—1907 гг. Обсуждая перспективы реформы П.А. Столыпина, он указывал, что при капиталистической реформе села идеи архаического крестьянского коммунизма будут распространяться в сочетании с идеями современного социализма. Он писал в 1906 г.: «О развитии “народнической” романтики позаботится дальнейшее развитие капитализма. Без сомнения, ее место займет, по боль-

шей части, марксизм. Но для работы над огромной основополагающей аграрной проблемой его духовных средств совершенно недостаточно, и именно она может вновь свести между собой оба эти слоя интеллигенции».

Так и получилось, верх взяли большевики, преодолевшие узость марксистского взгляда на крестьянство, пришедшие к идее союза рабочих и крестьян и принявшие аграрную программу наследников народничества, эсеров (а затем, при переходе к НЭПу, и концепцию неонародника А.В. Чаянова).

В среде большевиков были развиты системные идеи (А.А. Богданов стал творцом первой теории систем — *тектологии*). В целом в программе большевиков к 1917 г. присутствовало видение России как большой динамической системы в переходном состоянии и уделялось большое внимание структурному анализу общественных процессов. Это придало новому советскому государству необычно высокую динамичность и адаптивность. Наблюдался всплеск творчества новых *форм* общественного действия.

А. Деникин писал, что ни одно из антибольшевистских правительств «не сумело создать гибкий и сильный аппарат, могущий стремительно и быстро настигать, принуждать, действовать. Большевики бесконечно опережали нас в темпе своих действий, в энергии, подвижности и способности принуждать. Мы с нашими старыми приемами, старой психологией, старыми пороками военной и гражданской бюрократии, с петровской табелью о рангах не поспевали за ними» [126].

Видные либеральные деятели признали, что советский проект сложился в массовом сознании как «общее дело» народа. Ранее было приведено высказывание кадета Н.А. Гредескула. Наблюдая процессы в деревне с февраля по октябрь 1917 года, и М.М. Пришвин пришел к сходному выводу. Он записал в дневнике 7 ноября 1917 г.: «Основная ошибка демократии состоит в непонимании большевистского нашествия, которое они все еще считают делом Ленина и Троцкого и потому ищут с ними соглашения.

Они не понимают, что “вожди” ту ни при чем и нашествие это не социалистов, а первого авангарда армии за миром и хлебом, что это движение стихийное и дело нужно иметь не с идеями, а со стихией, что это движение началось уже с первых дней революции и победа большевиков была уже тогда predetermined» [149].

В чем же были главные смыслы советского проекта на тот момент — на исходе Гражданской войны и начале строительства нового жизнеустройства?

Прежде всего надо было вырваться из той исторической ловушки, в которую Россия попала, увязая в системе периферийного капитализма, — восстановить свою цивилизационную идентичность, осуществив модернизацию на собственных культурных основаниях.

М. Агурский пишет, как воспринимались антибуржуазные проекты в самой России: «По существу, капитализм оказывался аутентичным выражением именно западной цивилизации, а борьба с капитализмом стала отрицанием самого Запада. Еще больше эта потенция увеличилась в ленинизме с его учением об империализме. Борьба против агрессивного капитализма, желающего подчинить себе другие страны, превращалась невольно в национальную борьбу. Как только Россия осталась в результате революции одна наедине с враждебным капиталистическим миром, социальная борьба не могла не вырасти в борьбу национальную, ибо социальный конфликт был немедленно локализован. Россия противостояла западной цивилизации» [3].

И.В. Сталин заявил в 1924 г.: «Мы должны строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы, чтобы она не была включена в общую систему капиталистического развития как ее подсобное предприятие, чтобы наше хозяйство развивалось не как подсобное предприятие мировой капиталистической системы, а как самостоятельная экономическая единица, опирающаяся, главным образом, на внутренний рынок, опирающаяся на смычку нашей индустрии с крестьянским хозяйством нашей страны» [180, с. 235].

Смысл этой задачи был всем понятен, и выполнение ее было ответом на общий для всех исторический вызов. Смысл этот вызрел в крестьянской общине и был отрицанием политэкономии марксизма (поэтому А. Грамши назвал Октябрьскую революцию «Революцией против “Капитала”» — «Капитала» К. Маркса). Ответ в фундаментальной форме был дан еще до Октября, когда после Февральской революции власть на промышленных предприятиях, по сути, перешла в руки фабзавкомов и они стали переделывать социальный уклад заводов и фабрик по типу крестьянских общин. Уже прообраз советского предприятия имел черты *центра жизнеустройства*, основанного на связях доверия и взаимопомощи.

Советское предприятие, по своему социально-культурному генотипу единое для всех народов СССР, стало микрокосмом народного хозяйства в целом. Это уникальная хозяйственная конструкция, созданная *русскими рабочими из общинных крестьян*. По типу этого предприятия и его трудового коллектива было устроено все хозяйство СССР — как единый крестьянский двор.

России удалось пережить катастрофу революции, собрать свои земли и народы, восстановить хозяйство и за десять лет сделать рывок в экономическом и научно-техническом развитии. Это стало возможным прежде всего потому, что за десять лет до 1917 г. была начата работа по «пересборке» народа России — уже в форме *советского*. Для этого и обсуждался образ желаемого будущего, тип общественных отношений, приемлемые для большинства социальные формы бытия.

Большевики не просто послужили организационной основой для выработки нового национального проекта России. Они провели мировоззренческий синтез представлений крестьянского общинного коммунизма с марксистской идеей модернизации и развития, но по *некапиталистическому* пути.

Ю.В. Ключников, редактор журнала «Смена вех» (в прошлом профессор права Московского университета, а во время Гражданской войны министр иностранных дел у А.В. Колчака), объяснял эмиграции (1921), что большевики — «и не славянофилы, и не западники, а чрезвычайно глубокий и жизнью подсказанный синтез традиций нашего славянофильства и нашего западничества» [81].

Соединение русского славянофильства и русского западничества, крестьянского коммунизма с эсхатологической идеей прогресса придало советскому проекту большую убедительную силу, которая привлекла в собираемый советский народ примерно половину старого культурного слоя (интеллигенции, чиновничества, военных и даже буржуазии).

Важен и тот факт, что, сделав марксизм своей официальной идеологией, большевики смогли на целый исторический период нейтрализовать западную русофобию и ослабить накал изнуряющего противостояния с Западом. С 1920 г. по конец 1960-х годов престиж СССР на Западе был очень высок, и это дало важную передышку. А.С. Панарин подчеркивал эту роль марксизма: «По-марксистски выстроенная классовая идентичность делала советского человека личностью всемирно-исторической, умеющей всюду находить деятельных единомышленников — “братьев по классу”» [134, с. 141].

Эту мысль А.С. Панарин поясняет так: «Марксизм выражал достаточно глубокую, рефлексивную самокритику Запада: от нее Запад не мог отмахнуться как от чего-то внешнего, олицетворяющего пресловутый конфликт цивилизаций... В той мере, в какой старому русскому “национал-патриотизму” удалось сублимировать свою энергетику, переведя ее на язык, легализованный на самом Западе, этот патриотизм достиг наконец-таки точки внутреннего равновесия. И западническая, и славянофильская традиции по-своему, в превращенной форме, обрели эффективное самовыражение в “русском марксизме”, примирились в нем...

Советский человек, таким образом преодолевший “цивилизационную раздвоенность” русской души (раскол славянофильства и западничества), наряду с преодолением традиционного комплекса неполноценности, обрел замечательную цельность и самоуважение. В самом деле, на языке марксизма, делающем упор не на уровне жизни и других критериях потребительского сознания, обреченного в России быть “несчастливым”, а на формационных сопоставлениях, Россия впервые осознавала себя как самая передовая страна и при этом — без всяких изъянов и фобий, свойственных чисто националистическому сознанию» [134, с. 139—140].

В Гражданской войне сложился и *кадровый костяк* будущего Советского государства, та управленческая элита, которая действовала в период сталинизма. Это были командиры Красной Армии нижнего и среднего звена, которые после демобилизации заполнили административные должности в государственном аппарате. В основном это были выходцы из малых городов и деревень Центральной России.

Строительство новой государственности, в которое были вовлечены массивные социальные группы, ранее отодвинутые от гражданских дел, стало «общим делом» уже в реализации советского проекта. Р. Пайпс пишет, что после разгона большевиками Учредительного собрания «массы почуяли, что после целого года хаоса они получили, наконец, “настоящую” власть. И это утверждение справедливо не только в отношении рабочих и крестьянства, но, парадоксальным образом, и в отношении состоятельных и консервативных слоев общества — пресловутых “гиен капитала” и “врагов народа”, презиравших и социалистическую интеллигенцию, и уличную толпу даже гораздо больше, чем большевиков» [133].

Советская власть успешно выполнила едва ли не главную задачу государства — задачу *целеполагания*, собирания общества на основе понятной цели и консолидирующего проекта, а также задачу *проектирования форм* социального бытия. Г. Уэллс, назвав Ленина кремлевским мечтателем, в то же время признал, что его партия «была единственной организацией, которая давала людям единую установку, единый план действий, чувство взаимного доверия... Это было единственно возможное в России идейно сплоченное правительство» [179]. Получив организационную базу для реализации этого проекта, советская власть смогла опереться даже на *идеологически чуждые* ей силы.

Гражданская война была важным этапом и в сборке *страны*. Февральская революция «рассыпала» империю. В разных частях ее возникли национальные армии или банды разных окрасок. Все они выступали против восстановления единого централизованного государства. Что касается представлений о России, то с самого начала Советское правительство видело ее как легитимную исторически сложившуюся целостность и в своей государственной идеологии оперировало *общероссийскими* масштабами (в этом смысле такая идеология была «имперской»). В 1920 г. нарком по делам национальностей И.В. Сталин сделал категорическое заявление, что отделение окраин России совершенно неприемлемо. Военные действия на территории Украины, Кавказа, Средней Азии всегда рассматривались красными как явление *гражданской войны*, а не *межнациональных войн*.

Западные ученые, дотошно изучавшие историю СССР, очень высоко оценивают тот факт, что советской власти вновь удалось собрать «империю». Модель Советского Союза была *творческим* достижением высшего класса. Американский антрополог К. Янг пишет о «судьбе старых многонациональных империй в период после Первой мировой войны»: «В век национализма классическая империя перестала быть жизнеспособной формой государства... И только гигантская империя царей оказалась в основном спасенной от распада благодаря Ленину и с помощью умелого сочетания таких средств, как хитрость, принуждение и социализм... Первоначально сила радикального национализма на периферии была захвачена обещанием самоопределения и затем укрощена утверждением более высокого принципа пролетарского интернационализма, с помощью которого могла быть создана новая и более высокая форма национального государства в виде социалистического содружества» [212, с. 95—96].

Именно в Гражданской войне СССР обрел свою *территорию* (она была легитимирована как «политая кровью»). Территория СССР была защищена обустроенными и хорошо охраняемыми *границами*. И эта территория, и ее границы приобрели характер общего национального символа, что отразилось и в искусстве (в том числе в песнях, ставших практически народными), и в массовом обыденном сознании. Особенно крепким чувство советского пространства было в русском ядре советского народа.

С первых же дней советской власти была начата реализация большого проекта модернизации России, заделы для которого создавались в дореволюционной науке и ее институтах. Основанием «общественного договора» старой научной интеллигенции с новой властью были программные заявления и действия советского государства буквально с первых месяцев его существования. Условием для этого было то, что большинство научной интеллигенции, независимо от личных позиций в конкретном политическом конфликте того момента, принимало *образ будущего*, который декларировался в социальной философии советской власти.

Социализм как желанный тип жизнеустройства был близок интеллигенции, включая ее *праволиберальные* течения. Даже консерваторы и религиозные философы не были *антисоциалистами*¹. Научное сообщество России со второй половины XIX в. было «переплетено» с разными течениями социалистической культуры. Многие либеральные ученые и авторитетные для ученых деятели культуры были воспитаны под влиянием социалистической мысли. В ней они видели порождение науки, интеллектуальную программу развития России.

Вот суждение академика В.И. Вернадского в момент формирования партии кадетов, членом ЦК которой он стал: «Социализм явился прямым и необходимым результатом роста научного мировоззрения; он представляет из себя, может быть, самую глубокую и могучую форму влияния научной мысли на ход обществен-

¹ В 1917 г. в своей известной работе «Христианство и социализм» С.Н. Булгаков посвятил целый раздел именно критике «буржуазности» социализма («он сам с головы до ног пропитан ядом того самого капитализма, с которым борется духовно, он есть капитализм навыворот»). Впрочем, далее он пишет о социализме: «Если он грешит, то, конечно, не тем, что он отрицает капитализм, а тем, что он отрицает его недостаточно радикально, сам духовно пребывая еще в капитализме» [21].

ной жизни, какая только наблюдалась до сих пор в истории человечества... Социализм вырос из науки и связан с ней тысячами нитей; бесспорно, он является ее детищем, и история его генезиса — в конце XVIII, в первой половине XIX столетия — полна с этой точки зрения глубочайшего интереса» [26, с. 409—410].

Власть в этой части своего дела стала выполнять чаяния российской научной интеллигенции. Вот пример. Большим проектом российского научного сообщества перед революцией была институционализация систематического и комплексного изучения природных ресурсов России. Важным шагом в этой работе было учреждение в 1915 г. Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). Она стала самым крупным подразделением Академии наук. Возглавлял ее академик В.И. Вернадский, ученым секретарем был избран А.Е. Ферсман. Но работа даже этой комиссии, работавшей для нужд войны, тормозилась. Так, в течение двух лет она не могла получить 500 руб. для изучения месторождения вольфрама, обнаруженного на Кавказе¹.

Уже в январе 1918 г. советское правительство запросило у Академии наук «проект мобилизации науки для нужд государственного строительства». Ответную записку готовил А.Е. Ферсман, он предлагал расширить деятельность КЕПС и наладить учет и охрану научных сил.

Установка советского государства на форсированное развитие науки была принципиальной и устойчивой. В апреле 1918 г. В.И. Ленин написал программный материал «Набросок плана научно-технических работ». Его главные положения совпадали с представлениями КЕПС. Уже в апреле структура КЕПС была резко расширена. А.Е. Ферсман руководил Радиевым отделом и отделом Нерудных ископаемых, а с 1920 г. и Комитетом порайонного описания России.

В июне 1918 г. КЕПС, а затем и общее собрание Академии наук обсуждали «Записку о задачах научного строительства». Она была подготовлена, как сказано в протоколе КЕПС, в ответ на «пожелание Председателя Совнаркома выяснить те взгляды, которых придерживаются представители науки и научные обще-

¹ Наконец, на заседании, где обсуждался этот вопрос, академик А.Н. Крылов обругал «царскую фамилию и великих князей, которые захватили в свои руки вольфрамовые месторождения Забайкалья», вынул из кармана 500 руб. и сказал: «Это для спасения нашей армии, оставшейся без снарядов».

ства по вопросу о ближайших задачах русской науки» [84]. Согласование взглядов Совнаркома, представителей науки и, что менее известно, бывших министров и промышленников царской России позволило выработать и сразу начать ряд больших научно-технических программ (ГОЭЛРО, геолого-разведочных, эпидемиологических и др.).

В ноябре 1918 г. начала работать комиссия по исследованию Курской магнитной аномалии, в феврале 1919 г. ее планы рассматривались в Совете обороны. Несмотря на боевые действия в этом районе, там стала работать экспедиция Академии наук, за год были определены границы аномалии. В работе участвовали ведущие ученые России (И.М. Губкин, П.П. Лазарев, А.Н. Крылов, В.А. Стеклов, Л.А. Чугаев, А.Н. Ляпунов и др.). Был создан целый ряд новых приборов, разработаны ценные математические методы [85]¹.

Вот пример научной программы с большим социальным эффектом, которая предлагалась учеными до революции, но стала возможной лишь в советских условиях. К середине 20-х годов XX в. резко снизилась младенческая смертность в России, которая в самом конце XIX в. составляла 425 умерших на 1 тыс. родившихся. В результате средняя продолжительность жизни русских сразу подскочила **на 12 лет**. Это было достигнуто интенсивной и массовой *культурно-просветительной* работой. Врач С.А. Новосельский писал в 1916 г.: «Высокая детская смертность у православного, т.е. преимущественно русского, населения состоит, помимо общеизвестных причин, в связи с деревенскими обычаями крайне рано, едва ли не с первых дней жизни ребенка давать ему кроме материнского молока жеваный хлеб, кашу и т.п. Сравнительно низкая смертность магометан, живущих в общем в весьма антисанитарных условиях, зависит от обязательно грудного вскармливания детей в связи с религиозными предписаниями по этому поводу Корана»² [127]. Подобных программ

¹ Для ученых были важны и установки государства. Академик П.П. Лазарев писал: «Мы можем с полным правом утверждать, что без Ленина не было бы предпринято это грандиозное комплексное исследование, получившее в настоящее время такое большое практическое значение. Несомненно, что идейная помощь Ленина, его ясное понимание задач, которые стояли перед исследованием, сыграли колоссальную роль в тех успехах, которые были получены в этой области» [85, с. 29].

² У мусульман в 1897 г. младенческая смертность составляла 166 на 1 тыс. рожденных.

было много, например ликвидация в 20-е годы XX в. массового детского («бытового») сифилиса, вызванного элементарным незнанием правил гигиены.

Еще в 1910 г. В.И. Вернадский подал записку «О необходимости исследования радиоактивных минералов Российской империи», в которой предсказал «неизбежность практического использования атомной энергии», — на нее не обратили никакого внимания. А в 1918 г. создание инфраструктуры будущей атомной программы стало важной частью проекта строительства научного потенциала СССР. 29 марта 1918 г. ВСНХ предложил Академии наук начать исследования по производству радия. Сырье, предназначенное для отправки в Германию, было секвестрировано и передано Академии наук. В декабре 1921 г. были получены высокоактивные препараты радия, а в начале 1922 г. заработал завод. В 1918 г. начали разрабатывать ускоритель элементарных частиц, он был опробован в 1922 г.

Строительство советской науки планировалось как *система*. За структурную единицу сети был принят *научно-исследовательский институт*, новая форма научного учреждения, выработанная в основном в российской науке. Только за 1918—1919 гг. было создано 33 таких института, ставших той матрицей, на которой сформировалась научно-техническая система СССР. К 1923 г. число НИИ достигло 56.

И все это — в условиях тяжелейшей Гражданской войны и интервенции. Сейчас многим трудно понять, что строить систему научных учреждений в 1918—1920 гг. значило прежде всего *сохранить* самих ученых в буквальном смысле слова. В 1919 г. был принят декрет Совнаркома «Об улучшении положения научных специалистов» — им были выданы пайки на усиленное питание (сначала 500, к сентябрю 1921 г. 4786 пайков, а в 1922 г. продуктовые пайки получали 22 589 работников науки и техники).

Необходимым условием для индустриализации было создание национальной системы *стандартизации*. В России было учреждено Депо образцовых мер и весов, в 1893 г. преобразованное в Главную палату мер и весов (директором был Д.И. Менделеев). Однако создать единую государственную систему в царской России не удалось, хотя закон о введении метрической системы мер был принят в 1909 г. Из-за господства в промышленности иностранного капитала применялись три системы мер: старая русская, британская (дюймовая) и метрическая.

Введение единой метрической системы мер началось сразу после установления Советской власти, для хозяйства это был один из важнейших декретов Советской власти. Главная палата мер и весов во главе с директором с первых же дней стала активно сотрудничать с Советской властью и готовить реформу. Это был настоящий подвиг ученых, госаппарата и огромного числа пропагандистов¹. Даже во время Гражданской войны для отливки метрических гирь был выделен драгоценный чугун, и торговцы в короткие сроки были снабжены этими гирями.

В 1921 г. для работы по планированию народного хозяйства была создана Государственная плановая комиссия (Госплан). Его функция не сводилась к разработке государственных народно-хозяйственных планов, они были лишь инструментом. Экономика — арена конфликта интересов (социальных групп населения, отраслей, регионов). При малой степени огосударствления хозяйства разрешение конфликтов возлагается на стихийно действующий механизм рынка, а в советском государстве необходимо ведомство без своего особого «интереса». Таким ведомством и был Госплан. Он рассчитывал баланс потребностей и ресурсов, предвидя социальную и экономическую динамику. Так были спроектированы, а потом и построены большие технико-социальные системы жизнеустройства СССР, которые позволили ему вырваться из ловушки периферийного капитализма, стать промышленно развитой и научной державой и в исторически короткий срок подтянуть тип быта всего населения к уровню развитых стран.

Уже на первом этапе реализации советского проекта в массовом сознании возник «антропологический оптимизм», буквально изменив тип общества. Исчез «синдром бедняка», что привело к увеличению продолжительности жизни, искоренению массовых социальных болезней и резкому снижению преступности. Врач И.А. Гундаров пишет: «Отсутствие объективных оснований для значительного улучшения здоровья в 1921 г. заставляет предположить действие закона “духовно-демографической детерминации”. Действительно, уровень преступности, подскочивший в 1914—1918 гг. в два раза, затем в начале 20-х годов снизился от этой величины в четыре раза. В последующие годы

¹ Первая глава книги о ГОЭЛРО была посвящена объяснению смысла и значения реформы мер и весов, а предисловие к книге написал В.И. Ленин.

продолжалось поразительное улучшение духовного состояния общества. Если в 1922 г. коэффициент судимости по РСФСР составлял 2508 на 100 000 жителей, то в 1927 г. он упал до 1080. Уменьшилось число психических заболеваний, что подтверждается сокращением в психиатрических больницах коечного фонда на 31% по сравнению с 1913 г. Годы нэпа представляют собой удивительную картину резкого улучшения системы медико-оздоровительной помощи и здоровья населения» [51].

Доработка, совершенствование и реализация советского проекта продолжились в условиях нэпа, индустриализации и коллективизации 30-х годов XX в. и Великой Отечественной войны с послевоенной программой восстановления. После этого СССР вступил в новый исторический период.

Глава 3

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ВРАЖДЫ К СОВЕТСКОМУ ПРОЕКТУ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ

В борьбе разных проектов развития России, которая велась с нарастающей интенсивностью — с политическим насилием, но без внутренней войны — с 70-х годов XIX в., с общественной арены сошли один за другим проекты народников, реформа Столыпина (консервативная модернизация в рамках сословного общества и монархического государства), буржуазно-либеральный проект Временного правительства (Февральской революции). Относительно мирный период существования Советской власти был очень коротким, и летом 1918 г. коалиция антисоветских сил объявила ей войну.

Гражданская война 1918—1921 гг., как «война Февраля с Октябрем», есть продолжение военными средствами противостояния между двумя *революционными* проектами России. Это была война против *советского проекта*, сущность которого, в общих чертах, была изложена за период 1905—1917 гг. В этой войне действия отечественных антисоветских сил были сопряжены с иностранной военной интервенцией. Геополитические и внутрисполитические интересы участников того военного союза совпадали — об этом нельзя забывать, чтобы понять события конца XX в.

В. Шубарт в своей известной книге «Европа и душа Востока» (1938) пишет, как был тогда воспринят советский проект на Западе: «Самым судьбоносным результатом войны 1914 г. является не поражение Германии, не распад габсбургской монархии, не рост колониального могущества Англии и Франции, а зарождение большевизма, с которым борьба между Азией и Европой вступает в новую фазу... Причем вопрос ставится не в форме: Третий рейх или Третий Интернационал и не фашизм или большевизм? Дело идет о мировом историческом столкновении между континентом Европы и континентом России...

Сегодня Европа чувствует себя под серьезной угрозой русского большевизма. Если бы она пристальнее вгляделась в его облик, она обнаружила бы в нем свои собственные западные идеи, которые большевики лишь увеличили и огрубели до пародии, — идеи атеизма, материализма и прочих сомнительный хлам прометеевской культуры. То, чего Запад боится, — это не самих идей, а тех чуждых и странных сил, которые за ними мрачно и угрожающе вырисовываются, обращая эти идеи против Европы» [195].

Но мы здесь рассмотрим лишь *внутренний* конфликт — основания, по которым большие силы собрались в Белом движении или поддержали его в войне против нарождавшегося советского строя. Не будем рассматривать военную интервенцию Запада и Японии, примем ее как фактор «внешней среды», усугубляющий наш внутренний конфликт. Не будем отвлекаться и на интервенцию Польши с тяжелой межгосударственной войной, а также на войну Красной армии с силами антисоветских *националистических* движений на западных окраинах, на Кавказе и в Средней Азии. Не будем рассматривать и важное движение «*зеленых*». Это, в основном крестьянское, движение было *антилиберальным*, т.е. несовместимым с программой Белого движения, но оно находилось и в оппозиции к программе *модернизации*, лежащей в основе советского проекта¹.

Не будем также рассматривать те обстоятельства, которые ослабили или разрушили механизмы, препятствующие возникновению гражданских войн. Эти обстоятельства возникли сразу

¹ Во многом идейными установками «зеленых» были вдохновлены восстания против Советской власти, происходившие на исходе Гражданской войны (в Кронштадте, Сибири, Тамбовской губернии и др.).

после Февральской революции — прежде всего развал государства и особенно армии. Советская власть в этом и не участвовала. 16 июля 1917 г. А.И. Деникин заявил в присутствии А.Ф. Керенского: «Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие... Развалило армию военное законодательство последних месяцев».

Здесь мы возьмем лишь ядро *антисоветского проекта* того времени, а не фактологию событий.

В тот момент проект ограничивался исключительно негативной целью — свержение Советской власти. Состав Белого движения был очень разнородным, а цель — чрезвычайной. Установка на *непредрешенчество*, т.е. отказ от позитивного целеполагания, от предъявления образа будущего, была вынужденной — договориться об этом образе либералы, эсеры и меньшевики не могли. Виднейший деятель Белой армии генерал Я.А. Слащов-Крымский (он послужил прообразом генерала Хлудова в пьесе М. Булгакова «Бег») писал, что по своим политическим убеждениям эта армия представляла из себя следующее: «Мешанина кадетствующих и октябриствующих верхов и меньшевистско-эсерствующих низов... “Боже Царя храни” провозглашали только отдельные тупицы, а масса Добровольческой армии надеялась на “учредилку”, избранную по “четырёххвостке”, так что, по-видимому, эсеровский элемент преобладал» [82, с. 57].

Для нашей темы надо выявить основные мотивы, по которым значительная по массе и важная по составу часть российского общества решилась оказать сопротивление советскому проекту с оружием в руках, неся огромные жертвы и нанося огромные потери остальному населению. Очень многие из тех мотивов, что привели к Гражданской войне в 1918 г., были оживлены в 80-е годы XX в. и привели к падению СССР уже в холодной гражданской войне, которая соединилась с холодной же внешней войной Запада против СССР.

Говоря о гражданских войнах, обычно упирают на чисто *классовые* причины, говорят о войне за *собственность*. На деле классовые интересы — лишь фон. Почему в нашей Гражданской войне офицерство, выходцы из одного и того же социального и культурного слоя, разделилось между красными и белыми ров-

но пополам?¹ Нет, убивать и гибнуть люди идут не из непосредственно понимаемого классового интереса, а по вопросу о том, как надо жить людям, в чем *правда* и *совесть*.

П.А.Сорокин в своей важной работе «Причины войны и условия мира» пишет: «Гражданские войны возникали от быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного общества, тогда как другая либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположном направлении. Фактически все гражданские войны в прошлом происходили от резкого несоответствия высших ценностей у революционеров и контрреволюционеров. От гражданских войн Египта и Персии до недавних событий в России и Испании история подтверждает справедливость этого положения» [170].

Гражданская война — катастрофа более страшная, чем война с внешним врагом. Она раскалывает народ, семьи и даже самую личность человека, она носит тотальный характер и наносит тяжелые душевные травмы, которые надолго предопределяют жизнь общества. Поскольку в гражданской войне нет тыла, она разрушает всю ткань хозяйства, все жизнеустройство в целом. В ходе Гражданской войны в России погибло несколько миллионов человек, подавляющее большинство из них потеряли жизнь не от «организованного насилия» — на поле боя или от репрессий — а от голода, болезней и особенно эпидемий (тифа), а также от «молекулярных», местных конфликтов, не связанных с целями воюющих сторон.

Гражданская война самым страшным образом повлияла на весь дальнейший ход событий нашей истории. Она довершила разрушение хозяйства, подорванного Первой мировой войной, и отбросила страну в состояние крайней материальной скудости, повлиявшей на все стороны жизни и на мышление.

Эта война привела к истреблению большей части самых энергичных, активных и образованных людей с обеих сторон фронта и надолго предопределила страшный кадровый голод.

¹ В Красной Армии служили 70—75 тыс. офицеров, т.е. 30% всего старого офицерского корпуса России (из них 14 тыс. до этого были в Белой армии). В Белой армии служили около 100 тыс. (40%) офицеров, остальные бывшие офицеры уклонились от участия в военном конфликте. В Красной Армии было 639 генералов и офицеров Генерального штаба, в Белой — 750. Из 100 командармов, которые были в Красной Армии в 1918—1922 гг., 82 были ранее «царскими» генералами и офицерами.

Это привело, среди прочего, к ужесточению и упрощению системы управления всеми общественными процессами, к ее огрублению, к замене знаний и навыков простыми инструкциями и запретами. Перевод в 1918 г. всей жизни советского общества на военные рельсы придал ей черты «казарменного» уклада и привел к крайнему огосударствлению. Это убило значительную часть творчества масс, в котором мог раскрыться огромный потенциал российской общинной культуры. Из гражданской войны выросли жесткость, суровость и склонность к грубому разрешению противоречий, которые очень дорого обошлись нам и продолжают дорого обходиться и сегодня.

Мотивы, побудившие к такой войне, соединены в систему с сильными кооперативными эффектами. Трудно выявить их иерархию — они действуют не поодиночке, а в режиме синергического взаимодействия. Порядок их перечисления не так уж важен, важно в уме представить их связи. Коротко остановимся на привычных, осязаемых мотивах, учитывая, однако, что они составляют лишь фон, а иногда и маскировку более сильных страстей.

Эгоизм привилегированных слоев

По мере наступления капитализма западного типа подрывались социальные и культурные основы сословного общества России, менялись высшие ценности и «привилегированных классов», и трудящихся — представления о человеке и его правах. Понятно, что эти изменения в системе ценностей сразу приводили к очевидным для всех изменениям в жизнеустройстве: совершался отход от патерналистских установок помещиков, владельцев предприятий и царского правительства. В культуру правящих классов просачивался *социал-дарвинизм*, идеология западной буржуазии.

Та небольшая часть капиталистов России, которая смогла войти в симбиоз с «импортированным» зрелым западным капитализмом, после 1905 г. заняла столь радикальную социал-дарвинистскую позицию, что вступила в конфликт даже со значительной частью буржуазии. Так, группа московских миллионеров, выступив в 1906 г. в поддержку столыпинской реформы, заявила в беседе с корреспондентом журнала «Экономист России»: «Мы почти все за закон 9 ноября... Дифференциации мы нисколько не боимся... Из 100 полуголодных будет 20 хороших

хозяев, а 80 батраков. Мы сентиментальностью не страдаем. Наши идеалы — англосаксонские. Помогать в первую очередь нужно сильным людям. А слабеньких да нытиков мы жалеть не умеем» [131].

Эгоизм представителей привилегированного меньшинства во время социальных потрясений переплетается с острым чувством *несправедливости* лишения их ставших привычными привилегий. Не так много тех, кто в этот момент может трезво и объективно сравнить свою личную утрату с масштабами общей катастрофы. Надо, однако, снова подчеркнуть, что очень большая часть привилегированных сословий России признала *социальную* справедливость будущего советского порядка, хотя личные обиды саднили. Без этого признания не было бы ни больших программ 20-х годов, ни индустриализации и культурного подъема 30-х годов XX в., ни быстрого национального примирения после Гражданской войны, совершенно непохожего на то, что происходило после подобных войн в США, Мексике или Испании. Но массовые личные травмы и их коллективное переживание в своем кругу оказывали сильное давление на сознание.

Это чувство утраты и несправедливости поместное дворянство испытало уже при реформе 1861 г. (стоит вспомнить поэму Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»). Узначительной части этого сословия обида подпитывалась и передавалась по наследству вплоть до 1917 г.

А.Н. Энгельгардт пишет в письме из деревни в 1863 г. о запустении помещичьих усадеб после реформы, что видно было даже по исчезновению псовой охоты: «Притом же крестьяне теперь так зазнались, что не позволяют борзятникам топтать поля». В сноске он дает пояснение: «Прежде тоже иногда случалось, что крестьяне, особенно казенные, нападали на охотников, топчущих их поля. Вы, может быть, не знаете, что у охотников существовал сигнал “на драку”. Охотник, схваченный крестьянами, трубил на рожке сигнал, и тогда все остальные охотники спешили к нему на помощь и, разумеется, обыкновенно побивали крестьян. Теперь «на драку» едва ли кто-нибудь затрубит» [202, с. 481].

А вот письмо помещика от 6 июня 1906 г., перлюстрированное полицией. В нем видно, как сознание привилегированных слоев сдвигается к дремучему социал-дарвинизму: «А делато дрянно! Черт их возьми, прямо выхода, кроме драки, не видно. Народ озверел. Все эти забастовки и аграрные беспорядки, по-

моему, создались на почве зависти к сытому и богатому со стороны голодного и бедного. Это такое движение, которое не поддается убеждению, а разрешается битвой и победой. Впрочем, что же — война, так война. Только противно видеть, что поднялись самые подлые страсти. Бедность, голод и т.д. вовсе не от того, что у крестьян мало земли или плохо платят за работу, а от неумения работать, от необразованности и лени» [177, с. 36].

Реакционная часть помещиков не приняла даже реформы Столыпина, верно оценив порождаемые ею риски. В начале 1907 г. съезд Объединенного дворянства заявил о своем неприятии реформы местных органов управления, поскольку, дескать, она отдаст власть на местах в руки «людей хищническо-промышленного типа», которые соединятся с «третьим элементом» (интеллигенцией). Таким образом, была отвергнута даже такая программа модернизации, при которой развитие капитализма (с самым необходимым минимумом демократизации) происходило бы при сохранении всех привилегий дворянства.

Эта часть дворянства поставила заслон буржуазной государственности «справа», а затем консолидировалась как враг советского порядка. Выступая против проекта реформы начального образования (части общего плана столыпинской реформы), предводитель правых в Государственной Думе Н.Е. Марков обращался к помещикам: «Ваши имения, ваша жизнь будет висеть на волоске, когда воспитанные в ваших безбожных школах ученики придут вас жечь, и никто вас защищать не будет».

Помещики, не примирившиеся с перспективой потери их собственности, верно поняли вектор, направление хода событий уже летом 1917 г. Часть их радикализовалась быстро, и в их среде сложилась доктрина *мщения*. Это важная идеологическая предпосылка гражданской войны. Вот прокламация одного из помещичьих союзов, изданная в мае 1917 г. (опубликована в газете «Дело народа» в августе 1917 г.). Она начинается словами: «Будущие пролетарии — русские землевладельцы, — соединяйтесь!»

В заключение в прокламации сказано: «Народ, отменивший смертную казнь как преступное убийство и вводящий в свои законы другое преступление — грабеж и захват как основу своего ленивого благосостояния, как не имеющий государственно-го смысла, — не должен и не может иметь своего государства. Как социалисты не признавали самодержавия, даже когда оно пользовалось всеобщим признанием, так и мы не можем при-

знать преступной грабительской республики. При таких условиях нам не уйти от гибели, а нашим детям — от голода, потому что мы никогда не подчинимся велениям и законам преступного государства, которое хочет узаконить грабительский захват. Мы не найдем себе места в нашем бесшабашном отечестве, как не находили его социалисты. Но социалисты прибегали к мести и террору, другого средства борьбы у них не было. Очевидно, по этому ужасному пути придется идти также нам и нашим детям.

Это так неизбежно, хотя горько и ужасно: сотни тысяч обнищавших землевладельцев непременно выделяют из своей среды десятую часть, т.е. десятки тысяч самых несчастных и пылких, а эти несчастные в одну темную ночь пойдут с коробкой спичек и с пузырьком керосина к десяткам тысяч грабительских сел и деревень, в которых будут скоро заседать в трогательном единодушии советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, убежавших туда после банкротства фабрик и заводов, и произведут всероссийскую иллюминацию, не щадя ни домов, ни лесов, ни посевов. Темным грабителям легче будет делить голую землю. А мы только в этом ужасном, неизбежном мщении обречем единственное утешение свое.

Союз несчастных землевладельцев». [200, с. 250—251].

С середины 90-х годов XIX в. «миры» крестьян и помещиков стали быстро расходиться к двум разным полюсам жизнеустройства: крестьянство становилось все более «общинным», а помещики — все более капиталистами. Крестьяне строили «хозяйство ради жизни» с ориентацией на самообеспечение, а помещики — «хозяйство ради прибыли». И вот — Советская власть с ее декретами и национализацией земли, с дележом поместий или, в лучшем случае, превращением их в «показательные хозяйства».

Надо сказать, что фобии дворянства и буржуазии, их преувеличенные страхи перед грядущими изменениями социального порядка, которые и привели к катастрофе Гражданской войны, во многом были следствием культурного разрыва элиты с массой трудящихся. Помещики, буржуазия и пресса мифологизировали намерения и установки крестьян. Так, непонимание сущности вопроса о земле в крестьянской России и консерваторами, и либералами, и социалистами-западниками стало нашей национальной бедой. Тогда, да и сейчас, городской обыватель считает, что крестьяне России желали «отнять землю у помещиков». Это совершенно ошибочный стереотип. С момента рефор-

мы 1861 г. крестьяне вовсе не требовали и не желали экспроприации земли у помещиков. Они понимали национализацию как средство справедливо разделить землю согласно *трудо-му* принципу, чтобы и помещикам оставить, но столько, сколько он может возделывать своим трудом. Например, М.М. Пришвин решил жить в своей усадьбе и трудиться на земле — и ему оставили его «трудовую норму» в 16 десятин пашни.

Антибуржуазность и органов рабочего самоуправления (фабзавкомов), и сельских советов была порождена не классовой ненавистью, а именно вытекающей из мироощущения общинного человека ненавистью к классовому разделению, категорией не социальной, а культурной. Фабзавкомы, забиравшие после Февраля рычаги управления в свои руки, предлагали владельцам фабрик стать «членами трудового коллектива», войти в «артель» — на правах умелого мастера с большей, чем у других, долей дохода (точно так же, как крестьяне в деревне, ведя передел земли, предлагали и помещику стать членом общины). В.И. Ленин писал об организованном в рамках фабзавкома рабочем: «Правильно ли, но он делает дело так, как крестьянин в сельскохозяйственной коммуне» [188, с. 86].

В условиях революционной разрухи деятельность фабзавкомов была так очевидно необходима для предприятий, что владельцы, в общем, шли на сотрудничество (67% фабзавкомов финансировались самими владельцами предприятий)¹. Как писал печатный орган Центрального союза фабзавкомов «Новый путь»: «при этом не получится тех ужасов, той анархии, которую нам постоянно пророчат... Отдельные случаи анархических проявлений так и остаются *отдельными*». В августе-сентябре 1917 г. стали частыми случаи взятия фабзавкомами управления предприятием в свои руки. Это происходило, когда возникала угроза остановки производства или когда владельцы отказывались выполнять те требования, которые фабзавком признавал разумными. В случаях когда фабзавком брал на себя руководство фабрикой, отстраняя владельца, обычно принималось постановление никаких особых выгод из этого рабочим не извлекать. Весь доход после выплаты зарплаты и покрытия расходов на производ-

¹ В Центральной России фабзавкомами было охвачено 87% средних предприятий и 92% крупных, так что рабочие уже с марта 1917 г. считали, что они победили в революции и перед ними открылась возможность устраивать жизнь в соответствии со своими представлениями о добре и зле.

ство поступал в собственность владельцев предприятия [188, с. 55]. И всякое согласие представителей бывших привилегированных сословий находило отклик.

Вопрос о земле был не только экономическим и его невозможно было разрешить исходя из рационального расчета — речь шла о мировоззрении. Две части общества существовали в разных системах права и не понимали друг друга, считая право другой стороны «бесправием». Такое «двоеправие» было важной своеобразной чертой России. Как говорят юристы, на Западе издавна сложилась двойственная структура «право — бесправие», в ее рамках мыслил и культурный слой России начала XX в. Но рядом с этим в России жила более сложная система: «официальное право — обычное право — бесправие». Обычное право для западника кажется или бесправием, или полной нелепицей. Эту ошибку пытались объяснить народники, говоря о сохранении в среде крестьянства основ старого обычного права — *трудо-во-го*. Право на землю в сознании крестьян было тесно связано с *правом на труд*.

М.М. Пришвин записал в дневнике 27 декабря 1918 г.: «Что же такое это земля, которой домогались столько времени? Земля — уклад. “Земля, земля!” — это вопль о старом, на смену которого не шло новое. Коммунисты — это единственные люди из всех, кто поняли крик “земля!” в полном объеме» [149].

Надо считать несчастьем России тот факт, что главные политические и философско-политические течения начала XX в., оттеснившие на обочину народников, следовали евроцентристским представлениям о человеке, собственности, хозяйстве. Не понимая мировоззрения крестьян, они невольно углубили общественный раскол, придали ему характер поистине религиозного конфликта.

Комментарий из XXI в.: демократия и диктатура пролетариата. Когда из нашей нынешней жизни смотришь на историю русской революции, вроде бы простые и заученные вещи начинают выглядеть совершенно по-иному. Ведь многие вещи мы не осмысливали и не пытались понять, а именно заучивали.

Сегодня встало, как камень из песка, противопоставление «*диктатура пролетариата — демократия*». Мол, советский строй стоял на диктатуре пролетариата, и это было ужасно, а теперь у нас демократия, и мы почти счастливы. Иногда, правда,

уточняют, что то была диктатура не пролетариата, а большевиков. Но это мелочи. Ведь кто такие большевики, если, как говорят, были поголовно уничтожены все дворяне, буржуи, священники и «справные крестьяне»? Те же пролетарии города и деревни¹.

Начнем с того, что мы сегодня видим вокруг. Да, у нас демократия, ее главные признаки налицо: многопартийность, гражданские права и свободные выборы. Организуй любую партию! Свобода слова? Выпускай любую газету, хоть сплошь из матерных слов. Можешь купить телестудию и Путина ругать. Денег у людей не хватает газету выпускать? Так ведь за демократию надо платить. Вот мы и платим, еще не расплатились. Некоторые неудачники плачут: «Хотим жить!». Жить — это уже отход от демократии, это уже *социал*-демократия, получение *социальных* прав, а не гражданских. Об этом не договаривались.

Чем же обернулась демократия и могло ли выйти иначе? Как это ни покажется примитивным, к этому вопросу лучше подойти не с классовым взглядом, а с делением на *бедных* и *богатых*. Классы на это деление накладываются, но не вполне². А у нас в России, где в политэкономическом смысле классы вообще не успели сложиться, а потом практически растворились в советском обществе, ничего к ним свести не удастся. Между тем именно на делении богатые—бедные и возникла демократия. Богатые объединились в гражданское общество — «республику собственников» — и учредили демократию как наилучший способ защитить себя от бедных (пролетариев, т.е. неимущих).

Понятно, что по типу бедности и отношению к ней строй жизни и в России до конца XIX в., и в СССР резко отличался от либерального общества Запада. Однако во время реформы 90-х годов XX в. были отвергнуты советские критерии и принципы, и имен-

¹ Тут, правда, возникает неувязка с родословной наших нынешних демократов. Вдруг оказывается, что все они — чуть ли не из князей или даже из раввинов. Но это тоже мелочи.

² Наше образование делало упор на понятие класса, сформулированного в марксистской политэкономии. Историки (Ф. Бродель) относят возникновение упорной классовой ненависти к периоду Возрождения. Тогда в больших богатых городах при первых признаках чумы богатые выезжали на свои загородные виллы, а бедные оставались в зараженном городе, как в осаде (но при хорошем снабжении во избежание бунта). Происходило «социальное истребление» бедняков. По окончании эпидемии богачи сначала вселяли в свой дом на несколько недель беднячку-«испытательницу». Жан Поль Сартр писал: «Чума действует лишь как усилитель классовых отношений: она бьет по бедности и щадит богатых» [20, с. 97].

но капитализм был взят за образец «правильного» жизнеустройства, якобы устраняющего ненавистную «уравниловку». Не будем вилять — отрицание уравниловки есть не что иное, как признание бедности законного характера.

Как написано в западных учебниках, демократия есть *холодная гражданская война* богатых против бедных, ведущаяся государством. Как мы сами недавно видели, холодная война богатых даже более эффективна, нежели горячая. Хотя в крайних случаях прибегают и к горячей — выпускают то Пиночета, то Ельцина с танками.

Как же ведут свою войну богатые с помощью демократии? Соблазняют людей политическим равенством, которое путем промывания мозгов на время утверждают как наивысшую ценность — гораздо более ценную, нежели равенство социальное. Каждый свою частицу власти может осуществить через выборы. Вроде все логично, а на деле не проходит. Богатые первым делом «выгоняют» бедных с «политического рынка» спектаклями непрерывных скандалов, демонстративным ничтожеством продажных политиков. В массовое сознание нагнетается мысль, что «политика — дело грязное» и на выборы лучше не ходить, бесполезно. Людей запугивают «виртуальными ужасами»: бабушек — что Ельцин обидится и пенсии отнимет, верующих — что коммунисты снова храм Христа Спасителя взорвут. Таким образом, достигается первое условие — на выборы порой не приходит 75% избирателей, в том числе почти все бедные.

Так возникает общественный строй-мираж. Бедные в нем как бы исчезают, благополучная половина их просто не видит. Из бедности выхватываются гротескные фигуры, даются с комическими комментариями. Их образ становится частью несуществующего мира. Эта демократия — снятие запрета на геноцид бедных. В этом ее главная суть, все остальное — мелочи.

Что же такое была у нас диктатура пролетариата? Главный ее смысл был в запрете именно на эту демократию. Жесткий запрет на убийство ближнего — для тех, кто сам этого запрета не понимает. Диктатура пролетариата вдруг появилась в России, и почти все ее возжелали именно потому, что наши либералы после Февраля 1917 г. наглядно эту суть демократии всем показали. И русские, которые тогда почти поголовно были крестьянами (хотя бы и фабричными или «в серых шинелях»), очень хорошо эту суть поняли.

Термин *диктатура пролетариата* в России употреблялся как метафора и не имел *классового* смысла. Когда во время перестройки начались дискуссии о том, имел ли пролетариат в советской системе диктаторские полномочия, это вызывало недоумение: такие понятия никогда и не понимаются буквально.

В политическом смысле диктатура пролетариата означала, что у богатых было изъято главное средство власти — возможность отвращать людей от участия в выборе жизнеустройства. Бедные действительно стали влиять на ход жизни — даже гораздо больше, чем того хотело советское государство. Другое дело, что через полвека, став «средним классом» или номенклатурой, дети бедных стали легко подвергаться соблазнам, но это уже другая история.

В социальном смысле диктатура пролетариата означала запрет на убийство бедных богатыми. Равный доступ к минимуму пищи, т.е. право на жизнь, был утвержден как не подвергаемый обсуждению. Никаких голосований по этому вопросу не допускалось. Из этого и вытекали 34 млн. пайков во время военного коммунизма для всех горожан: и банкиров, и трубочистов. Из личных симпатий, злоупотребив своей властью, В.И. Ленин выхлопотал паек первой категории (как для молотобойца) для антикоммуниста академика И.П. Павлова и его жены.

Утвердив равенство в вопросе жизни и смерти, диктатура пролетариата была вынуждена наложить мораторий на равенство атомизированных голосов — на демократию для богатых. Иначе, как ни крути, убийство бедных было не остановить.

Возмущение господ «восставшим хамом»

Этот сильный мотив редко выносится на публику культурными людьми и обсуждается в кругу «своих» — люди чувствуют, что это злая, недостойная установка, но трудно с ней справиться. Так было и в те годы.

В 1990 г. в издательстве «Советский писатель» (!) была издана книга И.А. Бунина «Окаянные дни». Эта книга дышит дикой ненавистью к «русскому простонародью». Ее обязательно надо прочесть тем, кто заинтересован в нашей теме. В И. Бунине говорит сословная злоба и ненависть к *народу*, который оказался не добрым и всепрощающим богоносцем, а восставшим хамом. Читаем у И.А. Бунина:

«В Одессе народ очень ждал большевиков — «наши идут»... Какая у всех [у «всех» из круга Бунина — С. К.-М.] свирепая жажда их гибели. Нет той самой страшной библейской казни, которой мы не желали бы им. Если б в город ворвался хоть сам дьявол и буквально по горло ходил в их крови, половина Одессы рыдала бы от восторга».

Для нашей темы интереснее рассуждения рефлекслирующих философов, которые стараются анализировать свои противоречивые чувства гуманистов с элитарным самосознанием. К таким философам можно отнести Н.А. Бердяева как представителя интеллектуальной элиты того времени и писателя М.М. Пришвина, который провел 1917 г. и весь период Гражданской войны в гуще деревенской жизни и вел подробный дневник, фиксируя и реальные события, и свои мысли и чувства.

Н.А. Бердяев пишет: «Основное противоречие моего мнения о социальной жизни связано с совмещением во мне двух элементов — аристократического понимания личности, свободы и творчества и социалистического требования утверждения достоинства каждого человека, самого последнего из людей и обеспечения его права на жизнь. Это есть также столкновения влюбленности в высший мир, в высоту и жалости к низинному миру, к миру страдающему. Это противоречие вечное... Когда уравнилительная тирания оскорбляет мое понимание достоинства личности, мою любовь к свободе и творчеству, я восстаю против нее и готов в крайней форме выразить свое восстание. Но когда защитники социального неравенства бесстыдно защищают свои привилегии, когда капитализм угнетает трудящиеся массы, превращая человека в вещь, я также восстаю...

Признание верховенства личности означает метафизическое неравенство, различие, несогласие на смешение, утверждение качества против власти количества. Но это метафизическое качественное неравенство совсем не означает социального, классового неравенства. Свобода, не знающая жалости, становится демонической» [13]¹.

¹ Впрочем, в другом месте Н.А. Бердяев противоречит своему тезису о «метафизическом неравенстве». Он пишет, что по внешним признакам оценить «метафизический» статус никакого человека нельзя в принципе: «Всякая человеческая личность, личность последнего из людей, несущая в себе образ высшего бытия, не может быть средством ни для чего, в себе имеет экзистенциальный центр и имеет право не только на жизнь, отрицаемое современной цивилизацией, но и на

Здесь конфликт ценностей, одинаково важных для личности. Для элитарного сознания Н. Бердяева «метафизическое неравенство» — необходимое условие его бытия, но он, вскормленный Просвещением, «свободой, равенством и братством», одновременно желает социального равенства. На практике совместить эти ценности очень трудно, а в условиях гражданской войны невозможно, надо выбирать. О трагедии этого выбора мятущиеся философы не говорят, но хотя бы помогают нам упорядочить это единство и борьбу противоречий.

Вот, Н. Бердяев качнулся в одну сторону: нельзя лишать трудящихся хлеба на том основании, что «при угнетенности масс культура была красива»: «Как Герцен, как К. Леонтьев у нас, как Ницше, как Леон Блуа на Западе, я очень чувствую грядущее царство мещанства, буржуазность не только капиталистической, но и социальной цивилизации. Но обычный романтический аргумент о наступающем царстве мещанства мне представляется сейчас фальшивым... Нельзя защищать социальную несправедливость на том основании, что социальная справедливость оборачивается мещанством. Это аргумент К. Леонтьева. Нельзя отказать решать проблему хлеба для трудящихся масс на том основании, что при неразрешенности этой проблемы и при угнетенности масс культура была красива. Это особенно невозможно для христиан» [13].

Но трудящиеся массы восстали — и Н. Бердяев качнулся к социальному расизму, даже на редкость примитивному: «Культура существует в нашей крови. Культура — дело расы и расового подбора... “Просветительное” и “революционное” сознание... затемнило для научного познания значение расы. Но объективная незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определенными интересами, но как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела. Существование “белой кости” есть не только сословный предрассудок, это есть неопровержимый и неистребимый антропологический факт» [16].

обладание универсальным содержанием жизни. Это истина евангельская, хотя и недостаточно раскрытая...

Качественно различные, неравные личности не только в глубинном смысле равны перед Богом, но равны перед обществом, которому не принадлежит право различать личности на основании привилегий, т. е. на основании различия социального положения» [13].

При таких установках в общественной мысли была утрачена умеренная середина — стали возможны лишь взаимоисключающие решения. Возможности компромиссов быстро сокращались.

В оправдание своей вражды к «трудящимся массам», решившимся встать на борьбу за хлеб и правду, идеологи элиты часто выступают в защиту культуры, которой якобы угрожает гибелью власть простонародья. Н.Бердяев пишет: «Народная масса в прошлом имела свою духовную культуру, основанную на религиозной вере, массы же в этот переходный период лишены всякой духовной культуры, и они дорожат только мифами и символами, которые им демагогически внушены, мифами и символами национальными и социальными, расы, нации, государства, класса и пр. При этом всегда происходит идолотворение. Ценности с необыкновенной легкостью превращаются в идолы. Ведь и сама цивилизация может превратиться в идола, как государство, нация, раса, пролетариат, тот или иной социальный строй» [13].

Ну куда податься аристократической личности! Ведь чуть потесни ее у кормушки — и все «может превратиться в идола». Народную массу можно держать в узде лишь с помощью «духовной культуры, основанной на религиозной вере», и мощной полиции. Но это суждение Н. Бердяева ложно: «красивая» сословная культура как «дело расового подбора» (и «при угнетенности масс») как раз и приводит к идолотворению в одной своей ветви и к революции — в другой. Надеяться на то, что «духовная культура, основанная на религиозной вере», всегда будет достаточна для удовлетворения угнетенной массы, есть либеральная иллюзия, навеянная идеологией. Сознание — развивающаяся система, и представление о приемлемом уровне несправедливости меняется.

Тяжело переживая крах либеральных иллюзий, порожденных Февральской революцией, М.М. Пришвин так выразил суть Октября как *русского бунта*: «горилла поднялась за правду». Но что такое была эта «горилла», как он назвал русское простонародье? Стал М.М. Пришвин размышлять, из чего же она возникла. И уже 31 октября 1917 г. выразил свой вывод почти в притче. Возник в трамвае спор о правде (за Керенского — или за Ленина?) — до рычания. И кто-то призвал спорщиков: «Товарищи, мы православные!».

М.М. Пришвин из этого выводит, что советский строй («горилла») — это соединение невидимого града православных с видимым градом на земле товарищей: «В чистом виде появле-

ние гориллы происходит целиком из сложения товарищей и православных».

Этого не надо бы забывать сегодня нашим православным, которые стараются оторваться от товарищей. А нашему молодому «креативному классу» стоит вникнуть в такое откровение Н. Бердяева:

«Я считал революцию неизбежной и справедливой, но духовный ее облик мне был неприятен с самого начала. Ее неблагородные проявления, ее посягательства на свободу духа противоречили моему аристократическому пониманию личности и моему культу духовной свободы. Революцию большевистскую я не принял не столько социально, сколько духовно... Но в Западной Европе я вновь пережил психическую реакцию, и притом двойную, реакцию против русской эмиграции и против буржуазно-капиталистического общества Европы. В русской эмиграции я увидел то же отвращение к свободе, такое же ее отрицание, как и в коммунистической России. Что было объяснимо, но гораздо менее оправдано, чем в коммунистической революции.

Никакие революции никогда не любили свободы, миссия революций иная. В революциях поднимаются вверх новые социальные слои, раньше не допущенные к активности и угнетенные, и в борьбе за свое новое положение в обществе они не могут проявлять свободолюбия и не могут бережно относиться к духовным ценностям. Менее понятна и менее оправдана такая нелюбовь к свободе и духовному творчеству тех, которые почитают себя культурным слоем и хранителями духовной культуры. В Западной же Европе я ясно увидел, насколько антикоммунистический фронт движется интересами буржуазно-капиталистическими или носит характер фашистский» [13].

Как страдает и мечется аристократическая личность Н. Бердяева! В октябре 1993 г. в Москве один очень умный человек, состоящий трудящийся и в то же время аристократ духа, сказал с горечью: «Не удержались... Теперь опять все покатило к распутью: или к Сталину — или к Гитлеру».

Социальный расизм потревоженной элиты

Когда после революции 1905—1907 г. буржуазно-либеральная партия России (кадеты) стала уповать на буржуазию («русских Круппов» и «крепкое мещанство»), ей неизбежно пришлось

отвергнуть сам идеал *равенства*. Бывший марксист П. Струве стал писать, что основанием прогрессивного общества «является всегда человеческая личность, отмеченная *более высокой степенью годности*» [выделено мной. — С.К.-М.]. Н. Бердяев стал выражаться еще круче.

Это был сдвиг к социал-дарвинистскому представлению о человеке, а значит, полный разрыв с той антропологией, на которой стояла до этого русская культура. Желаемый для большинства образ будущего стал восприниматься с нарастающей ненавистью. Нарастание революционных настроений вызвало резкий сдвиг социальной философии элиты вправо. Социальный расизм стал характерен даже для умеренно левых философов.

Идеологи либеральной буржуазии начиная с революции 1905—1907 гг. все больше и больше переходили на позиции радикального противопоставления себя народу как иной, враждебной расе. Это отразилось уже в книге «Вехи». Основная идея этой книги ясно была выражена в статье М.О. Гершензона, который писал: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться мы его должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» [37, с. 101].

В отношении к простонародью, к «братьям бездомным», произошел глубокий раскол в русской интеллигенции. Раскол совершенно не по классовому признаку, а по духовным, даже религиозным, основаниям. Если интеллектуалы — кадеты и аристократы, как И. Бунин и Н. Бердяев, — впали в социал-дарвинизм, раскаялись в любви к народу как «*зверопоклонстве*», то поэтический идеолог крупной буржуазии поэт-символист В. Брюсов писал в 1901 г. этому простонародью:

Вас, обезличенных медленным зверством,
Властью бичей и желез,
Вас я провижу во храме отверстом,
В новом сиянье небес.

И не надо думать, что В. Брюсов и А. Блок не знали народа и простонародья, идеализировали его, а И. Бунин и М. Гершензон знали. Дело в том, что отношение к народу не вырабатывается логически, это сфера идеалов, ценностей иррациональных.

Почти бескровное осуществление Февральской революции было встречено как праздник. Но то, что главный спор — впереди, чувствовалось всеми, кто наблюдал развитие этого спора, начиная с крестьянских восстаний 1902 г. 3 марта 1917 г. В. Брюсов написал стихотворение «В мартовские дни». Оно полно предчувствий:

Приветствую Свободу... Свершился приговор...
Но знаю, не окончен веков упорный спор,
И где-то близко рыщет, прикрыв зрачки, Раздор.

Перерастание неприязни к простонародью в ненависть в среде имущих классов и значительной части культурного слоя России отмечалось многими наблюдателями уже начиная с лета 1917 г. М.М. Пришвин записал в дневнике 19 мая: «Сон о хуторе на колесах: уехал бы с деревьями, рощей и травами, где нет мужиков». 24 мая он добавил: «Чувствую себя фермером в прериях, а эти негры Шибай-Кибай злобствуют на меня за то, что я хочу ввести закон в этот хаос». 28 мая читаем такую запись: «Как лучше: бросить усадьбу, купить домик в городе? Там в городе хуже насчет продовольствия, но там свои, а здесь в деревне, как среди эскимосов, и какая-то черта неумолимая, непере-ходимая» [149].

И все же у М.М. Пришвина это непонимание диалектично, он видит в этих «эскимосах» непонятный для него потенциал развития. 27 апреля 1918 г. он записал в дневнике:

«Я никогда не считал наш народ земледельческим, это один из предрассудков славянофилов, хорошо известный нашей технике агрономии: нет в мире народа менее земледельческого, чем народ русский, нет в мире более варварского обращения с животными, с орудием, с землей, чем у нас. Да им и некогда и негде было научиться земледелию на своих клочках, культура земледелия, как и армия царская, держалась исключительно помещиками и процветала только в их имениях...

После разрушения армии сила разрушения осталась: там было бегство солдат в тыл, теперь — бегство холопов в безнадежную глубину давно прошедших веков... Теперь иностранец-предприниматель встретит в России огромную массу дешевого труда, жалких людей, сидящих на нищенских наделах.

Самое ужасное, что в этом простом народе совершенно нет сознания своего положения, напротив, большевистская труха в

среднем пришлось по душе нашим крестьянам — это торжествующая середина бесхозяйственного крестьянина и обманутого батрака... Вот моя умственная оценка нашего положения, я ошибаюсь лишь в том случае, если грядущий иностранец очутится в нашем положении или если совершится чудо: простой народ все-таки создаст могучую власть» [149].

Это «чудо» и произошло — простой народ создал могучую власть именно потому, что «большевистская труха пришлось по душе нашим крестьянам». Но это было потом. Как проницательный наблюдатель, М.М. Пришвин пришел к выводу, что уже в начале лета 1917 г. возможность диалога и взаимопонимания между либералами и крестьянством быстро иссякала, отторжение утрачивало рациональный характер.

Вместе с сознательной ненавистью возникла бытовая, органичная неприязнь к низшему сословию, забывшему свое место, «начавшему говорить». Неприязнь эта именно органичная, подсознательная, М.М. Пришвин, например, не признает ее наличие в своих дневниках в рациональных рассуждениях, она прорывается в бытовых зарисовках. Он записал в дневнике 14 июня 1917 г.:

«Приезжают два члена земельной комиссии описать мою землю, два малограмотных мужика, один спрашивает, другой записывает, спрашивает небрежно, без плана, записывает на грязном лоскутке бумаги кривульками, путаными рядами, вверх, вниз, сбоку нечиненным карандашом, слюнявя и облизывая пальцы. Объясняю им, как что — нужно разграфить бумагу и над графами заголовки подписать. Шемякин суд.

— Дожидаемся, — говорят, — дезинфекции.

Что такое «дезинфекция», объяснили: «Конторские книги».

Соседу рассказываю про дезинфекцию, он смеется и говорит: «Робеспьеры, Робеспьеры!» [149].

Рассуждения в среде научной гуманитарной элиты были более жесткими. Кружок профессоров собирался в Петрограде на квартире академика С.Б. Веселовского, часто бывал там и И. Бунин. С.Б. Веселовский, судя по его дневникам, — либерал и даже социалист¹. Но он, «один из ведущих исследователей Московского периода истории России XIV—XVII вв.», замечательный ученый

¹ В январе 1918 г. он пишет: «Разгон Учредительного собрания — прошел или, вернее, проходит. Теперь уже несомненно, что революция убита; остаются борьба с анархией и реставрация... Все это... такие удары по социализму и революции, от которых в России они не оправятся».

и патриот, рассуждает как русофоб. Он пишет в дневнике: «Еще в 1904—1906 гг. я удивлялся, как и на чем держится такое историческое недоразумение, как Российская империя. Теперь мои предсказания более чем оправдались, но мнение о народе не изменилось, т.е. не ухудшилось. Быдло осталось быдлом» [27, с. 31].

В другом месте он высказывается даже определеннее: «Годами, мало-помалу, у меня складывалось убеждение, что русские не только культурно отстала, но и низшая раса... Повседневное наблюдение постоянно приводило к выводу, что иностранцы и русские смешанного происхождения даровитее, культурнее и значительно выше, как материал для культуры» [27, с. 38]. Или еще: «Когда переходишь от русских писателей к иностранным, то начинает казаться, будто попал из притона хитрованцев и хулиганов или из дома умалишенных в общество нормальных и порядочных людей. Со времени Гоголя пристрастие русских писателей к подлому, пошлому, уродливому и болезненному росло по мере проникновения в литературу полукультурных, талантливых и бездарных разночинцев» [27, с. 86].

Такое отношение со стороны элиты, образованного слоя, сплачивало массы ответной неприязнью. Русофобия создавала духовный климат, который отравлял «воздух общения» и переводил рациональное обсуждение разных проектов развития России в плоскость борьбы и даже войны.

Так протекало в либерально-буржуазной среде «созревание» ненависти к поднявшим голову крестьянам и «пролетариям», процесс оформления идеологии, основанной на этой ненависти. М.М. Пришвин записал в дневнике 15 июня 1917 г. такое лирическое откровение:

«В ненастное время, когда все богатые красивые птицы умолкают и прячутся, вылетает из дупла старого дерева худая серая птичка Пролетарий и наполняет сад однообразным металлическим звуком: “Пролетарии всех садов, соединяйтесь!”. Как только начнет проходить ненастье, на небе показывается радуга и поднимаются голоса других богатых птиц, звук этой нищей птички в саду исчезает и природа живет своей обычной, сложной, мудрой и несправедливой жизнью.

С детства я очень интересовался явлением серой птички в ненастье, и раз проследил, куда она исчезает: за старым амбаром заросшая бурьяном была древняя дикая яблонька, и в этой яблоньке дупло черное, величиною в кулак. Я заметил, что серая птичка туда нырнула, просунул руку в дупло — и вот там по-

змеиному зашипело. В страхе я бросился бежать от змеиного шипа. Так, в детстве я словно обжегся об эту маленькую серую птичку...» [149].

Темная ненависть к «пролетарию» приобрела культурно приемлемые формы ненависти к политической власти большевиков как узурпаторов и губителей России. Но она возникла *до* прихода большевиков, они лишь притянули ее к себе, как громоотвод разряжает заряд тучи. В.В. Шульгин пишет в воспоминаниях начала лета 1917 г.: «Пулеметов — вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно, в его берлогу, вырвавшегося на свободу страшного зверя».

На деле за политическими основаниями антисоветизма стоял *социальный расизм* — невозможность вытерпеть власть «низших классов». Потому и писал С. Есенин о Белой армии:

В тех войсках к мужикам
Родовая месть.
И Врангель тут,
И Деникин здесь.

Вот как И. Бунин воспринимает тех, против кого в сознании его *сословия* уже готовилась гражданская война. Это сословие рыдало бы от восторга, если бы дьявол по горло ходил в крови этих людей. И. Бунин описывает рядовую рабочую демонстрацию в Москве 25 февраля 1918 г., когда до реальной войны было еще далеко:

«Знамена, плакаты, музыка — и, кто в лес, кто по дрова, в сотни глоток:

— Вставай, подымайся, рабочий народ!

Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские.

Римляне ставили на лица своих каторжников клейма: «Cave furem». На эти лица ничего не надо ставить, — и без всякого клейма все видно...

И Азия, Азия — солдаты, мальчишки, торг пряниками, халвой, папиросами. Восточный крик, говор — и какие мерзкие даже и по цвету лица, желтые и мышиные волосы! У солдат и рабочих, то и дело грохочущих на грузовиках, морды торжествующие».

И дальше, уже из Одессы: «А сколько лиц бледных, скуластых, с разительно асимметричными чертами среди этих красноармейцев и вообще среди русского простонародья, — сколько их, этих атавистических особей, круто замешенных на монгольском атавизме! Весь, Муром, Чудь белоглазая...».

Здесь представление всего «русского простонародья» как биологически иного подвида, как не ближнего. Это — самая настоящая *русофобия*.

Великий поход против Советов — война цивилизаций

Цивилизационный конфликт с советским проектом — более глубокий фундамент, на котором вырастали и сословный эгоизм, и социальный расизм части богатого слоя российского общества. В ходе модернизации, в Петровские времена, консолидировалась часть элиты, тяготеющая к Западу («западники»). Будущее России они видели как «возвращение на столбовую дорогу цивилизации», а единственной «правильной» цивилизацией считали Запад. Диапазон радикализма этого тяготения был очень широк, однако в моменты больших потрясений происходило сплочение — вплоть до готовности к войне со всеми «почвенными» проектами за «светлое будущее России» как части Запада, хотя бы на его задворках.

С.Б. Веселовский пишет в дневнике в 1917 г.: «Последние ветви славянской расы оказались столь же неспособными усвоить и развивать дальше европейскую культуру и выработать прочное государство, как и другие ветви, раньше впавшие в рабство. Великоросс построил Российскую империю под командой главным образом иностранных, особенно немецких, инструкторов» [27, с. 31].

Конфликт по поводу альтернатив будущего России резко обострился в период вторжения западного капитала и быстрого развития «импортированного капитализма». Произошло столкновение современного (западного) капитализма с традиционализмом, которое описывал М. Вебер. Это неизбежный социальный, политический и культурный конфликт в ходе модернизации, но в России он был вплетен в особенно сложный клубок противоречий и развивался как элемент большой революции.

Оценивая результаты культурных взаимодействий на стадии зрелости цивилизаций, Н.Я. Данилевский выделяет три возможных случая. Первый — «прополка», или колонизация, состо-

ит в вытеснении местной культуры. Например, индейские племена Северной Америки были вытеснены европейцами с их родных земель и загнаны в резервации, где индейская культура увяла и разложилась. Подобным образом выпалывают с грядок сорняки.

Второй тип взаимодействия — «прививка». Это значит, что зрелые «плоды» иной цивилизации — общественные институты, учреждения, формы быта и искусства — переносятся на почву другой, менее зрелой культуры, подобно тому как генетический материал культурного растения прививается на ствол «дичка» и преобразует его. Метафора *прививки* трактуется негативно — «прививка не приносит пользы тому, к чему прививается», дичок становится *средством* для черенка.

Третий тип взаимодействия Н.Я. Данилевский сравнивает с «влиянием почвенного удобрения на растительный организм», или «влиянием улучшенного питания на организм животный». При этом перенос знаний, институтов и технологий происходит с их адаптацией к местной культуре — с развитием, но без разрушения ее устоев.

На кого опирается господствующая в конкретный исторический период сила, к каким идеалам она взывает и кого наделяет ресурсами и властью — один из важнейших вопросов, ответ на которые нужен для понимания общественного процесса.

Н.Я. Данилевский предложил концепцию, согласно которой носителем главных черт той или иной цивилизации является *культурно-исторический тип* [52]. Цивилизация представляется как воображаемый великан, «*обобщенный индивид*». Н.Я. Данилевский видел в культурно-историческом типе очень устойчивую, наследуемую из поколения в поколение *сущность* — народ, воплощенный в воображаемом обобщенном индивиде.

В этой концепции важно, что в каждый момент в цивилизации действует один культурно-исторический тип. Другого в данный исторический период в конкретной цивилизации не существует. Это представление об устойчивости культурно-исторических типов развил О. Шпенглер. Он дал метафорическую концепцию неудачных цивилизационных контактов России с Западом («модернизации»), применив термин «псевдоморфозы», взятый из минералогии.

Так называют явление вымывания кристаллов минерала, включенных в скальную породу, а затем заполнения этой пус-

той формы раствором другого минерала. Он кристаллизуется в «чужой» форме, так что его «внутренняя структура противоречит внешнему строению». Такими были, по мнению О. Шпенглера, реформы Петра Великого, которые загнали нарождающуюся русскую культуру в формы старой, развитой культуры Запада.

В свое время эта концепция подверглась критике русскими философами, а сегодня вновь стала популярной, хотя вся эта конструкция опирается всего лишь на метафору. О любой известной истории цивилизации можно сказать, что она — псевдоморфоз. Эти представления господствуют сегодня в России и у идеологов реформы, и у ее противников. Первые опираются на концепцию «России-как-Европы» и объясняют неудачи реформ ненужным стремлением искать какие-то «свои» подходы и формы (*особый путь*) вместо точного копирования западных структур. Вторые прямо исходят из модели Данилевского—Шпенглера и называют попытку имитации западных институтов «чужебесием». Но в главном эти крайности сходятся.

История XX в. заставляет отказаться от концепции Данилевского — Шпенглера. И русская революция, и перестройка конца XX в. с последующей реформой показали, что в действительности цивилизация является ареной конкуренции (или борьбы, даже вплоть до гражданской войны) *нескольких* культурно-исторических типов, предлагающих разные цивилизационные проекты. Один из этих типов (в коалиции с союзниками) становится доминирующим в конкретный период и на поверхности «представляет» цивилизацию.

Реформы Петра, несмотря на все нанесенные ими России травмы, не были псевдоморфозами, они опирались на волю культурно-исторического типа, сложившегося в лоне российской цивилизации и начинавшего доминировать на общественной сцене. Модернизация и развитие капитализма во второй половине XIX в. вызвали кризис этого культурно-исторического типа и усиление другого, вырастающего на матрице современных буржуазно-либеральных ценностей. Это было новое поколение российских западников, но вовсе не клон западных либералов (о «самобытности» российских либералов начала XX в. писал М. Вебер).

На короткое время именно этот культурно-исторический тип возглавил общественные процессы в России и даже осуществил бескровную Февральскую революцию 1917 г. Но он был сметен гораздо более мощной волной *советской* революции.

Ее движущей силой был культурно-исторический тип, который стал складываться до 1917 г., но оформился и получил имя уже как «советский человек» после Гражданской войны. Все цивилизационные проекты для России были тогда «выложены» в самой наглядной форме, культурно-исторические типы, которые их защищали, были всем известны и четко различимы, все они были порождением России.

Вдохновители Февраля были *западниками*, их идеалом была буржуазная республика с опорой на гражданское общество и рыночную экономику — на то, чего в России не было. М. Вебер отмечал, что критерием *господства* «духа капитализма» является состояние умов рабочих, а не буржуазии. А в то время рабочие России сохраняли мироощущение общинных крестьян — главного противника буржуазии. Не к гражданскому обществу свободных индивидов стремились люди после краха сословной монархии, а к православной коммуне (обществу-семье). В столкновении этих двух разных образов будущего появилось то семя, из которого, к общему горю, выросла гражданская война.

Тот культурно-исторический тип, который показал себя в революциях 1905—1907 гг., а затем в Февральской, и сложился в ходе Гражданской войны, был несовместим с буржуазно-либеральным проектом и вызывал ненависть у «западников» — и правых, и левых. В нем видели угрозу архаизации, даже «азиатизации» России, возрождение ее древних архетипов, лишь прикрытых позднефеодальными и буржуазными наслоениями. М.М. Пришвин записал в дневнике 29 апреля 1918 г.: «Новое революции, я думаю, состоит только в том, что она, отменяя старое, этим снимает заслон от вечного, древнего».

На Западе оценки были еще жестче. Профессор П. Шиман, ссылаясь на К. Каутского, писал в брошюре «Азиатизация Европы»: «Внутреннее окостенение, которое было свойственно народам Азии в течение тысячелетий, стоит теперь призраком перед воротами Европы, закутанное в мантию клочков европейских идей. Эти клочки обманывают сделавшийся слепым культурный мир. Большевизм приносит с собой азиатизацию Европы».

И. Бунин мечтал, чтобы явился дьявол и ходил по колено в крови большевиков и красноармейцев. И это можно было как-то списать на дворянский эгоизм и оскорбленное чувство аристократа, гонимого «восставшим хамом». А вот выдержки из документа, который называют «Политическим завещанием» лидера

меньшевиков П.Б. Аксельрода (письмо Ю.О. Мартову, сентябрь 1920 г.). Ю.О. Мартов и П.Б. Аксельрод — основатели РСДРП, марксисты, посвятившие свои жизни борьбе за дело трудящихся, за социалистическое будущее всего мира (включая Россию).

Он пишет о большевиках:

«...И все это проделывалось под флагом марксизма, которому они уже до революции изменяли на каждом шагу. Самой главной для всего интернационального пролетариата изменой их собственному знамени является сама большевистская диктатура для водворения коммунизма в экономически отсталой России в то время, когда в экономически наиболее развитых странах еще царит капитализм. Вам мне незачем напоминать, что с первого дня своего появления на русской почве марксизм начал борьбу со всеми русскими разновидностями утопического социализма, провозглашавшими Россию страной, исторически призванной перескочить от крепостничества и полупримитивного капитализма прямо в царство социализма. И в этой борьбе Ленин и его литературные сподвижники активно участвовали. Совершая октябрьский переворот, они поэтому совершили принципиальную измену и предприняли преступную геростратовскую авантюру, с которой их террористический режим и все другие преступления неразрывно связаны, как следствие с причиной.

Большевизм зачат в преступлении, и весь его рост отмечен преступлениями против социал-демократии. Не из полемического задора, а из глубокого убеждения я характеризовал 10 лет тому назад ленинскую компанию прямо, как шайку черносотенцев и уголовных преступников внутри социал-демократии... А мы — противники большевиков именно потому, что всецело преданы интересам пролетариата, отстаиваем его и честь его международного знамени против азиатчины, прикрывающейся этим знаменем... В борьбе с этой властью мы имеем право прибегать к таким же средствам, какие мы считали целесообразными в борьбе с царским режимом...

Тот факт, что законность или необходимость этого крепостнического режима мотивируется, хотя бы и искренно, соображениями революционно-социалистическими или коммунистическими, не ослабляет, а усугубляет необходимость войны против него не на жизнь, а на смерть, — ради жизненных интересов не только русского народа, но международного социализма и международного пролетариата, а быть может, даже всемирной цивилизации...

Где же выход из тупика? Ответом на этот вопрос и явилась мысль об организации интернациональной социалистической интервенции против большевистской политики... и в пользу восстановления политических завоеваний февральско-мартовской революции» [123].

Вот какой накал ненависти к советскому проекту: война не на жизнь, а на смерть, призыв к организации интернациональной социалистической интервенции против азиатчины ради всемирной цивилизации.

Срыв «правильной» революции

Противники Советов воспринимали это глубинное движение, как «русский бунт, не имеющий в сущности ничего общего с социал-демократией», как отрицание революции — как *контр-революцию* (типа Вандеи в Великой французской революции). М.М. Пришвин писал в дневнике, что накануне Октября советская революция уже воспринималась либеральной интеллигенцией как *русский бунт* — явление стихийное и враждебное программе Февраля. 10 октября 1917 г. М.М. Пришвин записал: «Теперь всюду и все говорят о революции как о пропадаем деле и не считают это даже революцией».

— Неделю, — скажут, — была революция или так до похорон [т.е. до похорон жертв революции 23 марта 1917 г. — С. К.-М.], а потом это вовсе не революция».

Понятно, что для Пришвина «*всюду и все*» означает ту петроградскую либеральную публику, в которой он в тот момент враждался. И Октябрьский бунт воспринимался этой публикой не как классовый, а как *народный*. Н.А. Бердяев писал: «Марксизм разложил понятие народа как целостного организма, разложил на классы с противоположными интересами. Но в мифе о пролетариате по-новому восстановился миф о русском народе. Произошло как бы отождествление русского народа с пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом» [15, с. 88].

Ортодоксальные марксисты выступили против Октябрьской революции потому, что она прерывала «правильный» процесс смены экономических формаций и угрожала не дать капитализму в России развиваться вплоть до исчерпания его возможностей в развитии производительных сил. Сразу после революции, 28 октября 1917 г., Г.В. Плеханов опубликовал от-

крытое письмо петроградским рабочим, в котором предрекал поражение Октябрьской революции: «В населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство. А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если бы составлял большинство. Этого не станет оспаривать ни один серьезный социалист».

Лидер Бунда (еврейской социал-демократической партии) М. Либер (Гольдман) писал (в 1919 г.): «Для нас, „непереучившихся“ социалистов, не подлежит сомнению, что социализм может быть осуществлен прежде всего в тех странах, которые стоят на наиболее высокой ступени экономического развития, — Германия, Англия и Америка — вот те страны, в которых прежде всего есть основание для очень крупных победных социалистических движений. Между тем с некоторого времени у нас развилась теория прямо противоположного характера. Эта теория не представляет для нас, старых русских социал-демократов, чего-либо нового; эта теория развивалась русскими народниками в борьбе против первых марксистов... Эта теория очень старая; корни ее — в *славянофильстве*» [97].

Реакционный характер этого бунта видели и в том, что Октябрь открыл путь продолжению российской государственности от самодержавной монархии к советскому строю, минуя государство либерально-буржуазного типа. М.М. Пришвин записал в дневнике 30 октября 1917 г.: «Просто сказать, что попали из огня да в полымя, от царско-церковного кулака к социалистическому, минуя свободу личности... Виноваты все интеллигенты: Милюков, Керенский и прочие, за свою вину они и провалились в Октябре, после них утвердилось темное русское народа по правилам царского режима. Нового ничего не вышло» [149].

Это бессильная ругань, но смысл ухвачен верно — после Октября *утвердилось темное русское народа*; большевики выступили как контрреволюционеры относительно либералов.

Но и либералы, и ортодоксальные марксисты все еще считали, что происходит правильное «классовое» столкновение и для победы пролетариата в отсталой России нет никаких объективных предпосылок — К. Маркс с Ф. Энгельсом им это убедительно доказали. Поэтому западники в массе своей не верили в долговечность советской власти, поэтому и решились на гражданскую войну (при поддержке интервентов). М.М. Пришвин записал в дневнике 2 июня 1918 г.: «Как белеет просеянная через сито мука, так белеет просеянная через сито коммунизма буржуазия:

как черные отруби, отсеются бедняки, и, в конце концов, из революции выйдет настоящая белая буржуазная демократия» [149].

Но отсеялись «белые». Вот и пришлось марксисту П.Б. Аксельроду призывать западный пролетариат к крестовому походу против Советской России для спасения «завоеваний февральско-мартовской революции».

Советский проект как извращение марксизма

Программы русской революции вырабатывались под воздействием марксизма — мощного, убедительного и художественно изложенного учения, которое отвергало важнейшие стороны народного бытия того общества, в котором и разыгрывалась драма революции. Большевикам приходилось вести людей на борьбу под знаменем марксизма — и в то же время охранять сознание этих людей от марксизма. Это порождало множество расколов, измен, братоубийственных конфликтов, а потом и репрессий. Сейчас мы можем сравнительно спокойно перечислить главные точки, в которых произошли столкновения между марксизмом и основаниями советского проекта.

Получилось, что сам образ советской революции, верно схваченный проницательным умом К. Маркса, оказался врагом главных смыслов его учения. Верные букве учения последователи Маркса встали на защиту этих смыслов. Это стало одной из важнейших основ антисоветского проекта — и в начале, и в конце XX в.

Трудность любой критики Маркса «от советского строя» связана с тем, что марксизм был официальной идеологией этого строя и, что еще более важно, стал восприниматься самими советскими людьми как что-то вроде религиозного оправдания советского строя. К. Маркс и Ф. Энгельс в коллективной памяти большой доли старших поколений советских людей являются *священными символами*. Эти имена связаны с нашей историей, их чеканные формулы замечательно выражали идеалы этих поколений и обладают магической силой. Всякая попытка подвергнуть какую-то часть учения К. Маркса и Ф. Энгельса рациональному анализу воспринимается как оскорбление святыни.

Безусловно, Маркс и Энгельс — великие мыслители и труженики. Они оставили нам целый арсенал инструментов высокого качества и эффективности. Никакое несогласие с какими-то

разделами трудов Маркса и Энгельса не могут оправдать отказа от того, чтобы пользоваться их трудами, это было бы непростительной глупостью. Труд К. Маркса и Ф. Энгельса надо знать и с помощью их инструментов «прокатывать в уме» любые проблемы общества, откладывая в свой умственный багаж «марксистскую модель» этих проблем. При собственном осмыслении этой модели даже ее отрицание будет конструктивным — труды Маркса и Энгельса обладают *креативным потенциалом*.

Русские мыслители прошлого, сделавшие вклад в развитие нашей общественной мысли (независимо от их политических взглядов), разумно и уважительно относились к влиянию на них марксизма. С.Н. Булгаков писал в «Философии хозяйства»: «Практически все экономисты суть марксисты, хотя бы даже ненавидели марксизм» (а в то время воздействие экономистов на сознание читающей публики было значительным). По консолидирующей и объяснительной силе никакое учение не могло в течение целого века конкурировать с марксизмом. Поэтому собственные прозрения и доктрины мыслителей многих стран приходилось излагать на языке марксизма.

Для русского революционного движения марксизм сослужил большую службу и тем, что он, создав яркий образ капитализма, в то же время придал ему, вопреки своей универсалистской риторике, *национальные* черты как порождения Запада. Тем самым для русской революции была задана цивилизационная цель, так что ее классовое содержание совместились с национальным. Возник кооперативный эффект, который придал русской революции большую дополнительную силу.

Но отношение К. Маркса к России как монархии и империи, а затем и к русским как народу складывалось очень сложно. В середине XIX в. русские заслужили ненависть Маркса и Энгельса тем, что оказали духовную и, частично, военную поддержку «*контрреволюционным*» славянским народам Австро-Венгрии, которые попытались выступить за свое национальное освобождение в момент революции 1848 г. Именно в связи с анализом революции 1848 г. Маркс и Энгельс выдвинули концепцию *прогрессивных* и *реакционных* народов, а также тезис о реакционной буржуазной сущности крестьянства и столь же реакционной сущности славян (исключая поляков).

В большой статье «Демократический панславизм» Ф. Энгельс пишет, обращаясь к русским революционным демократам:

«На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их *первой революционной страстью*; со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами огрadyть революцию от опасности. Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не помешают нам относиться к нашим врагам, как к врагам» [205].

Вот как предвидит Энгельс развитие событий в том случае, если «славянская контрреволюция нахлынет на австрийскую монархию»: «При первом же победоносном восстании французского пролетариата, которое всеми силами старается вызвать Луи-Наполеон, австрийские немцы и мадьяры освободятся и кровавой местью отплатят славянским народам. Всеобщая война, которая тогда вспыхнет, рассеет этот славянский Зондербунд и сотрет с лица земли даже имя этих упрямых маленьких наций.

В ближайшей мировой войне с лица земли исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы. И это тоже будет прогрессом» [204].

Понятно, насколько актуальными стали эти формулировки в октябре 1917 г., когда к власти в России пришла *марксистская* партия. В элите российского общества возникли неразрешимые концептуальные противоречия. Консерваторы прямо увидели в *Октябрьской революции* «Апокалипсис России», реализацию предсказанной марксизмом угрозы, что русским «*предстоит в ближайшем будущем погибнуть в буре мировой революции*». В отчаянной попытке защитить Россию от угрожающей самому ее существованию «бури мировой революции» десятки тысяч русских офицеров кинулись на Дон собирать Белую армию.

С другой стороны, верные и верящие марксизму революционеры — меньшевики и эсеры — считали *Октябрьский переворот* контрреволюцией и прямо увидели в нем очередную попытку реакционного славянского крестьянства задушить чистый самоотверженный порыв Февраля, предвестника и первого шага великой мировой революции просвещенного пролетариата. Такую попытку «реакционного русского народа» доскональ-

но изучил Энгельс в момент революции 1848 г., и эту вторую попытку он уже предвидел в конце XIX в. Поэтому революционная молодежь тоже бросилась на Дон вступить в Белую армию — *марксистская* молодежь в своем антисоветизме на время стала союзником антисоветского *либерального* офицерства. Ведь начиная с 1914 г. все эти статьи Ф. Энгельса стали объектом яростной дискуссии в среде российских социал-демократов, и сама идея русской крестьянской революции, подавляющей революцию либеральную, выглядела как прямо предсказанная марксизмом *контрреволюция реакционного народа*.

Но конфликт русских революционеров с Марксом и Энгельсом возник сразу после публикации серии их работ о «реакционных народах. Принципиальное неприятие этих представлений выразил М.А. Бакунин в его книге «Кнута-германская империя и социальная революция» (1870), а затем в книге «Государственность и анархия» (1873)¹. Это привело к изгнанию М.Бакунина из общности марксистов, а в общественном СССР — к замалчиванию тех важных идей и прогнозов, которые высказал Бакунин относительно назревающей русской революции (как сказал о Бакунине Н.А. Бердяев, «в его русском революционном мессианизме он является предшественником коммунистов»)².

Прежде всего Бакунин выдвинул тезис о том, что *национальный* шовинизм (ненависть к «реакционным народам») и *социальный* шовинизм (ненависть к «реакционному крестьянству») имеют одну и ту же природу. Оба они отражают расизм западного капитализма, который оправдывает присущую ему эксплуататорскую сущность своей якобы цивилизаторской миссией. Бакунин считает, что буржуазная идеология «заразила» этим шовинизмом и рабочий класс Запада, включая рабочих-социалистов.

Бакунин категорически отвергает представления Маркса и Энгельса о крестьянстве, об «идиотизме деревенской жизни». Он предупреждает рабочих, что этот социальный расизм в отношении крестьян не имеет под собой никаких разумных оснований. Более того, он выдвигает пророческий тезис о том, что социа-

¹ К. Маркс тщательно изучил эту книгу, и ее конспект с его комментариями сам стал довольно большим трудом (конец 1874 г. — начало 1875 г.), в котором, как считается, высказан ряд важнейших положений марксизма.

² М. Бакунин воочию наблюдал революцию 1848 г. в Германии и был, по свидетельству самого Энгельса, самым умелым и мужественным командиром революционных войск.

листическая революция может произойти только как действие *братского союза* рабочего класса и крестьянства. Этот тезис Ленин развил в целостную политическую доктрину (которая и стала основанием *ленинизма*), но надо признать, что он был уже вполне определенно высказан Бакуниным и принят народниками.

М.А. Бакунин пишет: «В интересах революции, которая их освободит, рабочие должны как можно скорее перестать выражать это презрение к крестьянам. Справедливость требует этого, потому что на самом деле у рабочих нет никакого основания презирать и ненавидеть крестьян. *Крестьяне не лежебоки, они такие же неутомимые труженики, как и рабочие*; только работа их ведется при иных условиях, вот и все. *Перед лицом буржуа-эксплуататора рабочий должен чувствовать себя братом крестьянина*» [9, с. 222].

Ф. Энгельс с симпатией пишет о том, как «жизнеспособные» нации во имя прогресса захватывали земли других народов (славян, мексиканцев) и разрушали их «отсталую» культуру («конечно, при этом дело не обходится без того, чтобы не растоптали несколько нежных национальных цветков»). Бакунин категорически отвергает само это виденье. Для него захватчик и колонизатор ненавистен, и он проходит по утверждениям Энгельса, давая им совершенно противоположную оценку.

М.А. Бакунин отвергает и русофобию Энгельса, даже ту, которая направлена не против русских как народа, а против Российского государства — при том, что сам Бакунин как революционер и анархист является врагом этого государства. Он не приемлет эту русофобию как идеологию, как форму фальсификации истории. М.А.Бакунин оспаривает и многочисленные утверждения Маркса и Энгельса о том, что Россия якобы была оплотом реакции в Европе и что «московитское влияние» несет главную вину за укрепление реакционных порядков в Германии. И этот отпор был дан, несмотря на искреннее уважение к Марксу и Энгельсу.

Какую же революционность признает марксизм *прогрессивной*? Если, как это произошло с представлением революции 1848 г., марксизм видит в революции прежде всего войну народов, то революция *реакционного народа* может быть признана *реакционной революцией*. Эта теоретическая проблема приобрела в России практическую важность.

Ведь та борьба против угнетения и эксплуатации, которая внутри страны рассматривается как революционная, в Европе

может быть оценена как *реакционная*, и выходит, сами же революционеры обрекут свой народ на то, что против него со стороны прогрессивного пролетариата будет развязан *кровавый террор* с целью стереть этот народ с лица земли.

С самого зарождения революционного движения в России второй половины XIX в. этот вопрос стал предметом ожесточенных дискуссий, причиной череды расколов и, во многом, причиной Гражданской войны, а затем и репрессий 30-х годов XX в. При всякой возможности русские революционеры обращались за разъяснениями к Марксу и Энгельсу.

Бакунин пришел к категорическому выводу: «марксисты должны проклинать всякую народную революцию, особенно же крестьянскую». Поскольку, начиная с 70-х годов XIX в., марксизм господствовал в умах левой и либеральной российской интеллигенции, этот вывод поддерживался с умолчанием имен Маркса и Энгельса. Например, один из основоположников евразийства лингвист Н.С. Трубецкой писал в известном труде «Европа и человечество» (1920): «Социализм, коммунизм, анархизм, все это “светлые идеалы грядущего высшего прогресса”, но только лишь тогда, когда их проповедует современный европеец. Когда же эти “идеалы” оказываются осуществленными в быте дикарей, они сейчас же обозначаются, как проявление первобытной дикости» [175].

М.А. Бакунин пытается представить, как же будет выглядеть диктатура пролетариата в свете установок Маркса в отношении крестьянства. В конспекте Маркса мысли Бакунина изложены так: «Крестьянская чернь, как известно не пользующаяся благорасположением марксистов и которая, находясь на низшей степени культуры, будет, вероятно, управляться городским и фабричным пролетариатом... Или, если взглянуть с национальной точки зрения на этот вопрос, то, положим, для немцев славяне по той же причине станут к победоносному немецкому пролетариату в такое же рабское подчинение, в каком последний находится по отношению к своей буржуазии» [106].

Мы знаем из опыта, что обе эти мысли Бакунина оказались прозорливыми. Именно так, как сказано в первой фразе, ставился вопрос о диктатуре пролетариата в отношении крестьянства российскими марксистами, вследствие чего такой глубокий конфликт между большевиками и меньшевиками и вызвала в РСДРП сама идея *союза рабочего класса и крестьянства*, а затем, в 1921 г., уже в партии большевиков, идея перехода к НЭПу.

Вторая мысль Бакунина выражает одну из главных идей немецкого национал-социализма, предполагавшего превратить славян в эксплуатируемый победоносным немецким пролетариатом «внешний» пролетариат. Бакунин предупредил об этом за полвека до появления книги Гитлера «Майн Кампф».

На это Маркс в своем комментарии отвечает: «Ученический вздор! Радикальная социальная революция связана с определенными социальными условиями экономического развития; последние являются ее предпосылкой. Она, следовательно, возможна только там, где вместе с капиталистическим производством промышленный пролетариат занимает, по меньшей мере, значительное место в народной массе... Он [Бакунин] хочет, чтобы европейская социальная революция, основывающаяся на экономическом базисе капиталистического производства, произошла на уровне русских или славянских земледельческих и пастушеских народов и чтобы она не переступала этого уровня» [106, с. 613, 615].

К. Маркс чутко уловил в тексте Бакунина предчувствия, что революция в России будет осложнена принципиальным и глубоким конфликтом с марксизмом. Маркс не стал анализировать эти предчувствия, он просто назвал это «ученическим вздором», а самого Бакунина «ослом». Но Бакунин в данных конкретных пунктах верно воспроизвел установки Маркса и Энгельса, а затем сделал из них вполне логичные предположения, которые и на практике оказались верными. Именно «трудовой народ» (и прежде всего общинное крестьянство) как раз и был носителем идеи социальной справедливости, и в этом смысле — социалистом и коммунистом.

Следующим поколением «реакционных» русских революционеров, которое Маркс и Энгельс считали своим долгом разгромить, были *народники*. В 1875 г. народник П. Ткачев пишет брошюру «Открытое письмо г-ну Фр. Энгельсу», в которой объясняет, почему в России назревает революция и почему она будет антикапиталистической. Маркс пересылает эту брошюру Энгельсу и просит публично ответить на нее. Тот отвечает, называя Ткачева «зеленым, на редкость незрелым гимназистом». Ответ этот полон грубых личных выпадов против Ткачева, оснований для которых брошюра Ткачева не дает.

Для нас П. Ткачев интересен тем, что он, относимый к народникам, шел дальше их. Он, по словам Н. Бердяева, «первый про-

тивоположил тому русскому применению марксизма, которое считает нужным в России развитие капитализма, буржуазную революцию и пр., точку зрения очень близкую русскому большевизму. Тут намечается уже тип разногласия между Лениным и Плехановым... Ткачев, подобно Ленину, строил теорию социалистической революции для России. Русская революция принуждена следовать не по западным образцам... Ткачев был прав в критике Энгельса. И правота его не была правотой народничества против марксизма, а исторической правотой большевиков против меньшевиков, Ленина против Плеханова» [15, с. 59—60].

Ф. Энгельс издевается над прогнозами народников: «Г-н Ткачев говорит чистейший вздор, утверждая, что русские крестьяне, хотя они и “собственники”, стоят “ближе к социализму”, чем лишенные собственности рабочие Западной Европы. Как раз наоборот. Если что-нибудь может еще спасти русскую общинную собственность и дать ей возможность превратиться в новую, действительно жизнеспособную форму, то это именно пролетарская революция в Западной Европе» [206, с. 546].

Утверждать в 1875 г., что «лишенные собственности рабочие Западной Европы революционны», — это значит противоречить очевидности, причем такой очевидности, которую сам же Энгельс не раз констатировал в своих письмах начиная с 1858 г. 12 сентября 1882 г. он пишет Каутскому, что «рабочие преспокойно пользуются вместе с ними [буржуазией] колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке». Как же в таких условиях Энгельс мог требовать от русских, чтобы они дожидались пролетарской революции в Англии? Из его же собственных утверждений прямо следовало, что уповать на пролетарскую революцию в метрополии капитализма не приходилось, а революция в странах периферийного капитализма, к которым относилась и Россия, неизбежно приобретала не только антикапиталистический, но и национально-освободительный характер.

Ф. Энгельс предупреждает, что революция в России, согласно марксизму, имела бы *реакционный* характер: «Только на известной, даже для наших современных условий очень высокой, ступени развития общественных производительных сил становится возможным поднять производство до такого уровня, чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она была прочной и не повлекла за собой застоя или

даже упадка в общественном способе производства. Но такой степени развития производительные силы достигли лишь в руках буржуазии» [206, с. 537].

В 1894 г. Энгельс вернулся (через 20 лет!) к своей полемике с П. Ткачевым: он пишет «Послесловие», в котором дает за себя и за Маркса окончательное суждение о перспективах русской революции. Он не допускает никакой возможности для незападных стран выработать собственные пути к социализму — они должны дожидаться пролетарской революции на Западе, а затем осваивать его опыт: «Только тогда, когда капиталистическое хозяйство будет преодолено на своей родине и в странах, где оно достигло расцвета, только тогда, когда отсталые страны увидят на этом примере, "как это делается", как поставить производительные силы современной промышленности в качестве общественной собственности на службу всему обществу в целом, — только тогда смогут эти отсталые страны встать на путь такого сокращенного процесса развития. Но зато успех им тогда обеспечен. И это относится не только к России, но и ко всем странам, находящимся на докапиталистической ступени развития» [208].

Это во многом предопределило раскол революционных социалистических сил в России и категорическое неприятие советского проекта их влиятельной частью. А в 1917 г. следование марксистской догме привело к краху российской социал-демократии, лишь одна ее фракция (большевики) смогла эту догму преодолеть, хотя и в партии большевиков эта догма выбаливала с кровью. Но каких травм стоил России тот факт, что на антисоветские позиции перешло большинство политически активного образованного слоя! Оно затянуло Россию в Гражданскую войну.

Очень важным для революционного процесса в России было отношение Маркса и Энгельса к крестьянской общине. Оно было крайне отрицательным и устойчивым, проходило, как говорят, «красной нитью» через множество трудов. Ф. Энгельс писал К. Каутскому (2 марта 1883 г.): «Где существует общность — будь то общность земли или жен, или чего бы то ни было, — там она непременно является первобытной, перенесенной из животного мира. Все дальнейшее развитие заключается в постепенном *отмирании* этой первобытной общности; никогда и нигде мы не находим такого случая, чтобы из первоначального частного владения развивалась в качестве вторичного явления общность» [203].

Из такого взгляда и выводится представление о реакционности революций, опирающихся на крестьянскую общину и ставящих своей целью сопротивление капитализму. Основоположники марксизма много говорили и конкретно о русской общине. Маркс пишет в 1868 г.: «В этой общине все абсолютно, до мельчайших деталей, тождественно с древнегерманской общиной. В добавление к этому у русских.., во-первых, не демократический, а патриархальный характер управления общиной и, во-вторых, круговая порука при уплате государству налогов и т.д... Но вся эта дрянь идет к своему концу» [103].

В момент написания этого письма было уже известно принципиальное отличие русской общины от древнегерманской. У русских земля была общинной собственностью, так что крестьянин не мог ни продать, ни заложить свой надел (после голода 1891 г. общины по большей части вернулись к переделу земли по едокам), а древнегерманская марка была общиной с *долевым разделом* земли, так что крестьянин имел свой надел в *частной собственности* и мог его продать или сдать в аренду. Ниоткуда также не следовало в 1868 г., что русская община («вся эта дрянь») идет к своему концу.

Более того, из-за большой убыли рабочих во время Первой мировой войны на фабрики и заводы пришло пополнение из деревни, так что доля «полукрестьян» составляла до 60% рабочей силы. Важно также, что из деревни на заводы теперь пришел середняк, составлявший костяк сельской общины. В 1916 г. 60% рабочих-металлистов и 92% строительных рабочих имели в деревне дом и землю. Эти люди обеспечили господство в среде городских рабочих общинного крестьянского мировоззрения и общинной самоорганизации и солидарности¹. Они восстановили общину на стройке и на заводе в виде «трудового коллектива». И это — общее явление в тех незападных странах, которые избежали колониальной зависимости и проводили индустриализацию с опорой на собственные культурные формы². Община

¹ Именно там, где были наиболее прочны позиции фабзавкомов, возник лозунг «Вся власть Советам!». На заводе Михельсона, например, это требование было принято уже в апреле, а на заводе братьев Бромлей — 1 июня 1917 г.

² Президент одной из крупнейших японских корпораций «Мицубиси» Исаму Ямасита писал: «После Второй мировой войны... существовавший многие века дух деревенской общины начал разрушаться. Тогда мы возродили старую общину на своих промышленных предприятиях... Прежде всего мы, менеджеры,

в традиционном обществе — альтернатива гражданскому обществу свободных индивидов. Это и породило глубокий конфликт Маркса с институтом общины.

В ходе этого конфликта К. Маркс и Ф. Энгельс представили реакционной саму назревающую революцию в России, если ее социальной базой станет, как предполагали народники, общинное крестьянство, а сама она произойдет не под руководством западного пролетариата. Энгельс предупреждал в 1875 г.: «Русские должны будут покориться той неизбежной международной судьбе, что отныне их движение будет происходить на глазах и под контролем остальной Европы» [206, с. 526].

Следующее основание, по которому российские либералы и социал-демократы отвергали советский проект, был прогноз Маркса о том, каким будет тот уравнилельный «казарменный коммунизм», если произойдет не пролетарская, а рабоче-крестьянская («народная») революция. Маркс так представлял «преждевременный» коммунизм, который возникает «без наличия развитого движения частной собственности», как это и было в России в начале XX в.:

«Коммунизм в его первой форме... имеет двоякий вид: во-первых, господство *вещественной* собственности над ним так велико, что он стремится уничтожить *все* то, чем, *на началах частной собственности*, не могут обладать все... категория *рабочего* не отменяется, а распространяется на всех людей...

Всеобщая и конституирующаяся как власть *зависть* представляет собой ту скрытую форму, которую принимает *стяжательство* и в которой оно себя лишь иным способом удовлетворяет... Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из *представления* о некоем минимуме... Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к *неестественной* простоте *бедного*, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не вырос еще до нее.

несем ответственность за сохранение общинной жизни... Воспроизводимый в городе... общинный дух экспортируется обратно в деревню во время летнего и зимнего «исхода» горожан, гальванизирует там общинное сознание и сам в результате получает дополнительный толчок» [83].

Для такого рода коммунизма общность есть лишь общность *труда* и равенство *заработной платы*, выплачиваемой общим капиталом, *общиной* как всеобщим капиталистом... Таким образом, **первое положительное упразднение частной собственности, грубый коммунизм, есть только форма проявления гнусности частной собственности**» [107, с. 114—115] (выделено мной. — С.К.-М.).

Эта изощренная конструкция — часть антисоветского кредо меньшевиков в 1917—1921 гг. и интеллектуальной команды М. Горбачева и Б.Ельцина в конце 80-х и начале 90-х годов XX в. Советский коммунизм объявлен выражением зависти и жажды нивелирования, он якобы отрицал личность человека и весь мир культуры и цивилизации, он возвращал нас к неестественной простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека, который не дорос еще до частной собственности. В общем, советская община (всеобщий капиталист) была лишь формой проявления гнусности частной собственности — гораздо худшей, чем при капитализме.

Глубокие расхождения с классиками марксизма возникли и в представлении о государстве. Отношение к *государству* как одной из высших ценностей было важным элементом мировоззренческой матрицы советского строя. Об этом много написано и русскими философами разных направлений, и русофобами разных типов. Можно принять как факт, что государство и в царской России, и в СССР было *идеократическим*. Это был важный центр жизнеустройства и целеполагания народа, источник важных нравственных норм.

Напротив, труды Маркса проникнуты крайним *антигосударственным* чувством, даже более жестким, чем неприязнь к общине. Это чувство подкреплялось присущим марксизму *натурализмом*, который, уподобляя общество природной системе, подчиняющейся «объективным законам естественного развития», сводил на нет созидающую и организующую роль государства. Ф. Энгельс писал: «Столкновения бесчисленных отдельных стремлений и отдельных действий приводят в области истории к состоянию, совершенно аналогичному тому, которое господствует в лишенной сознания природе» [203, с. 306].

Эта аналогия неверна. Состояние общества принципиально отлично от того, «которое господствует в лишенной сознания природе», общество организовано государством, которое не до-

пускает, чтобы «столкновения бесчисленных отдельных стремлений» создавали обширные зоны хаоса. Это и есть главная функция государства.

К. Маркс высказывается о государстве в таких выражениях: «Централизованная государственная машина, которая своими вездесущими и многосложными военными, бюрократическими и судебными органами опутывает (обвивает), как удав, живое гражданское общество, была впервые создана в эпоху абсолютной монархии... Этот паразитический нарост на гражданском обществе, выдающий себя за его идеального двойника... Все революции только усовершенствовали эту государственную машину, вместо того чтобы сбросить с себя этот мертвящий кошмар... Коммуна была революцией... против самого государства, этого сверхъестественного выкидыша общества» [104].

В представлении основоположников марксизма пролетарская революция лишит государство его главных смыслов, и оно «отомрет». Энгельс пишет: «Все социалисты согласны с тем, что политическое государство, а вместе с ним и политический авторитет исчезнут вследствие будущей социальной революции, то есть общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, наблюдающие за социальными интересами» [207].

Эта глава в учении Маркса нанесла тяжелый ущерб русскому революционному движению. Под его воздействием левая часть образованного слоя России в конце XIX в. испытывала сильные антигосударственные чувства. Народники вели демонтаж государства при помощи террора как символического действия, подрывающего авторитет власти. Подрыв имперского государства вели практически все западнические течения: и либералы, и революционные демократы, и, затем, социал-демократы.

Когда большевики пришли к власти, им пришлось заняться государственным строительством. Все действия Советской власти по восстановлению армии, правоохранительных органов, правовой системы, вертикали государственного управления приводили к тяжелым дискуссиям и противодействию со ссылками на заветы Маркса. Преодоление этого сопротивления потребовало много сил и породило глубокие расколы.

Раздел 2

ПРЕДЫСТОРИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ

Глава 4

РЕАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА ПОСЛЕ 1921 г.

В 1921 г. закончилась Гражданская война. Она была неразрывно связана с войной за *независимость* России — против интервенции Запада. Эта интервенция у нынешних поколений недооценивается, и это большая ошибка. Вот формулировка В. Шубарта: «С 1914 г. мы вошли в столетие западно-восточной войны». В 1918—1921 гг. Запад вел ее в основном руками российских «белых», а потом руками поляков.

После Гражданской войны «Февраля с Октябрем» в России восстановилось, уже без либеральных украшений, традиционное общество в облике СССР. Во многом оно было даже более традиционным (более общинным), чем до революции, и при этом более открытым для идеалов Просвещения и модернизации.

Вот, грубо, главные черты традиционного общества в приложении к СССР в оппозиции к «Западу». *Картина мира*: космос (а не открытое пространство). *Антропология*: человек общинный (а не «свободный индивидуум», *homo econoticus*). *Хозяйство*: «натуральное», т.е. ради жизни (а не «рыночная экономика» ради прибыли). *Государство*: патерналистское идеократическое (а не либеральное, демократическое на западный манер). *Легитимация* строя: сверху, через общую идею справедливости (а не через «рынок голосов»). *Метафора общества*: семья (а не рынок).

Советская система в главных чертах сложилась в ходе революции 1905—1917 гг., Гражданской войны, нэпа («новой экономической политики» 20-х годов XX в.), коллективизации и индустриализации 30-х годов XX в., Великой Отечественной войны.

На всех этих этапах выбор делался из очень малого набора альтернатив, коридор возможностей был очень узким. Давление обстоятельств было важнее, чем теоретические доктрины (эти доктрины подгонялись под догмы марксизма и привлекались потом для оправдания выбора).

Главными факторами выбора были реальные угрозы, ресурсные возможности и заданная исторически культурная среда с ее инерцией. Надежным экзаменом всех подсистем советского строя стали война 1941—1945 гг. и послевоенный восстановительный период.

Здесь мы не даем сжатую историю советского периода, а выделим те моменты, которые сыграли важную роль в направлении хода событий к «перестройке» 1985—1991 гг. Непосредственно эти события происходили в послевоенный период.

Первый этап послевоенного периода был продолжением «мобилизационного социализма» 30-х годов, но на радостной ноте, с настроением победителей. Дискуссий о том, проводить ли восстановление форсированным темпом (а значит, сохраняя черты тоталитарного общества) или щадящим образом (с либерализацией), не было. По сути, не было и выбора, энергия войны была столь велика и имела такую инерцию, что ее можно было лишь «переключить» на мирное строительство. По напряженности это строительство было сходно с войной: в 1948 г. страна достигла и превзошла довоенный уровень промышленного производства, что по нормальным меркам немыслимо. А в 1952 г. объем промышленного производства в 2,5 раза превысил уровень 1940 г.

Восполнить ущерб селу было труднее: оно понесло главные потери в людях, было сожжено более 70 тыс. сел и деревень, к 1943 г. вдвое сократилось поголовье крупного рогатого скота (только в Германию было угнано 17 млн. голов). При этом страшная засуха на значительной территории европейской части СССР в 1946 г. привела к голоду с гибелью людей и как бы «продолжила войну». Такой засухи не было на территории СССР более 50 лет. Реально в общественном сознании переход «на мирные рельсы» произошел в конце 1947 г. с отменой карточек и денежной реформой. При этой реформе малые и средние вклады в сберкассах не пострадали. Они были автоматически увеличены в 10 раз, а крупные вклады — в 3 раза.

Очень быстро после войны СССР восстановил благоприятную демографическую ситуацию, что является важным показателем состояния общества (табл. 1)¹.

Таблица 1. Демографическое состояние России и СССР (в расчете на 1 тыс. человек населения)

Годы	Родилось, чел.	Умерло, чел.	Естественный прирост, чел.
1913	47,0	30,3	16,8
1940	31,3	18,1	13,2
1950	26,7	9,7	17,0
1960	24,9	7,1	17,8

Война усилила так называемое «морально-политическое единство» советского общества (*тоталитаризм*), символом которого продолжал быть культ личности И. В. Сталина. В ответ на солидарность с государством как бы в вознаграждение населению за перегрузки двух десятилетий принципом государственной политики было сделано постоянное, хотя и скромное, улучшение благосостояния населения. Это выразилось, например, в крупных и регулярных снижениях цен (13 раз за 6 лет; с 1946 по 1950 г. хлеб подешевел в 3 раза, а мясо в 2,5 раза). Именно тогда возникли закрепленные в государственной идеологии (и в то время укреплявшие государство) специфические стереотипы советского массового сознания: *уверенность в завтрашнем дне* и убеждение, что жизнь может только *улучшаться*.

Условием для этого было усиление финансовой системы государства в тесной связи с планированием. Для сохранения этой системы СССР пошел на важный шаг: отказался вступить в МВФ и Международный банк реконструкции и развития, а 1 марта 1950 г. вообще вышел из долларовой зоны, переведя определение курса рубля на золотую основу. В СССР были созданы крупные золотые запасы, рубль был неконвертируемым, что позво-

¹ Из приведенных в табл. 1 данных, кстати, видно, насколько несостоятельны часто упоминаемые прогнозы, согласно которым в России к середине XX в. население якобы должно было составить 540 млн. человек («если бы не советская власть»). Естественный прирост в дореволюционной России в самом благоприятном 1913 г., даже до начала массовой урбанизации, при которой резко снижается рождаемость, был ниже, чем в 1950—1960 гг.

ляло поддерживать очень низкие внутренние цены и не допускать инфляции.

Вскоре после окончания войны, уже в 1946 г., возник внешний фактор, который predetermined главные критерии в работе государства, в правотворчестве и практике идеологических и репрессивных органов, — *холодная война*. В общественном сознании и в советское, и в нынешнее время было создано неверное представление об этом новом явлении в мировой политике (в СССР — из-за стремления разрядить обстановку, сегодня — в надежде на сближение с Западом). Сейчас, когда в США опубликованы документы первого периода холодной войны, очевидно, что это была именно *война*, ставящая целью *уничтожение СССР* и Советского государства¹.

Мировая холодная война была главным фоном общественной жизни СССР. Как и во время всякой войны, все остальные политические, экономические и социальные процессы были производными от этого фундаментального условия. По-иному, нежели в мирное время, распределяются средства, по-иному стоит вопрос о свободах и правах человека.

Трудно объяснить тот факт, что множество советских людей «не замечали» войны, не учитывали ее. Частично это было вызвано тем, что советская печать искажала образ холодной войны, многократно занижала опасность. Почти полностью повторялась история с советско-германскими отношениями перед «горячей» войной. Руководство СССР все делало, чтобы не «спровоцировать» неприятеля, чтобы не разжечь психоз в стране. Для предотвращения разрыва с Западом И. Сталин в конце 40-х годов XX в. шел на огромные моральные жертвы.

Опубликованные в последние годы (по истечении 50 лет после принятия документов) сведения о доктрине холодной войны, выработанной в конце 40-х годов XX в. в США, показывают, что эта война с самого начала носила характер «войны цивилизаций». Разговоры о борьбе с коммунистической угрозой были поверхностным прикрытием. Это была часть той «столетней го-

¹ Одним из первых столкновений холодной войны было нарушение властями США, Великобритании и Франции договора о репатриации (за время войны на работу в Германию было насильственно вывезено 5,6 млн. советских граждан). Они задержали (не только пропагандой, но многих и силой) 451,5 тыс. человек «невозвращенцев», которые составили «вторую эмиграцию» из СССР.

ряче-холодной войны Запада против России», о которой еще в 1938 г. говорил В. Шубарт.

Во время перестройки нас убеждали, что холодная война была порождена угрозой экспансии со стороны СССР, который якобы стремился к мировому господству. Это недавний миф, в послевоенные годы никто из серьезных людей в него не верил. Выбор между войной и миром был сделан именно на Западе. Никакой связи с марксизмом, коммунизмом или другими идеологическими моментами здесь нет. Это была именно война, причем война тотальная, против мирного населения.

Один из разработчиков доктрины Трумэна, директор группы планирования госдепартамента США, Дж. Кеннан сказал в 1965 г. о первом этапе холодной войны: «Для всех, кто имел хоть какое-то, даже рудиментарное, представление о России того времени, было совершенно ясно, что советские руководители не имели ни малейшего намерения распространять свои идеалы с помощью военных действий своих вооруженных сил через внешние границы... [Это] не соответствовало ни марксистской доктрине, ни жизненной потребности русских в восстановлении разрушений, оставленных длительной и изнурительной войной, ни, насколько было известно, темпераменту самого русского диктатора».

Сам пафос холодной войны имел мессианский, эсхатологический характер. Победа в этой войне была названа «концом истории». Но под этим подразумевалась не просто ликвидация многовекового противника, а нечто большее. Лео Страусс (или Штраус), главный политический философ неолиберализма, определил цель таким образом: «полная победа города над деревней или Запада над Востоком». Насколько абсолютен пессимизм этой евроцентристской эсхатологии, говорит пояснение, которое дал Л. Страусс этой формуле: «Завершение истории есть начало заката Европы, Запада, и вследствие этого, поскольку все остальные культуры были поглощены Западом, начало заката человечества. У человечества нет будущего».

Доктрина войны предписывала ведение двух параллельных программ: гонку вооружений с целью истощения советской экономики и идеологическую обработку верхушки партийно-государственной номенклатуры и гуманитарной элиты.

У. Фостер, министр в администрации при Г. Трумэне и при Дж. Кеннеди, обосновывал удвоение военных расходов США тем, что это «лишит русский народ трети и так очень скудных то-

варов народного потребления, которыми он располагает». Автор доктрины холодной войны Дж. Кеннан отмечал в 1965 г., что цели НАТО не могли быть достигнуты «без абсолютного военного поражения Советского Союза или без фантастического, необъяснимого и невероятного переворота в политических установках его руководителей». Первую программу СССР нейтрализовал, вторая оказалась удачной и привела Запад к победе. В советской государственности были найдены уязвимые точки.

Оборона против первой программы холодной войны (гонки вооружений) потребовала уже в течение восстановительного периода перестроить тип работы государственных органов для решения двух противоречивых задач: 1) конверсия огромного военно-промышленного комплекса, который сложился в ходе войны, с целью быстрой модернизации хозяйства; 2) создание двух принципиально новых систем оружия, гарантирующих безопасность страны: ядерного оружия и неуязвимых средств его доставки (баллистических ракет)¹. Работа большого числа ведомств стала объединяться в межотраслевые целевые программы. Это был качественно новый тип государственного управления.

Конверсия военной промышленности была проведена быстро, повысив технический уровень гражданских отраслей (и тем самым позволив затем перейти к созданию новых военных производств). В результате массовой эвакуации промышленности на восток и разрушения во время оккупации и боевых действий в европейской части 32 тыс. промышленных предприятий сильно изменилась экономическая география страны.

Некоторые изменения были связаны с новой международной обстановкой. Возникла мировая социалистическая система из 13 стран. В 1949 г. была создана экономическая организация социалистических стран — Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Госаппарат СССР стал выполнять новую функцию —

¹ Тактика создания очагов напряженности с балансированием на грани горячей войны и демонстрацией превосходства силы, как и запугивание СССР, не имела успеха. На провокации СССР давал тогда уверенный силовой ответ. Только сейчас публикуются сведения о том, что в 50-е годы XX в. над территорией и водами СССР были сбиты десятки (!) самолетов США. Только сейчас появляются аналитические материалы о действиях советской авиации во время войны в Корее. Программа запугивания не была слишком успешной — панический страх овладел как раз западным обывателем. А с достижением военного паритета эта программа вообще исчерпала себя.

координировать работу международной системы как в гражданской, так и в военной области (в 1949 г. была создана НАТО, в 1955 г. — организация Варшавского договора).

Под влиянием образования двух центров силы начался распад мировой колониальной системы. 1 октября 1949 г. образовалась КНР. Возникало все больше неприсоединившихся стран, многие из которых шли на сотрудничество с СССР. Это резко расширило международную деятельность государства, в 1957 г. был образован Госкомитет по внешним экономическим связям.

Выдержать гонку вооружений казалось немыслимым (на Западе СССР называли тогда «нацией вдов и инвалидов»), и важной частью государственной идеологии стала в то время *борьба за мир*. В 1951 г. был принят Закон «О защите мира», по которому пропаганда войны объявлялась тягчайшим преступлением.

Преобразование государственной системы соответственно изменению обстановки и общей культуры шло быстро, но без шумных эффектов. Крупных репрессий уже не было и не могло быть, но были рецидивы («ленинградское дело», «дело врачей» и др.). Осторожно начали расширять диапазон «инакомыслия». Судебные органы перестраивались на работу в мирных условиях, с обычным процессуальным порядком.

Опыт государственного строительства в 1945—1953 гг. показал сложность проблемы выхода из мобилизационной программы, из общества тоталитарного типа.

После смерти И. Сталина и избрания Н.С. Хрущева Первым секретарем ЦК КПСС партийное руководство перешло к выходу из «мобилизационного социализма» посредством *слома* сначала его идеологической, а затем и организационной базы. Первым шагом нового руководства были арест и расстрел министра внутренних дел Л.П. Берии и его приближенных, обвиненных в произволе и преступлениях. Раздельные МВД и МГБ (Министерство госбезопасности) были слиты в марте 1953 г. Затем были сокращены на 12% штаты и проведена большая чистка МВД. 1342 бывших сотрудника были преданы суду и приговорены к разным мерам наказания. В 1954 г. из МВД был выделен Комитет госбезопасности при СМ СССР (КГБ). Было упразднено Особое совещание при министре внутренних дел СССР, которое в основном вело процессы против представителей элитарной номенклатуры и за время существования с 1934 по 1953 г. приговорило к смертной казни 10 101 человека.

Велась работа по пересмотру дел жертв сталинских репрессий и реабилитации невиновных. Началось восстановление прав и автономных образований депортированных народов. В 1957 г. была восстановлена Чечено-Ингушская АССР, Черкесская АО преобразована в Карачаево-Черкесскую, Кабардинская АССР в Кабардино-Балкарскую АССР, Калмыцкая АО преобразуется в Калмыцкую АССР.

В сентябре 1953 г. было резко сокращено изъятие средств из села: в 2 раза повышены закупочные цены на молоко, в 5 раз на скот и птицу. Это был шаг к выходу из хозяйства мобилизационного типа. В 1954 г. началась ударная программа по освоению целины. Она многими критиковалась, но на деле позволила быстро увеличить производство зерна и гарантировать продовольственную безопасность СССР. С 1947 по 1955 г. было произведено 727 млн. т зерновых. За такой же девятилетний период с 1956 (первый урожай целины) по 1964 г. произведено 1138 млн. т.

Укрепилась и социальная база села: в 1964 г. был принят Закон СССР о пенсиях и пособиях членам колхозов, который завершил создание общей, единой системы государственного пенсионного обеспечения (в 30—50-е годы XX в. сами колхозы были обязаны создавать фонды помощи старикам, больным и инвалидам).

Сразу после войны были ликвидированы чрезвычайные нормы трудового права военного времени. Уже с 1 июля 1945 г. были восстановлены очередные и дополнительные отпуска рабочим и служащим, отмененные на период военного времени. Вновь установлен 8-часовой рабочий день, прекращены трудовые мобилизации граждан. С 1 июня 1956 г. для рабочих и служащих в возрасте от 16 до 18 лет был установлен 6-часовой рабочий день, в декабре 1956 г. был запрещен прием на работу лиц моложе 16 лет. В 1960 г. был завершен перевод всех рабочих и служащих на 7- и 6-часовой рабочий день. В 1966—1967 гг. была введена пятидневная рабочая неделя с двумя выходными.

В 1956 г. эволюционная «десталинизация» сменилась радикальным разрывом с прошлым: на закрытом заседании XX съезда КПСС Н.С. Хрущев сделал доклад с разоблачением культа личности Сталина. То, как это было сделано, нанесло мощный удар по фундаменту Советского государства. Это был первый принципиальный шаг к разрушению его легитимности.

XX съезду предшествовали 25 лет чрезвычайного периода. В нем было три этапа: форсированная индустриализация (и

сопряженная с нею коллективизация), Великая Отечественная война, форсированная программа восстановления. Это единое целое, особый тип жизни и организации общества. На научном языке — *мобилизационный социализм*, на языке демократов — *казарменный социализм*, или **сталинизм**. Был у нас такой исторический период, и никуда от этого не деться.

Жить в казарме мало радости, это все понимают, поэтому всегда есть дезертиры. Но про себя даже и дезертиры знали, что без той сталинской казармы мы бы войну не вытянули. Представьте — вместо И. Сталина у руля стоял бы М. Горбачев, вместо В. Молотова Е. Гайдар с А. Козыревым, а вместо Г. Жукова войсками командовал бы П. Грачев. И тогда все понимали, зачем нужен сталинизм, потому и собрались люди в *тоталитарное* общество, как в военный отряд. Потому и возник культ Сталина как *командира*. Такого культа сверху не создашь ни кнутом, ни пряником. Н.С. Хрущев и Л.И. Брежнев попытались устроить что-то вроде маленького культа — по причине полного непонимания.

Также всем было очевидно, что к середине 50-х годов XX в. чрезвычайный период закончился. Из казармы надо было выходить, проводить *демобилизацию*. Но это очень трудное дело. Надо остановить маховик и демонтировать машину тоталитаризма, а сознание у всех по инерции тоталитарно. Привычки, которые были так необходимы целых 20 лет, сменить непросто.

Эту операцию Н. Хрущев и его команда провалили — они перенаправили энергию маховика на разрушение государства. Выход из «мобилизационного социализма» решили провести посредством *слома* сначала его идеологической базы, а затем и организационной. Перечислим лишь самые очевидные результаты этой акции, центральное место в которой занимает XX съезд.

Результатом действий Хрущева была профанация советского государства, разрушение его духовной связи с народом и одновременно создание *комплекса вины* в тех, кто это государство строил и защищал. Разрушение идеократической основы государства велось и через «приземление идеалов» — замену далекого образа справедливой и братской жизни в изобильной общине прагматическими критериями потребления, к тому же необоснованными («Догнать Америку по мясу и молоку»). Обоснование государства включает в себя две связанные вещи: *утопию* (идеал) и *теорию* (рациональное объяснение жизни и проекта будущего). Государственная идеология периода «оттепели»

испортила оба эти компонента и разъединила их. Утопия была уничтожена ее недопустимым приближением («*нынешнее* поколение советских людей будет жить при коммунизме») и опошлением (коммунизм означает «*бесплатный проезд в городском транспорте*»). Теория была испорчена непредсказуемостью проекта и отходом от здравого смысла при выполнении даже разумных программ (кампания по «внедрению кукурузы», «химизация народного хозяйства» и др.).

Были разрушены или испорчены главные символы национального сознания, которые «собрали» народ и страну после катастрофы 1917—1921 гг. Ведь сталинизм был создан *совместно* народом и властью, он и был кратким историческим мигом их тоталитарного единения. Проклятья Хрущева в адрес сталинизма означали отречение власти от этого совместного дела. Сталин умер, проклявшая его власть выходит чистой, вся вина возлагается на народ. Это — *измена власти*, страшное дело в истории любого государства. С того момента народ начал потихоньку «рассыпаться» и был добит через 30 лет. Перестройка и стала завершающей стадией в *демонтаже* советского народа.

XX съезд вовсе не соединил общество в покаянии и примирении, а расколол его, причем расколол на непримиримые части. С того момента пути этих частей стали расходиться и довели до пропасти. Дело в том, что XX съезд породил *реванизм* всех, кто был обижен или покалечен в «казарме». И этот реванизм был для народа гораздо опаснее, чем раскол Гражданской войны¹.

Теперь, после XX съезда, произошло совсем другое. Были собраны, идейно вооружены и заранее легитимированы все будущие «дезертиры» и «диссиденты», которые стали внутренними союзниками противника СССР в столетней «войне цивилизаций» (в это время она имела форму *холодной войны*). Посмотрите состав «шестидесятников»! Это не дети монархистов или белых казаков, это выходцы из высшей партийной элиты — И.Э. Якир, Ш. Окуджа-

¹ Вот что меня удивляло с детства. Моя мать и шестеро ее братьев и сестер были родом из казачьей станицы в Семиречье. В 1945—1946 гг. они, их земляки и свояки часто собирались вместе у нас дома — большинство были офицерами, шла демобилизация, путь многих лежал через Москву. Выпив, они всегда говорили о детстве — станица была расколота на красных и белых, за столом сидели дети и тех и других. Были враждебные нотки, но они были слабы — ведь семьи тех и других породнились, дети переженились. А главное, все они последние четыре года воевали в одной Красной Армии.

ва, А.В. Антонов-Овсеенко. Сейчас самые совестливые из них говорят, что «целились в коммунизм, а попали в Россию» — какая нелепая фраза! Виноват — целился в шинель, а попал в сердце!

XX съезд глубоко *оскорбил* большинство людей из сознательных поколений (например, меня лично, студента 1-го курса МГУ, хотя мы уже вовсе не были сталинистами). Речь идет о том, как XX съезд обошелся с «культом Сталина». Поскольку речь идет именно о *культе*, т.е. явлении иррациональном, объяснять его молодому поколению начала XXI в. столь же бессмысленно, как объяснять истоки религиозной веры безбожнику. Однако это поколение обязано знать, что такое явление реально существовало четверть века и оказывало огромное влияние на бытие народа и государства¹.

Любой *культ* — сокровенная часть духовного мира. Когда эту часть вырывают грубо, грязными лапами, как это сделал Хрущев, в ответ получают цинизм и глухую, часто даже неосознанную ненависть. Нам говорят: зато Хрущев прекратил репрессии. Чушь! Репрессии прекратило само время, изменение самого общества. Да и сам Хрущев явно не думал о «восстановлении истины». Например, он заявил в докладе: «Когда Сталин умер, в лагерях находилось до 10 млн. человек». В действительности на 1 января 1953 г. в лагерях содержалось 1 727 970 заключенных, о чем Хрущеву было сообщено докладной запиской. Таким образом, в докладе XX съезду Н.С. Хрущев искажил истину сознательно. С того времени тема репрессий стала главной в *психологической* войне против СССР.

Есть разные версии объяснения причин, по которым верхушка партийного аппарата решила нанести такой удар по основам государственности. Иногда говорят о якобы российской традиции укреплять новую власть, очерняя умерших, но это мелочь. Некоторые историки делают вывод, что речь шла о реванше номенклатуры и мести за репрессии против нее в 1937—1938 гг. Положение самого Хрущева было двусмысленным, так как в годы репрессий он, как секретарь Московского горкома ВКП(б), был председателем «тройки», выносившей приговоры московским кадрам. Он был также и членом комиссии ЦК ВКП(б), кото-

¹ К тому же похоже, что «количество культа» есть в каждом поколении величина постоянная (например, в 50-е годы XX в. никто не верил астрологам и не было «культа доллара», как сейчас).

рая рассматривала дело Н. Бухарина и А. Рыкова. Возможно, поэтому разоблачения сталинизма велись с излишней страстью и сопровождались уничтожением многих архивных материалов.

XX съезд дал огромные козыри ведущему против нас войну Западу и оттолкнул союзников: Китай на Востоке, либеральную и левую интеллигенцию на Западе. Начался ее поворот к переходу на сторону противника СССР в холодной войне, левое движение Запада стало *антисоветским*. Этот процесс «импортировался» в среду отечественной интеллигенции.

Всего этого можно было избежать и сделать XX съезд инструментом укрепления и модернизации нашего общества и государства. Почему же этого не произошло? Почему интеллигенция пошла на поводу у Хрущева и не смогла нейтрализовать его тупого импульса? Потому что, как выразился позднее Ю.В. Андропов, «не знала общества, в котором живем». XX съезд поставил нам страшный диагноз, и мы его обязаны осмыслить. Он выявил полную несостоятельность того обществоведения, которое было основано на историческом материализме (марксизме), а теперь основано на его близнеце — либерализме. Начиная свою акцию, команда Хрущева не понимала, что делает. Те, кто чувствовал, что дело неладно, не могли этого связно объяснить и выглядели просто сталинистами, которые хотят уйти от ответственности.

В октябре 1964 г. Н.С. Хрущев был освобожден от должности Первого секретаря ЦК КПСС. Снятию Хрущева способствовали плохо проведенное повышение цен на мясо-молочные продукты (с одновременным снижением расценок в ряде отраслей промышленности) и импульсивная реакция властей на произошедшие в Новочеркасске волнения. Были применены неадекватные, неприемлемые в СССР меры — уличные репрессии, приведшие к жертвам.

Надо, однако, отметить, что советское хозяйство и социальная система стали уже обладать такой устойчивостью, что необоснованные или странные решения верховной власти не приводили к катастрофам, их воздействия «гасились» внутри системы. Быстро развивались наука и образование, началось широкое жилищное строительство, модернизировалась армия. Начали давать свои плоды крупные программы, наглядным примером которых стал запуск в 1957 г. первого искусственного спутника Земли, а в 1961 г. — полет первого космонавта.

СССР стал супердержавой, позиция которой определяла равновесие сил в мире. Невозможность для США ликвидировать революционный режим на Кубе произвела на весь мир большое впечатление и оказала воздействие на многие мировые процессы. Множество символических событий, влиявших на разные стороны массового сознания, утвердили тогда образ советского государства как великой державы: над Уралом в 1960 г. был сбит ракетой самолет-шпион У-2, который до того свободно пересекал территорию СССР; СССР представил миру спорт высшего класса в широком спектре; советские школьники стали уверенно побеждать на международных олимпиадах; в Москве открылся большой и хороший бесплатный Университет Дружбы народов им. Патриса Лумумбы. Сегодня все это не кажется странным только потому, что молодежь России еще живет с инерцией мышления великой державы.

Рассмотрим далее отдельные блоки советской системы.

Глава 5

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР¹

В Гражданской войне тяжелый ущерб понесла промышленность. В 1917 г. валовая продукция промышленности составила 71% от уровня 1913 г. В 1918 г. продукция ценовой промышленности на советской территории составила 48% от уровня 1917 г., в 1919 г. — 25%, в 1920 г. — 21% и в 1921 г. — 30%. Страна пережила хозяйственную катастрофу. Имевшиеся в 1918 г. надежды на восстановление хозяйства в рамках государственного капитализма не оправдались. Предприятия пришлось национализировать (хотя поначалу это не входило в планы советского правительства), к их восстановлению приступили на основе *государственного планирования* параллельно с нэпом — оживлением хозяйства с привлечением частного капитала.

Потребность России в крупномасштабном народно-хозяйственном планировании еще до революции осознавалась и государством, и промышленниками. В 1907 г. Министерство путей сообщения составило первый *пятилетний план* строительст-

¹ Подробные данные (в основном статистические) по этой теме см. [72].

ва и развития железных дорог. Деловые круги «горячо приветствовали этот почин». В 1909—1912 гг. работала Межведомственная комиссия для составления плана работ по улучшению и развитию водных путей сообщения Российской империи. Таким образом, за основу перспективных пятилетних планов развития бралась *система путей сообщения*. Была разработана программа на 1911—1915 гг., а затем пятилетний план капитальных работ на 1912—1916 гг. Реализации этих «первых пятилеток» помешала Первая мировая война, однако большие ограничения накладывались и отношениями собственности.

Советское правительство в качестве объекта программы восстановления развития народного хозяйства выбрало *энергетику* и прежде всего *электрификацию*. Была создана комиссия ГОЭЛРО (18 человек), которая за год подготовила книгу «План электрификации России». План, который сформулировал задания по важнейшим видам промышленной продукции на 10—15 лет, был утвержден в декабре 1921 г. Мощность электростанций России (СССР) за 12 лет (1921—1932 гг.) выросла в 15 раз. За 1918—1928 гг. было введено в действие 2200 построенных и восстановленных крупных государственных предприятий. К концу 20-х годов XX в. в СССР определилась программа развития промышленности. Госплан разработал первый пятилетний план на конец 1928-го—1932 гг. Начался «третий цикл интенсивной индустриализации» (1929—1940 гг.), прерванный в 1941 г. нашествием фашистской Германии и ее союзников.

Этот цикл проходил в новых социальных, культурных и политических условиях, на новой мировоззренческой основе и с новым типом организации хозяйства. В 30-е годы XX в. историческая Россия в форме СССР превратилась в промышленно-аграрную страну. Объем продукции промышленности СССР в 1940 г. превышал уровень 1913 г. в 7,69 раза. Промышленность качественно изменилась, к концу 30-х годов XX в. сложился советский тип предприятия, образа которого еще не могли себе представить проектировщики 20-х годов. В ходе строительства создавалась не только новая технологическая база, но и новые социальные формы организации производства, трудового коллектива и даже всего жизнеустройства населенного пункта, в котором располагался завод.

На заводы пришли массы молодых людей, прошедших уже единую общеобразовательную советскую школу, построен-

ную необычно: в чем-то похожую на западную школу для элиты, но предназначенную для детей всего населения СССР. Эта молодежь переживала духовный и культурный подъем. Не менее важно, что на заводы пришли массы молодых людей из деревни, где механизация высвободила большие резервы трудовых ресурсов. Эти люди привнесли в промышленное предприятие культуру общинной организации труда и жизнеустройства, духовный заряд «общинного крестьянского коммунизма». Образование позднего советского периода и постсоветское образование не объяснили нам особенностей советского промышленного предприятия, и мы утратили важное знание о нем, которое теперь собираем по крупицам.

В 30-е годы XX в. была выработана методология форсированного планирования и реализации целевых программ крупного масштаба, в которых соединялись научные, конструкторские, инженерные и производственные организации. Примером такой колоссальной по размаху программы была эвакуация промышленности из западных областей (вплоть до Сталинграда) на Урал и в Сибирь. Эту небывалую в истории операцию Г.К. Жуков приравнял по масштабам и эффективности к крупнейшим битвам Второй мировой войны.

Во второй половине 30-х годов XX в. в условиях форсированной подготовки к войне советская промышленность стала в высшей степени *инновационной* и в технологическом, и в социальном смысле. Эти качества, пусть и ослабевая со сменой поколений, во многом предопределили темп развития во второй половине XX в. и живучесть постсоветских стран в 1990—2010 гг.

В феврале 1941 г. председатель Госплана Н.А. Вознесенский отметил такие крупные инновации:

— непрерывная разливка стали на роторных линиях с обработкой отливок на автоматических станках (сокращение производственной площади в 6 раз, количества оборудования — в 4 раза, брака и себестоимости — в 2 раза, повышение производительности труда в 2,5 раза);

— широкое использование штамповки вместоковки;

— автоматическая электросварка под флюсом;

— применение станков с приборами автоматического контроля и программирования.

Здесь названы технологические нововведения, которые требовали участия современной и по-новому организованной науки. Таких достижений было множество.

Без быстрого совершенствования уже существующих и создания ряда принципиально новых технологий промышленность СССР не смогла бы обеспечить успех в Великой Отечественной войне. В 1942 г. персонал промышленности сократился по сравнению с 1940 г. на 3,8 млн. человек, а из 7,2 млн. работников значительную часть составляли необученные женщины и подростки от 12 до 18 лет. Требовались широкая автоматизация и упрощение технологий.

Исходя из этих принципиальных установок было *создано* особое качество советской промышленности, которое можно назвать способностью мобилизовать «дремлющие» ресурсы низкой интенсивности. Это качество присуще хозяйству «семейного типа», которое вовлекает ресурсы, негодные для рынка (трудовые и материальные). Конечно, для этого требуется и тип социальных отношений, аналогичных семейным!

Как говорилось, для замены ушедших на фронт рабочих на заводы пришло большое число женщин и подростков. Обучить их не было времени, и была предпринята большая *программа* автоматизации и замены *дискретных* технологических процессов *поточными*. Особенно трудоемким был контроль качества в массовом производстве (прежде всего, боеприпасов). Этим занялись ученые АН СССР. Было быстро создано большое число автоматических и полуавтоматических станков и приборов, которые резко повысили производительность труда и снизили требования к уровню квалификации. Работы в СССР 1941—1942 гг. стали первым в мире опытом широкой автоматизации массового производства.

Особым качеством советской промышленности стало привлечение для решения технических проблем *фундаментально-теоретического* знания. Такое соединение стало возможным благодаря качественно новым контингентам научных работников, инженеров, рабочих и управленцев. Государственная система организации науки позволила с очень скромными средствами выполнить множество проектов такого типа. Примерами служат не только лучшие и оригинальные виды военной техники (например, система реактивного залпового огня «Катюша» и ракеты «воздух-воздух», создание кумулятивного снаряда, а по-

том и кумулятивных гранат, мин, бомб, резко повысивших уязвимость немецких танков¹), но и крупные научно-технические программы типа создания атомного оружия.

Все участники этого процесса, от академиков до рабочих, продемонстрировали высокую культуру взаимодействия. Они создали первую в мире автоматизированную линию агрегатных станков для обработки танковой брони — производительность труда сразу возросла в 5 раз. Институт электросварки АН УССР под руководством Е.О. Патона, эвакуированный в Нижний Тагил, в 1942 г. создал линию автоматической сварки танковой брони под флюсом, что позволило организовать поточное производство танков, — общая производительность труда при изготовлении танков повысилась в 8 раз, а на участке сварки в 20 раз. Немцы за всю войну не смогли наладить автоматической сварки брони.

На основе развития теории баллистики и решения ряда математических проблем были улучшены методы проектирования артиллерийских орудий, способы стрельбы и живучесть артиллерийских систем. Коллектив, возглавляемый В.Г. Грабиным, в начале войны создал лучшую в мире (по признанию союзников и германских экспертов) дивизионную пушку 76-го калибра ЗИС-3, причем снизил себестоимость каждой пушки по сравнению с ее предшественницей в 3 раза, что позволило обеспечить армию этой пушкой.

В 1943 г. трудоемкость производства по отношению к 1941 г. была снижена для штурмовика Ил-2 — в 1,6 раза, бомбардировщика Пе-2 — в 1,9 раза, пушки 76-мм — в 3,6 раза и танка Т-34 — в 2,4 раза. Конструкторы удвоили мощность авиационных моторов, не увеличив при этом их массу.

Во время перестройки и после нее многие политики и идеологи резко критиковали советскую систему, включая хозяйство, за неподготовленность к войне. Как эти политики подготовились бы сами, они не говорят, но мы можем себе представить — их дела у нас перед глазами. Хуже то, что постоянно повторяемые мифы оседают в подсознании людей, особенно молодежи,

¹ Осенью 1941 г. остро встала проблема борьбы с танками. Исходя из новой гидродинамической теории (исследования М.А. Лаврентьева по теории струй) была выдвинута идея боеприпаса нового типа — кумулятивных снарядов и мин. Они были испытаны в мае 1942 г. и показали удивительную эффективность.

которой как раз необходимо изучить опыт советской промышленности в экстремальных условиях.

Нарком вооружений Б. Ванников пишет: «Крупная и комплексная промышленность вооружения — детище индустриализации, к началу Великой Отечественной войны имела большую и прочную материально-техническую базу. Несмотря на трудности и множество неполадок, она была хорошо подготовлена к предстоящей войне» [160, с. 163].

Б. Ванников — сталинский нарком, поэтому, чтобы не быть обвиненным в пропаганде советской власти, приведу суждение западных историков: «Немцы, американцы и англичане, все вместе, долго разделяли роковое заблуждение относительно достижений Советов. Серия катастроф, обрушившаяся на немецкий народ начиная с 1941 г., была прямым следствием недооценки германским руководством советского колосса... Советский Союз представляет странное сочетание низкого уровня жизни с блестящими техническими достижениями, что противоречит западным понятиям и приводит к огромному количеству ошибок при оценках... Советский Союз во многих отношениях был лучше подготовлен к войне, чем Британия в 1939 или Соединенные Штаты в 1941» [12, т. 4, с. 107].

После войны страна вступила в новый этап индустриального развития, и в 1980 г. объем промышленного производства был в 161,5 раза больше, чем в 1913 г., а в 1990 г. — в 199,6 раза. По завершении войны и программы послевоенного восстановления промышленное развитие СССР продолжалось до 1991 г. После этого начали действовать законы, отменяющие принципы плановой экономики, и была проведена приватизация промышленных предприятий — изменился общественный строй.

Надо подчеркнуть, что приватизации подверглись *не те* предприятия, которые были национализированы в 1918—1920 гг. Те, что сохранились после 7 лет войны (1914—1921 гг.) и были национализированы, производили 0,17% от объема производства промышленности СССР 1990 г. После 1991 г. была приватизирована промышленность, **полностью созданная советским народом** — в основном поколениями, родившимися после 1920 г. Большого числа отраслей не существовало в 1913 г. Многие под идеологическим давлением перестройки и реформы это как будто забыли.

Приватизация ни в малейшей степени не была «возвращением предприятий, национализированных советской властью, их законным хозяевам». Приватизация — это изъятие промышленных предприятий у народа, который их построил и содержал, вкладывая в них свой *неоплаченный* труд и ограничивая себя даже в скудном потреблении, чтобы оставить потомкам сильную и независимую страну. Так тогда понимали это дело те, кто строил заводы и на них работал.

Сорок лет — 1950—1990 гг. — это время великого, небывалого строительства и огромных усилий во всех сферах созидательной деятельности. Плоды этого созидания оказались плохо защищены. Нашлись силы, которые это созидание оплевали и разграбили. Печально, что на это равнодушно смотрели или даже аплодировали дети и внуки тех, кто на своем горбу вытянул эту стройку.

Динамика промышленного производства в СССР и затем в СНГ с 1940 г. представлена на рис. 1.

В 1992 г. началась деиндустриализация постсоветских республик и быстрое уменьшение численности производственного персонала, в особенности *рабочих*. Резкое сокращение и ухудшение демографических и квалификационных характеристик *рабочего класса* — один из важнейших результатов реформы, который будет иметь долгосрочные последствия. Организованный, образованный и мотивированный промышленный рабочий — одно из главных национальных богатств индустриальной страны. Сформировать его стоит большого труда и творчества, а восстановить очень трудно.

Советское хозяйство было очень специфической культурной и социальной системой, которая была плохо описана и объяснена в официальном советском обществоведении. У influential части общества такое непонимание превратилось в неприязнь, а затем и в ненависть к этой системе, и в союзе с противником СССР в холодной войне эта часть общества смогла ликвидировать СССР («империю зла»), а затем демонтировать или разрушить его хозяйственную систему. Захваченные при этом трофеи (в виде приватизированных земли, промышленности, флота и др.) в новых условиях утратили свою продуктивность и ценность. Они не обещают большого стабильного дохода и эксплуатируются на износ.

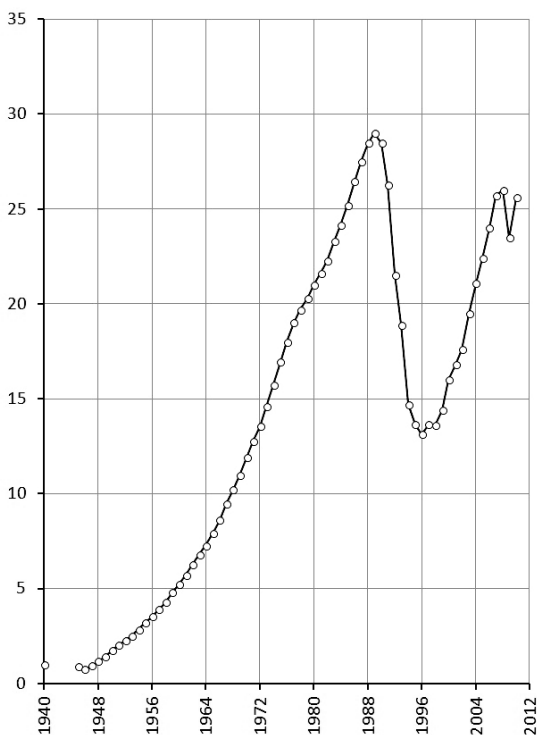

Рис. 1. Индексы промышленного производства СССР и СНГ (1940 г. = 1)

Для осознания реальности и сути исторического выбора, перед которым до сих пор топчется население постсоветского пространства Евразии, необходимо понимание внутреннего устройства и культурных оснований советского хозяйства. На его остатках мы живем, и из его материала придется создавать новую экономику.

Насколько необычным было советское хозяйство и как трудно было разобраться в нем западным (и прозападным) специалистам, говорит факт, изложенный видным экспертом по проблеме военных расходов в СССР и в нынешней РФ, бывшим заместителем председателя Госкомитета РФ по оборонным вопросам В.В. Шлыковым.

Он пишет, на основании заявлений руководства ЦРУ США: «Только на решение сравнительно узкой задачи — определения реальной величины советских военных расходов и их доли в валовом национальном продукте (ВНП) — США, по оценке американских экспертов, затратили с середины 1950-х гг. до 1991 г. от 5 до 10 млрд долларов (в ценах 1990 г.), в среднем от 200 до 500 млн. долларов в год... Один из руководителей влиятельного Американского предпринимательского института Николас Эберштадт заявил на слушаниях в Сенате США 16 июля 1990 г., что “попытка правительства США оценить советскую экономику является, возможно, самым крупным исследовательским проектом из всех, которые когда-либо осуществлялись в социальной области”» [193].

Приведем обширную выдержку из статьи В.В. Шлыкова, в которой он объясняет, почему ЦРУ не могло, даже затратив миллиарды долларов, установить реальную величину советского ВПК:

«За пределами внимания американского аналитического сообщества и гигантского арсенала технических средств разведки осталась огромная “мертвая зона”, не увидев и не изучив которую, невозможно разобраться в особенностях функционирования советской экономики на различных этапах развития СССР. В этой “мертвой зоне” оказалась уникальная советская система мобилизационной подготовки страны к войне. Эта система, созданная Сталиным в конце 20-х—начале 30-х годов, оказалась настолько живучей, что ее влияние и сейчас сказывается на развитии российской экономики сильнее, чем пресловутая “невидимая рука рынка” Адама Смита.

Чтобы понять эту систему, следует вспомнить, что рожденный в результате Первой мировой и Гражданской войн Советский Союз был готов с первых дней своего существования платить любую цену за свою военную безопасность... Начавшаяся в конце 20-х годов индустриализация с самых первых шагов осуществлялась таким образом, чтобы вся промышленность, без разделения на гражданскую и военную, была в состоянии перейти к выпуску вооружения по единому мобилизационному плану, тесно сопряженному с графиком мобилизационного развёртывания Красной Армии.

В отличие от царской России, опиравшейся при оснащении своей армии преимущественно на специализированные государственные “казенные” заводы, не связанные технологически с

находившейся в частной собственности гражданской промышленностью, советское руководство сделало ставку на оснащение Красной Армии таким вооружением (прежде всего авиацией и бронетанковой техникой), производство которого базировалось бы на использовании двойных (дуальных) технологий, пригодных для выпуска как военной, так и гражданской продукции.

Были построены огромные, самые современные для того времени тракторные и автомобильные заводы, а производимые на них тракторы и автомобили конструировались таким образом, чтобы их основные узлы и детали можно было использовать при выпуске танков и авиационной техники. Равным образом химические заводы и предприятия по выпуску удобрений ориентировались с самого начала на производство в случае необходимости взрывчатых и отравляющих веществ... Создание же чисто военных предприятий с резервированием мощностей на случай войны многие специалисты Госплана считали расточительным омертвлением капитала...

Основные усилия советского руководства в эти [30-е] годы направлялись не на развертывание военного производства и ускоренное переоснащение армии на новую технику, а на развитие базовых отраслей экономики (металлургия, топливная промышленность, электроэнергетика и т.д.) как основы развертывания военного производства в случае войны...

Сама система централизованного планирования и партийного контроля сверху донизу идеально соответствовала интеграции гражданской и военной промышленности и была прекрасной школой для руководства экономикой в условиях мобилизации. Повышению эффективности мобилизационной подготовки способствовали и регулярные учения по переводу экономики на военное положение...

Именно созданная в 30-х годах XX в. система мобилизационной подготовки обеспечила победу СССР в годы Второй мировой войны... На захваченной немцами к ноябрю 1941 г. территории СССР до войны добывалось 63% угля, производилось 58% стали и 60% алюминия. Находившиеся на этой территории перед войной 303 боеприпасных завода были или полностью потеряны или эвакуированы на Восток. Производство стали в СССР с июня по декабрь 1941 г. сократилось в 3,1 раза, проката цветных металлов в 430 раз. За этот же период страна потеряла 41% своей железнодорожной сети.

В 1943 г. СССР производил только 8,5 млн. т стали (по сравнению с 18,3 млн. т в 1940 г.), в то время как германская промышленность в этом году выплавляла более 35 млн. т (включая захваченные в Европе металлургические заводы).

И несмотря на колоссальный урон от немецкого вторжения, промышленность СССР смогла произвести намного больше вооружения, чем германская. Так, в 1941 г. СССР выпустил на 4 тыс., а в 1942 г. на 10 тыс. самолетов больше, чем Германия. В 1941 г. производство танков в СССР составило 6 тыс. 590 единиц против 3 тыс. 256 в Германии, а в 1942 г. соответственно 24 тыс. 688 единиц против 4 тыс. 098 единиц...

После Второй мировой войны довоенная мобилизационная система, столь эффективно проявившая себя в годы войны, была воссоздана практически в неизменном виде. Многие военные предприятия вернулись к выпуску гражданской продукции, однако экономика в целом по-прежнему оставалась нацеленной на подготовку к войне.

При этом, как и в 30-е годы XX в., основные усилия направлялись на развитие общеэкономической базы военных приготовлений... Это позволяло правительству при жестко регулируемой заработной плате не только практически бесплатно снабжать население теплом, газом, электричеством, взимать чисто символическую плату на всех видах городского транспорта, но и регулярно, начиная с 1947 г. и вплоть до 1953 г., снижать цены на потребительские товары и реально повышать жизненный уровень населения. Фактически Сталин вел дело к постепенному бесплатному распределению продуктов и товаров первой необходимости, исключая одновременно расточительное потребление в обществе.

Совершенно очевидно, что капитализм с его рыночной экономикой не мог, не отказываясь от своей сущности, создать и поддерживать в мирное время подобную систему мобилизационной готовности» [193].

Дискуссия о сути и категориях советской экономики велась с 1921 г. вплоть до смерти И. Сталина. О том, насколько непросто было представить это хозяйство в понятиях теории стоимости, говорит тот факт, что первый учебник политэкономии социализма удалось подготовить, после 30 лет дискуссий, лишь в 1954 г. после смерти Сталина, который все годы принимал в работе над учебником активное участие и задерживал его издание! Противоречия между реальностью советского хозяйства и аппара-

та политэкономии в рамках официально принятого учения разрешить не удавалось. Академик К. Островитянов писал в 1958 г.: «Трудно назвать другую экономическую проблему, которая вызывала бы столько разногласий и различных точек зрения, как проблема товарного производства и действия закона стоимости при социализме». Но отказаться от учения было невозможно и по субъективным причинам (правящая партия и практически вся интеллигенция были воспитаны в марксизме), и по соображениям политической целесообразности.

В результате в 50-е годы XX в. была принята политэкономия советского социализма как «квазирыночной» системы — теоретическая модель, явно неадекватная хозяйственной реальности. Обучение политэкономии в высшей школе и в системе массового политического образования имело огромный идеологический эффект. Как только после смерти Сталина в официальную догму была введена трудовая теория стоимости, стало распространяться мнение, будто и в СССР работники производят прибавочную стоимость и, следовательно, являются объектом *эксплуатации*. Следующим (логичным и неизбежным) шагом, уже вопреки официальной идеологии, стало «открытие» класса эксплуататоров — государственных служащих (номенклатуры). Сами того не зная, люди сдвигались к принятию антисоветской концепции Л. Троцкого. Когда правительство Н.И. Рыжкова в 1989—1990 гг. подрывало своими законами советскую экономическую систему, оно не понимало, к каким последствиям это приведет.

Политэкономия представляет хозяйство как равновесную машину, которая гармонизируется посредством купли-продажи. Но есть и другие типы хозяйства, при которых ценности и усилия *складываются*, а не *обмениваются* так, что все участники пользуются созданным сообща целым. Таковым является, например, хозяйство семьи или крестьянского двора. Таким было и советское плановое хозяйство. Именно *сложение* ресурсов без их купли-продажи позволило СССР после колоссальных разрушений 1941—1945 гг. быстро восстановить хозяйство.

Почему мы этого не видели? Потому что из политэкономии мы заучили, что *специализация* и *разделение* — источник эффективности. Это разумное умозаключение приобрело характер догмы, и мы забыли, что *соединение* и *кооперация* — также источник эффективности. Какая комбинация выгоднее — зависит от конкретных условий. В условиях СССР именно соединение и сотрудничество были эффективнее, нежели обмен и конкурен-

ция; они и превалировали в хозяйстве. В этом была сила советской экономики, но это перестали понимать.

Нередко говорят, что дефектом советского хозяйства было его *огосударствление*. Да, оно стало мешать некоторым направлениям развития, но его избыточность вовсе не была тяжелой болезнью строя, и тем более не она привела его к гибели. До заключительной фазы перестройки проблема собственности вообще не волновала сколько-нибудь значительную часть общества и не могла послужить причиной отрицания советского строя. Даже и сегодня поворота к одобрению частной собственности на главные средства производства в массовом сознании не произошло.

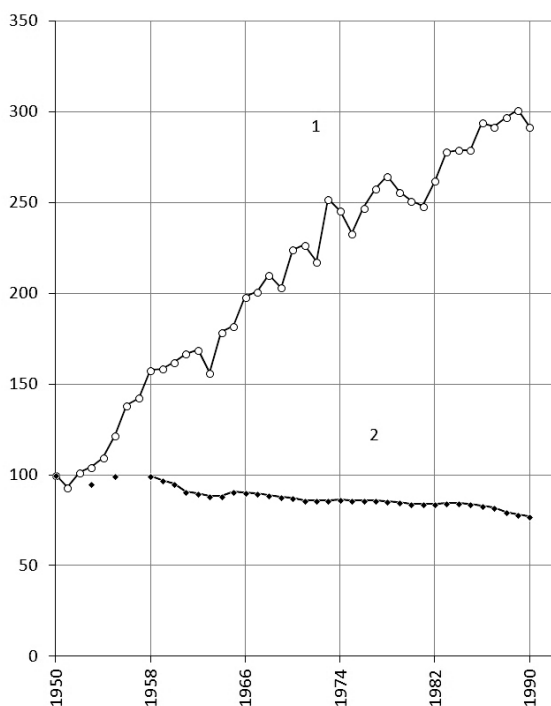

Рис. 2. Индексы физического объема продукции сельского хозяйства СССР в сопоставимых ценах (1) и числа занятых (2) (1950 г. = 100)

Советская система была очень эффективна по своим критериям. Сложные товары, на которые работала вся экономика, по отношению «цена—качество» были в мире вне конкуренции (например, оружие, алюминий, лекарства, метро).

Устойчив миф об отсталости сельского хозяйства СССР. Это миф идеологический, никаких внятных индикаторов и критериев для такой оценки никогда не было представлено, как не было и нормальной дискуссии специалистов. Динамика валового производства продукции сельского хозяйства СССР и числа занятых в сельскохозяйственных организациях работников приведена на рис. 2.

Из графика на рис. 2 видно, что сельское хозяйство СССР развивалось стабильно для отрасли, подверженной колебаниям климатических условий. За 40 лет объем производства продукции утроился даже при уменьшении числа занятых. Тот факт, что сельское хозяйство, которое развивалось в таком ритме, в общественном сознании было представлено негодным, говорит о глубоком кризисе советской культуры 70—80-х годов XX в.

Отказ от советской системы сельского хозяйства привел к глубокому спаду производства, после этого уровень 1989 г. не был достигнут и, вероятно, при нынешней системе не будет достигнут (рис. 3).

Вот ясный индикатор: колхозы обходились всего 11 тракторами на 1000 га пашни при обычной для Европы норме 120 тракторов. В отличие от Запада советское село всегда *субсидировало* город. Импорт продовольствия (зерна) был в СССР признаком благополучия, а огромный импорт продовольствия сегодня — признак бедствия.

Почти общепринятым стало утверждение, будто хозяйство СССР измотала гонка вооружений. Это пропагандистский миф. С гонкой вооружений экономика справлялась: по оценкам ЦРУ, доля военных расходов в валовом национальном продукте СССР постоянно снижалась. В начале 50-х годов XX в. СССР тратил на военные цели 15% ВВП, в 1960 г. — 10%, в 1975 г. — всего 6%. На закупки вооружений до перестройки расходовалось около 5% от уровня конечного потребления населения СССР. Это никак не могло быть причиной краха системы.

Из отношений собственности в СССР вытекал тип распределения благ, включающий в себя значительную уравнительную компоненту — не только по труду, но и «по едокам». Доступ к благам в современном обществе с развитым общественным хозяйством и небольшим сектором натурального хозяйства (про-

изводстве «для себя») определяется возможностью получить рабочее место (источник дохода) и соотношением между доходами и ценами на товары и услуги. В большей или меньшей мере на это влияет социальная политика государства, распределяющего блага из *общественных фондов потребления*. В любом обществе имеются также ограничения, накладываемые разными методами на получение дефицитных благ. В рыночном обществе в основном действуют **ценовые** ограничения, которые внешне представляются «стихийными и объективными», в патерналистском обществе критерии распределения ищутся методом проб и ошибок, нащупывая состояние общественного компромисса (а в идеале — *согласия*).

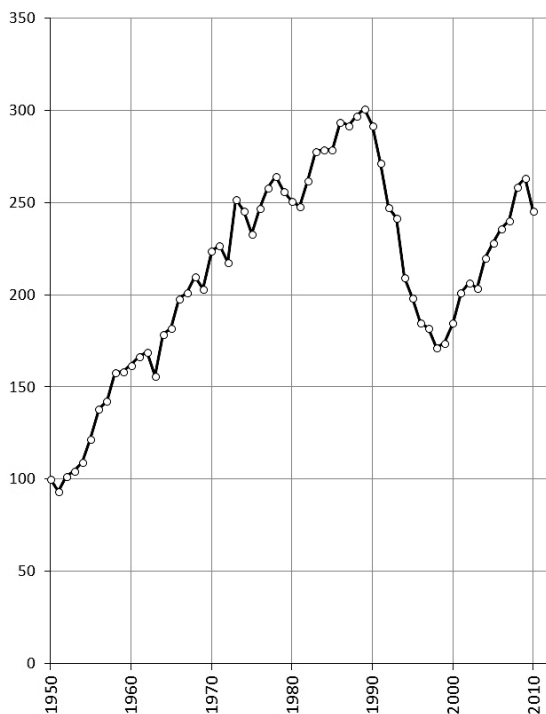

Рис. 3. Индексы физического объема продукции сельского хозяйства СССР и СНГ (1950 г. = 100)

Советский строй, образ которого в главных чертах сложился в наказах и приговорах сельских сходов 1905—1907 гг., имел целью искоренение массовой бедности, которая поразила Россию в период формирования периферийного капитализма. Понимание бедности как несправедливости, которую можно временно терпеть, но нельзя принимать как норму жизни, не является порождением советского строя. Напротив, советский строй — порождение этого взгляда на бедность.

Уравнительность в советском хозяйстве выражалась, прежде всего, в искоренении безработицы («право на труд»), в бесплатном доступе к главным социальным благам (жилье, образование и здравоохранение) и в ценообразовании (низкие цены на продукты питания, транспорт, блага культуры). Через эти каналы человеку давался минимум благ как члену общины (СССР). Он имел на это гражданское право, так как с общей собственности каждый получал равные дивиденды. В 70—80-е годы XX в. СССР стал «обществом среднего класса» с симметричной и узкой кривой распределения людей по доходам. Децильный фондовый коэффициент дифференциации с 60-х до конца 80-х годов XX в. колебался в диапазоне 3,0—3,5¹.

Базовые материальные потребности удовлетворялись в СССР гораздо лучше, чем этого можно было бы достигнуть при тех же ресурсных возможностях и том же уровне развития в условиях капитализма, — хозяйство было экономным. Советский строй породил тип промышленного предприятия, в котором производство было переплетено с поддержанием важнейших условий жизни работников и вообще «города» (отсюда понятие «градообразующее предприятие»). Это переплетение, идущее от общины, является источником очень большой и плохо объяс-

¹ Следует подчеркнуть, что в СССР был принят и выдерживался принцип, согласно которому *минимальная заработная плата* составляла не менее полутора *минимальных потребительских бюджетов* (этот бюджет и составлял прожиточный минимум), чтобы обеспечивать воспроизводство работника и «половины» иждивенца. В конце 80-х годов XX в. прожиточный минимум был определен в размере 100 руб. в месяц, а минимальная зарплата — в 165 руб. В 1992 г. критерий изменился — «прожиточный минимум» был оторван от минимального потребительского бюджета и стал меньше него в 2,25 раза, т. е. сразу после ликвидации СССР размер минимальной зарплаты относительно прожиточного минимума уменьшился в 3,7 раза. Само понятие «минимальной зарплаты» потеряло свой социальный смысл — в январе 1999 г. она составляла 10,6% от прожиточного минимума и равнялась 3 долларам США в месяц.

ненной экономии (пример — отопление бросовым теплом, отходящим при производстве электроэнергии на ТЭЦ)¹.

В СССР стабильно рос и валовой национальный продукт (в сопоставимых ценах), и произведенный национальный доход, расходуемый на потребление и накопление. Соответственно, равномерно росли и реальные доходы населения начиная с 1950 г. (т.е. на выходе из восстановительного периода). Рост продолжался до 1988 г. (с заминкой в 1986—1987 гг.), превысив уровень 1950 г. почти в 5 раз. Для реализации уравнительного принципа распределения и ликвидации бедности в СССР в плановом порядке регулировались доходы и цены, а также создавались общественные фонды потребления. Из них населению обеспечивались бесплатное образование и повышение квалификации, бесплатная медицинская помощь, пособия, пенсии, стипендии учащимся, оплата ежегодных отпусков, бесплатные и по льготным ценам путевки в санатории и дома отдыха, содержание детей в дошкольных учреждениях и ряд других выплат и льгот. Из общей суммы выплат и льгот примерно половину составляли денежные выплаты.

В 1988 г. конкретные расходы государства из общественных фондов за год были таковы: на одного учащегося в средних общеобразовательных школах — 290 руб., в средних специальных учебных заведениях — 914 руб., в вузах — свыше 1400 руб. (78% студентов получали стипендию). На содержание одного ребенка в дошкольных учреждениях расходовалось 571 руб., из которых 85% оплачивало государство. На содержание одного больного в стационаре выделялось более 12 руб. в день. Какова стоимость этих денег, можно судить по тому, что билет на метро стоил 5 коп., а литр молока 32 коп.

СССР еще на ранней, по сравнению с Западом, стадии индустриального развития вошел в небольшое число стран с полноценным питанием современного типа. По оценкам организации ООН в области сельского хозяйства и продовольствия (ФАО), СССР в середине 80-х годов XX в. входил в десятку стран мира с наилучшим типом питания.

¹ Напротив, М.Вебер писал о капитализме: «Современная рациональная организация капиталистического предприятия немыслима без двух важных компонентов: господствующего в современной экономике *отделения предприятия от домашнего хозяйства* и тесно связанной с этим рациональной *бухгалтерской отчетности*» [25].

Особенно резко за советский период улучшилось питание крестьян. Согласно данным исследований дворовых и семейных бюджетов в дореволюционный период и в 1986 г., средний рацион питания изменился следующим образом (табл. 2).

Таблица 2. Потребление продуктов питания в семьях рабочих и крестьян (колхозников) в дореволюционный период и в 1986 г. (по материалам обследования дворовых и семейных бюджетов)¹

Продукты	Потребление продуктов питания на душу населения в год, кг			
	Рабочие		Крестьяне	
	До революции 1917 г.	1986 г.	До революции 1917 г.	1986 г.
Мясо и мясопродукты	22,5	82,2	14,9	58,7
Молоко и молочн. продукты	87,0	340,9	107,0	350,7
Яйца, шт.	53	227	33	294
Рыба и рыбопродукты	14,5	21,2	5,5	14,8
Сахар	9,4	35,3	3,0	41,3
Картофель	90,2	92,1	77,7	142,9
Овощи и бахчевые	41,0	82,5	25,5	96,1
Хлебные продукты	174,3	87,2	256,0	150,1

Продукты питания горожане в СССР в основном приобретали в государственной (69—72%) или кооперативной (26—28%) торговле, а также в системе общественного питания. Покупка сырых или кустарно обработанных продуктов на колхозных рынках составляла небольшую часть снабжения. Во время и после войны, до отмены карточной системы в 1947 г. и потом, до расширения торговой сети, рынок был важным источником снабжения. С 1950 г. статистика вела детальный учет продаж и цен продовольствия на колхозных рынках (по 264 городам). Их доля в снабжении быстро сокращалась: с 17% товарооборота продо-

¹ Сравниваются семейные бюджеты семей рабочих текстильной промышленности городов Ленинграда, Ногинска и Фурманова и крестьян (колхозников) Вологодской, Кировской, Воронежской и Харьковской областей.

вольственных товаров в 1950 г. до 4,9% в 1960 г. и 2,8% в 1970 г. (в государственных розничных ценах). С 1975 г. эта доля стабилизировалась в районе 2,2—2,3%, а в 1988 г. опустилась до 2%.

Изменения в питании граждан СССР сведены в табл. 3.

Таблица 3. Потребление продуктов питания в СССР, кг на душу населения в год

Год	Молоко и молочн. прод.	Мясо и мясн. прод., кг	Рыба и рыбопрод., кг	Яйца, шт.	Сахар, кг	Картоф., кг	Овощи и бахчев., кг
1950	172	26	7	60	11,6	241	51
1960	240	40	9,9	118	28	143	70
1970	307	47,5	15,4	158	38,8	130	82
1980	314	57,6	17,6	239	42,2	112	93
1989	363	67	17,2	268	42,5	98	95

Из табл. 3 видно, что средний рацион потребления в СССР непрерывно улучшался по всем главным составляющим. Увеличивалось потребление ценных животных белков и овощей, сокращалось потребление картофеля. Это достигалось развитием и сельского хозяйства, и промышленности переработки сырых продуктов, а также импортом некоторых продуктов.

Второе жизненно важное благо после «хлеба насущного» — *жилье*. Между человеком, имеющим крышу над головой, и бездомным — непроходимая пропасть. В СССР право на жилье было введено в Конституцию, стало одним из главных конституционных прав. И это было величайшим социальным завоеванием, которое даже богатейшей стране Запада, США, было «не по плечу». Это было уравнилельное право, жилплощадь предоставлялась «по головам».

Из семей, проживающих в жилищах государственного, общественного и кооперативного фонда в городах и поселках городского типа в 1989 г., 83,5% жили в отдельных квартирах, 5,8% в общих квартирах, 9,6% в общежитиях и 1,1% в бараках. Число тех, кто жил в «коммуналках», непрерывно сокращалось, и массовая вера в миф, будто в СССР чуть ли не подавляющее большинство жило в общих квартирах, есть следствие важного сбоя рациональности советского общества. За этот сбой приходится дорого платить.

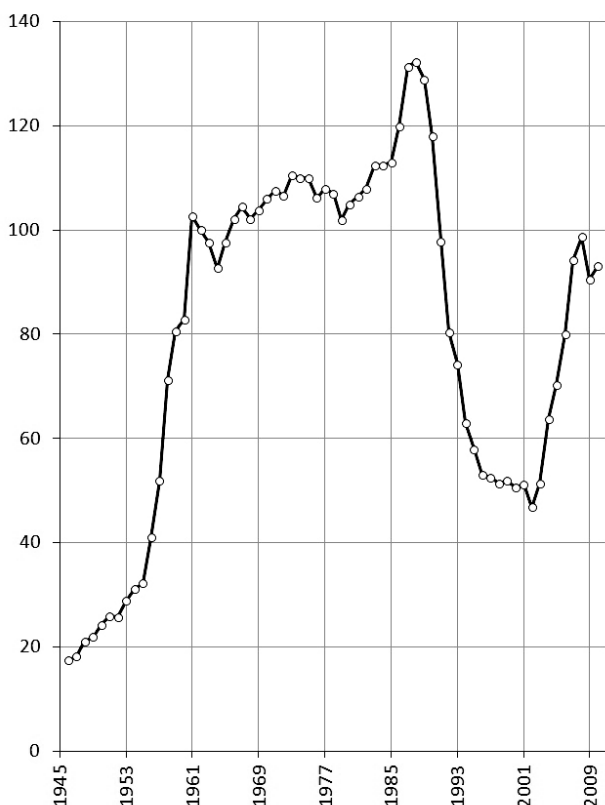

Рис. 4. Ввод в действие жилых домов в СССР и СНГ, млн. м² в год

При этом человек имел право не просто на крышу над головой, а на *достойное* жилье. Была установлена *норма*, и если она не обеспечивалась, люди имели право на «улучшение жилищных условий». Слова эти были в советское время привычными, и потому они затерты в памяти, их смысла не понимают и не ценят. *Право на улучшение!* И это было не декларативное право, а обыденное явление. На 1 января 1990 г. в СССР на учете для улучшения жилищных условий состояло 14,26 млн. семей и одиночек — 23% от общего числа семей и одиночек в стране. И из года в год в среднем 13% из стоявших на учете получали квартиру (или не-

сколько квартир, если большая семья разделялась). В РСФСР в 1987 г. получили квартиры 17% от ждущих очереди, а в 1989 г. 13%. Бесплатно!

Эта жилищная политика опиралась на широкое жилищное строительство. Источники его финансирования были таковы (1985 г.): государственные предприятия и организации — 71%, ЖСК — 6,9%, колхозы — 7,2%, население за свой счет или с государственным кредитом — 14,4%. Динамика строительства представлена на рис. 4.

Уравнительная жилищная политика была осознанной и планомерной. В 1989 г. в бюджете семей рабочих и служащих расходы по оплате квартир не превышали 1%, а с учетом коммунальных услуг — 3% общих расходов. Оплата 1 м² жилой площади составляла в среднем 13 коп. в месяц. На 1 руб. квартплаты ЖКХ получал 6 руб. дотаций государства.

В советское время при покупке новой квартиры через ЖСК 1 м² стоил в 1986—1987 гг. в Москве 192 руб., что составляло 89% от средней месячной зарплаты по РСФСР. Таким образом, стандартная квартира из двух комнат (18 и 12 м²) стоила **среднюю зарплату за 3 года** (при этом оплата жилья производилась в рассрочку на 15 лет без процента или под очень малый процент). При этом квартира сдавалась в полной готовности: с паркетным полом, окраской, оклеенной обоями и с оборудованием (сантехникой и газовой или электрической плитой). В 1999 г. средняя цена 1 м² жилья составляла в РФ 460% и в 2006 г. 341% средней месячной зарплаты по РФ. В 2008 г. средняя цена 1 м² в Москве в новостройке в двухкомнатных квартирах была равна 6824 долл. Следовательно, 1 м² стоил для среднего гражданина РФ ровно годовую зарплату, полученную «на руки». Общество начинает делиться на два резко различающихся класса: тех, кто имеет жилье, и тех, кто вынужден прибегать к его найму, ухудшать свои жилищные условия или становиться бездомным¹.

Приведенные данные показывают, что в течение 70 лет существования СССР выстраивались системы социального и национального бытия, которые следовали представлениям о благосостоянии и справедливости, сложившимся в массовом сознании населения и положенным в основу советской идеологии.

¹ По данным на конец 1993 г., в РФ насчитывалось около 4 млн. бездомных [68]. По данным МВД, около 4 млн. бездомных насчитывалось в РФ и в 1996 г.

С 60-х годов XX в. в условиях спокойной и все более зажиточной жизни в умах заметной части горожан начался отход от жесткой идеи коммунизма в сторону социал-демократии. Это явно наблюдалось в среде интеллигенции и управленцев, по-немногу захватывая и квалифицированных рабочих. Идеологическая машина КПСС не позволила людям увидеть этот сдвиг и поразмыслить, к чему он ведет. Беда в том, что левая интеллигенция, вскормленная рационализмом и гуманизмом Просвещения, равнодушна к фундаментальным, «последним» вопросам. А обществоведы не могли внятно объяснить, в чем суть отказа от коммунизма и отхода к социал-демократии, который мечтал осуществить М. Горбачев.

Глава 6

ЭПОХА БРЕЖНЕВА

Коротко скажем о последнем стабильном времени перед перестройкой. В жизни Советского Союза период 1965—1980 гг. называют «эпохой Брежнева», а на языке перестройки — «периодом застоя». Но в 1990—1991 гг. большие опросы среди граждан разных национальностей СССР обнаружили замечательное явление. Из всех исторических эпох, как их представляли себе жители нашей страны, больше всего положительных оценок получила «эпоха Брежнева», а наихудшим временем оказалась перестройка (только среди евреев она вышла на первое место — но и в этой группе за нее «проголосовало» всего 11%).

Замечательно это явление тем, что именно после завершения эпохи Брежнева массы с жадностью, даже со страстью приветствовали М. Горбачева с его «общечеловеческими ценностями». Как же это произошло? На мой взгляд, Л.И. Брежнев создал идеальные условия для вызревания того нарыва, который прорвался катастрофой перестройки. Когда этот нарыв созрел, люди буквально жаждали прихода Горбачева, чтобы вскрыть его. В чем же тут заслуга — подвести страну к катастрофе, дать вызреть кризису вместо того, чтобы его предотвратить? Это теперь видится так.

Начиная с XVIII в., когда возникла современная энергичная и хищная западная цивилизация, Россия могла выжить только

совершая регулярные сверхусилия — чрезвычайные программы модернизации с творческой переработкой заимствованных у Запада технологий. Времени, кадров и ресурсов для этих программ всегда не хватало. Их мобилизация и концентрация на главных, критических направлениях всегда приводили к истощению и загниванию «тылов». Это значит, что быстрое и даже чудесное развитие одной части культуры, которая принимала на себя главный удар очередного исторического вызова, сопровождалось кризисом других частей.

Можно сказать, что каждое поколение, решая главную для него, поставленную именно перед ним историческую задачу, обеспечивало жизнь России еще на целый исторический период, но «готовило» для следующего поколения новый кризис, который также мог стать смертельным. Если Запад научился экспортировать свои кризисы на периферию (в колонии, «третий мир», теперь и в Россию), то нам приходилось экспортировать наши кризисы в будущее, перекладывать их на плечи следующего поколения. Иногда эти «посылки из прошлого» содержали бомбы, хотя и с вынутыми взрывателями. Их активизировали своими неумелыми или злонамеренными действиями реформаторы.

Какому кризису дал вызреть Брежнев и в каком виде он подготовил его к экспорту в наше настоящее? На какой исторический вызов ответило поколение «периода застоя»? Можно ли было разделить эти две сущности эпохи Брежнева и уже тогда разрушить структуру кризиса, не дав ему вызреть в бомбу перестройки? Ответ на эти вопросы и будет оценкой доктрины, которую реализовала собранная Брежневым команда.

Противоречие, которое должен был разрешить «режим Брежнева», заключалось в следующем. Развитие общества и государства требовало осуществления нового цикла модернизации, в том числе обновления той мировоззренческой основы, на которой было собрано советское общество и легитимирован советский общественный строй. Однако модернизация политической и хозяйственной систем одновременно усугубляла кризис мировоззренческой структуры, ядром которой был крестьянский общинный коммунизм, слегка прикрытый адаптированным к нему марксизмом.

Идеальным было бы разрешение этого противоречия через синтез — переход на новый уровень социальной и политической философии, а также антропологии советского общест-

ва, обновление и укрепление культурной гегемонии советского строя, модернизация остальных сфер с опорой на новую мировоззренческую базу. Сегодня совершенно очевидно, что сил и средств для такого идеального решения в середине 60-х годов XX в. в наличии не было.

Интеллектуальный задел для этого мы только-только начинаем нарабатывать сегодня, приобретая опыт катастрофы, которая всегда прочищает мозги хотя бы у части общества. В 60-е годы XX в. мы и в малой степени не понимали природы накатывающего на нас кризиса. Мы даже и признаки его трактовали неверно. Более того, прозорливое предсказание И.Сталина о том, что именно на этапе «развитого социализма» у нас вспыхнет классовая борьба, воспринималось как старческое чудачество. Понять этого мы не могли, как римляне не могли складывать большие числа столбиком — цифры у них были не те. Когда сейчас говорят, что Брежневу следовало бы провести демократизацию партии и начать творческий диалог о проблемах социализма, это выглядит наивным детским лепетом.

Ни о какой «свободной дискуссии» тогда и речи не могло быть. Повязанные официальным марксизмом, наши большие и малые сусловы были бы тут же биты знатоками подлинного Маркса, и перестройка была бы приближена на десять лет. Вот это была бы катастрофа без всяких метафор. Задача обновления философской базы без прямого конфликта с марксизмом настолько сложна и нетривиальна, что и сегодня для ее решения не найдено приемлемого варианта. Это видно и по западным левым, и по нашей КПРФ, которая за 20 лет не смогла сказать ничего внятного о будущем «обновленном социализме».

Л.И. Брежнев рассудил настолько разумно, что сегодня это поражает. Это не могло быть сделано по расчету — тут здравый крестьянский смысл помог. Спорить с молодыми философскими талантами не стали, их рассовали в разные башенки из слоновой кости: М. Мамардашвили в Прагу, А. Зиновьева в Мюнхен, с другими тоже как-то договорились. «Подморозили» их. Решили все наличные средства бросить на то, что было поколению по силам, — отстроить и укрепить страну, насколько возможно, до прихода М. Горбачева.

В какой мере удалось выполнить эту программу? В очень большой. Можно спорить по мелочам, находить конкретные ошибки или упущения. Но в целом программу на три пятилетки

надо считать удивительно компактной, системной и гармоничной. Вряд ли из нынешних умников кто-то смог бы сладить ее лучше. Это, кстати, видно из того, что «второе Я» Брежнева, исполнительный директор всей этой программы А.Н. Косыгин, за все время перестройки и реформы не получил от умников ни одного замечания. Хотели бы сказать про него гадость, но не нашли к чему прицепиться. Все вокруг да около: «застойный период, застойный период...».

Команда Брежнева—Косыгина выжала все, что могла, из стареющей плановой системы. Правильно сделали, что свернули «реформу Либермана»: если бы стали переделывать хозяйственный механизм, то потеряли бы темп и подошли к перестройке на спаде. А так, на «энергии выбега» системы, успели создать тот запас прочности, который позволяет нам «куролесить» уже в течение 20 лет и даже дает шанс вылезти живыми из этой ямы.

Так что выбор, который был сделан при участии и, видимо, под влиянием личных установок Брежнева, сводился к тому, чтобы перевести кризис мировоззренческих оснований советского строя в режим хронического медленного течения, а все силы бросить на конструктивную работу, задачи которой были ясны и кадры для которой имелись. Этот выбор был стратегически верным. Любой другой реально осуществимый вариант с большой вероятностью приблизил бы крах системы, но в любом случае резко ухудшил бы положение страны и народа в тот момент, когда этот крах наступит.

Вот поэтому наши разумные граждане так высоко оценивают «эпоху Брежнева». Тогда работалось легко, потому что делали заведомо нужные стране вещи. Более того, «казарму» нашего социализма расширили и прибрали так, что людям стало легче дышать, в буквальном смысле жить стало лучше, жить стало веселей. Милиция ходила без оружия, о дубинках и слезоточивых газах читали в газетах и считали это «пропагандой». В Крым и на Кавказ можно было ехать на машине с детьми и жить в палатке. Посмотрите сегодня на карту страхов среднего советского человека в «период застоя» и сравните с нынешней. Это был золотой век, который уже не повторится.

И никакого с этим нет противоречия в том, что люди жаждали перестройки: ведь кризис духовных оснований продолжал развиваться, хотя и в режиме хронической болезни. Его надо было преодолевать, и это была историческая задача нового по-

коления, которое ее не решило, а сорвалось в катастрофу. Это уже другая история, теперь уж надежда на новых молодых.

Давайте посмотрим, что было сделано за эпоху Брежнева (округлим ее до трех пятилеток 1966—1980 гг.). Начнем с самых обыденных вещей. За это время был кардинально обновлен жилищный фонд страны. Было построено 1,6 млрд м² жилья, т.е. 44% от всего жилья, что имелось в СССР к 1980 г. Новое жилье получили 161 млн. человек за три пятилетки. Если бы не эти колоссальные вложения, жилищный фонд РФ в 90-е годы XX в. просто рухнул бы, ветхие дома не пережили бы реформы, которая оставила жилье страны без капитального ремонта.

За эти три пятилетки было построено 2/3 инфраструктуры городов и поселков: водопровод, теплоснабжение и канализация. Стоимость этих систем такова, что сейчас экономика РФ не может даже содержать их, не то чтобы строить — инфраструктура быстро ветшает, и средств хватает только на аварийный ремонт.

В общем, именно в эпоху Брежнева был подавляющего большинства граждан был поднят до стандартов самых развитых стран при отсутствии в СССР массовой бездомности, присущей этим самым странам. Другое дело, что «режим Брежнева» не смог объяснить нашим гражданам, чего стоит эта ценность, и они ее выплюнули — но это уже проблема мировоззрения.

В эпоху Брежнева было создано то развитое информационное пространство, в котором советский народ уже созревал до связности современной нации. Он стал связан интенсивными потоками печатной информации, тираж журналов вырос в 3 раза, а их объем в листах в 4 раза. Сегодня постсоветское информационное пространство приобретает параметры, присущие племенам слабо развитых стран. Средняя обеспеченность населения газетами снизилась в РФ в 7,3 раза, а, например, в Грузии в 137 раз. Вперед, в каменный век!

Именно за эпоху Брежнева хозяйство и все другие сферы насытились кадрами высокой квалификации и энергетически мощностями. Пашня страны стала получать удобрений почти достаточно, чтобы компенсировать вынос питательных веществ с урожаем, почва стала улучшаться. Это был эпохальный рубеж в истории России. Мы его сдали и откатились назад, село осталось без удобрений, без тракторов и без электрической энергии. За эпоху Брежнева в стране было создано стадо породистого скота — сейчас оно вырезано на две трети.

За эпоху Брежнева люди обустроились, стали хорошо питаться, расширились социальные возможности: в 3 раза выросло число выпускников полной средней школы, в 2 раза число студентов вузов. Население стабильно прирастало: в РСФСР за эти 20 лет выросло на 20 млн. человек. Почувствуйте разницу...

Именно в ту эпоху были созданы большие системы, благодаря которым мы сегодня держимся на плаву, хотя и пускаем пузыри. Были разведаны, обустроены и введены в строй основные мощности топливно-энергетического комплекса, построена основа Единой энергетической системы. Все большие системы страны, включая армию, были обеспечены научным сопровождением высшего класса. Трудно даже оценить, какие преимущества давал нам статус великой державы, в том числе научной. Даже в сугубо шкурном смысле для каждого обывателя! Сейчас мы этот статус проедаем, и будущее не кажется нам мрачным — пока есть что жевать. Потом придется ускорить темпы сокращения ртов, на всех хватать не будет.

Принципом доктрины Брежнева стали массивные инвестиции в фундамент страны. Наконец-то были сделаны огромные металлоинвестиции: вложена масса металла в машины, мосты, трубопроводы. По величине металлического фонда мы подтянулись к США, что, кстати, вызвало ярость придворных экономистов перестройки. Была обновлена техническая база промышленности: ввод в действие активной части основных фондов (машин и оборудования) за пятилетку 1976—1980 гг. составил в целом 41% от имевшихся в 1980 г., а в машиностроении — 49%. Сегодня это кажется фантастикой.

Таким образом, в хозяйстве был накоплен очень толстый слой подкожного жира. Представьте себе, что «рынок» навалился на нас на 15 лет раньше! Не было бы сегодня ни света, ни топлива, ни канализации. Надо к тому же учесть, что тогда был создан промышленный капитал, который в 90-е годы XX в. страна смогла бросить в пасть «новым русским», чтобы утолить их волчий аппетит. Иначе бы они, победив нас в гражданской войне конца XX в., вырезали бы у каждого по фунту мяса из груди как контрибуцию. Ведь такие покладистые народы надо резать или стричь.

Ценность эпохи Брежнева в том, что она наглядно показала: если устроить жизнь в России, не разделяясь на волков и овец, то в материальном плане можно жить вполне прилично всем с большим потенциалом улучшения. Сам этот факт очень важен и

вселяет надежду. Ведь он означает, что непреодолимых физических запретов на создание такого жизнеустройства для нас нет. А барьеры, построенные в сфере сознания, разумные люди могут преодолеть. Если, конечно, захотят.

Глава 7

ИЗМЕНЕНИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРЕДПОСЫЛКИ КРИЗИСА

Великая Отечественная война была важным рубежом в развитии советского общества. Накопленная в войне энергия, усиленная духовным подъемом в результате Победы, резко интенсифицировала процессы строительства и расширения производства. Война завершила «инкубационный период» индустриализации и модернизации, а завершение восстановительной программы стало порогом, за которым рост промышленного производства стал экспоненциальным.

Происходила ускоренная форсированная урбанизация. В 1950 г. в СССР в городах жили 71 млн. человек, а в 1990 г. — 190 млн. При этом, в отличие от Запада, следствием ускоренной индустриализации в России и СССР стало появление очень большого числа новых городов. В 1990 г. 40,3% всех городов СССР были созданы после 1945 г. (и 69,3% — созданные после 1917 г.). Новые города населялись молодежью послевоенного поколения. Общество быстро менялось: и демографически, и в своей социальной структуре, и по образу жизни. В 1950 г. в СССР было 15 тыс. средних общеобразовательных школ, а в 1990 г. — 70 тыс. Резко увеличилась мобильность населения: за тот же период пассажирооборот общественного транспорта вырос в 12 раз. Тираж журналов вырос в 31 раз и т.д. В составе работников быстро росла доля специалистов с высшим образованием: в 1959 г. в составе населения, занятого в народном хозяйстве, высшее законченное образование имели 3,3 млн. человек, в 1970 г. — 7,5 млн. и в 1989 г. — 20,2 млн. человек (14,5%).

Перемены происходили очень быстро, и общество находилось в состоянии трансформационного стресса. Выделим изменения, которые важны для нашей темы, те, что порождали глу-

хое, неосознанное массовое недовольство граждан, ощущение какого-то неблагополучия.

Один из важных факторов, подрывающих легитимность любого общественного строя, состоит в том, что он не удовлетворяет какие-то фундаментальные потребности значительных частей общества. Если обездоленных людей много и они могут объединиться, политика государства под их давлением изменяется или, при достижении критического уровня, терпит крах. Давайте разберемся, какие стороны советской жизни не удовлетворяли значительные массы людей, кто и чем был обездолен советским строем. Речь идет о важных, бытийных потребностях.

Человек живет в двух мирах: в мире *природы* и мире *культуры*. На этот двойственный характер нашей окружающей среды можно посмотреть и под другим углом зрения. Человек живет в двух мирах: мире *вещей* и мире *знаков*. Вещи, созданные как природой, так и самим человеком, — материальный субстрат нашего мира. Мир знаков, обладающий гораздо большим разнообразием, связан с вещами, но сложными, текучими и часто неуловимыми отношениями.

Откуда вырос советский проект и какие потребности его создатели считали фундаментальными? Он вырос прежде всего из *крестьянского* мироощущения. Отсюда исходили представления о том, что необходимо человеку, что желательно, а что — лишнее, суета сует. В ходе революции и разрухи этот проект стал суровым и зауженным. Носители «ненужных» потребностей частью погибли, частью уехали за рубеж или перевоспитались самой реальностью. На какое-то время в советском обществе возникло «единство в потребностях».

Массивным изменением в жизнеустройстве советского общества в период послевоенного развития стала *урбанизация*, перемещение основной массы населения из деревни в город, с быстрой и кардинальной сменой образа жизни. Что значит «ускоренная урбанизация»? Города были построены, но становления городского образа жизни, отвечающего явным и неявным потребностям людей, произойти еще не могло. Это — медленный процесс созидания городского пространства и выработки соответствующей культуры.

По мере того как жизнь после войны входила в мирную колею и становилась все более и более городской, узкий набор «признанных» потребностей стал ограничивать, а потом и угне-

тать разные части общества. Противоречие между материальной средой обитания и типом культуры обитателей переживалось болезненно и было важной предпосылкой для общего кризиса, который постепенно назревал. Взять, например, Набережные Челны. Маленький городок, почти поселок, вырос в большой город с полумиллионным населением. А вся агломерация городов на нижней Каме, возникшая в 70—80-е годы XX в. в типично сельском районе, имеет население около 1 млн. человек.

Ясно, что сформировать городскую культурную среду обитания за такое время было невозможно. А значит, миллион человек, вырванных из своей прежней среды, не могли в этой городской агломерации удовлетворить свои насущные, пусть и неосознаваемые, потребности. Это — основание для острого недовольства, особый тип социального кризиса.

Чем отличается крестьянская жизнь от городской? Тем, что пахота, сев, уборка урожая, строительство дома и принятие пищи, рождение и смерть — все имеет у крестьянина литургическое значение (*«пахать — значит молиться»*). Его жизнь полна этим смыслом. Его потребности велики, но они удовлетворяются внешне малыми средствами. Туман над рекой, роса на траве, песня жаворонка — все это наполняет человека ощущением бытия, неосознаваемым счастьем.

Жизнь в большом городе лишает человека множества естественных средств удовлетворения его потребностей. И в то же время создает постоянный стресс из-за того, что городская организация пространства и времени противоречит его привычным ритмам. Реальностью жизни большинства граждан в СССР стал стресс, порожденный городской средой обитания. Этот стресс давит, компенсировать его — жизненная потребность человека.

Вот пример. Транспортный стресс вызывает выделение нервных гормонов, порождающих особый, не связанный с голодом, аппетит. Приехав с работы, человек хочет чего-нибудь пожевать (это так называемый «синдром кафетерия»). Кажется, мелочь, а на деле — потребность, ее удовлетворение должно быть предусмотрено жизнеустройством. Если же это считается капризом, возникает масса реально обездоленных. Мать, которая говорит сыну, целый час пробывшему в городском транспорте: «Не жуй бутерброд, сядь и съешь тарелку щей», — просто не знает, что ему нужен именно бутерброд, красивый и без питательной

ценности. Таких «бутербродов» (в широком смысле слова) советский строй не производил, он предлагал тарелку хороших щей.

Подобных явлений, неведомых крестьянину (и непонятных старшим поколениям советских людей), в городе множество. Вновь подчеркнем, что кроме биологических потребностей, для удовлетворения которых существуют *вещи*, человек нуждается в потреблении *образов*. Эти потребности не менее фундаментальны.

Сложность проблемы возрастает, если вспомнить, что мир вещей и мир знаков перекрываются, разделить их трудно. Многие вещи, вроде бы предназначенные для какой-то «полезной» цели, на самом деле дороги нам как образы, знаки, отражающие человеческие отношения. В жизни крестьян потребность в образах в огромной степени удовлетворяется как бы сама собой — связью с природой и людьми, типом труда. В городе эта потребность покрывается производством огромного количества вещей-знаков, «ненужных» вещей. В советское время престарелые идеологи клеймили вдруг вспыхнувший в нашем скромном человеке «вещизм». Стоявшую за ним потребность подавляли средствами государства — и она в конце концов вырвалась из-под гнета уже в уродливой форме.

Люди, страдающие от неудовлетворенных потребностей, искали образы жизни, в которых, как им казалось, их печали были бы утолены. В этих поисках Запад стал казаться идеальной, сказочной землей, где их ущемленные потребности уважаются и даже ценятся. О тех потребностях, которые хорошо удовлетворял советский строй, в этот момент не думали. Когда ногу жмет ботинок, не думают о том, как хорошо греет пальто. Да и никто не думал отказываться от советского строя, просто хотели, чтобы некоторые стороны быта стали «как на Западе» (точнее, «как в кино»).

Запад, создавая «пространство фетишей», воспитал уже особого человека. Возможно, на этом пути Запад зашел в тупик, но временно он ответил на новые потребности человека и «погасил» их изобилием суррогатов. Та культура, которая была создана для производства дешевых и легко потребляемых образов, «овладела массами». Буржуазный порядок завоевал культурную гегемонию. Огромную силу и устойчивость буржуазному обществу придало и то, что оно нашло универсальную (для его людей!) знаковую систему — деньги. Деньги стали таким знаком,

который был способен заменить любой образ, представить любой тип отношений. Все покупается! За деньги можно получить любую вещь-знак, удовлетворить любую потребность.

Как же ответил на потребности нового, городского общества советский проект? Большая часть потребности в образах была объявлена ненужной, а то и порочной. Это четко проявилось уже в 50-е годы XX в., в кампании борьбы со стилями. Они возникли в самом зажиточном слое, что позволило объявить их просто исчадием номенклатурной касты. В действительности это был уже симптом грядущего массового социального явления.

Странно, но мне не попало ни одного исследования этого явления. А оно было, думаю, исключительно важным. Если бы в нем вовремя разобрались! Ведь это был крик важной части молодежи о том, что ей плохо, что-то не так в нашем советском обществе. Это были ребята из семей важных работников (номенклатуры). Они не знали нужды — и им стало плохо. Но ведь следующие поколения уже в массе своей подрастали, не зная нужды. Стиляги нам показывали что-то, к чему должно было готовиться все общество. Этого не поняли, и их «крика» не стали слушать. Хотя какое-то время они стойко держались, но постепенно превращались в секту и «вырождались». Трудно долго быть изгоями.

Сегодня, если кто и вспоминает про стиляг 50-х годов XX в., обсуждая историю крушения советского строя, то придает этому явлению «классовый» характер — это была «золотая молодежь», первый отряд нарождающейся из номенклатуры будущей буржуазии, «новых русских». Недаром, мол, Сталин говорил об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Эта трактовка внешне соблазнительна, но не ухватывает суть. Скорее, само устройство нашего общества привело к появлению правящего слоя с расщепленным сознанием и двойственным положением. Когда система стабилизировалась и слой номенклатуры расширился, вобрав в себя множество людей из трудовых слоев, он приобрел черты сословия и зачатки кастового (вовсе не классового!) сознания. Но эти товарищи не успели приобрести того аристократизма, который не позволяет проявиться этой кастовости низкого пошиба.

На отцах это сильно не сказалось — они тяжело работали, а многие и воевали. Но дети у некоторых из них такого расщепления не выдержали. Они уже ощущали свою кастовую исклю-

тельность, но идеология и отцы обязывали их учиться и работать, будто они такая же часть народа, как и все их сверстники. В ответ на это противоречие часть подростков сплотилась, выпятив свою кастовость и бросив вызов демократической советской идеологии. Это была очень небольшая часть! Большинство таких детей (и большинство самих стилиг) в зрелой юности поступили именно так, как им советовали отцы, — стали нормальными инженерами, учеными, военными. Но то меньшинство, что «бросило вызов», выглядело так вопиюще странным, что все на него обрушились¹.

Я думаю, что те стилиги сошли со сцены непонятые, но не сделав большого вреда стране. Те, кто начал вынашивать идеи перестройки пять лет спустя, с начала 60-х годов XX в., были другого поля ягоды. В них не было ни тоски, ни надлома, они рвались наверх и были очень энергичны и ловки. Это уже были люди типа Е. Евтушенко, Г. Попова и Ю. Афанасьева.

Новым важным измерением в этой структурной трансформации стала смена поколений. Подростки и молодежь 70—80-х годов XX века были поколением, не знавшим ни войны, ни массовых социальных бедствий, а государство говорило с ними на языке «крестьянского коммунизма», которого они сначала не понимали, а потом стали над ним посмеиваться. Возник конфликт, в 1980-е годы переросший в холодную войну поколений. Опереться на общее знание, чтобы вести диалог, не могли. Невяное знание стариков не было переведено на язык новых поколений, а формальное знание общественной науки главных вещей не объясняло.

Положение осложнялось тем, что советское общество находилось под сильным давлением *манипуляции сознанием* со стороны противника в холодной войне. За время после Первой ми-

¹ Родители у многих из стилиг были самоотверженными советскими тружениками. Они страдали и не понимали, что происходит с их сыновьями. Тогда на этой почве бывали инфаркты и, по слухам, даже самоубийства. В нашем классе учился сын секретаря парткома издательства «Правда», хороший добрый парень. Был он стилигой, хотя одеждой из класса не выделялся. Может, отца не хотел подводить. Отец его как-то попросил меня прийти к нему в партком, в его огромный кабинет. Спрашивал меня, в чем тут дело, как быть, — и заплакал. Я был в ужасе, что-то лепетал, успокаивал его, хвалил его сына. В голове не укладывалось — человек на таком посту, фронтовик, сильный и явно умный. Даже он не мог понять, что происходит с его родным сыном, которого он наверняка воспитывал как советского патриота и будущего коммуниста.

ровой войны общественная наука США вела интенсивные исследования и разработки методов воздействия на массовое сознание. На основе этих разработок сложились новые технологии информационно-психологической войны. Советское общество и государство не были готовы к противодействию этим технологиям¹.

В общем, никак не ответив на жизненные, хотя и неосознанные, потребности поколений молодежи, родившейся и воспитанной в условиях крупного города, советский строй буквально создавал своего могильщика — массы *обездоленных*.

В 1989 г. 74% опрошенных интеллигентов сказали, что их убедят в успехе перестройки «прилавки, полные продуктов». В этом ответе выражена именно потребность в образе, в витрине. Это ответили люди, которые в целом благополучно питались, на столе у них было и мясо, и масло. Им нужны были «витамины». В 90-е годы XX в. многие из них, реально недоедая, не хотели возвращаться в прошлое с его голодом на образы.

Предпосылки для этой узости советского проекта кроются и в крестьянском мышлении большевиков, и в тяжелых четырех десятилетиях, когда человека питали духовные, почти религиозные образы: долга, Родины. В 50-е годы XX в. даже некоторые преподаватели МГУ еще ходили в перешитых гимнастерках и сатиновых шароварах. У них не было потребности в джинсах, но через пять лет она возникла у студентов. Выход из этого состояния «непритязательности» провели плохо. Не была определена сама проблема и ее критические состояния.

В 70-е годы заговорили о «проблеме досуга», но это не совсем то, да и дальше разговоров дело не пошло. Важной отдушиной был спорт, что-то нащупывали интуитивно (стали делать первые сериалы, «Семнадцать мгновений весны» имел огромный успех). Беда советского строя была не в том, что проблему плохо решали, — ее игнорировали, а страдающих людей считали симулянтами и подвергали презрению. Так возникла и двойная мораль (сама-то номенклатура образы потребляла), и озлобление.

К проблеме *голода на образы* тесно примыкает другая объективная причина неосознанного недовольства жизнью в город-

¹ Не готовы и постсоветские общества и государства — не хватает научной базы. Да и не только постсоветские, мы видим, как беззащитны перед этими боевыми средствами, например, арабские страны. Модернизация обществоведения — императив для всех незападных культур.

ском советском обществе начиная с 60-х годов XX в. — избыточная надежность социального уклада, его детерминированность. Порождаемая этим скука значительной части населения, особенно молодежи, — обратная сторона высокой социальной защищенности, важнейшего достоинства советского строя. В СССР все хуже удовлетворялась одна из основных потребностей человека — потребность в *неопределенности и выборе*, в предвидении и проектировании *будущего*, в интенсивном активном *воображении*. Можно сказать, в *приключении*.

У старших поколений с этим не было проблем: и смертельного риска, и приключений судьба им предоставила сверх меры. Более того, в течение полувека предыдущие поколения практически поголовно были вовлечены в *творчество*, причем высокого накала, — проектирование *новых социальных форм*.

А что оставалось, начиная с 60-х годов XX в., всей массе молодежи, которая на своей шкуре не испытала ни войны, ни разрухи, ни поиска форм новой общины (колхоза), ни перебора вариантов строительства школы, армии, большой науки? Для немногих — строительство БАМа, для многих — водка и хулиганство? Этого было мало. Риск и борьба возникали при тренингах и столкновениях именно с начальством, с бюрократией, с государством, что и создавало его образ врага.

Нас в перестройке увели от этого вопроса, предложив внешне похожую тему *политической свободы*. Но речь не о ней, эта свобода — та же мышеловка, суррогат творчества. Ее сколько угодно на Западе, а дети из хороших семей идут в наркоманы или едут бродить босиком по Индии. Режим Запада стабилен, потому что его жизнеустройство основано как *«война всех против всех»* — конкуренция. Есть там такая формула: «Война — душа Запада». Она фундаментальна, выражается во множестве проявлений.

Вот самое простое: всех людей столкнули между собой на «рынке», как на ринге, и государство, как полицейский, лишь следит за соблюдением правил войны. Треть населения ввергнута в бедность и в буквальном смысле борется за существование — никаких иных приключений ей уже не надо. А остальным предложен рискованный лабиринт предпринимательства. Причем он доступен *всем* и поглощает страсть всех, кто в него входит, а во все не только крупных дельцов. Старушка, имеющая десяток акций, потеет от возбуждения, когда узнает по телевизору о па-

нике на бирже. Живущий в каморке и сдающий свою квартиру «домовладелец» волнуется, что жилец съедет, не заплатив за телефон. Разбитые в уличной толчее очки потрясают бюджет среднего человека.

При этом Запад создал целую индустрию развлечений в форме «виртуальной войны». Одно из таких захватывающих шоу — политика. Другое — виды спорта, возрождающие гладиаторство (от женских драк на ринге до автогонок с обязательными катастрофами). И более безобидные — множественные телеконкурсы с умопомрачительными выигрышами. Миллионы людей переживают: угадает парень букву или нет? Ведь выигрыш 200 тыс. долларов! А теперь — компьютерные игры on-line, для «креативного класса». Часами просиживают, воюя по всему миру с аватарами, уже и огромные виртуальные деньги на кону, и даже реальные убийства.

На фоне этих драм и постоянных побед и поражений жизнь советского человека с его гарантированным благосостоянием (даже если бы оно было велико!) превращалась в бесцельное существование. Точно жить, если очки стоят три рубля. Разбили — пошел и купил. Чтобы не было скучно, тебя уже нужно как минимум пырнуть ножом. Но в этой игре у нормального человека не бывает побед, одни поражения — и такая игра проблемы не решает.

Наконец, буржуазное общество создало целую промышленность масс-культуры. Обладая высокими техническими возможностями, она выносит на рынок очень соблазнительный продукт, идеологическое содержание которого целенаправленно принижает человека, делает его мышление инфантильным и сильно повышает восприимчивость к внушению. Трудно найти более примитивные фильмы, чем серия Стивена Спилберга «Индиана Джонс». Я видел фильмы этой серии в 90-е годы XX в. за границей в междугородных автобусах и, еще не зная, что Спилберг знаменитый режиссер, про себя ругался: скупые автобусные компании, закупают для показа самую дешевую дрянь. Поэтому я был поражен, узнав, что в США два фильма из этой серии держали рекорд выручки за первые шесть дней проката: «Индиана Джонс и храм Страшного суда» — 42,3 млн. долл. и «Индиана Джонс и последний крестовый поход» — 46,9 млн. долл.

Среднему человеку жить при развитом советском социализме стало *скучно*. И никакого выхода из этой скуки советский

проект в 60—70-е годы XX в. не предлагал. Более того, он прямо утверждал, что дальше будет еще скучнее. И тут речь идет не об ошибке Суслова или даже Ленина. Тот социализм, что строили большевики, был эффективен как проект людей, *испытавших беду*. Это могла быть беда обездоленных и оскорбленных социальных слоев, беда нации, ощущающей угрозу колонизации, беда разрушенной войной страны. Но проект не отвечал запросам общества благополучного — общества, уже пережившего и *забывшего* беду как тип бытия. Поэтому так легко оказалось заманить советского человека в мышеловку перманентной *организованной беды*, для многих реальной, для всех виртуальной, нагнетаемой телевидением и прессой.

Полезно посмотреть, кто особенно *огорчался* и особенно *радовался* краху советского строя (речь идет, разумеется, о группах, а не отдельных личностях). Огорчались прежде всего те, кто в СССР ушел от скуки надежной жизни в какого-то рода творчестве, но творчество, не нарушавшее стабильности общества и его режима. Таких доступных видов творчества и связанных с ним переживаний и приключений — множество. И доступ к ним имело подавляющее большинство граждан, но только *теоретически*.

Ошибка советского социализма в том, что он принял как догму убеждение, будто все люди мечтают сделать творческое усилие и будут рады просто предоставлению такой возможности. Эта догма неверна дважды. Во-первых, не все мечтают о творчестве, у многих эти мечты ослаблены или почти подавлены в детстве. Мечту надо уметь сохранить и осторожно вырастить, а это непросто.

Во-вторых, значительная часть тех, кто мечтал, испытали неудачу при первой попытке ее реализации и не смогли преодолеть психологический барьер, чтобы продолжить попытки. Так и получилось, что основная масса людей не воспользовалась тем, что реально давал социализм. Не то чтобы ее оттеснили — ее «не загнали» теми угрозами, которые на Западе заставляют человека напрягаться.

Стимулирование угрозой — не единственный механизм, заставляющий делать усилия. Но надо признать как слабость всего проекта советского социализма то, что он оказался неспособным создать иной, не разъединяющий людей механизм их вовлечения в творчество, а значит, сделал неудовлетворенными

массу людей. Именно они и составили широкую «социальную базу» для разрушения СССР. Можно не считать их мотивы уважительными, но ведь речь идет о *страдающей* части общества. Советский строй не дал этой категории людей хотя бы того утешения, которое предусмотрительно дает Запад, — потребительства, «шопинга». А ведь этой мечтой заразились многие уже по фильмам — железный занавес от такой заразы не защищает. Как можно было запираить таких людей в стране, где нет сорока сортов колбасы! Ведь это же социально взрывоопасный материал.

Глава 8

ПЕРВЫЕ ПОРЫВЫ «ВЕТРА СВОБОДЫ»

В 1956 г. состоялся знаменитый XX съезд КПСС. Партийно-государственная элита и советская интеллигенция в целом были ошарашены этим съездом и не смогли нейтрализовать его разрушительного эффекта. Неважно, что было причиной такой направленности XX съезда — злой умысел, тупость или халатность команды Хрущева. Да и не только на Н.С. Хрущеве вина, свою лепту вложили все последующие генеральные секретари КПСС. Н.С. Хрущев повредил несущую опору государства, Л.И. Брежнев ее не отремонтировал, а лишь замазал трещину краской, М.С. Горбачев и Б.Н. Ельцин расковыряли трещину и обрушили здание.

Переход к новому этапу общественного развития и новой («постсталинской») эпохе происходил при остром дефиците знания о советской системе. Это особенно проявилось у молодежи. В 1956 г. в МГУ уже ощущалось то, чего пока что не замечалось в населении в среднем, — *неблагожелательное инакомыслие* в отношении советской системы. В среде обывателей все были чем-то недовольны, кряхтели и ругались, но не подводили под это теоретическую базу; это было «бытовое» недовольство. В элитарной среде студентов гуманитарных факультетов это инакомыслие было другого типа, «концептуальное». Они читали философов, К. Маркса, Л. Троцкого, от них волны докатывались и до наших факультетов, хотя и в более примитивной форме, без блеска.

Не буду рассказывать о моих личных впечатлениях первокурсника химфака, приведу документальные свидетельства из

статьи Е. Таранова «Раскачаем Ленинские горы» [173]. Само название красноречиво, и эпизод поучительный. Очень интересно сегодня читать, по каким причинам и под какими лозунгами часть студентов-гуманитариев сделала первые шаги на тропе войны с советским строем. Интересно читать сегодня, когда мы хорошо знаем, куда эта тропа привела.

Автор описывает инцидент в общежитии гуманитарных факультетов МГУ на Стромынке в мае 1956 г.: «21 мая студенты обнаружили в буфете несколько килограммов некачественных сарделек. Работники комбината питания не признали обвинений... Студенты объявили бойкот столовой... Секретарь парткома начал говорить, что такие методы борьбы за улучшение работы столовых неправильны, что это не советский метод и т.п. Представители МГК и РК КПСС, прибывшие к этому времени, тоже сделали упор на “политической ошибке” студентов. Их поддерживали работники торговли и общественного питания, уверяя, что продукты свежи и доброкачественны. Тогда студенты-филологи 25 мая выставили у столовой на Стромынке пикеты и никого не пустили в помещение. К ним присоединились студенты других факультетов. 26—27 мая на Стромынку устремились руководители управления торговли, работники МГК партии, представители парткома, факультетов МГУ. Они уговаривали, обещали, пугали студентов, которые требовали одного: навести порядок в студенческих столовых, выгнать оттуда жуликов.

Партком же твердил свое: это — “политическая провокация”. Да, говорили его представители, жулики окопались в комбинате питания, да, столовые работают безобразно, кормят плохо и дорого. Но бойкот — это политический вызов.

Тогда студенты-филологи, биологи, историки, журналисты вывесили лозунг: “Если ты не хочешь питаться, как скот, — поддержи бойкот!” — и обратились за поддержкой на другие факультеты. Бойкотировались буфеты и столовые во всех зданиях МГУ» [173].

Как сообщалось на заседании парткома, в те дни появились листовки, вывешивались призывы к забастовке.

Автор публикации Е. Таранов был целиком на стороне мятежных студентов — против консервативного парткома. Завершая рассказ, он пишет: «В этих требованиях студентов никакого особого идеологического криминала не было. Но у страха глаза велики, и партком продолжал усиливать бдительность».

И это пишется в журнале, который вышел в октябре 1993 г. — при грохоте залпов танковых орудий по Верховному Совету РСФСР!

События на Стромынке разбирались на парткоме МГУ в октябре 1956 г. Я уже был студентом, а до этого три года болтался в МГУ (в кружке на химфаке) и могу сказать, что никакого «всеобщего недовольства порядками в университете», о котором пишет автор, и в помине не было. В 1993 г. тогдашние призывы «раскачать Ленинские горы», бойкоты и забастовки мне представлялись верхом идиотизма и свидетельством полного «незнания общества, в котором мы живем». Но я знаю, что и тогда, в 1956 г., моя точка зрения была бы точно такой же.

Автор пишет о царившей на гуманитарных факультетах МГУ атмосфере, что «именно в ней, обнадеживающей и тревожной, формировались молодые люди, которых теперь нередко называют “шестидесятниками”... Это поколение многое определило в жизни советского общества последующих лет».

Что верно, то верно. Так давайте из этого и исходить. Говорить об обстановке, в которой формировалось поколение, ставшее авангардом антисоветского штурма, что в ней «не было идеологического криминала», что у парткома были «страха глаза велики»! Человек это пишет и даже не понимает, как это глупо.

На Стромынке была первая проба сил. «Мятежные» студенты были, на мой взгляд, инфантильны и невежественны; из своих учебников они усвоили самые примитивные штампы. Видно, что они ни сном ни духом не ведали, какой смысл имеет забастовка в государстве *традиционного* общества, каким еще было советское общество. Из-за ерунды они выступили так, что объективно стали сразу именно смертельными врагами этого государства, будучи уверены, что стараются его улучшить. Делая скидку на молодость лет, никто из взрослых не стал тогда называть вещи своими именами, а зря.

Студенты даже не поняли, почему из-за их пустячного бойкота какого-то жалкого буфета в общежитии сбежались руководители МГК КПСС! Даже, наверное, возгордились от такого внимания. Их увещевали и ректор МГУ академик И.Г. Петровский, и старые преподаватели, и даже поварихи («уговаривали, обещали, пугали») — все напрасно.

Кстати, примечательно поведение тех, кто в годы перестройки вдруг выступил как яростные, на грани патологии, враги совет-

ского строя. Кто бы мог подумать, что А. Бутенко, который в своем антикоммунизме переплюнул самого А.Н. Яковлева, был тогда заместителем секретаря партбюро философского факультета МГУ по пропаганде и агитации! Его критиковали: «Он знал, что происходило на Стрмынке, но не приехал, чтобы разъяснить студентам, свалил все на секретаря». Поминается и «коммунист Ю. Карякин», чей антисоветизм во время перестройки доходил до гротеска. Вот кто воспитывал наших молодых марксистов.

Можем считать, что тот путь, на который встали студенты, пожелавшие «раскачать Ленинские горы», привел именно туда, куда и должен был привести. Значит, надо подвести итог, хотя бы оттолкнувшись от тех же жгучих проблем нашей современности, которые тогда толкнули этих гуманитариев на мятеж. В буфете они обнаружили несколько килограммов плохих сарделек! Так пусть их дети-студенты сегодня что-нибудь попробуют обнаружить в буфете или столовой: хоть МГУ, хоть МакДональдса. Какую «козью морду» им сделают охранники! Похоже, эти гуманитарии и сегодня не понимают разницу между тем буфетом на Стрмынке — *их* буфетом — и нынешними буфетами с шаурмой и хот-догами.

Но допустим даже, что не понравились нынешним студентам-демократам сардельки. Ах, «нас кормят плохо и дорого»! Да, кое-где и сегодня, при антисоветской власти, кормят дороговато. Почему же не видно бойкотов? Может, наш креативный класс любит питаться, как скот? Хотелось бы услышать на этот счет рассуждения «шестидесятников». Хоть какие-то проблески рефлексии должны у них быть. Как они считают: если студенты МГУ вдруг откажутся есть сардельки, к ним примчатся уговаривать деятели из Администрации Президента или из МГК «Единой России»? Почему такое равнодушие к позиции нынешних гуманитариев?

Сегодня студент прекрасно знает, что если он откажется есть сардельки, то «работники торговли и общественного питания» спокойно ему скажут: «А ты сдохни — и никаких проблем». Никто не станет этого студента ни увещевать, ни оправдывать перед ним¹. И тут очень наглядна разница между тем, что сту-

¹ В примечании автор сообщает, что через несколько лет жулики на комбинате общественного питания МГУ были арестованы и осуждены. Но это сделали не путем прямой демократической акции студентов, а правовым способом —

денты имели на Ленинских горах, и тем, что они получили на Воробьевых горах в результате долгой борьбы «шестидесятников». И надо в уме ее зафиксировать — из нее вырастают и все остальные различия.

Да, партком тогда был не на высоте. Е. Таранов в журнале «Свободная мысль» (бывшем журнале «Коммунист») с иронией приводит реплики ректора И.Г. Петровского, проректора Г.Д. Вовченко. Да, они были в растерянности. В их семье взбунтовались избалованные дети, а они, оказывается, утратили с ними общий язык. И.Г. Петровский говорит на заседании парткома: «У нас за последнее время был целый ряд больших неожиданностей. Все было хорошо. Вдруг забастовка. Говорили о том, что мало практической работы в лабораториях... и вдруг — забастовка. Я не знаю, что может быть завтра. Вообще это страшно! Мы не знаем обстановки, в которой мы находимся... Это меня пугает». По мне, так это пророческие слова умного человека. И над ними смеются в 1993 г.! От чего свободна эта «Свободная мысль», так это от разума.

Тогда на Стромынке преподаватели из парткома сказали студентам простую и верную вещь: бойкот — это политический вызов. Это *не советский* метод. А студенты-гуманитарии этой простой вещи не поняли! Они не поняли, какие методы советские, а какие — не советские. Они не понимали, чем методы «общества-семьи» отличаются от методов «общества-рынка». И люди, которые таких вещей не понимали, стали гуманитарной элитой нашего общества. Они это общество убили, не понимая, что делают. Вот почему ректору было страшно.

Глава 9

СМЕНА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ТИПА СССР

Мы стоим перед фактом: советское общество и государство не справились с задачей обновления средств легитимации общественного строя в процессе смены поколений, не смогли обеспечить преемственность в ходе смены *культурно-исто-*

следствие, суд, никакого шума. Забастовщики же, судя по статье, хотели именно прямой демократии: бойкот — забастовка — суд на площади.

рического типа, которая происходила в ходе модернизации и урбанизации и совпала с кризисом выхода общества из мобилизационного состояния 20—50-х годов XX в. Таким образом, предпосылкой краха СССР стал *цивилизационный*, мировоззренческий кризис.

Напомним, что *культурно-историческим типом* Н.Я. Данилевский назвал воображаемую надклассовую и надэтническую социокультурную общность, которая в данный исторический период является носителем главных черт цивилизации. В нашем случае речь идет о России в форме СССР. Н.Я. Данилевский видел в этой воображаемой общности очень устойчивую, наследуемую из поколения в поколение сущность — народ, как бы воплощенный в обобщенном индивиде.

Исходя из опыта XX в. мы изменяем его концепцию и считаем, что цивилизация является ареной конкуренции *нескольких* культурно-исторических типов, предлагающих разные цивилизационные проекты. Ранее говорилось, что движущей силой советской революции был культурно-исторический тип, который стал складываться за полтора десятилетия до 1917 г., но «созрел» после Гражданской войны. Все цивилизационные проекты для России были тогда «выложены» в самой наглядной форме, культурно-исторические типы, которые их защищали, были всем известны и четко различимы, все они были порождением России.

Более половины XX в., самые трудные периоды, Россия (СССР) прошла, ведомая культурно-историческим типом «*советский человек*» (в среде его конкурентов бытует негативный, но выразительный термин *homo sovieticus*). Советские школа, армия, культура помогли придать этому культурно-историческому типу ряд исключительных качеств. В критических для страны ситуациях именно эти качества позволили СССР компенсировать экономическое и технологическое отставание от Запада. Мы можем описать социальный портрет людей советского типа с их культурой, ценностями, способностью к организации, к трудовым и творческим усилиям. Его символами стали такие монументы, как «Рабочий и колхозница» (Москва) и памятник «Воину-освободителю» (Берлин).

Появление этого типа — не природный процесс, это результат огромной культурной программы. В России произошло то, что до этого не наблюдалось нигде: культуру высокого, «универ-

ситетского», типа открыли для массы трудящихся, их не стали отделять от элиты *типом* культуры. Это именно то, о чем мечтали русские просветители. В советское время уже как государственная программа началось это «общее дело» — снятие классовых различий через освоение единого языка и мира символов.

Выросшая именно из русской культуры советская школа подключила детей и юношество всех народов СССР, и прежде всего русский народ, к русской классической литературе. Этого не могло обеспечить социальное устройство царской России. А.С. Панарин пишет: «Юноши и девушки, усвоившие грамотность в первом поколении, стали читать Пушкина, Толстого, Достоевского — уровень, на Западе относимый к элитарному... Нация совершила прорыв к родной классике, воспользовавшись всеми возможностями нового идеологического строя: его массовыми библиотеками, массовыми тиражами книг, массовыми формами культуры, клубами и центрами самодеятельности, где “дети из народа” с достойной удивления самоуверенностью примеряли на себя костюмы байронических героев и рефлексировавших “лишних людей”. Если сравнить это с типичным чтивом американского массового “потребителя культуры”, контраст будет потрясающим... После этого трудно однозначно отвечать на вопрос, кто действительно создал новую национальную общность — советский народ: массово тиражируемая новая марксистская идеология или не менее массово тиражируемая и вдохновенно читаемая литературная классика» [134, с. 142—143].

Высокая русская культура, вобравшая в себя универсализм и Православия, и Просвещения, вошла в «симфоническое» взаимодействие с мечтой о Земле и Воле, выраженной в общинном коммунизме. Это породило необычный в истории культуры тип — *русского трудящегося* XX в. Сохраняя космическое чувство и эсхатологическое восприятие времени, он внес в идеал справедливости вектор реального действия, знания и воли.

Величие этого культурного типа, который возненавидела антисоветская интеллигенция, оценили виднейшие мыслители XX в. и Запада, и Востока (назову А. Грамши и Дж.М. Кейнса, Сунь Ятсена и Махатму Ганди). Давайте сегодня трезво оглянемся вокруг: видим ли мы после уничтожения русского коммунизма хотя бы зародыш такого типа мышления, духовного устремления и стиля организации, который смог бы, созревая, выполнить задачи тех же масштабов и сложности, что выполнил советский

народ в 30—40-е годы XX в., «ведомый» русским коммунизмом? А ведь такие задачи на нас уже накатывают.

Общности, которые были конкурентами или антагонистами советского человека, после Гражданской войны были «нейтрализованы», подавлены или оттеснены в тень последовательно одна за другой. Они, однако, пережили трудные времена и вышли на арену, когда советский тип стал сдавать позиции и переживать кризис идентичности (в ходе послевоенной модернизации и урбанизации). Среди этих набирающих силу общностей вперед вырвался культурно-исторический тип, проявивший наибольшую способность к адаптации. Его можно назвать, с рядом оговорок, *мещанством*.

Видные западные советологи уже в 50-е годы XX в. разглядели в мировоззрении мещанства свой главный плацдарм в холодной войне. Крупный философ И. Бохенский считал, что рост мещанства станет механизмом перерождения советского человека в обывателя, поглощенного *стяжательством*. Как и любой общественный процесс, этот сдвиг мог быть перепрофилирован в направлении, не подрывающем главный вектор развития. Но этого не было сделано.

Суть философии мещанства — «самодержавие собственности». Но этот идеал собственности, в отличие от *буржуазного*, не был одухотворен протестантской этикой. Буржуа был творческим и революционным культурно-историческим типом. Мещанин — это антипод творчества, прогресса и высокой культуры. Ему противно любое активное действие, движимое идеалами. А.И. Герцен отмечал, что мещанство не столько максимизирует выгоду, сколько стремится «понизить личности». Это духовный вектор мещанства¹.

В антисоветском проекте 70—80-х годов XX в. была сделана ставка на активизацию мещанства как самого массового культурно-исторического типа из тех, которые были отодвинуты на обочину в советский период. В отличие от тончайшего богатого меньшинства дореволюционной России (аристократов, по-

¹ При зрелом капитализме на Западе мещанское мировоззрение рантье и спекулянта также стало теснить пуританскую этику ранней буржуазии. О.К. Степанова пишет: «Д. Мережковский в самом начале XX в. ставил вопрос так: “Мещанство, не побежденное Европой, победит ли Россия?”. И “Грядущим хамом”, воплощением антихриста, он называл отнюдь не российские беднейшие слои, как иногда можно услышать, а буржуазное большинство западных стран» [172].

мещиков, купцов и фабрикантов), мещанство пронизывало всю толщу городского населения и жило одной с ним жизнью. Доведенные до крайности установки мещанства были художественно собраны в образе Смердякова. В разных формах культурный тип мещанства представлен в русской литературе очень широко, он стал на переломе веков едва ли не самым главным образом. Достоевский и Толстой, Чехов и Горький, Маяковский и Платонов — все оставили художественную летопись эволюции русского мещанства.

Революцию мещанство «пересидело»¹. Составляя значительную часть мало-мальски образованного населения, мещанство быстро овладело знаками советской лояльности и стало заполнять средние уровни хозяйственного и государственного аппарата. Социальный лифт первого советского периода поднял статус мещанства, и уже тогда возникли ниши, где негласно стали господствовать его ценности. Это отражено в сатире тех лет.

Война сильно выбила творческую, активную часть общества. Мещанство, напротив, окрепло, обросло связями и защитными средствами — и стало повышать голос. Агрессивная аполитичность мещанства, демонстративный отказ от участия в любом общественном деле были действительно важным фактором социальной атмосферы — целостной позицией, которая постепенно стала подавлять позицию гражданскую.

Ход утраты советским типом культурной гегемонии — важный урок истории и актуальная для России проблема обществоведения. Здесь мы ее не касаемся, один только штрих. Этот процесс можно проследить по динамике *когнитивной (т.е. познавательной) активности* рабочих. В 1922 г. годовая продолжительность рабочего времени в СССР сократилась по сравнению с 1913 г. на 537 ч. Люди их использовали, первым делом, на самообразование. Затраты времени на самообразование с 1923 по 1930 г. выросли с 12,4 до 15,1 ч в неделю. С середины 60-х годов XX в. начался резкий откат. Среди работающих мужчин г. Пскова в 1965 г. 26% занимались повышением уровня своего образования, тратя на это в среднем 5 ч в неделю (14,9%)

¹ Надо сказать, что мещанство было врагом обеих столкнувшихся в Гражданской войне сторон, которые представляли разные революционные проекты. В мировоззренческом конфликте с мещанством в 20-е годы XX в. красные и белые ветераны были по одну сторону баррикад.

своего свободного времени. В 1986 г. таких осталось 5%, и тратили они в среднем 0,7 ч в неделю (2,1%) свободного времени. К 1997—1998 гг. таких осталось 2,3% [137].

Тяжелым поражением советского общества стало отступление перед мещанством *интеллигенции*. Она составляла важную системообразующую компоненту советского общества (его даже иногда называют *интеллектоцентричным*). Но интеллигенция — это и есть антипод мещанства, на это обращал внимание уже А.И. Герцен. П.Н. Милюков в «Вехах», рассматривая *интеллигенцию* и *мещанство* как «чистые» типы, писал: «Если между интеллигенцией и “образованным классом” иногда еще устанавливается известная иерархия, то между интеллигенцией и “мещанством” теоретики интеллигенции большей частью подчеркивают полную противоположность. Интеллигенция безусловно отрицает мещанство; мещанство безусловно исключает интеллигенцию» [116]. Но дальше П.Н. Милюков показывает, что эти два чистых типа в каждой конкретной личности находятся в состоянии единства и борьбы противоположностей, и между ними возможны «постепенные и неуловимые переходы».

Такой переход и произошел в советской интеллигенции (как социокультурной группе) в 70—80-е годы XX в. Ведь разночинная русская интеллигенция стала складываться в середине XIX в. как культура *социалистическая*, отрицающая и крепостничество, и буржуазность. А на «интеллигентских кухнях» в преддверии перестройки мечтали уже именно о буржуазных ценностях, а иногда и о прямо крепостнических.

Н.А. Бердяев писал: «Интеллигенция не есть социальный класс... Интеллигенция была идеалистическим классом, классом людей, целиком увлеченных идеями и готовых во имя своих идей на тюрьму, на каторгу, на казнь». Но при этом, подчеркивает О.К. Степанова, подразумевался совершенно определенный род идей — только таких, где «правда—истина будет соединена с правдой—справедливостью».

Она добавляет об эволюции интеллигенции в течение века: «Интеллигенция в России появилась как итог социально-религиозных исканий, как протест против ослабления связи видимой реальности с идеальным миром, который для части людей ощущался как ничуть не меньшая реальность. Она стремилась во что бы то ни стало избежать полного втягивания страны в зону абсолютного господства “золотого тельца”, ведущего к отказу от

духовных приоритетов. Под лозунгами социализма, став на сторону большевиков, она создала, в конечном итоге, парадоксальную концепцию противостояния неокрестьянского традиционализма в форме “пролетарского государства” — капиталистическому модернизму» [172].

Понятно, что сдвиг в сознании советского интеллигента от идеалов равенства и справедливости к мещанской буржуазности (в число олигархов наши инженеры и врачи попасть не надеялись, да и не хотели, их «утопия Запада» была очень туманной), создал непосредственную угрозу для советского строя — ведь именно интеллигенция в городском обществе укрепляет или подрывает легитимность социального и политического порядка. Выпадение интеллигенции из структуры культурно-исторического типа советского человека сразу обессилило всю эту конструкцию.

Главное действующее лицо в установлении или подрыве гегемонии — *интеллигенция*. Главная общественная функция интеллигенции — создание и распространение идеологий, установление или подрыв гегемонии того или иного порядка. Таким образом, интеллигенция — главный субъект, создающий или разрушающий условия для эффективных ударов «боевых» сил противника.

Рассуждая в духе А. Грамши, социолог Г.С. Батыгин пишет: «Интеллектуалы и публицисты обеспечивают трансмиссию “социального мифа”: идеологий, норм морали и права, картин прошлого и будущего. Они устанавливают критерии селекции справедливого и несправедливого, достойного и недостойного, определяют представления о жизненном успехе и благосостоянии, сакральном и профанном. Любая тирания уверенно смотрит в будущее, если пользуется поддержкой интеллектуалов, использующих для этого образование, массовую информацию, религию и науку. Но если альянс власти и интеллектуалов нарушен, происходит кризис легитимности и реформирование системы» [10, с. 45].

К 70-м годам XX в. мещанство сумело добиться культурной гегемонии над большей частью городского населения и эффективно использовало навязанные массовой культуре формы для внедрения своей идеологии. Советский тип вдруг столкнулся со сплоченным и влиятельным «малым народом», который не навидел все советское жизнеустройство и особенно тех, кто его

строил, тянул лямку. Никакой духовной обороны против них государство уже и не пыталось выстроить.

Советский тип сник в ходе мировоззренческого кризиса в 70—80-е годы XX в., не смог организовать и проявить волю во время перестройки и был загнан в катакомбы. Но ни КПСС, ни ВЛКСМ, ни государство не смогли (и даже не попытались) заместить на общественной арене этот культурно-исторический тип родственным ему типом, который продолжил бы реализацию советского проекта. Напротив, на арену с помощью всех ресурсов власти и провластной интеллектуальной элиты был выведен *тип-антипод*. Господствующие позиции заняло мещанство, в том числе криминализованное. Эта смена культурно-исторического типа и предопределила резкую утрату жизнеспособности России как цивилизации. Та культурная общность, которая стала господствовать в России, не обладает творческим потенциалом и системой ценностей, которые необходимы, чтобы «держат» страну, а тем более сплотить общество для модернизации и развития.

Советский тип был загнан в катакомбы, но не исчез. В нынешней России это молчаливое большинство, хотя и пережившее культурную травму. Сейчас неважно, какое духовное убежище соорудил себе каждый из людей этого типа: стал ли он монархистом, ушел ли в религию или уповаet на нового Сталина. В нынешнем рассыпанном обществе именно эти люди являются единственной общностью, которая обладает способностью к организации, большим трудовым и творческим усилиям. Именно они могут быть собраны на обновленной матрице, ибо сохранилось культурное ядро этой общности, несущее ценности и смыслы российской цивилизации, ценности труда, творчества и солидарности.

Глава 10

«ШЕСТИДЕСЯТНИКИ»

Соответственно структуре и ходу реализации советского проекта в послевоенное время складывалась противостоящая ему *антисоветская программа*, корнями также уходящая в период вызревания и взрыва революции начала XX в. Это была программа «второго поколения», первый ее вариант был заду-

шен в 30-е годы XX в., а потом общество сплотилось в подготовке к войне и в самой Великой Отечественной войне — люди, в душе отвергавшие советский строй, в большинстве своем на время подавили в себе эти чувства и пошли на фронт или на тяжелую тыловую работу. Они в период общенародной мобилизации не стали отщепенцами.

В целостном современном виде ядро этой новой антисоветской программы сложилось в 60-е годы XX в. в среде «шестидесятников». Я с 1960 г. работал в Академии наук и помню разговоры, которые непрерывно велись в лаборатории, на домашних вечеринках или в походе у костра, — оттачивались аргументы против *всех существенных черт* советского строя. «Шестидесятники» — легальные инакомыслящие, они были близки к власти и всегда имели трибуну.

Что же понимать под «антисоветским проектом»? Ведь сейчас антисоветские идеологи упорно твердят о том, что никакого проекта не было, что «все рухнуло само», что «хотели как лучше» и т.д. Это мелочные оправдания — под проектом понимается не сетевой график действий М. Горбачева, а вещь более принципиальная¹. Видные деятели интеллигенции целенаправленно и методически, как энциклопедисты во Франции, убеждали граждан в негодности всех устоев советского порядка. Так и вызревало то, что можно назвать «проектом». Над ним работали в самых разных «нишах» общественного сознания: и ученые, и поэты, и священники. Книги и фильмы с антисоветским подтекстом, теле- и радиопередачи, песни бардов, черный юмор и анекдоты — все имело идеологическую антисоветскую нагрузку.

Вот, например, история одного маленького отряда, «методологического сообщества», или «игропрактиков». Этот кружок работал с 1952 г. под руководством Г.П. Щедровицкого. Среди его основателей — А.А. Зиновьев, М.К. Мамардашвили и Б.А. Грушин. Все обсуждения записывались на магнитофон и затем распечатывались на пишущих машинках (за 40 лет скопились сотни томов машинописных материалов семинаров и игр). Как пишет историк, это движение «проводило подспудную кропотливую

¹ История дала нам хорошо изученный и прямо отвечающий на наш вопрос случай — Великую французскую революцию. Эта революция следовала грандиозному проекту, который вызревал в течение полувека и вытекал из Просвещения.

работу, готовя перемены. Не случайно его представители оказались в первых рядах, когда эти перемены начались» [99].

Антисоветский проект «шестидесятников» не собран в каком-то одном большом труде, хотя и есть отдельные сборники с его более или менее связным изложением — например, книга-манифест «Иного не дано» (1988). Его сущность изложена в огромном количестве сообщений по частным вопросам, в «молекулярном» потоке идей, символов и метафор. Крупные фигуры были лишь своего рода опорами, устоями всего этого движения, задавали его траекторию и мифологию. Близкие им духовно партийные деятели и члены научно-гуманитарной верхушки сотрудничали эффективно, но не явно.

В 1991 г. вышел сборник статей писателя А. Адамовича «Мы — шестидесятники» [4]. Он содержит перечисление тех фигур, которые составляли «мозговой центр» и организационный костяк этого движения. Эти «шестидесятники руководящего звена» принадлежали к элите советского общества, в основном гуманитарной. В Москве или Минске они запросто беседовали с Ю. Андроповым или П. Машеровым, а в США — с Р. Кеннеди, который якобы в ванной под шум воды излагал Е. Евтушенко секреты ЦРУ. Они имели широкий доступ к информационным и административным ресурсам, занимали ключевые посты в сфере духовного воздействия на общество. Шла их подпитка и внешними средствами. Советология в США изучала все уязвимые точки советской системы, слабости, предрассудки и стереотипы советского мышления. Она работала не только на ЦРУ, но и на наших «шестидесятников».

В кругу «шестидесятников» и вызревало то, что можно обозначить словами «идеологическое обеспечение *доктрины реформ*». Точнее было бы говорить о доктрине *антисоветской революции* (так и квалифицировалась «трансформация СССР» социологами и здесь, и на Западе). В разработку этой доктрины в качестве аудитории была вовлечена значительная, если не большая, часть интеллигенции, которая в постоянных дебатах совершенствовала тезисы, искала выразительные метафоры и образы. Избежать этого влияния было нельзя, антисоветские идеи и формулы превращались в привычные штампы, становились *стереотипами массового сознания*.

Проект «шестидесятников» уже обладал системными качествами, его развитие не прерывалось, и в конце концов он об-

рел материальную силу и был реализован в виде «антисоветской революции» конца XX в. Ее предварительной, «холодной» фазой была *перестройка* М. Горбачева, в ходе которой была разрушена надстройка советского жизнеустройства, после чего стало возможным демонтировать и его базис.

Открытые военные действия против СССР (посредством создания его образа как «империи зла») «шестидесятники» начали уже после прихода к власти М. Горбачева. Вот выступает ставший народным депутатом А. Адамович в 1989 г. в МГУ: «Один американский фермер как-то сказал Юрию Черниченко: “Мы и вас готовы прокормить, только не воюйте”. Ведь мы и сами-то до конца не осознавали, как Запад опасается нашей военной мощи, не сдержанной никакими демократическими институтами» [4, с. 348].

Все элементы этого рассуждения противоречат здравому смыслу. Вот они по очереди: никого американские фермеры бесплатно никогда не кормили и не кормят, они рады продать свой товар (хоть на рынке, хоть правительству); СССР не нужна была бесплатная кормежка — мы покупали кое-что из продовольствия за свои деньги; постсоветская РФ не воюет и разоружилась, но американские фермеры нас кормить не собираются; Запад не опасался нашей военной мощи, у него имелись средства сдерживания — это известно из документов военного ведомства США; «демократические институты» никогда не сдерживали агрессивности тех же США, а военная мощь СССР была под надежным контролем. И эти явные несуразицы А. Адамовича благосклонно выслушивала огромная аудитория студентов и преподавателей МГУ — вот что было признаком катастрофы.

Вот А. Адамович едет в Японию и выступает там на тему «Хатынь, Хиросима, Чернобыль». Все эти три явления он, нарушая критерии подобия, ставит в один ряд, как равноположенные. Чернобыль в его трактовке уже не катастрофа, не бедствие, не ошибка — это якобы хладнокровное и запланированное уничтожение советским государством своего народа, «наша Хиросима». Сюда же он «пристегивает» и Катынь.

Допустим, действительно в Катынском лесу были расстреляны пленные польские офицеры (дело это темное и убедительно-го завершения пока не получившее, тем более в 1989 г.). Но вот как представляет это дело А. Адамович японцам: «Хатынь — деревня под Минском, где кладбище-мемориал белорусских деревень, сожженных немецкими фашистами вместе с людьми. Люди

сгорели заживо, как и в Хиросиме, — больше 100 тысяч... Хатынь и Катынь звучат похоже, да и по сути одно и то же: геноцид» [4, с. 240]. Почему и то и другое — геноцид? Хатынь — часть *планомерной программы*, в ходе которой была уничтожена 1/4 часть населения Белоруссии, что вполне подпадает под понятие геноцида, а Катынь — предполагаемый расстрел нескольких тысяч человек — никак геноцидом не назовешь.

Шесть лет перестройки промывали советским людям мозги потоком таких сообщений уже через советское телевидение и советскую прессу уважаемые «шестидесятники», поэты, ученые и артисты. И добились своего. В конце перестройки поражающе выходящее за рамки разумного тоталитарное обвинительное отношение к своей стране, особенно в среде интеллигенции. Был проведен большой опрос, часть анкет печаталась и собиралась через «Литературную газету». В этой части каждый третий, давший содержательный ответ (против каждого пятнадцатого в «общем» массиве), заявил, что СССР «никому и ни в чем не может быть примером». Если мы учтем, что в «общем» массиве есть 17% интеллигентов, а среди ответивших через «Литературную газету» есть 16% рабочих, и введем поправку, то расхождение значительно увеличится. Не укладывается в голове иррациональность этого отречения от СССР. Неужели большинство интеллигентов забыли жестокую во многих отношениях реальность внешнего мира, хотя бы 20 млн. детей, умирающих ежегодно от голода, или 100 тыс. крестьян маленькой Гватемалы, убитых «эскадронами смерти» за 80-е годы XX в.!

К «шестидесятникам» примыкала и небольшая группа детей и внуков репрессированных партийно-государственных деятелей. Некоторые из них давно и открыто декларировали себя как врагов советского строя, другие делали это уклончиво. Но важно, что в то же время они были частью советского номенклатурного истеблишмента и через разные каналы получали поддержку: моральную да и материальную. С. Семанов пишет, что в 1968 г. в издательстве ЦК КПСС «Политиздат» при ведомстве А.Н. Яковлева была учреждена серия «Пламенные революционеры» с тиражами 200 тыс. экземпляров и самыми высокими тогда гонорарами. Эта привилегированная серия партийного издательства привлекала авторов с крайне антисоветскими взглядами, и почти все из них, получив гонорары, эмигрировали, «от кассы ЦК КПСС прямо к сейфу радио “Свобода”».

Особенно показателен Б. Окуджава, сын расстрелянного партийного деятеля и популярный бард. В его песнях комбинация лирики с мессианством и романтизацией гражданской войны. «Пыльные шлемы комиссаров» казались чем-то странным на фоне лирики, но когда вслушаешься в «Моцарт отечества не вытирает» и «Артиллерия бьет по своим», то эти «пыльные шлемы» уже выглядят как предупреждение. А потом оказалось, что за лирикой стоит выношенная ненависть. Ведь после расстрела Дома Советов в 1993 г., которым «наслаждался» Б. Окуджава, он дал об этом целых несколько интервью. Многие в эти откровения даже не верили.

Вот статья-откровение А. Ципко, где он говорит о тех «шестидесятниках», которые вошли в гуманитарную и идеологическую элиту уже при Л.И. Брежневе и были очень активны в перестройке:

«Мы, интеллектуалы особого рода, начали духовно развиваться во времена сталинских страхов, пережили разочарование в хрущевской оттепели, мучительно долго ждали окончания брежневского застоя, делали перестройку. И, наконец, при своей жизни, своими глазами можем увидеть, во что вылились на практике и наши идеи, и наши надежды...

Не надо обманывать себя. Мы не были и до сих пор не являемся экспертами в точном смысле этого слова. Мы были и до сих пор являемся идеологами антитоталитарной — и тем самым антикоммунистической — революции... Наше мышление по преимуществу идеологично, ибо оно рассматривало старую коммунистическую систему как врага, как то, что должно умереть, распасться, обратиться в руины, как Вавилонская башня. Хотя у каждого из нас были разные враги: марксизм, военно-промышленный комплекс, имперское наследство, сталинистское извращение ленинизма и т.д. И чем больше каждого из нас прежняя система давила и притесняла, тем сильнее было желание дожидаться ее гибели и распада, тем сильнее было желание расшатать, опрокинуть ее устои... Отсюда и исходная, подсознательная разрушительность нашего мышления, наших трудов, которые перевернули советский мир... Мы не знали Запада, мы страдали романтическим либерализмом и страстным желанием уже при этой жизни дожидаться разрушительных перемен...» [185].

Здесь четко выражено не вполне осознанное в обществе свойство: идейным мотором антисоветизма была страсть к раз-

рушению. У тех, кто вошел в «антисоветский союз», и не могло быть позитивного проекта, желания строить, улучшать жизнь людей, ибо у каждого в этом союзе был «свой» враг в СССР. Чистый марксист вступал в союз с заклятым врагом марксизма ради сокрушения советского строя. Были даже такие, для кого главным врагом был военно-промышленный комплекс его собственной страны!¹ Понятно, что, когда движущей силой элиты становится страсть к разрушению, судьба миллионов «маленьких людей» не может приниматься во внимание. Эти интеллектуалы — наполеоны, а не «тварь дрожащая».

А. Ципко верно оценивает то, «во что вылились на практике их идеи»: «Борьба с советской системой, с советским наследством — по крайней мере в той форме, в какой она у нас велась, — привела к разрушению первичных условий жизни миллионов людей, к моральной и физической деградации значительной части нашего переходного общества» [185]. Физическая деградация части общества — это, надо понимать, гибель людей: аномально высокая смертность и столь же аномально низкая рождаемость.

Странное дело: А. Ципко вроде бы кается, буквально рвет на груди рубаху — и нисколько не отступает от своей позиции. При этом он приводит и признание другого видного «шестидесятника» — Ю. Афанасьева. А. Ципко пишет: «Во время одной из телепередач на упрек в несостоятельности российских демократов Юрий Афанасьев неожиданно ответил: “Вы правы, результат реформ катастрофичен и, наверное, не могло быть по-другому. Мы, на самом деле, были слепые поводыри слепых”» [186].

Ю. Афанасьев скромничает: они уже не были поводырями слепых, уже в 1990 г. большинство людей стали зрячими, как это видно из опросов ВЦИОМ. А слепые антисоветские фанатики их уже не вели, а *знали*. Но навыков самоорганизации у прозревших граждан не было — вот следствие избыточного патернализма СССР.

¹ В принципе, высказанные А. Ципко претензии антисоветских интеллектуалов считаться *учеными и гражданами своей страны* абсолютно необоснованны. Научный тип мышления несовместим с магией, ожиданием чуда и фанатизмом, о которых пишет сам автор. С другой стороны, разрушать ВПК и государственные структуры страны в момент, когда она ведет тяжелую войну (пусть и холодную), никак не могут ее лояльные граждане. Это функция «пятой колонны» противника.

Глава 11

ДИССИДЕНТЫ — СОВЕТСКАЯ «ЗАКВАСКА» АНТИСОВЕТСКОГО ПРОЕКТА

В 60-е годы XX в. зародилось, а в 70-е стало важным явлением общественной жизни СССР течение, которое получило туманное название «диссиденты». Это были полуформальные организации активных антисоветских деятелей. С течением времени их организации все больше формализовались — налаживалась связь, финансирование, база для издания и распространения печатных материалов. Об организационной стороне их дела известно мало, но для нас здесь важно то влияние, которое диссиденты оказывали на общество, — независимо от того, что творилось у них на кухне.

Над нами довлеет механистическое представление, что влиятельно лишь то, чего *много*. Это ошибочное представление — уже в Библии хорошо объяснена роль «закваски», дрожжей, ничтожного по величине, но активного и размножающегося элемента системы.

Реально действительность диссидентов постоянно присутствовала в сознании практически всей интеллигенции, в особенности партийно-государственной элиты. Тот факт, что их влияние непосредственно не достигало крестьян и в малой степени достигало рабочих, дела не меняет — идеи диссидентов до этих массивных групп населения доводили агрономы и учителя, врачи и инженеры.

Второе важное обстоятельство, которое часто упускается из виду, состоит в том, что диссиденты работали во взаимодействии с пропагандистской машиной Запада. А это была такая мощная служба психологической войны, что нам и представить себе трудно. Без участия диссидентов — «наших», внутри советского общества, — пропаганда «голосов оттуда» потеряла бы большую часть своей силы. Диссиденты с «Голосом Америки» вместе составили систему с кооперативным эффектом, а в такой системе нельзя оценивать силу по количественным размерам отдельных элементов.

Наконец, деятельность диссидентов была и потому эффективна, что они были включены в большую и слаженную систе-

му буквально общенародного обсуждения общественных, гражданских проблем. Парадокс в том, что это была именно советская система, которая обязывала каждого члена общества участвовать в этом обсуждении: через собрания, систему «политпросвещения», общество «Знание», СМИ. Официальная, открытая часть этой системы во многом не удовлетворяла новые поколения, а то и опротивела им. Диссиденты стали «теневой» частью этой системы, они работали на контрастах, в новых жанрах, как «творческое меньшинство», — но они использовали инфраструктуру официальной системы. М. Жванецкий выступал со своим антисоветским юмором на собраниях трудовых коллективов, организованных тем же «сектором культпросветработы», который на другое собрание приглашал лектора по международному положению, какого-нибудь А. Бовина. Диссиденты были вирусами, которые пользуются огромным аппаратом клетки. Они на ней паразитируют, нет клетки — нет и вируса. Поэтому понятно, почему теперь, когда вся эта система сломана, оппозиция рыночным реформам, имея в главных своих установках поддержку большинства населения, по эффективности своих сообщений не идет ни в какое сравнение с теми диссидентами, которые паразитировали на советской системе «политпросвета».

Так что будем учитывать взаимодействие разных частей системы. Люди старшего поколения помнят еще «самиздат» — издание идеологической продукции диссидентов. Но его влияние нельзя верно оценить, если не учесть, что почти все его материалы к тому же зачитывались по радио, а «голоса» слушала значительная часть интеллигенции.

Но и эффект печатной продукции «самиздата» был велик. Старый, испытанный еще в Великой французской революции прием захвата аудитории — представление идеологических сообщений в виде «запретного плода». Именно тогда, в период деятельности энциклопедистов, возник «самиздат» — изготовление и распространение нелегальной и полулегальной литературы. В СССР эта индустрия расцвела в 60-е годы XX в. как средство психологической войны (к 1975 г. ЦРУ разными способами участвовало в издании на русском языке более чем 1500 книг русских и советских авторов). Тогда в СССР даже ходил анекдот: старушка перепечатывает на машинке «Войну и мир» Толстого. Ее спрашивают: «Вы что, с ума сошли?» — «Нет, я хочу, чтобы внучка роман прочитала, а она читает только то, что напечатано на машинке».

Иными словами, захват аудитории в программе «Самиздат» достигался не высокой ценностью самого материала, а искусственно созданной приманкой — запретностью текста. Кто сегодня станет читать эти надрывные малохудожественные поделки! Авторы, издатели и распространители «самиздата» обращались к подавленным официальными нормами стереотипам в сознании. Это делало читателя как бы посвященным, причастным к какому-то тайному и важному «общему делу»¹.

Главный эффект от деятельности диссидентов состоял не в том, что они смогли доказать порочность советского строя и убедить в этом людей, — они для этого не имели ни целостной системы доводов, ни какого-то позитивного проекта, который могли бы противопоставить советскому. Более того, диссиденты разных течений, составляя все же одну, соединенную антисоветским пафосом партию, зачастую атаковали советский строй с совершенно противоположных позиций. Например, А. Сахаров мог проклинать СССР за русский имперский шовинизм, а его соратник и сотоварищ И. Шафаревич — за якобы лежащую в основании советского государства русофобию. И ничего — никакой идейной или личной вражды.

Результат усилий диссидентов был гораздо фундаментальнее и глубже, ибо он не лежал в рациональной сфере (доказательство чего-то с разумными аргументами). Диссиденты сыграли роль еретика в монастыре — еретика, который даже не утверждал, что Бога нет, и не предлагал иной картины мира, он лишь предлагал обсудить вопрос: «А есть ли Бог?». Конечно, рационализация советской идеологии и сокращение в ней идеократического компонента назрели: иным стал уровень и тип образования, была утрачена память о бедствиях, которые легитимировали тотальную сплоченность. Поэтому инициатива диссидентов была, в общем, благожелательно воспринята даже в совершенно лояльных к советскому строю кругах интеллигенции.

Однако никакого результата, полезного для нашего народа, от работы диссидентов я найти не могу, потому что они очень быстро подчинили всю эту работу целям и задачам врага СССР в холодной войне. И те плоды поражения СССР, которые мы сего-

¹ Интересный исторический и социологический обзор самиздата в Чехословакии опубликован президентом Чешского социологического общества М. Петрусеком [142]. Очень многие его наблюдения и выводы прямо приложимы и к «самиздату» в СССР.

дня пожинаем, можно было вполне предвидеть уже в 70-е годы XX в. На совести диссидентов — тяжелейшие страдания огромных масс людей и очень «большая» кровь.

Диссиденты подпиливали главную опору идеократического государства — согласие в признании нескольких священных идей. В число таких идей входили идеи справедливости, братства народов, необходимости выстоять в холодной войне с Западом. Диссиденты, говоря на рациональном, близком интеллигенции языке, соблазнили ее открыто и методично поставить под сомнение все эти идеи. Сам этот вроде бы невинный переход на деле подрывал всю конструкцию советского государства, что в момент смены поколений и в условиях холодной войны имело фатальное значение.

«Шестидесятники», а затем диссиденты «запустили» механизм разрушения легитимности советского строя. Другими словами, механизм подрыва культурной гегемонии всех институтов советского государства и общества. Разумеется, без того, чтобы на сторону противника в холодной войне перешел весь правящий слой (высшая номенклатура КПСС), эффект от диссидентов был бы нулевым — в открытом диалоге никакого шанса на успех диссиденты иметь не могли. Более того, в этих условиях само их внутренне противоречивое движение просто исчезло бы. Так что уже с 70-х годов XX в. его живучесть и успех определялись не только явной поддержкой Запада, но и тайной поддержкой номенклатуры вплоть до ее высших уровней.

При этом, поскольку будущие «архитекторы и прорабы» перестройки ориентировались именно на союз с Западом, режим наибольшего благоприятствования предоставлялся диссидентам-«западникам». Если против них и применялись «репрессии», то к этому обязывал сам жанр политического спектакля и роль диссидентов как «борцов с тоталитаризмом». Не было бы А.Д. Сахарова времен перестройки без его «ссылки» в ужасный город Горький.

Судя по публикациям и выступлениям диссидентов во время перестройки, в большинстве своем они были людьми с очень специфическим, суженным сознанием, в котором мессианская идея борьбы с «империей зла» потеснила, а порой и вообще вытеснила здравый смысл и ценности обычного человека. Поэтому, как бы ни относиться к идеям диссидентов, ни в коем случае нельзя было в 80-е годы XX в. допускать их к власти и тем

более делать законодателями в сфере морали и политики. Строго говоря, сам жизненный жанр диссидента этому противопоказан. То, что бригада Горбачева—Яковлева вытаскила этих людей на политическую арену, было чревато большими издержками (как это и произошло в драматической форме, например, в Грузии или Таджикистане).

Призрак катастрофы уже потому мы должны были заметить, что идолом у возбужденной антисоветской публики стал академик А.Д. Сахаров — наивный старец. Он всю жизнь «под колпаком», в искусственной обстановке, прокорпел над водородной бомбой, а потом вырвался в воображенный им мир и оказался под таким же «колпаком» иностранной прессы и подсадных диссидентов. И стал вещать с авторитетом пророка: разделить Россию на 50 «нормальных» государств! Немедленно разрешить куплю-продажу земли! Но что он мог знать о земле или о купле-продаже хотя бы картошки — из какого жизненного опыта? Прочтите сегодня, на свежую голову, все его статьи и речи, ведь в них нет и следа тех проблем, которыми живет человек в России. Читаю и думаю: да знал ли он хоть русскую литературу?

Хотя диссидентство было очень разношерстным и изменчивым течением, в нем можно выделить главные направления. Основным из них и по масштабу, и по влиянию являлось направление «западников», которое в конце 80-х годов XX в. и пришло к власти (точнее, было взято властью в качестве прикрытия). Символом и выразителем этого направления был А.Д. Сахаров. Около него находилась другая влиятельная фигура — Е.Г. Боннэр, в чем-то более радикальная и ярко выраженная, но в принципе разделяющая главные установки А.Д. Сахарова.

А.Д. Сахаров, безусловно, был взят как знамя той радикальной антисоветской партией, которая пришла к власти в 1991 г. и с тех пор определяет ход «реформ». В 1994 г., к 73-й годовщине со дня рождения А.Д. Сахарова, Администрация Президента РФ издала брошюру «Слово о Сахарове» [168]. В ней выступления тех, кто собрался на конференцию по случаю такого события. Показателен состав участников: Е.Г. Боннэр, С.А. Ковалев, А.Н. Яковлев, А.В. Козырев, Ю.Ф. Карякин, А.И. Приставкин, С.А. Филатов и др.; открывается брошюра обращением Б.Н. Ельцина.

Вот слова С.А. Филатова, тогда главы администрации президента: «В этом зале собрались те, кто считает себя учениками Андрея Дмитриевича... кто взял на себя тяжкую обязанность реали-

зовать многое из того, о чем Андрею Дмитриевичу мечталось... Тем большая ответственность лежит на нас, на людях, кому выпало сегодня осуществить то, о чем мечтал Андрей Дмитриевич Сахаров... Да помогут нам выполнить эту нелегкую миссию опыт Сахарова, мысли Сахарова, идеи Сахарова и чувства Сахарова».

Учитывая такое редкое признание власти, угрожающий смысл слов о «нелегкой миссии», а также почти религиозный фанатизм, с которым к Сахарову относилась влиятельная часть интеллигенции, надо, наконец, выделить то главное, что «Андрею Дмитриевичу мечталось».

Прежде всего, по своей жизненной философии Сахаров — именно *диссидент*. Его симпатии распространялись прежде всего на маргиналов, на «меньшинства», атакующие нечто цельное и стабильное (политический порядок, культурное ядро, религию или мораль). Он, например, с одобрением относился к роману Салмана Рушди и с антипатией к гневу мусульман, оскорбленных кощунством этого романа.

Обостренное отношение у него было и к малейшему, даже надуманному или искусственно создаваемому, конфликту меньшинства с целым. Например, важной темой в идеологической антисоветской кампании в 60-е годы XX в. стал пресловутый «государственный антисемитизм» в СССР. А.Д. Сахаров в «Меморандуме» (1968) пишет: «Разве не позор очередной рецидив антисемитизма в кадровой политике (впрочем, в высшей бюрократической элите нашего государства дух мещанского антисемитизма никогда полностью не выветривался после 30-х годов)?» [112].

Напротив, позиция целого или массивной, ядерной части общества вызывает у А.Д. Сахарова явную антипатию. В 1989 г. большую поддержку сепаратистам оказали речи Сахарова, в которых он клеймил «политику великодержавного шовинизма советского государства». В обществе он ценил именно малые группы, которые противопоставляют себя национальному целому и вообще массе людей, живущих обыденной жизнью. Он писал в «Меморандуме» в характерной классовой фразеологии: «Наиболее прогрессивная, интернациональная и самоотверженная часть интеллигенции по существу является частью рабочего класса, а передовая, образованная и интернациональная, наиболее далекая от мещанства часть рабочего класса является одновременно частью интеллигенции».

Переломным стал момент, когда авангард инакомыслящей интеллигенции заключил союз с противником СССР в холодной войне и стал выполнять функции «пятой колонны» внутри советского общества. Эволюция установок этой части антисоветской интеллигенции хорошо прослеживается в текстах А.Д. Сахарова.

В 1968 г. Сахаров мечтает о конвергенции социализма с капитализмом и пишет о войне США в Индокитае: «Во Вьетнаме силы реакции... нарушают все правовые и моральные нормы, совершают вопиющие преступления против человечности. Целый народ приносится в жертву предполагаемой задаче остановки “коммунистического потопа”» [163, с. 17].

В 1975 г. он уже пишет о «героизме американских моряков и летчиков» и упрекает Запад в том, что тот плохо помогал США воевать во Вьетнаме. По его мнению, требовалось вот что: «Политическое давление на СССР с целью не допустить поставок оружия Северному Вьетнаму, своевременная посылка мощного экспедиционного корпуса, привлечение ООН, более эффективная экономическая помощь, привлечение других азиатских и европейских стран... Очень велика ответственность других стран Запада, Японии и стран “третьего мира”, никак не поддержавших своего союзника, оказывающего им огромную помощь в трудной, почти безнадежной попытке противостоять тоталитарной угрозе в Юго-Восточной Азии» [163, с. 131, 132].

Мы видим поворот на 180 градусов, и эти взаимоисключающие «тревоги и надежды» публикуются под одной обложкой.

В 1968 г. Сахаров пишет о СССР: «Как показывает история, при обороне Родины, ее великих социальных и культурных завоеваний наш народ и его вооруженные силы едины и непобедимы» [163, с. 20]. В 1975 г. он пишет «о многих тревожных и трагических фактах современного международного положения, свидетельствующих о существенной слабости и дезорганизованности перед лицом тоталитарного вызова... Единство требует лидера, таким по праву и по тяжелой обязанности является самая мощная в экономическом, технологическом и военном отношении из стран Запада — США» [163, с. 146].

Если учесть, каким авторитетом обладал А.Д. Сахаров среди западной интеллигенции, то можно считать, что с середины 70-х годов XX в. в этой части общества отношение к США как внешнему союзнику в борьбе с советским строем сменилось чувством *идентификации* с США как цивилизационным лиде-

ром. Отношения союзника сменились отношениями подданного, влиятельная часть общества стала *патриотами США*, а не СССР.

В 1980 г. А.Д. Сахаров так видит главные отрицательные черты советского человека, не входящего в «наиболее прогрессивную, интернациональную и самоотверженную часть»: «1) культ государства; 2) эгоистические стремления; 3) идея национального превосходства, принимающая темные, истерические и громные формы».

А.Д. Сахарову претит само устройство СССР как единого государства, ядром которого являлся русский народ. В предвыборной программе в феврале 1989 г. он декларировал: «Компактные национальные области должны иметь права Союзных республик» [161]. А в другом документе требовал, чтобы в Советском Союзе вообще все структурные единицы имели статус союзной республики. По этой схеме вместо 15 союзных республик их возникло бы около 150.

Что же касается представлений о мироустройстве и месте России в мире, то Сахаров был убежденным мондиалистом — сторонником исчезновения наций и унификации мира под властью мирового правительства. Уже в «Меморандуме» он пишет: «Человечество может безболезненно развиваться только как одна семья, без разделения на нации в каком-либо ином смысле, кроме истории и традиций». Главной, безусловной, конечной целью Сахаров считал «конвергенцию стран с различным строем».

В своем проекте конституции «Союза Советских Республик Европы и Азии» Сахаров пишет: «В долгосрочной перспективе Союз в лице органов власти и граждан стремится к конвергенции социалистической и капиталистической систем... Политическим выражением такого сближения должно стать создание в будущем Мирового правительства».

Но из всей совокупности его заявлений видно, что желанное для него Мировое правительство — это правительство Запада, и прежде всего США. В телеграмме Дж. Картеру в 1976 г. он пишет: «Я уверен, что исполненная мужества и решимости... первая страна Запада — США — с честью понесет бремя, возложенное на ее граждан и руководителей историей» [163]. Напротив, СССР для Сахарова — именно империя зла, мутант цивилизации, не имеющий права на существование: «60-летняя история нашей страны полна ужасного насилия, чудовищных преступлений» и т.п. (1977).

При этом Россия до возникновения СССР — это вообще черная дыра, хуже СССР. В 1981 г. в статье для американской газеты Сахаров пишет о политике СССР, указывая на ее очевидно преступный, на его взгляд, уклон: «потеряв далекую перспективу... партийная власть продолжает традиционную русскую геополитику» [161]. Кстати, взгляды Е. Боннэр на этот вопрос еще радикальнее: «У нас политическая биография началась только в 1988 г., до этого у нашей страны ее не было».

В холодной войне Сахаров становится на сторону Запада против СССР категорически и открыто. В интервью «Ассошиэйтед Пресс» в 1976 г. он заявляет: «Западный мир несет на себе огромную ответственность в противостоянии тоталитарному миру социалистических стран». В 1979 г. он пишет в большом письме на Запад (писателю Г. Бёлю): «Пятьдесят лет назад рядом с Европой была сталинская империя, сталинский фашизм — сейчас советский тоталитаризм». В СССР он видит угрозу миру и уповает лишь на Запад: «В этом отношении я верю в Западного человека, в его ум, устремленный к великим целям, его благие намерения и его решительность».

Сахаров требует от Запада практических мер: «Чрезвычайно важны экономические и политические санкции... В частности, необходим широчайший, насколько только возможно, бойкот московской Олимпиады. Каждый зритель или атлет, приезжающий на Олимпиаду, будет оказывать косвенную поддержку советской военной политике».

Дело доходит до упреков Западу за то, что он в годы Второй мировой войны был слишком щедр по отношению к СССР: «То, что Запад признал изменение границ в результате Второй мировой войны, — это в какой-то мере уступка Советскому Союзу, потому что целый ряд из этих изменений мог бы являться предметом дискуссии» [163].

Это малая толика высказываний, которые никак нельзя назвать импульсивными или непродуманными. Они отражают целую концепцию большого долгосрочного проекта, который в значительной степени и реализовался в перестройке и реформе в СССР и теперь в России, а также в формировании Нового мирового порядка с установлением Мирового правительства с безграничной властью Запада. Эта разрушительная утопия, конечно, будет остановлена, но горя людям она уже принесла и еще принесет немало. Поразительно, что множество умных людей чита-

ли все эти заявления А.Д. Сахарова, благоговели перед ним и в то же время считали себя просвещенными демократами, а то и патриотами России. Здесь наблюдается расщепление сознания.

Символом и центром притяжения другого течения диссидентов стал А.И. Солженицын. Он был менее западником, чем Сахаров, а иногда даже играл роль «почвенника». Однако в холодной войне исправно воевал на стороне Запада, в существенных вопросах никогда не ставя под сомнение правомерность антироссийских целей этой войны. Да и за последние годы, когда разрушение России в результате этой войны для всех стало очевидностью, его критика в адрес разрушителей ограничивалась очень туманными упреками морального характера. Мол, полегче бы, помягче!

А.И. Солженицын работал как писатель, действовал пером. Но он стал исключительно важным и активным политиком, и именно в этой его ипостаси он здесь нас и интересует. Он (хотя и не один) выработал определенную идеологию, логику, универсум символов и даже технологию политической войны. Все это было усилиями большой идеологической машины распространено в СССР и России. Перед нами прежде всего не художник, а чрезвычайно активный идеолог, сыгравший в поражении СССР немалую роль. Большое значение для поворота западной интеллигенции к антисоветизму имел шедевр фальсификации — «Архипелаг ГУЛАГ», созданный буквально в лаборатории и сильно бьющий по чувствам идеологический продукт. Вызывает тяжелое чувство тот факт, что человек мстительный и с тоталитарным мышлением получает у интеллигенции статус духовного пастыря и совести нации.

Третьей символической фигурой в движении диссидентов был И.Р. Шафаревич. Он создал (и ему был создан) образ русского православного просвещенного патриота. Для укрепления этого образа он даже подвергается в стане западников мягким гонениям за якобы присущий ему антисемитизм (в связи с его книгой «Русофобия»). Его сторонники, напротив, доказывают, что никакого антисемитизма в идеях И.Р. Шафаревича нет — и такое равновесие поддерживается. Надо сказать, что только западники не могли бы легитимировать в глазах достаточно большой части интеллигенции, прямо скажем, предательство по отношению к своей стране, ведущей тяжелую и неравную холодную войну. Немалую роль тут сыграли и «патриоты». Это крыло и было представ-

лено И.Р. Шафаревичем. Поразительна та антипатия, с которой он относится к западным ученым и деятелям культуры, которые в годы холодной войны оказывали поддержку СССР.

Он пишет о движении сторонников мира: «Когда СССР имел большое преимущество над Западом в численности армии и обычных вооружениях, а вся надежда Запада покоилась на преимуществе в атомном оружии, Всемирный конгресс сторонников мира опубликовал “Стокгольмское воззвание”, требовавшее абсолютного запрета атомного оружия... Так в наши дни “демократы” и “правозащитники” яростно требуют запрета применения авиации в Чечне (ее нет у Дудаева, но ею обладают федеральные войска)».

СССР в этой формуле уподоблен Дудаеву, Всемирный Совет мира — Новодворской, атомное оружие США — российской авиации. И опять И.Р. Шафаревич слово в слово излагает концепцию диссидентов-западников: бедный Запад только и уповал на атомную бомбу перед лицом неминуемой угрозы со стороны агрессивного СССР.

Видные деятели тех лет, которых никак нельзя заподозрить в корыстном интересе «платных агентов Кремля», — Хьюлетт Джонсон, Фредерик Жолио-Кюри, Лайнус Полинг — также вызывают у И.Р. Шафаревича самый недоброжелательный сарказм, желание уподобить их чему-то мерзкому, что вызывает ненависть.

Вот он пишет: «В послевоенные годы существовал обширный круг широко известных (или широко разрекламированных) односторонне ориентированных «левых». Это были известные философы, священники (даже настоятель Кентерберийского собора, т.е. высший иерарх англиканской церкви), ученые, писатели, артисты, эстрадные певцы. Их приезды в Советский Союз сопровождались приемами и приветствиями (наших «демократов» встречают сейчас в США более скромно). Было создано несколько премий — международная Сталинская (потом — Ленинская) премия “За укрепление мира между народами”, “Международная премия мира”, — которыми они награждались. Точно так же, как сейчас, можно получить премию в США, если настойчиво добиваться поражения России в Чечне и натравливать Запад на Россию» [189].

Вдумайтесь только в эти аналогии! Все, включая самых уважаемых людей современности, кто оказал хоть какую-то поддержку СССР в его противостоянии Западу — даже в виде борь-

бы за мир! — стали буквально личными врагами Шафаревича. И это человек, которого предлагают нам как стандарт патриотизма. Столь же противны ему и те западные деятели, которые протестовали против войны США во Вьетнаме. Это — симптом культурного кризиса.

Вот как И.Р. Шафаревич трактует их дела: «Политики, корреспонденты, общественные деятели отправлялись в Северный Вьетнам, передачи велись прямо оттуда (как передачи из бункера Дудаева). При этом показывались разрушенные налетами школы и больницы, но не военные объекты». Ханой, борющийся против агрессии США, уподоблен «бункеру Дудаева»!

Фигура И.Р. Шафаревича особенно важна вследствие того, что, в отличие от диссидентов-западников и даже от Солженицына, в общем, примкнувших к победителям в холодной войны, И.Р. Шафаревич, как говорится, «перешел на сторону народа». Таким образом, он продолжает оказывать определенное влияние на сознание той части общества, что отвергает антисоветские реформы. Главное значение этого влияния в том, что И.Р. Шафаревич остается категорическим и принципиальным врагом советского строя и регулярно вводит в сознание оппозиции очередную дозу антисоветизма.

В операции по подрыву национально-государственного устройства СССР И.Р. Шафаревич высказывал совершенно те же тезисы, что и крайняя западница Г. Старовойтова (иногда совпадение почти текстуальное). Сразу после роспуска СССР в Беловежской Пуще, который стал для подавляющего большинства русских трагедией и воспринимался как преступление, И.Р. Шафаревич выступил с большой статьей «Россия наедине с собой» [130], где очень высоко оценивал эту акцию. Кстати, само название говорит о том, что И.Р. Шафаревич отвергает и царскую Россию, — никто тогда не считал (ни монархисты, ни белые, ни красные), что Россия *наедине с собой* расположена на территории нынешней РФ.

В этой статье И.Р. Шафаревич формулирует постулаты, вытекающие из его антисоветской позиции, но находящиеся в вопиющем противоречии с реальностью. Он пишет: «Мы видим, что Россия в своих новых пределах может оказаться вполне жизнеспособной, куда крепче стоять на ногах, нежели бывший СССР». Как же он это увидел? Представил бы он себе нашествие Гитлера на эту Россию «в своих новых пределах» и сравнил с СССР.

Что же хорошего видит И.Р. Шафаревич в уничтожении СССР? Прежде всего разрыв связей с большими нерусскими народами. Он пишет: «Мы освободились от ярма “интернационализма” и вернулись к нормальному существованию национального русского государства, традиционно включающего много национальных меньшинств». Он грешит против исторической правды — «мы» ни к чему не вернулись, а переброшены в новое для России качественное состояние. «Ярмо интернационализма» возникло вместе с появлением Киевской Руси, когда государство изначально складывалось как многонациональное. Идея создания «нормального национального русского государства» просто скрывает в себе идею уничтожения исторической России.

Второе благо от дела Б. Ельцина, Л. Кравчука и С. Шушкевича И.Р. Шафаревич видит в смене общественного строя: «Другое несомненное благо происшедшего раскола в том, что он поможет окончательно стряхнуть мороку коммунизма. Еще с начала 70-х годов я начал писать о социализме и коммунизме как о пути к смерти (конечно, в самиздате, с переизданием на Западе)».

После этого всякая критика в адрес Б. Ельцина и А. Чубайса имеет ничтожное значение — Степан Бандера тоже немцев критиковал, а только стрелкового оружия на 100 тыс. боевиков от них получил. В произошедшей катастрофе И.Р. Шафаревич видит благо, он ее готовил с начала 70-х годов XX в. и при этом выступал в союзе с Западом. Он — типичный «власовец холодной войны». Но это была война против России, а не против «мороки коммунизма» — уж такие-то вещи академик должен был знать.

В ненависти к СССР И.Р. Шафаревич изоцряется, ищет необычные метафоры: «Логически такой же [как при построении СССР] принцип встречается в верованиях некоторых негритянских культов на Гаити. Там верят, что колдун может убить человека и вернуть из могилы в виде особого полуживого существа, зомби, действующего лишь по воле колдуна. Вот таким зомби и был СССР, созданный из убитой России».

Мелочность этого вычурного сравнения поражают. Страна, которая провела Великую Отечественную войну, — зомби! Александр Матросов и Зоя Космодемьянская действовали по воле «кремлевского колдуна»! Как надо пасть в мысли и духе, чтобы сказать такое.

Удивляет, что И.Р. Шафаревич получил официальный титул патриота при том, что он отвергает именно сложившийся за мно-

гие века принцип построения Российского государства и предлагает взять за образец «нормальные» государства Запада (ведь все же, наверное, не Заир): «На месте СССР, построенного по каким-то жутким, нечеловеческим принципам, должно возникнуть нормальное государство или государства — такие, как дореволюционная Россия и подавляющая часть государств мира».

Явные подтасовки не смущают диссидентов, даже из математиков. Дореволюционная Россия по своему устройству вовсе не была похожа на «подавляющую часть государств мира», и ничего «нормального» в этом деле нет ни в США, ни в Германии — тип государства вырастает не логически, по какому-то правильному шаблону, а исторически.

И венчает эту хвалу убийцам СССР нелепая, просто дикая в своей антиисторичности мысль: «Россия может считать себя преемником русской дореволюционной истории, но уж никак не преемником СССР, построенного на заклинании русского народа. Иначе тот ужас, который внушает коммунистический монстр, будет переноситься на Россию».

Так мы и живем — с Шафаревичем и Новодворской в одном флаконе. И промывают нам мозги этим шампунем с утра до ночи.

Наконец, выделяю еще одно, сравнительно небольшое и малоизвестное, но очень, на мой взгляд, важное течение диссидентов — тех, кто не был и не стал врагом СССР в холодной войне и не вступил в союз с его открытыми врагами, но в желании «исправить» пороки советского строя на время оказался в стане диссидентов.

Недавно были опубликованы воспоминания одного из таких диссидентов, В.Н. Осипова. Он пишет во введении: «Я отсидел два срока: семь лет за “площадь Маяковского” и восемь лет за журнал “Вече”. Первый срок заработал по бестолковщине, попал как кур в ошип. Тогда главным фактическим обвинением было якобы намерение... убить Хрущева. Терроризм мне претил даже в молодости, но у меня в двадцать три года не нашлось твердости сказать сразу тем, кто затеял болтовню о терроре: “Я слушать это не хочу и обсуждать сие не намерен. До свиданья!”. И мне было горько сидеть непонятно за что.

А вот вторым сроком я горжусь. Я бы и теперь сел за издание русофильского журнала. За чистое и благородное дело» [130].

Вкратце история его такова. В 1957 г. В.Н. Осипов, студент истфака МГУ, был на целине в Кустанайской области. Когда вернулись в Москву, на истфаке разбиралось дело секретаря комитета ВЛКСМ факультета Льва Краснопевцева. Он организовал подпольную группу «Союз патриотов России» — «они тайно собирались в общежитии и обсуждали свои рефераты с критикой советской системы. Мировоззренчески пытались совместить большевизм с меньшевизмом».

Сам В.Н. Осипов в это время подготовил для семинара доклад, в котором доказывал, что комбеды были «проводниками антикрестьянской политики коммунистической партии». На семинаре его «подвергли мощному политическому прессингу» (надо понимать, возражали).

Осенью 1958 г. он вступил в другую «подпольную группу» («собирались еженедельно и перемывали косточки марксизму-ленинизму, вечно живому учению; собрались было издавать подпольный журнал»). После этого его по-хорошему «попросили» из университета (диплом он получил заочно в другом вузе). В 1961 г. он был осужден по статье 70 («антисоветская агитация и пропаганда»).

В 1971—1974 гг. В. Осипов издавал (был главным редактором) журнал «Вече» (печатался он в ФРГ). Это и послужило поводом для его второго осуждения на 8 лет. Он пишет: «Хотя сажать — если подходить строго, согласно УК РСФСР с комментариями, — было не за что: никаких “выпадов” против “советского социалистического строя” не было».

В. Осипов — диссидент-патриот, даже во многом патриот именно советской России. И я читаю его воспоминания с симпатией и горечью — по этой дороге пошли многие наши патриоты, но, в отличие от В. Осипова, уже не смогли остановиться и порвать с главным течением антисоветской мысли. Логика борьбы их затянула необратимо. Воспоминания эти, на мой взгляд, очень поучительны. Не хотелось бы копаться в сознании человека, сильно пострадавшего за свои идеи, но раз уж он сам их предложил для анализа, извлечем урок.

Прежде всего в сознании этого диссидента-патриота «незнание общества, в котором живем», проявилось самым драматическим образом. «Мировоззренчески совместить большевизм с меньшевизмом» — что за каша в голове была у этих элитарных гуманитариев? Ведь между большевиками и меньшевиками су-

ществовала мировоззренческая пропасть гораздо более глубокая, чем между большевиками и монархистами, — как могли не понимать этого историки!

В. Осипов, историк, а затем православный интеллектуал, прилагает к советскому идеократическому традиционному обществу крайне евроцентристские критерии так называемого правового общества. «Сажать — если подходить строго, согласно УК РСФСР с комментариями, — было не за что». Как это не за что? При чем здесь УК РСФСР с комментариями?

Ведь В. Осипов прекрасно знает, что он в квазирелигиозном советском государстве был активным еретиком — именно так он себя и представил. Как религиозный человек, он должен понимать, что это значит. Тот факт, что он действовал вопреки канонам и нормам советской «церкви-государства», никак не отменяется тем, что он и сам был привержен советским ценностям и хотел лишь «поправить» это государство. Разве, когда Яна Гуса посылали на костер, кто-то сомневался в том, что он христианин? Нет, он всего лишь был еретиком. Что же ссылаться на УК РСФСР? Тем более в 1999 г., когда сам В. Осипов страдает при виде того, что сделало с СССР основное течение диссидентства. Ведь в 1974 г. для следователей КГБ различия между антисоветскими течениями в диссидентстве были нюансами.

В. Осипов стал издавать в ФРГ и распространять в СССР журнал в то время, когда СССР втягивался в последнюю большую кампанию холодной войны при резком ухудшении соотношения сил. Тогда возникло верное предчувствие, что эту кампанию мы проиграем с тяжелейшими потерями. После 1968 г. западные левые, бывшие ранее союзниками СССР, перешли на сторону его противника. За ними потянулась и наша просвещенная интеллигенция. Резко усилилась на Западе эмиграция «второй волны». И вот некто В. Осипов организует издание журнала «на территории противника». Кто он такой? Человек, только что отсидевший семь лет за антисоветскую деятельность.

Второй арест «вырастал» из первого, и разрывать их в объяснении действий КГБ никак нельзя. Но и причины первого ареста В. Осипов трактует вскользь и очень либерально. Да, участвовал в организации, которая строила idiotские планы террористической деятельности, хотя «терроризм мне претил даже (!) в молодости». Да, «не нашлось твердости» отказаться обсуждать эти глупости. Но ведь действительно не нашлось — что же странного в том, что тебя осудили?

И все это после того, как В. Осипов еще студентом постоянно устраивал демонстративные и, на мой взгляд, нелепые акции. Причем он — историк. Что он хотел сказать своим докладом о комбедах («проводники антикрестьянской политики коммунистической партии»)? Ведь это просто вызов, скандал, замешенный на доктринерстве. Комбеды даже формально просуществовали *всего полгода*, никакой «политики» они провести не могли и просто бы не успели. Таких «проб и ошибок» было множество и не могло не быть — не приглашали мы тогда Джеффри Сакса как консультанта. Как только «партия увидела», что крестьяне комбедами недовольны, она их упразднила — к чему же вместо разумного исторического анализа сразу выносить на студенческий семинар обвинительное заключение против «политики партии»? Тут есть какая-то болезненная надрывность, диссидентство как призвание.

В 1995 г. я ехал из Вологды в Великий Устюг в одной машине с писателем Л.И. Бородиным. Он тоже был известным диссидентом-патриотом. Человек несгибаемый и цельный, много лет отсидел за свои убеждения и ни разу не поступился ни ими, ни обыденной совестью. Он в машине рассказывал об этом своем опыте. Его много лет «вел» один и тот же следователь КГБ, и время от времени между ними происходили принципиальные беседы.

Л.И. Бородин объяснял следователю, что руководство КПСС ведет дело так, что власть рано или поздно перейдет в руки антисоветских сил, которые в то же время будут радикально антирусскими. И поэтому он, Бородин, и его товарищи считают своим долгом бороться с КПСС. На это следователь ему отвечал так: он и его товарищи, поставленные охранять безопасность СССР, и сами прекрасно видят, что руководство КПСС ведет дело так, что власть рано или поздно перейдет в руки антисоветских сил. Они, работники КГБ, пока не знают, как это можно предотвратить, какова стратегия и тактика противника. Но они наверняка знают, что плотину надо охранять до последнего и если позволить таким, как Бородин, проковырять в плотине дырку для небольшого ручейка, она рухнет гораздо быстрее. Тогда заведомо не хватит времени подготовить новую линию обороны и спасти положение. Поэтому он Бородину, который не прекращает своих попыток проковырять эту дырку, вновь отправляет в очередную ссылку.

Примерно так изложил суть этих бесед Л.И. Бородин, и я восхитился его объективностью. Он рассказал так, будто и в 1995 г. у него не было ясного ответа на вопрос: кто из этих двух патриотов был прав? Мы знаем, что тот следователь КГБ потерпел поражение — и верхушка КПСС, и его высшее начальство сдали страну антисоветским силам. Л.И. Бородин стал уважаемым писателем, главным редактором большого журнала, но, судя по всему, тоже потерпел такое же поражение. Если брать этот случай как чистую модель, в моих глазах принципиально прав был именно следователь. Если не знаешь общего средства спасения, то хотя бы оттягивай момент катастрофы — не позволяй размыывать плотину. Может быть, за выигранное тобою время кто-то найдет выход.

Это, конечно, очень краткий и схематичный очерк о диссидентах — так, как мне они виделись с позиций человека, не затронутого антисоветским соблазном. Но все же диссиденты — лишь «дрожжи». Далее попытаемся разобраться в том, как всходила вся антисоветская опара.

Таким образом, «мирное» время для СССР вовсе не было мирным. Против СССР велась война, планировались и проводились военные действия, применялись вполне определенные системы оружия, ими владели специально обученные «части психологической войны», внутри СССР действовала влиятельная «пятая колонна» — но все мы мыслили и вели себя так, будто никакой войны нет и в помине. Могли ли мы не потерпеть поражение? Но главное, и сегодня наше мышление не изменилось. Мы не верим, что война продолжается, и не верим, что она сильно влияла на жизнь СССР во второй половине XX в.

В последней операции холодной войны, когда на сторону противника перешли почти все руководство СССР и влиятельная часть интеллектуальной элиты, им удалось парализовать сознание и волю большинства граждан, молниеносно провести капитуляцию и разоружение СССР, а затем разделить доставшиеся баснословные трофейные ценности. Это уже факт истории, а нам, если хотим выжить как народ, надо из этого факта извлечь урок.

И первым делом надо уяснить простую истину: в цивилизационной войне побежденного противника уничтожают. Уничтожают не мечом, а как самобытную культуру, но при этом боль-

шая часть народа угасает, распыляется, исчезает с лица земли. Надеяться на пощаду глупо. Запад в отношениях с побежденным противником следует заветам Н. Макиавелли, который писал в книге «Государь»: «Нет способа надежно овладеть городом иначе, как подвергнув его разрушению. Кто захватит город, с давних пор пользующийся свободой, и пощадит его, того город не пощадит. Там всегда отыщется повод для мятежа во имя свободы и старых порядков, которых не заставят забыть ни время, ни благодеяния новой власти. Что ни делай, как ни старайся, но если не разъединить и не рассеять жителей города, они никогда не забудут ни прежней свободы, ни прежних порядков и при первом удобном случае попытаются их возродить».

Первое, что начали делать с нами победители, это «разъединять и рассеивать жителей нашего города».

Глава 12

КРИЗИС МИРОВОЗЗРЕНИЯ 70—80-х гг.

Крах СССР поражает своей легкостью и внезапностью. И российских обществоведов, и американских советологов мучил вопрос: почему же рухнул брежневский социализм? Ведь не было ни репрессий, ни голода, ни жутких несправедливостей. Как говорится, «жизнь улучшалась»: въезжали в новые квартиры, имели телевизор, ездили отдыхать на юг, мечтали о машине, а то и покупали ее. Почему же люди поверили М. Горбачеву и бросились ломать свой дом? Почему молодой инженер, бросив свое КБ, со счастливыми глазами продавал у метро сигареты? Почему люди без сожаления отказались от системы бесплатного обеспечения жильем — ведь многих ждала бездомность? Это явление требовалось понять.

Но эта легкость и внезапность краха СССР кажущиеся. Кризис легитимности вызревал в течение 30 лет. Он и стал необходимым и достаточным условием для того, чтобы антисоветские силы завоевали в 80-е годы XX в. культурную гегемонию в среде интеллигенции, в том числе партийной. Почему же начиная с 60-х годов XX в. в советском обществе стало нарастать ощущение, что жизнь устроена неправильно? В чем причина нарастающего недовольства? Сегодня она видится так.

Как уже говорилось, в 60—70-е годы XX в. советское общество изменилось кардинально — 70% населения стали жить в городах. Под новыми объективными характеристиками советского общества 70-х годов скрывалась главная, *невидимая* опасность для общественного строя — быстрое и резкое ослабление, почти исчезновение, его прежней *мировоззренческой основы*. В то время официальное советское обществоведение утверждало (и большинство населения искренне так и считало), что этой основой является марксизм, оформивший в рациональных понятиях стихийные представления трудящихся о равенстве и справедливости. Эта установка была ошибочной.

Мировоззренческой основой советского строя был *общинный крестьянский коммунизм*. Западные философы иногда добавляли слово «архаический» и говорили, что он был лишь «прикрыт тонкой пленкой европейских идей»¹. Это понимали и Ленин, примкнувший к этому общинному коммунизму, и марксисты-западники, которые видели в этом общинном коммунизме своего врага и пошли на гражданскую войну с ним в союзе с буржуазными либералами. Своим врагом его считали и большевики-космополиты, их течение внутри победившего большевизма было подавлено в последней битве гражданской войны — репрессиях 1937—1938 гг.

В 60-е годы XX в. вышло на арену новое поколение последователей антисоветских течений, и влияние его стало нарастать в среде интеллигенции и нового молодого поколения уже городского «среднего класса». Поэтому перестройка — этап большой русской революции XX в., которая лишь на время была «отложена» ввиду чрезвычайных исторических обстоятельств. Сознательный авангард перестройки — духовные наследники троцкизма и, в меньшей степени, либералов и меньшевиков. Сами они этого не осознавали и поначалу считали, что пытаются «улучшить систему».

¹ Ортега-и-Гассет предупреждал уже в 1930 г. в «Восстании масс»: «В Москве существует тонкая пленка европейских идей — марксизм, — рожденных в Европе в приложении к европейским проблемам и реальности. Под ней — народ, не только отличный от европейского в этническом смысле, но, что гораздо важнее, и другого возраста, чем наш. Это народ еще бурлящий, то есть юный... Я жду появления книги, в которой марксизм Сталина был бы переведен на язык истории России. Потому что именно в том, что он имеет от русского, его сила, а не в том, что он имеет от коммуниста».

Общинный крестьянский коммунизм — большое культурное явление, поиск «царства Божия на земле». Он придал советскому проекту мессианские черты, что, в частности, предопределило и культ личности Сталина, который был выразителем сути советского проекта в течение 30 лет. Кстати, антисоветский проект также имеет мессианские черты, и ненависть к И. Сталину носит иррациональный, квазирелигиозный характер.

В ходе индустриализации, урбанизации и смены поколений философия крестьянского коммунизма теряла силу и к 60-м годам XX в. исчерпала свой потенциал, хотя важнейшие ее положения сохраняются и поныне в коллективном бессознательном. Для консолидации советского общества и сохранения гегемонии политической системы требовалось строительство новой идеологической базы, в которой советский проект был бы изложен на рациональном языке, без апелляции к подспудному мессианскому чувству. Однако старики этой проблемы не видели, так как в них бессознательный большевизм был еще жив, а новое поколение номенклатуры искало ответ на эту проблему (осознаваемую лишь интуитивно) в марксизме, где найти ответа не могло. Это вызвало идейный кризис в среде партийной интеллигенции.

Руководство КПСС после идейных и административных метаний Хрущева приняло вынужденное решение — «заморозить» мировоззренческий кризис посредством отступления к «псевдосталинизму» с некоторым закручиванием гаек («период Суслова»). Это давало отсрочку, но не могло разрешить фундаментального противоречия. Передышка 70-х годов XX в. не была использована для срочного анализа и модернизации мировоззренческой матрицы. Видимо, в нормальном режиме руководство КПСС того времени уже и не смогло бы справиться с ситуацией. Для решения этой срочной задачи требовалась научная дискуссия; но если бы руководство ослабило контроль, то в дискуссии потерпело бы поражение — «второй эшелон» партийной интеллигенции (люди типа А. Бовина, Ф. Бурлацкого, В. Загладина) был уже проникнут идеями еврокоммунистов. В открытой дискуссии он подыгрывал бы антисоветской стороне, как это мы и наблюдали в годы перестройки.

Пришедшая после Л.И. Брежнева властная бригада (М.С. Горбачев, А.Н. Яковлев, Э. Шеварднадзе), сформировавшаяся в условиях мировоззренческого вакуума и идеологического застоя,

была уже проникнута антисоветизмом. Эти люди учились и воспитывались под сильным влиянием их сверстников-«шестидесятников», затем корифеев еврокоммунизма и идеологов «пражской весны» с их утопией «социализма с человеческим лицом». В какой-то момент они, проскочив социал-демократию, сблизилась с неолибералами типа М. Тэтчер, но это уже было скрыто от публики.

Чем был легитимирован советский строй в массовом сознании старших поколений? Памятью о *массовых социальных страданиях*. Аристотель выделял два главных принципа жизнеустройства: *минимизация страданий* или *максимизация наслаждений*. Советский строй создавался поколениями, которые исходили из первого принципа — минимизация страданий, предотвращение социальных бедствий и войны.

В 70-е годы XX в. основную активную часть общества стало составлять принципиально новое для СССР поколение, во многих смыслах уникальное для всего мира. Это были люди, не только не испытывавшие сами, но даже не *видевшие* зрелища массовых социальных страданий¹.

Запад — «общество двух третей». Страдания бедной трети очень наглядны и сплачивают «средний класс» лучше, чем курсы научного коммунизма. Поэтому Запад старательно поддерживает коллективную память о социальных страданиях, а СССР 70-х годов XX в. эту память утратил. Молодежь уже не верила, что такие страдания вообще существуют.

Возникло первое в истории, неизвестное по своим свойствам *сытое* общество. О том, как оно себя поведет, не могли сказать ни интуиция и опыт стариков, ни тогдашние общественные науки. Вот урок: главные опасности ждут социализм не в периоды трудностей и нехватки, а именно тогда, когда сытое общество утрачивает память об этих трудностях. Абстрактное знание о них не действует.

Урбанизация, как было сказано ранее, создала и объективные предпосылки для *недовольства* советским жизнеустройством.

¹ Кризис урбанизации тяжело переживался в период индустриализации всеми культурами. На Западе от него отвлекли резким неравенством и необходимостью борьбы за существование, а позже — созданием масс-культуры, дешевым массовым потреблением и суррогатами приключений. Массовая школа воспитывала большинство детей и подростков в мозаичной культуре, которая резко снижает духовные претензии человека.

вом. Этим воспользовались антисоветские идеологи, которые широко применяли методы манипуляции сознанием. Она опирается прежде всего на уже *имеющиеся* в общественном сознании стереотипы, и в психологической войне, направленной на разрушение общества, важнейшими из таких стереотипов являются те, в которых выражается *недовольство*¹.

Утрата способности к рефлексии над собственным недовольством — это особая слабость сознания, оборотная сторона избыточного патернализма. Он ведет к *инфантилизации* общественного сознания в благополучный период жизни. Люди отучаются ценить блага, созданные усилиями предыдущих поколений, рассматривают эти блага как неуничтожаемые, «данные свыше». Социальные условия воспринимаются как явления природы, как воздух, который не может исчезнуть. Они как будто не зависят от твоей общественной позиции.

Развитие производства отставало от темпа повышения образовательного уровня молодежи, и содержательность труда на большей части рабочих мест не удовлетворяла притязаний молодых людей с высшим и средним образованием. Это было объективной причиной недовольства, но быстро устранить ее не было возможности. На снижение запросов молодежи (в виде сокращения притязаний посредством снижения уровня образования) советское руководство не пошло, хотя в начале 70-х годов XX в. подобные предложения, исходя из западного опыта, делались. Это решение не допустило снижения долговременной жизнеспособности нашего общества (на этом ресурсе постсоветские республики продержались в 90-е годы XX в.); однако в краткосрочной перспективе СССР получил пару поколений молодежи, которые чувствовали себя *обездоленными*. Они были буквально очарованы перестройкой, гласностью, митингами и культурным плюрализмом.

Говорят, что массы «утратили веру в социализм», что возобладали ценности капитализма (частная собственность, конкуренция, индивидуализм, нажива). Это мнение *ошибочно*. Тогда еще такого массового сдвига не произошло. Очень небольшое

¹ При этом неважно, какого рода это недовольство, так как его можно «канализировать» на любой объект. Оно может быть совершенно противоположно установкам манипулятора. Например, в ходе перестройки антисоветские идеологи в основном эксплуатировали недовольство людей, вызванное уклонением власти от *советских идеалов*.

число граждан *сознательно* отвергали главные устои советского строя. Чаще всего они просто не понимали, о чем идет речь, и не обладали навыками и возможностями для самоорганизации. Отказ от штампов официальной советской идеологии вовсе не говорит о том, что произошли принципиальные изменения в *глубинных* слоях сознания (*чаяниях*). Перестройку пришлось проводить еще под лозунгом «Больше социализма!».

Мировоззренческий кризис порождает кризис легитимности политической системы, а затем и кризис государства. Для крушения советского строя необходимым условием было состояние сознания, которое Ю.В. Андропов, как мы уже отмечали, определил четко: «Мы не знаем общества, в котором живем»¹. Не знали — не могли и защитить. В 70—80-е годы XX в. это состояние ухудшалось: незнание превратилось в непонимание, а затем и во враждебность, дошедшую у части элиты до степени паранойи.

Незнанием была вызвана и неспособность руководства выявить и предупредить назревающие в обществе противоречия, найти эффективные способы разрешить уже созревшие проблемы. Незнание привело и само общество к неспособности разглядеть опасность начатых во время перестройки действий по изменению общественного строя, а значит, и к неспособности защитить свои кровные интересы.

Уходило поколение партийных работников, которое выросло в «гуще народной жизни». Оно «знало общество» не из учебников марксизма, а из личного опыта и опыта своих близких. Это знание в большой мере было неявным, неписанным, но оно было настолько близко и понятно людям этого и предыдущих поколений, что казалось очевидным и неустрашимым. Систематизировать и «записывать» его казалось ненужным, к тому же те поколения жили и работали с большими перегрузками. Со временем, не отложившись в адекватной форме в текстах, это неявное знание стало труднодоступным.

Новое поколение номенклатуры в массе своей было детьми партийной интеллигенции первого поколения. Формальное знание вытеснило у них то неявное интуитивное знание о совет-

¹ Буквально Ю.В. Андропов сказал в 1983 г. следующее: «Если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок».

ском обществе, которое они еще могли получить в семье. Гуманитарная культура СССР не смогла в должной мере интегрироваться с социально-научной рациональностью.

Обществоведение, построенное на историческом материализме, представляет собой законченную конструкцию, которая очаровывает своей способностью сразу ответить на все вопросы, даже не вникая в суть конкретной проблемы. Это квазирелигиозное построение, которое освобождает человека от необходимости поиска других источников знания и выработки альтернатив решения.

Инерция развития, набранная советским обществом в 30—50-е годы XX в., еще в течение двух десятилетий тащила страну вперед по накатанному пути. И партийная верхушка питала иллюзию, что она управляет этим процессом. В действительности те интеллектуальные инструменты, которыми ее снабдило обществоведение, не позволяли даже увидеть процессов, происходящих в обществе. Тем более не позволяли их понять и овладеть ими.

Не в том проблема, какие ошибки допустило партийное руководство, а какие решения приняло правильно. Проблема была в том, что оно не обладало *адекватными средствами познания реальности*. Это как если бы полководец, готовящий большую операцию, вдруг обнаруживает, что его карта не соответствует местности, это карта другой страны.

Отрыв высшего слоя номенклатуры от реальности советского общества потрясал. Казалось иногда, что ты говоришь с инопланетянами: партийная интеллигенция верхнего уровня не знала и не понимала особенностей советского промышленного предприятия, колхоза, армии, школы. Начав в 80-е годы XX в. их радикальную перестройку, партийное руководство подрезало у них жизненно важные устои, как если бы человек, не знающий анатомии, взялся делать сложную хирургическую операцию. Ситуацию держали кадры низшего и среднего звена. Как только М. Горбачев в 1989—1990 гг. нанес удар по партийному аппарату и по системе хозяйственного управления, разрушение приобрело лавинообразный характер.

Важно и то, что учебники исторического материализма, по которым училась партийная интеллигенция с 60-х годов XX в. (как и западная партийная интеллигенция), содержали скрытый, но мощный антисоветский потенциал. Люди, которые дей-

ствительно глубоко изучали марксизм по этим учебникам, приходили к выводу, что советский строй *неправильный*. Радикальная часть интеллигенции уже в 60-е годы открыто заявляла, что советский строй — не социализм, а искажение всей концепции К. Маркса.

И это вовсе не означало, что часть партийной интеллигенции «потеряла веру в социализм» или совершила предательство идеалов коммунизма. Даже напротив, критика советского строя велась с позиций марксизма и с искренним убеждением, что эта критика направлена на исправление дефектов советского строя, на приведение его в соответствие с верным учением Маркса. Но такая критика была для советского общества убийственной. Хотя надо признать, что и конструктивная критика «просоветской» части общества была использована во время перестройки с антисоветскими целями. Избежать такого использования было практически невозможно.

Критика «из марксизма» разрушала легитимность советского строя, утверждая, что вместо него можно построить гораздо лучший строй — *истинный* социализм. А поскольку она велась на языке марксизма, остальная часть интеллигенции, даже чувствуя глубинную ошибочность этой критики, не находила слов и логики, чтобы на нее ответить, — у нее не было другого языка.

Перестройка обнаружила важный факт: из нескольких десятков тысяч профессиональных марксистов, которые работали в СССР, большинство в начале 90-х годов XX в. перешло на сторону антисоветских сил. Перешло легко, без всякой внутренней драмы. Всех этих людей невозможно считать аморальными. Значит, их профессиональное знание марксизма не препятствовало такому переходу, а способствовало ему. Они верно определили: советский строй был «неправильным» с точки зрения марксизма. Значит, надо вернуться в капитализм, исчерпать его потенциал для развития производительных сил, а затем принять участие в «правильной» пролетарской революции. Сейчас большинство из них, видимо, разочаровались в этой догматической иллюзии, но дело сделано.

Разговор об антисоветском мышлении сложен — очень многие в той или иной степени были проникнуты таким мышлением, даже сами того не замечая. Сейчас можно утверждать, что на самом раннем этапе мысленного отрицания «темных сторон» советского строя в антисоветский проект был заложен ряд

ложных идей. В тот момент эти идеи формулировались в мягкой форме и не вызывали отторжения. В них не было видно неминуемого разрыва с главным стволом «советского пути». На самом же деле именно тогда этот разрыв и произошел, и эти мягкие идеи (например, о желательности небольшой, уютной *безработицы*) задали новую, все более отклоняющуюся траекторию общественной мысли. В 60-е и даже 70-е годы XX в. казалось, что отклонение несущественно.

Русский философ В.В. Розанов сказал, что российскую монархию убила русская литература. Это гипербола, но в ней есть зерно истины. По аналогии можно сказать, что советский строй убила Академия общественных наук при ЦК КПСС и сеть ее партийных школ.

Кризис мировоззрения был использован и углублен действиями антисоветской части элиты. Культурная программа перестройки была жесткой, массовое сознание испытало шок. У людей была подорвана способность делать связанные рациональные умозаключения, особенно с использованием абстрактных понятий. Они затруднялись рассчитать свой интерес и предвидеть опасности.

Функция предвидения, в том числе функция распознавания угроз, угасала в 70-е годы XX в. Так, не были правильно оценены сообщения о переносе направления ударов информационно-психологической войны против СССР с социальной сферы на *этническую*. Было проигнорировано обновление теоретической базы доктрины этой войны — принятие за основу теории А. Грамши о культурной гегемонии. Можно сказать, что речь шла о смене *парадигмы* холодной войны, доктрины большой наступательной операции, а в СССР доктрина обороны осталась неизменной.

Не было никакой реакции на создание в США политических технологий постмодерна, использующих новаторский опыт фашизма и «молодежных бунтов» 1960-х гг. Соответственно, СССР не смог адекватно ответить на вызов польской «Солидарности», которая была мотивирована именно *коммунистическим фундаментализмом*, но использована против социализма и СССР. Советская цивилизация утрачивала жизнеспособность.

К концу XX в. советское общество в массе своей утратило навык предвидения угроз. Даже предчувствия исчезли. Это было признаком назревания большого кризиса, а потом стало

причиной его углубления и затягивания. Не чувствуешь опасности — и попадаешь в беду.

Уже с начала перестройки специалисты фиксировали это странное изменение в сознании людей — на время в обиход вошел даже термин «синдром самоубийцы». Операторы больших технических систем совершали целую цепочку недопустимых действий, как будто специально хотели устроить катастрофу. Вот, на шахте в Донбассе произошел взрыв метана, погибли люди. Был неисправен какой-то датчик, подавал ложные сигналы. Вместо того чтобы устранить неисправность, его просто отключили. Не помогло, сигналы беспокоили — и последовательно отключили 23 анализирующих и сигнализирующих устройства.

В конце 80-х годов XX в. положение ухудшилось, пренебрежение опасностями стало принимать патологический характер. Так, на трубопроводах — транспортной системе повышенной опасности — были повсеместно устранены *обходчики*. Между тем присутствие хотя бы по одному обходчику даже на больших участках трассы предотвратило бы тяжелую аварию лета 1989 г. в Башкирии. То же происходило и на железной дороге — резкое сокращение работ по осмотру пути и подвижного состава привело к росту числа крушений и аварий, включая катастрофические, в том числе при перевозке особо опасных грузов.

Но признаком *общей* беды это стало потому, что так вели себя люди в самых разных делах. Среди бела дня при полной видимости немыслимым образом сталкивались два корабля, которые вели опытные капитаны. Точно так же была исключена проблема угроз и рисков из обсуждения программы реформ. Навык их предвидения сумели изъять и из массового сознания. Да, подавляющее большинство граждан с самого начала не верило, что приватизация будет благом для страны и для них лично. Но 64% опрошенных ответили: «Эта мера ничего не изменит в положении людей».

Это признак глубокого повреждения в сознании. Как может приватизация всей промышленности, и прежде всего практически ***всех рабочих мест***, ничего не изменить в положении людей! Как может ничего не изменить в положении людей массовая безработица, которую те же опрошенные предвидели как следствие приватизации!

Кто несет ответственность за деградацию этой защитной функции? Надо признать, что И. Сталин и руководимая им ко-

манда эту функцию в течение своего «отчетного периода», в общем, выполнили успешно, что и показала Великая Отечественная война. Дальше возникла неопределенность. В новых условиях со сменой поколений старые методы быстро теряли эффективность. Общество вступило в новый этап, а руководство не смогло выработать адекватной доктрины и создать адекватные новым угрозам средства защиты. Старая интеллектуальная элита КПСС и советского государства (представленная М.А. Суловым) оказалась несостоятельна. А новая сама стала источником угроз.

Почему эрозия мировоззренческой матрицы советского строя не вызвала эффективных действий руководителей государства и КПСС, пока доминирующие позиции не заняли функционеры «поколения Горбачева»? Можно утверждать, что они с их типом знания и методологическими навыками были не на высоте этой задачи, как генералы бывают не на высоте задач войны нового поколения. Их образование, относящееся к данной проблеме, ограничивалось историческим материализмом, проникнутым *механистическим детерминизмом*. Понимание тех процессов, которые переживало советское общество, требовало как минимум освоения представлений о культурной гегемонии, развитых А. Грамши. Но эти представления были отвергнуты официальным советским обществоведением, их освоила именно антисоветская часть сообщества гуманитарных специалистов.

Традиционное общество формирует представление о себе самом, опираясь на религиозное чувство, на предание и обыденное знание, на утопию и даже на коллективное бессознательное. Для индустриального сложного общества требуется уже рациональное обществоведение научного типа, хотя и оно должно быть согласовано с мифами.

Советское обществоведение, которое в методологическом плане было ближе к натурфилософии, чем к науке, потерпело полное фиаско. Оно не смогло адекватно описать «анатомию и физиологию» советского общества, не смогло предвидеть катастрофического системного кризиса конца XX в. и даже легитимировало разрушительные действия 1990-х гг. Эта беспомощность была такой неожиданной, что многие видели в ней злой умысел, даже обман и предательство. Конечно, был и умысел — против СССР велась холодная война, геополитический противник ставил целью уничтожение СССР и всеми средствами спо-

собствовал нашему кризису. Но наш предмет — то общее непонимание происходящих процессов, которое парализовало защитные силы советского государственного и общественного организма.

Описание СССР, которое с конца 70-х годов XX в. составлялось элитой отечественного обществоведения, было «энциклопедией страны Тлён»¹. Описание это становилось год от году все более мрачным, к 1985 г. слившись с образом «империи зла», сфабрикованным идеологами администрации Р. Рейгана. Провал нашего обществоведения выразился прежде всего в уходе от осмысления *фундаментальных* вопросов. Их как будто и не существовало, в момент быстрого развития кризиса не было никакой возможности поставить их на обсуждение. Из рассуждений была исключена категория *выбора*. Говорили не о том, «куда и зачем двигаться», а «каким транспортом» и «с какой скоростью». Иррациональным был уже сам тоталитарный лозунг перестройки «*иного не дано!*», исключающий из анализа саму категорию *альтернатив*. А ведь так назывался сборник программных статей верхушки сообщества гуманитариев и социологов.

Фраза Ю. Андропова о «незнании общества» была сигналом бедствия. В тот момент в СССР было 163 тыс. научных работников в сфере общественной науки. Если они не могли обеспечить государство и общество достоверным знанием, значит, их методологическая база была принципиально неадекватна объекту изучения — советскому обществу и его основным системам.

Исторический материализм стал методологическим фильтром, искажающим реальность. Фатализм истмата был когда-то полезен трудящимся как заменитель религиозной веры в правоту их дела, но в советское время положение изменилось принципиально. Теперь требовался не «заменитель религиозной веры», а достоверное *знание*. Фатализм стал, как выражался А. Грамши, «причиной пассивности, дурацкого самодовольства».

¹ В рассказе-антиутопии Хорхе Луиса Борхеса «Тлён, Укбар, Orbis tertius» (1944) говорится о том, как ему странным образом досталась энциклопедия страны Тлён. В ней были подробно описаны языки и религии этой страны, ее императоры, архитектура, игральные карты и нумизматика, минералы и птицы, история ее хозяйства, развитая наука и литература — «все изложено четко, связно, без тени намерения поучать или пародийности». Но весь этот огромный труд был прихотью большого интеллектуального сообщества, которое было погружено в изучение несуществующей страны Тлён.

И Грамши записал в «Тюремных тетрадах» такое замечание: «Что касается исторической роли, которую сыграла фаталистическая концепция философии практики [исторический материализм], то можно было бы воздать ей заупокойную хвалу, отметив ее полезность для определенного исторического периода, но именно поэтому утверждая необходимость похоронить ее со всеми почестями, подобающими случаю» [48]. Эти похороны не состоялись, и сегодня истмат лишь «вывернут» в фундаментализм механистического неолиберализма¹.

Нельзя проходить мимо такого важного явления, как *анти-советский марксизм* 60—80-х годов XX в. на Западе и в СССР. Он сыграл исключительно важную роль в мировоззренческом кризисе советского общества. Вот когорта виднейших советских интеллектуалов, которые в 1950-е гг. вместе учились на философском факультете МГУ, — М. Мамардашвили, А. Зиновьев, Б. Грушин, Г. Щедровицкий, Ю. Левада. Теперь о них пишут: «Общим для талантливых молодых философов была смелая цель — вернуться к подлинному Марксу».

Так, они вместо изучения реального общества своей страны с целью его укрепления *вернулись* к Марксу, в Англию XIX в. Что же могла обнаружить у «подлинного Маркса» эта талантливая верхушка советских философов для понимания СССР второй половины XX в.? Жесткий евроцентризм, крайнюю русофобию и отрицание «грубого уравнительного коммунизма» как реакционного выкидыша цивилизации, тупиковой ветви исторического развития. Все это в период сталинской «вульгаризации марксизма» было «спрятано» от внимания широкой публики — а теперь «талантливые молодые философы» это раскопали и, занимая важные позиции в партийной печати, заложили в ее подтекст. И они почти все сдвинулись к радикальному антисоветизму. Те, кто пошли учиться как защитники советской системы, сначала перешли на позиции враждебного инакомыслия, а потом влились в ряды ее активных разрушителей.

¹ Реформа 1990-х гг. оказалась вполне совместима с методологией истмата, стоило только сказать, что пролетарская революция не созрела, советский строй был реакционным, следовательно, надо способствовать развитию производительных сил в рамках капитализма. И потому-то основная масса обществоведов от истмата сегодня совершенно искренне находится в одном стане с ренегатами марксизма.

Мы стоим перед фактом, который невозможно отрицать: неспособность советского обществоведения овладеть реальностью была вызвана ошибочными представлениями большого интеллектуального сообщества. Объяснять это аморальностью или конформизмом членов сообщества невозможно. Можно с уверенностью сказать, что ни А.Д. Сахаров, ни Т.И. Заславская, ни другие представители советской (антисоветской) интеллектуальной элиты не желали и не ожидали такого результата, к которому пришли в 1991 г. Они в своем проектировании допустили фундаментальные и огромные по своим масштабам ошибки. Они ломали советский строй ради «цивилизованного, гуманного и «социализированного» капитализма», а пришли к капитализму «спекулятивному, авантюристскому, грабительскому, форме меркантилизма». Это значит, что *методологическая база* анализа и проектирования российской реформаторской элиты, включая экспертное сообщество власти, была совершенно неадекватна реальности. Это были слепые, которые вели страну к пропасти. Кто нанял этих слепых и поставил их во главе колонны — особый вопрос, мы здесь говорим об интеллектуальном инструментарии российских реформ.

В этих условиях знание заменялось мифотворчеством, а массовое сознание, не защищенное навыками рациональных умозаключений об общественных процессах, не могло сопротивляться внедрению идей-«вирусов».

Видный социолог Г.С. Батыгин писал: «Советская философская проза в полной мере наследовала пророчески-темный стиль, приближавший ее к поэзии, иногда надрывный, но чаще восторженный. Философом, интеллектуалом по преимуществу считался тот, кто имел дар охватить разумом мироздание и отождествиться с истиной. Как и во времена стоиков, философ должен был быть знатоком всего на свете, в том числе и поэтом... В той степени, в какой в публичный дискурс включалась социально-научная рационализированная проза, она также перенимала неистовство поэзии» [10].

«Пророчески-темный стиль» присущ натурфилософии, можно сказать, *социальной алхимии*, а не науке. Такое обществоведение было не в состоянии выявлять главные противоречия, проблематизировать реальность и нарабатывать жесткое «инженерное» знание. Попытки противостоять кризису, перераставшему в катастрофу, не были обеспечены социальными тех-

нологиями, основанными на знании научного типа. Требовалось кардинальное обновление познавательного аппарата, но этого не произошло.

Вся система ложных представлений, которые сделали советское обществоведение недееспособным, еще требует исследований, но много выявилось уже в ходе перестройки. Так, стало очевидно, что мышление старого поколения советской политической элиты, как и обыденное сознание советского человека, было проникнуто *эссенциализмом*, верой в неизменность (или хотя бы высокую устойчивость) некоторых сущностей и качеств, присущих общественному сознанию.

Подавляющему большинству советских людей казалось, что заданные культурой качества человека очень устойчивы, что в них есть как будто данное нам свыше жесткое ядро. Специально об этом не думали, а оказалось, что оно подвижно и поддается воздействию образа жизни, образования, телевидения. Культура — это огромная машина, которая чеканит нас в основном по чертежу, заложенному в нее сильными мира сего. Мы, конечно, сопротивляемся, подправляем чертеж, изменяем чеканку своей низовой культурой. Но диапазон воздействий широк, возможностей от них уклониться часто не хватает.

В массе своей советские люди исходили из того представления о человеке, которым было проникнуто низовое «народное православие». Они считали, что человеку изначально присущи качества соборной личности, тяга к правде и справедливости, любовь к ближним и инстинкт взаимопомощи. Особенно, как считалось, это было присуще русскому народу. Как говорилось, таков уж его «национальный характер». А поскольку все эти качества считались сущностью национального характера, данной человеку изначально, то они и будут воспроизводиться из поколения в поколение вечно. Была такая неосознанная уверенность.

Эта вера породила ошибочную, в важной своей части, антропологическую модель, положенную в основание советского жизнеустройства. Устои русского народа и братских народов России, которые были присущи им в период становления советского строя, были приняты за их *природные* свойства. Считалось, что их надо лишь очищать от «родимых пятен капитализма». Задача *воспроизводства* этих устоев в меняющихся условиях (особенно в обстановке холодной войны) не только не ставилась, но и отвергалась с возмущением. Как можно сомневаться в крепо-

сти устоев! А ведь это воспроизводство надо было вести в принципиально новых условиях конца XX в., оно требовало гибкости и адаптивности, регулярного «ремонта» и «модернизации».

Эффективности крестьянского коммунизма как мировоззренческой матрицы хватило в СССР на 4—5 поколений. Люди, рожденные в 50-х годах XX в., выросли в новых условиях, их культура формировалась под влиянием мощного потока образов и соблазнов с Запада. Если бы советское общество исходило из реалистичной антропологической модели, то за 50—60-е годы XX в., *в принципе*, можно было выработать и новый язык для разговора с грядущим поколением, и новые формы жизнеустройства, отвечающие новым потребностям. А значит, Россия преодолела бы кризис и продолжила развитие в качестве независимой страны на собственной исторической траектории культуры.

С этой задачей советское общество не справилось и потерпело поражение. В 70—80-е годы XX в. в культуре интеллигенции возник компонент социал-дарвинизма и стал просачиваться в массовое сознание. Право на жизнь (например, в виде права на труд и на жилье) стало ставиться под сомнение — сначала неявно, а потом все более громко. Положение изменилось кардинально в конце 1980-х гг., когда это отрицание стало основой официальной идеологии.

Раздел 3

ПЕРЕСТРОЙКА И ГИБЕЛЬ СССР

Глава 13

ПЕРЕСТРОЙКА: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Уничтожение СССР было осуществлено в виде «антисоветской революции» конца 80-х — начала 90-х годов XX в. Ее предварительной, «холодной» фазой стала *перестройка* Горбачева, в ходе которой была разрушена надстройка советского жизнеустройства, после чего бригада Ельцина смогла демонтировать и его базис. Конечно, ни надстройка, ни базис советского строя полностью не разрушены, уже более 20 лет идет вязкая «позиционная война», но крахом СССР завершился большой исторический период.

Краткая предыстория такова. Выход из «сталинизма» в 50-е годы XX в. оказался сложной проблемой, которая была решена руководством СССР плохо, привела к череде политических кризисов и оживила «дремавший» антисоветский проект. Профессор МГУ А.П. Бутенко, занявший радикальную антисоветскую позицию, пишет о реформах Н. Хрущева: «Антисталинизм — главная идея, мобилизационный стяг, использованный Хрущевым в борьбе с тоталитаризмом. Такой подход открывал определенный простор для борьбы против основ существующего социализма, против антидемократических структур тоталитарного типа, но его было совершенно недостаточно, чтобы разрушить все тоталитарные устои» [24].

В 1960-е гг. общество переживало кризис урбанизации — люди переезжали в города, резко меняли образ жизни, приспосабливались к другому производству и быту, другому пространству. Общество быстро менялось и усложнялось, эти процессы надо было быстро изучать, находить новые социальные формы, чтобы снизить издержки трансформации. Но обществоведение

и руководство методологически не были готовы к решению этих задач, и страна скользила к обширному кризису, который превратился в системный.

Для темы данной книги важно отметить тот факт, что поражение СССР было нанесено именно в духовной сфере, в общественном сознании. Прежде всего в сознании правящей и культурной элиты. Строго говоря, партийно-государственная элита СССР совершила в своем сознании тот же поворот, что и элита левой интеллигенции Запада.

Разница между СССР и Западом состоит в том, что победа еврокоммунизма на Западе привела всего лишь к некоторому сдвигу вправо (вчерашний коммунист Д'Алема стал премьер-министром в Италии и послал авиацию бомбить Югославию, социалист Х. Солана стал секретарем НАТО). А для СССР сдвиг М. Горбачева к еврокоммунизму был первым шагом к разрушению всего жизнеустройства, и это ударило почти по каждой семье. Но до 1985 г. этот сдвиг партийной верхушки был все же тайным, он был обнародован только во время перестройки, когда под прикрытием власти Генерального секретаря ЦК КПСС была проведена большая чистка кадров и переориентация всей идеологической машины.

Еврокоммунисты (руководство трех главных коммунистических партий Запада: итальянской, французской и испанской), осознав невозможность переноса советского проекта на Запад ввиду их цивилизационной несовместимости, совершили историческую ошибку, заняв антисоветскую позицию — отвергая советский строй и в самом СССР. Это привело к краху их партий. Наши партийные интеллектуалы, осознав необходимость преодоления «первого» советского проекта (как дети преодолевают отцов), также в основном заняли антисоветскую позицию.

Утверждение, что советский строй является «неправильным», стало с 1986 г. официальной установкой. В интеллигентных кругах стали ходить цитаты Маркса такого рода: «Первое положительное упразднение частной собственности, *грубый* коммунизм, есть только *форма проявления* гнусности частной собственности». Эта изощренная конструкция была квинтэссенцией антисоветского кредо меньшевиков в 1917—1921 гг. и команды Горбачева в конце XX в. Антисоветским идеологам не пришлось ничего изобретать, все главные тезисы они взяли у К. Маркса *почти буквально*. Более того, даже сегодня ортодоксальные марксисты опираются на концепцию «грубого уравнильного

коммунизма» в своем отрицании советского строя. Вновь стал мушкетироваться и старый тезис о «неправильности» русской революции «в одной стране», тем более «отсталой».

На первом этапе перестройки критика советского строя велась под лозунгами «Больше социализма!» и «поворот к Ленину». Это было принято обществом за чистую монету и вызвало энтузиазм населения. Оценить искренность этих исходных установок идеологов перестройки трудно.

Позже А.Н. Яковлев писал: «После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды “идей” позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычлениить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без устали говорили о “гениальности” позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому “плану строительства социализма” через кооперацию, через государственный капитализм и т. д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и “нравственным социализмом” — по революционаризму вообще» [14].

Конечно, эти откровения «архитектора перестройки», который удачно спрыгнул с тонущего корабля и всплыл как видный деятель режима Ельцина, принимать за чистую монету тоже нельзя. Но быстрый дрейф этой прослойки номенклатуры КПСС в лагерь противника — факт. Удивительно быстро идеологическая машина КПСС, абсолютно подчиненная высшему руководству партии, перешла к открытым боевым действиям против СССР. Уже в 1988 г. был «открыт кран» для потока антисоветских публикаций, и стал сокращаться и фильтроваться поток публикаций с положительными оценками и даже с конструктивной критикой советского строя¹.

¹ Этот процесс был начат уже в 1986—1987 гг. Зам. главного редактора журнала «Социологические исследования» Г.С. Батыгин писал позже: «В 1987 г. Главлит потребовал снять из статьи, предназначенной для опубликования в журнале «Социологические исследования», тезис о неэффективности свободного рынка в высокоорганизованной экономике. Это означало, что идея централизованного социального планирования уже не соответствовала цензурным требованиям» [10].

Любое явление советской жизни, которое квалифицировалось антисоветской элитой как отрицательное, доводилось и доводится в его отрицании до высшей градации *абсолютного зла*¹. У людей, которых в течение многих лет бомбардируют такими утверждениями, разрушается способность измерять и взвешивать явления, а значит, адекватно ориентироваться в реальности.

Было невозможно противодействовать потоку антисоветской демагогии — демагогам был практически обеспечен монопольный доступ к трибуне, микрофону или телекамере. А главное, выступлениями краснобаев была очарована интеллигенция, и мало кто замечал несусазицу или наглую ложь, которыми были полны эти выступления. Поэт Е. Евтушенко, народный депутат, выступает на Съезде народных депутатов СССР 4 июня 1989 г.: «Отраслевые министерства похожи на ремстройконторы, а Госплан похож иногда на гигантское ателье по мелкому ремонту платья голого короля... Государство... стало похоже на неуклюжего динозавра с рахитичными, подгибающимися от веса туловища ножками и с крошечным мозгом в голове, находящейся слишком далеко от хвоста». И этому пошлому и злобному словесному потоку аплодируют! Бедствие накатывало на страну неотвратимо.

А вся эта муть, чтобы косвенно поставить вопрос о «расгосударствлении» и приватизации средств производства. Причем и в эту тему поэт входит под дымовой завесой вопиющей глупости. Он заявляет, притворяясь наивным: «Статья 40 Конституции, начинающаяся словами: “Граждане СССР имеют право на труд”, не только примитивна, но и оскорбительна. Даже заключенные — это тоже граждане и тоже имеют право на труд. Предлагаю новый текст статьи 40: “Граждане СССР имеют право на **свободный труд**”» [32].

Дальше он ведет к тому, что для свободного труда нужна частная собственность на землю, другие средства производства и пр., но едва ли не важнее сама идея об исключении из Конституции «*права на труд*», как будто его можно заменить «*правом на*

¹ К числу отрицательных явлений были отнесены те стороны советской жизни, которые традиционно приветствовались демократами и гуманистами, — высокий уровень социальной защиты, доступность образования и здравоохранения, реальное право на труд, низкий уровень преступности и пр. Инверсия оценки этих сторон жизни вызвала культурное потрясение.

свободу труда». Какая мерзость — так подменять фундаментальные понятия, определяющие само бытие миллионов людей!

В этой обстановке зреющего разрушительного экстаза в среде даже научно-технической интеллигенции появилась группа людей с мессианским самомнением и уверенностью, что им дано право ломать жизнеустройство страны. По типу мышления они напоминают «одержимых бесами» Достоевского, только претерпевших деградацию интеллекта. Вот биография и интервью одного такого деятеля, занимавшего высокие посты при Б. Ельцине. Серию таких интервью взял у видных деятелей перестройки и реформы Институт социологии РАН:

«4 января 1994 г. Интервьюер — Лапина Г.П.

ФИЛИППОВ Петр Сергеевич — член Президентского Совета, руководитель Аналитического центра Администрации Президента РФ по социально-экономической политике, сопредседатель Республиканской партии России, вице-президент Всероссийской ассоциации приватизируемых и частных предприятий.

Краткие биографические сведения. Родился в 1945 г. в Одессе в семье военного моряка. В 1962 г. закончил среднюю школу и поступил в Ленинградский институт авиационного приборостроения, который закончил в 1967 г. по специальности инженер-радиотехник. Работал в объединении Ленэлектронмаш над созданием автоматизированных систем управления производством, возглавлял лабораторию на Кировском заводе в Ленинграде. В 1970 г. поступил в аспирантуру Ленинградского кораблестроительного института по специальности экономика и организация судостроительного производства. После ее окончания в 1974 г. возглавил отдел автоматизированных систем управления производством на заводе подъемно-транспортного оборудования им. С.М. Кирова».

Вот кусочек беседы:

П.С. Филиппова спрашивают, почему он пошел в политику.

«*Ответ:* Я? Это идейные соображения... Я понял, что дальше так жить нельзя, нужно что-то менять, и сел писать книгу с традиционно русским названием “Что делать?”, в которой попытался совместить несовместимое. Я все еще находился в плену социалистических идей: социализм, что называется, въелся в плоть

и кровь. Но, с другой стороны, хотелось рынка! И в результате у меня получался некий социалистический рынок с человеческим лицом. Примером для меня была Югославия... Я ушел работать механиком в автопарк — “во внутреннюю эмиграцию” — и продолжал писать свою книжку, организовывал семинары, а также зарабатывал деньги для будущей революции. В 1975 г. мы создали кооператив, точнее товарищество по совместной обработке земли “Последняя надежда”: мы там выращивали рассаду и тюльпаны. Деньги нам были нужны для типографии и прочих нужд...

В: А лозунг вашей революции?

О: Изменить этот мир! Переустроить страну.

В: Проект революции был оценен по достоинству?

О: Да, можно так выразиться. В 1985 — начале 1986 гг. стало ясно, что происходят какие-то серьезные сдвиги в нашей стране. Поэтому я вышел из своей “внутренней эмиграции” и поехал по России устанавливать явки. Таким образом я перезнакомился с очень многими людьми... Когда, например, я убедился в том, что никто не собирается писать закон о приватизации, я написал его сам... и с великими трудностями протолкнул этот закон через Верховный Совет: так у нас началась приватизация. Провел я закон о частной собственности...

В: Ну, и действуют эти законы?

О: Закон о приватизации, слава Богу, действует! Это все видят, хотя бы по телевизору... Егор Гайдар — хороший человек, но он сел на ту лавку, которую мы для него сколотили из законов, принятых за полгода до того, как он стал исполняющим обязанности премьер-министра. Ну, и к кому отнести, например, меня? Я — разночинец, инженер-радиотехник, который увлекся экономикой. Вот такие, как я, делали эту реформу...

В: Они [разночинцы], стало быть, и есть ведущее ядро?

О: Да. Ну, смотрите, Собчак — кто? Кандидат юридических наук, пришел и стал заниматься политической деятельностью. Полторанин (как бы Вы к нему ни относились) — кто? Обычный журналист, пришел и, в сущности, занялся разрушением коммунистической системы» [181].

Мне этот документ кажется страшным, даже как спектакль. Образованный человек «понял, что *нужно что-то менять*». Что менять и как, он излагает туманно, ему кажется, что нужно «совместить несовместимое». Но он не собирается вникать в суть

вещей, которые он хочет совместить, — ему нужна *революция*. Цель революции? Просто «изменить этот мир, переустроить страну». Возможно, перед нами мистификатор в чине руководителя Аналитического центра Администрации Президента РФ. «Поехал по России устанавливать явки», «выращивали рассаду и тюльпаны — деньги были нужны для типографии»... Но если он несет этот бред, значит, интеллигенция принимает его благосклонно! И таких в среде научно-технической интеллигенции был легион. А главное, они имели поддержку.

В марте 1990 г. академик Т.И. Заславская, советник М.С. Горбачева и глава советской социологии, представила на обсуждение в АН СССР программный доклад под названием «Социализм, перестройка и общественное мнение». Доклад стал подведением итогов перестройки в оценке ведущего социолога, непосредственно отвечавшего за ее «научное сопровождение». В своем докладе Т.И. Заславская, в частности, заявила:

«Политически советское общество было и остается тоталитарным... Социально советское общество резко поляризовано. Полюса его социальной структуры образуют высший и низший классы, разделенные социальной прослойкой...

Нижний полюс советского общества образует класс наемных работников государства, охватывающий рабочих, колхозников и массовые группы интеллигенции. Границы этого класса в значительной степени совпадают с часто используемым газетным клише «трудящиеся». С моей точки зрения, «трудящиеся» составляют единый класс, отличительными особенностями которого служат практическое отсутствие собственности и крайняя ограниченность социально-политических прав. Положение этого класса характеризуется скученностью в коммунальных квартирах или собственных домах без удобств, низкими доходами, ограниченной структурой потребления, неблагоприятными экологическими условиями жизнедеятельности, низким уровнем медицинского обслуживания и социальной защиты...

Сотни миллионов обездоленных, полностью зависимых от государства представителей этого класса пролетариализованы, десятки миллионов — люмпенизированы, т.е. отчуждены не только от средств производства, но и от собственной истории, культуры, национальных и общечеловеческих ценностей...

Больное, прогнившее, резко дифференцированное общество предполагалось сделать здоровым и социально справедли-

вым. Но идея социального возрождения могла сплотить только прогрессивные силы, заинтересованные в оздоровлении общества... Советскому обществу предстоит пройти через серьезные трудности, которые представляют своеобразную "плату" за приобщение к общечеловеческим ценностям...

Единственно разумной политикой является последовательный демонтаж тоталитарной государственно-монополистической системы в целях ее замены более эффективной системой "социального капитализма", сочетающего частную собственность с демократической формой политического правления и надежными социальными гарантиями для трудящихся...

Такое развитие советского общества надо рассматривать как переход от самого негуманного и антисоциалистического капитализма в мире к значительно более цивилизованному, гуманному и "социализированному" капитализму» [63].

В этом докладе даны квалификации советскому строю — не в период сталинизма, а на конец 80-х годов XX в., — которые прямо обязывали каждого «честного человека» начать непримиримую борьбу против СССР. Сказано, что «политически советское общество (больное, прогнившее) остается тоталитарным». Следовательно, демократизации оно не поддается, политическую систему надо менять. «Социальное противостояние классов носит антагонистический характер» — значит, общественный диалог и компромиссы невозможны, «демонтаж тоталитарной государственно-монополистической системы» является «единственно разумной политикой». Советская система — «самый негуманный и антисоциалистический капитализм в мире», и ее надо заменить «цивилизованным капитализмом».

Ясно, что этот доклад, зачитанный в АН СССР в марте 1990 г., долго вынашивался в среде идеологов перестройки, и в нем выражена согласованная позиция той части верхушки КПСС, которая сплотилась вокруг М. Горбачева. Курс был взят на радикальное изменение всего советского жизнеустройства.

Г.Х. Попов в 1990 г. так определил задачи перестройки в экономической и в политической сферах: «Главное в перестройке в экономическом плане — это дележ государственной собственности между новыми владельцами. В проблеме этого дележа — суть перестройки, ее корень... Суть перестройки в политике — полная ликвидация Советов... Другими словами — десоветизация».

О национально-государственном устройстве он говорит примерно то же, что и в «Конституции Сахарова»: «Формируется на месте СССР три, четыре, а то и пять десятков независимых государств... А потом эти республики решают: нужен ли новый Союз республик» [144].

Преобразования, начатые в 1987 г., были столь радикальными («шоковыми»), что их было бы правильнее называть *революционными*. В обиход даже вошло иррациональное выражение «реформа посредством слома». Сам М.С. Горбачев представлял себя героем, который сокрушил советское государство. В своей лекции в Мюнхене 8 марта 1992 г. он сказал: «Понимали ли те, кто начинал, кто осмелился поднять руку на тоталитарного монстра, что их ждет?.. Мои действия отражали рассчитанный план, нацеленный на обязательное достижение победы... Несмотря ни на что, историческую задачу мы решили: тоталитарный монстр рухнул» [46, с. 193].

Таким образом, М. Горбачев признал, что он действовал согласно *плану, нацеленному на уничтожение СССР*. И цель была достигнута — «тоталитарный монстр рухнул». Невиданное в истории дело — верховный правитель державы признается в своей государственной измене! Тот факт, что М. Горбачев остается уважаемым членом высшей элиты постсоветской России и удостоивается почестей со стороны ее верховной власти, есть культурная и политическая патология.

Более того, после ликвидации СССР соратники Горбачева стали напоминать Западу, что их вождь стал служить интересам Запада еще до перестройки, рискуя своим благополучием. В интервью газете «Коррьере делла сера» (1995) помощник М. Горбачева В. Загладин сказал: «В то время Горбачев не мог говорить открыто, он знал, что большинство Политбюро и ЦК не поддержало бы его позицию. В этом признался сам Горбачев. Он должен был быть немного лисой, не мог сказать всего и порой должен был говорить одно, а делать другое... В речи, которую Горбачев произнес в Лондоне в конце 1983 г., уже содержалась новая политическая концепция, отличная от концепции партии и государства».

Как называется деятель, который во время войны, пусть «холодной», едет за границу и предлагает себя как носитель концепции, противоречащей политике своего государства? Ведь М.

Горбачев предложил именно концепцию, которая привела к разрушению страны — к ее поражению такого масштаба, что Россию сравнивали с Веймарской республикой¹.

Один из интеллектуальных авторов доктрины холодной войны Дж. Кеннан сказал в 1965 г., что план этой войны имел две главных линии: «абсолютное военное поражение Советского Союза или фантастический, необъяснимый и невероятный переворот в политических установках его руководителей». Военное поражение СССР оказалось невозможным, но второй вариант — предательство верхушки КПСС — осуществился, несмотря на то, что в 1965 г. он считался невероятным.

В годовщину ликвидации Берлинской стены, 5 ноября 2009 г., Информационное агентство «Евроньюс» взяло у М. Горбачева интервью, в котором его спрашивают: «СССР развалился. Почему не удался Ваш проект?». На это бывший президент СССР и Генеральный секретарь ЦК КПСС отвечает: «Я, во-первых, не согласен с вашим выводом, что наш проект не удался. Он настолько удался, что в Советском Союзе начались демократические реформы, и теперь, уже после распада, в России идет развитие и формирование рыночной экономики, плюрализм всякого рода: политический, идеологический, религиозный и т.д. Больше того, в результате этих перемен мы дошли до такой точки, что хотя перестройка и оборвалась насильно, но возврата нет. Никто не способен вернуть страну назад. Так что перестройка победила» [217].

Итак, перестройка победила СССР.

К какой категории изменений относили перестройку сами ее идеологи и «архитекторы»? В 1987 г., когда программа переделки советского государства вступила в решающую стадию, М.С. Горбачев дал определение этой программы: «Перестройка — многозначное, чрезвычайно емкое слово. Но если из многих его возможных синонимов выбрать ключевой, ближе всего

¹ Президент Римского клуба Р.-Д. Хохляйтнер, единственный из западных деятелей, нашедший тогда слова сострадания к советским людям, дал такое определение: «Перестройка — наиболее важное событие этого века для демократических стран всего мира... Перестройка не только привела к ликвидации коммунистического режима в СССР, но и радикально изменила равновесие сил в мире. С полным основанием говорится, что Горбачев и его перестройка лучше понимаются и выше оцениваются на Западе... Перестройка была бы немыслима и не могла бы произойти, если бы не уникальная и неповторимая личность Михаила Горбачева».

выражающий саму его суть, то можно сказать так: перестройка — это революция.

Думается, у нас были все основания заявить на январском Пленуме 1987 г.: по глубинной сути, по большевистской дерзости, по гуманистической социальной направленности нынешний курс является прямым продолжением великих свершений, начатых ленинской партией в Октябрьские дни 1917 года» [40, с. 46—47].

М.С. Горбачев неоднократно предупреждал о катастрофическом характере перестройки как революции то в мягких, то в жестких выражениях. Например: «С перестройкой, как и со всякой революцией, нельзя играть. Тут нужно идти до конца, добиваться успехов буквально каждый день, чтобы массы чувствовали на себе ее результаты, чтобы ее маховик набирал обороты, чтобы нарастала скорость движения, подъема — и в материальном, и в духовном смысле... Революция — явление беспримерное. Беспримерной, революционной должна быть и наша повседневная деятельность — такой, как и полагается в революции» [40, с. 51, 52].

Таким образом, высшее руководство КПСС видело задачу не в постепенном реформировании, а в изменении через слом, с разрывом непрерывности — имелась в виду именно смена общественного строя.

Академик Т.И. Заславская в книге-манифесте «Иного не дано» (1988) пишет: «С точки зрения ожидающих решения задач предстоящее преобразование общественных отношений действительно трудно назвать иначе, как относительно бескровной и мирной (хотя в Сумгаите кровь пролилась) *социальной революцией*. Речь, следовательно, идет о разработке стратегии управления не обычным, пусть сложным, эволюционным процессом, а революцией, *в корне меняющей основные общественно-политические структуры, ведущей к резкому перераспределению власти, прав, обязанностей и свобод между классами, слоями и группами...* Спрашивается, возможно ли революционное преобразование общества без существенного обострения в нем социальной борьбы? Конечно, нет... Этого не надо бояться тем, кто не боится самого слова *революция*» [60, с. 40—41].

Подумайте: главный социолог страны и советник Генерального секретаря ЦК КПСС объявляет, что власть погружает страну в *революцию*, что не надо бояться самого слова *революция*, что будут «резкое перераспределение власти, прав, обязанностей и

свобод между классами, слоями и группами» и «обострение социальной борьбы» — и ни слова о том, какие антагонистические противоречия делают неизбежной такую катастрофу. Какие классовые интересы столкнулись в середине 80-х годов XX в. в стране, где были устранены массовая бедность и безработица, преодолена социальная вражда, вызванная резким расслоением по доступу к главным жизненным благам? В чью пользу произойдет «резкое перераспределение» всего? Ради каких ценностей вы тянете страну в революцию? Безответственность такого доктринерства просто потрясает.

Да и «прорабы перестройки» второго эшелона называли начатые преобразования революцией, причем уточнялось, что речь шла о революции разрушительной и проводимой «сверху». Из этого видно, что такая квалификация перестройки была узаконена руководством.

Вот примеры таких изречений: «Революция сверху отнюдь не легче революции снизу. Успех ее, как и всякой революции, зависит прежде всего от стойкости, решительности революционных сил, их способности сломать сопротивление отживших свое общественных настроений и структур» (Н.П. Шмелев). Е.Г. Ясин также считал, что в 1991 г. в СССР произошла революция: «По своему значению, по глубине ломки социальных отношений, пронизавших все слои общества, [августовская] революция была для России более существенна и несравненно более плодотворна, чем Октябрьская 1917 г.».

Разрушительный пафос перестройки достиг такого накала, что была подорвана сама способность «революционной» элиты к рациональным умозаключениям. Дж. Гэлбрейт, один из виднейших экономистов США, посетив в 1990 г. Москву и ознакомившись с доктриной реформ, сказал в интервью «Известиям»: «Говорящие — а многие говорят об этом бойко и даже не задумываясь — о возвращении к свободному рынку времен Смита не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не могло бы выжить».

Психическое отклонение клинического характера — вот как воспринимался замысел перестройки СССР по рыночным канонам.

В России и за рубежом уже накоплен большой исследовательский материал, позволяющий сказать о перестройке следующее:

— перестройка относится к категории «революция сверху». В ней назревающий кризис легитимности государства, грозящий перераспределением власти и богатства, разрешается действиями правящей прослойки через государственный аппарат. В таких революциях удобным способом является «самосвержение» правящего режима через организацию «народного восстания», как это и было организовано в форме «сопротивления путчу ГКЧП» в августе 1991 г. с последующей ликвидацией СССР¹;

— перестройка завершилась глубокими изменениями политической системы, общественно-экономического строя, национальных отношений, образа жизни и культуры всех граждан и народов СССР. Она привела к кардинальному изменению геополитической структуры мира и породила мировые процессы, далекие от завершения. Таким образом, по своим масштабам перестройка — явление всемирно-исторического значения;

— перестройка была частью мирового конфликта — холодной войны. В ее развитии и использовании результатов зарубежные политические силы играли активную и важную роль. Завершение перестройки ликвидацией Варшавского договора и СЭВ, затем роспуском СССР рассматривается на Западе как поражение СССР в холодной войне;

— движущей силой перестройки стал необычный союз следующих социокультурных групп: часть партийно-государственной номенклатуры, стремящаяся преодолеть назревающий кризис легитимности с сохранением своего положения (со сменой идеологической маски и своей трансформацией в «буржуазию»); часть интеллигенции, проникнутая либеральной и западной утопией (ею двигали смутные идеалы свободы и демократии и образ «прилавок, полный продуктов»); криминальные слои, связанные с «теневой» экономикой.

В целом все эти активные социальные субъекты перестройки получили в результате то, что хотели. Теневики и номенклатура получили собственность и разделили власть, интеллигенция — «полные прилавки» и свободу выезда за границу.

¹ Красноречивым примером применения этой технологии стало самосвержение режима Н. Чаушеску (с его расстрелом) в Румынии в 1989 г.

Спустя 20 лет после начала перестройки в РФ было проведено большое исследование «Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя». В общество влилась большая когорта тех, кому довелось наблюдать перестройку в детском возрасте и повзрослеть, уже не зная советского строя. Они уже приняли постсоветскую жизнь как данность и относятся к ней лояльно. Тем не менее вывод исследователей таков: «*После 1988 г.* число поддерживающих идеи и практику перестройки сократилось почти в 2 раза — до 25%, а число противников выросло до 67%. И сегодня доля россиян, позитивно оценивающих перестройку, хотя и несколько возросла и составляет 28%, тем не менее большинство населения оценивает свое отношение к ней как негативное (63%)» [139]. Так оценивается эта антисоветская «революция сверху» — число ее противников со временем растет.

Разобраться в генезисе антисоветского проекта, реализованного в перестройке, надо, потому что он явно завел страну в *экзистенциальную ловушку*. Сама травма убийства СССР, на которую обычно и обращено все внимание, не так уж велика — не сравнить с Гражданской войной после 1917 г. Но дело не в этой травме, а в том, что за ней — путь под уклон, в небытие. Этот путь может быть иной раз крутым, иной раз положим, с анестезией нефтедолларов или с дубинками ОМОНа, но он неуклонно ведет к угасанию, а потом и к смерти нашей культуры. На этом пути не за что зацепиться, и циклы воспроизводства на нем сужаются с неумолимой закономерностью.

В этом — контраст с той катастрофой, что пережила Россия в 1917 г. Вдумчивые люди, еще стоящие на антисоветских позициях, говорят: и царская Россия в 1917 г., и СССР в 1991 г. Рухнули, потому что это были больные общества. Да, это так. Но дальше-то дело пошло по-иному. Больное сословное общество, изъеденное капитализмом начала XX в., было загнано революцией в проект большого *строительства*. И те структуры, которые строились, пусть с авариями и жертвами, обеспечили выживание и развитие страны в самых тяжелых условиях. Напротив, антисоветский проект закладывался на основе таких идей, что их плоды *отравили* общество и убили в нем всякий потенциал развития и даже саму волю к жизни.

И напрасно бодрится меньшинство, жирующее на захваченной собственности. Они пока что питаются трупом убитой страны, и им кажется, что пищи вдоволь. Но трупы не воспроизво-

дятся и не растут, даже банкиры это знают. Потому-то они покупают дома за границей и отправляют туда же рожать своих жен и дочерей, чтобы дети и внуки получили иностранное гражданство по праву места рождения.

Понять философию и технологии перестройки для граждан постсоветской России надо и потому, что после ликвидации СССР господствующее меньшинство не изменилось — оно собрано из кланов тех же самых социокультурных групп, что задумали и осуществили перестройку. Их образ мысли и действий совершенно необходимо знать гражданам, которые собираются выжить в новом обществе и тем более отстаивать свои права или бороться за улучшение ситуации. Этот образ мысли и действий, сегодня замаскированный, был в полной мере раскрыт именно в ходе перестройки.

Надо говорить об антисоветском проекте как большой интеллектуальной и духовной конструкции, даже особом мировоззрении, спроектированном на советский строй (хотя, в принципе, очень важно было бы понять и другие стороны этого мировоззрения, направленные на разные стороны бытия, прямо не связанные с советским проектом).

Глава 14

ВОСПРИЯТИЕ ПЕРЕСТРОЙКИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Кратко остановимся на вопросе о том, как население оценивало перестройку — ту революцию, которая завершилась гибелью СССР и сменой советского общественного строя. Мониторинг общественного мнения по этому поводу регулярно велся с 1989 г., а начиная с 2000 г. замеры общественного мнения делались в больших опросах каждые пять лет к очередному юбилею перестройки. Эмпирического материала накоплено много.

Надо, однако, учитывать, что, поскольку антисоветизм является официальной идеологией победившего в конце 80-х годов XX в. блока, который сегодня составляет «господствующее меньшинство», строгого измерения приверженности общества к антисоветским ценностям гласно не ведется. СМИ, которые находятся на службе у господствующего меньшинства, искажают ре-

альность. Приходится опираться на противоречивые результаты исследований, публикуемые в специальной литературе.

Сами идеологи перестройки высказываются туманно. Так, в большом докладе Горбачев-фонда «Перестройка: 20 лет спустя» (2005) сказано: «До 70—80% россиян в той или иной мере разделяют и поддерживают базовые демократические ценности, привнесенные в нашу жизнь перестройкой» [140]. Эта фраза ни о чем не говорит — все люди на земле «в той или иной мере разделяют демократические ценности». Речь же идет не о ценностях, а о конкретных действиях и результатах, «привнесенных в нашу жизнь перестройкой».

В юбилейном 2005 г. большой опрос общественного мнения в РФ провел исследовательский холдинг ROMIR Monitoring. Суммарные выводы таковы: почти половина россиян (48%) считают, что главным последствием перестройки стал развал СССР. Как полагают чуть меньше трети опрошенных (30%), перестройка привела к тому, что страна потеряла статус сверхдержавы. Еще почти столько же участников опроса (29%) отметили, что перестройка привела к развалу социалистической экономики. Мнения, что политика перестройки была направлена на построение демократического общества в России, придерживаются 14% респондентов... Наибольшее число респондентов, считающих перестройку основной причиной распада СССР, проживает в Дальневосточном федеральном округе (71%) [214].

Первый итоговый доклад под названием «Социализм, перестройка и общественное мнение» был представлен в марте 1990 г. в АН СССР академиком Т.И. Заславской. В докладе, в частности, сказано:

«Демократическая перестройка, происходящая в нашей стране, была задумана как реформа “сверху”, но на практике переросла в революцию “снизу”, поддержанную многомиллионными массами...

Летом 1990 г. мы спросили своих респондентов о том, каковы, по их мнению, главные результаты пяти лет перестройки общественных отношений. Наибольшее число голосов получили ответы: “потеря уверенности в завтрашнем дне” — 43%, “кризис национальных отношений” — 37%, “хаос и неразбериха в управлении страной” — 29%, “углубление экономического кризиса” — 28%...

Чтобы выяснить, как большинство людей оценивает влияние перестройки на собственную жизнь, был задан вопрос: “Ста-

ла ли Ваша жизнь после того, как в 1985 г. к руководству пришел М.С. Горбачев, лучше, хуже или не изменилась?». 7% ответили, что их жизнь улучшилась, 22% — не изменилась, у 57% стала хуже, 14% затруднились ответить... Дальнейшее нарастание экономических трудностей и политической напряженности предсказывали 63 и 59%.

Общественное мнение чутко улавливает тенденцию к усилению социального расслоения: ее отмечают 59—63% опрошенных. Почти 60% уверены, что в дальнейшем различия в уровне жизни богатых и бедных будут расти. Когда же мы попытались выяснить, кто имеет наибольшие шансы повысить свои доходы, то на первые места вышли ответы: «богаче станут только те, кто живет нечестным трудом» (46%), «получать больше станут те, кто сумеет пристроиться на хорошую работу» (43%), «богатые станут жить богаче, а бедные — беднее» (41%)... Только 2—3% опрошенных верят, что от перемен в экономике выиграют рабочие, крестьяне и интеллигенция» [63].

Поражает логика идеолога «*демократической*» перестройки, которая якобы переросла в революцию многомиллионных масс. Ведь по приведенным самой Т.И. Заславской данным, большинство опрошенных оценивали перестройку как бедствие, которое будет лишь углубляться в ходе начатой реформы. Какая может быть «революция снизу», когда «только 2—3% опрошенных верят, что от перемен в экономике выиграют рабочие, крестьяне и интеллигенция»? О чем думали академики-обществоведы, слушавшие этот доклад в Президиуме АН СССР? И как можно было не заметить крайнего *антидемократизма* принципиальных положений этого доклада?

Называть перестройку «революцией многомиллионных масс» — это новояз в стиле Дж. Оруэлла. В докладе Горбачев-фонда к юбилею 2005 г. говорится о «группе поддержки» перестройки: «Новое руководство могло рассчитывать на относительно устойчивую поддержку двух групп отечественной бюрократии. Одна из них — партийные интеллектуалы, чьи взгляды сформировались под сильным влиянием хрущевской «оттепели». В идеологическом плане они тяготели к «социализму с человеческим лицом» — концепции, отчасти навеянной идеями конвергенции капитализма и социализма. Для них перестройка означала уникальную возможность продолжить позитивные изменения, начатые в годы правления Н. Хрущева и прерванные рецидивом

сталинизма в период брежневского застоя. К другой группе принадлежали «технократы» — управленцы советской экономики, которые трезво оценивали ее реальное состояние» [140].

Что же касается народных масс, они, оказывается, и не дали М. Горбачеву насадить социализм с человеческим лицом. Авторы доклада жалуются: «Реформаторы и интеллектуальная элита Советского Союза оказались неподготовленными к проявлениям националистических предрассудков, раскола, вражды. Как известно, российский народный анархизм — всегда обратная сторона модели народного же государственничества. Бунтарский, антигосударственный пафос преднамеренно подогревался некоторыми элитными группировками».

Народный анархизм подвел! Более антигосударственного пафоса, как в речах самого М.С. Горбачева, ни у каких анархистов в мире найти нельзя. Тут же докладчики и вековую культуру России охаживали: «Отрицательную роль в судьбе перестройки и страны сыграли устойчивые, уходящие корнями в глубь веков массовые социокультурные стереотипы». Да эти уходящие в глубь веков культурные устои спасли РФ от полного растаскивания! Если бы не они, ее уже рассыпали бы на 150 «нормальных» государств, как планировал А.Д. Сахаров, и оставили бы нас без единой боеголовки, как мечтали М. Горбачев с Э. Шеварднадзе.

Вот еще выдержка из доклада Т.И. Заславской, которая характеризует установки массового сознания: «В конце сентября 1990 г. ВЦИОМ провел опрос общественного мнения об исторической необходимости и итогах Великой Октябрьской революции... Анализ полученных данных позволил выделить четыре типа социально-политических позиций. Два первых типа характерны для 40—50% взрослого населения страны. Они объединяют людей, считающих: что большевики должны были взять власть (52%); что Октябрьская революция выражала реальную волю народов страны (39%); что она открыла новую эру в ее истории, дала толчок ее социальному и экономическому развитию (45%).

Респонденты второго типа, составляющие 25—30%, придерживаются несколько иных позиций. Признавая историческую необходимость революции, они осуждают многие действия большевиков... Третья позиция отличается от второй перерастанием критицизма в принципиальное неприятие идей Октябрьской революции. Люди, разделяющие эту позицию, считают, что захват власти большевиками не был исторически необ-

ходим (28%)... Прямые сторонники перехода страны с социалистического пути на капиталистический составили около 10%...

В сентябрьском опросе 1990 г. был использован другой вариант того же вопроса: "Каким курсом должен следовать СССР в будущем?". За "отказ от социализма и переход к капитализму" здесь высказались 8%, за "социал-демократию североевропейского типа, сочетающую черты социализма и капитализма", — 30%...

Общий вывод заключается в том, что значительная часть советских людей считает избранный нашим обществом исторический путь ошибочным... Есть основания ожидать, что по мере развития рынка и формирования слоя предпринимателей социальный конфликт между ними и основной массой трудящихся будет обостряться» [63].

Какая лукавая логика! Половина явно поддерживает не просто социализм конца 80-х годов XX в., а и большевиков, а за «отказ от социализма и переход к капитализму» — всего 8%. И это академик называет «значительная часть советских людей считает избранный нашим обществом исторический путь ошибочным». Нет предела демагогии у архитекторов перестройки.

В десятую годовщину начала перестройки, в конце 1995 г., на международном форуме «Россия в поисках будущего» Т.И. Заславская опять делает главный, программный доклад. Она, в частности, сказала о оценке респондентов: «На прямой вопрос о том, как, по их мнению, в целом идут дела в России, только 10% выбирают ответ, что "дела идут в правильном направлении", в то время как по мнению 2/3, "события ведут нас в тупик". Именно те же 2/3 россиян при возможности выбора предпочли бы вернуться в доперестроечное время, в то время как жить, как сейчас, предпочел бы один из шести» [62].

Вот интегральная оценка — 2/3 россиян при возможности выбора предпочли бы вернуться в доперестроечное время. И это при том, что выросло новое поколение, уже адаптированное к условиям, заданным перестройкой.

Истинный проект реформы во время перестройки был населению неведом, а задуматься не было времени — им «не давали опомниться» непрерывным потоком сообщений о скандалах, катастрофах и небывалых преступлениях. Умолчание было принципиальной позицией. Оно сочеталось с прямым обманом.

Важной стороной представления доктрины было «принятие» всех проблем и явлений. С самого начала перестройки

все будущие изменения подавались людям как «улучшения», не меняющие основ жизненного уклада. Лишь из специальных работ можно было понять масштаб начинавшейся ломки. Обман и умолчание, поначалу облегчая политикам задачу «дезактивации» общества при проведении антисоциальных реформ, затем повели к утрате легитимности власти и ее действий, массовой аномии («безнормности») и преступности — к культурному кризису 90-х годов XX в., который стал хроническим.

В 1988—1990 г. правительство готовило законы, сломавшие плановую экономику. Заместитель премьер-министра Л.И. Абалкин, излагая эти планы на Западе, сказал, что в результате этого в СССР, по оценкам специалистов, возникнет безработица в размере 30—40 млн. человек. А внутри страны М. Горбачев успокаивал: «На страницах печати были и предложения, выходящие за пределы нашей системы, в частности, высказывалось мнение, что вообще надо бы отказаться от плановой экономики, санкционировать безработицу. Но мы не можем допустить этого, так как собираемся социализм укреплять, а не заменять его другим строем. То, что подбрасывается нам с Запада, из другой экономики, для нас неприемлемо» [40, с. 38].

В 1995 г. ВЦИОМ (руководство, да и коллектив которого, в общем, стояли на антисоветских позициях) опубликовал обзор результатов социологических опросов в рамках проекта «Мониторинг перемен: основные тенденции». Вот выдержки из обзора, говорящие об отношении людей к советскому строю и антисоветским альтернативам:

— «И старая, и новая идеологическая мода побуждает добрую половину респондентов склоняться к признанию несовместимости отечественного образа общественной жизни с «западной демократией». Сравнение двух замеров, разделенных полутора годами, — да еще какими! — показывает, что перед нами не просто показатель настроения, а установка, что-то вроде канона общественного сознания россиян. Это не усредненная, а поистине универсальная установка, разделяемая в неодинаковых, впрочем, пропорциях относительным и абсолютным большинством практически во всех наблюдаемых категориях респондентов». (Замеры делались в июне 1993 г. и в октябре 1994 г.)

Поскольку весь антисоветский проект строился на идее замены советского государственного строя демократией западно-

го типа, вывод красноречив. В 1994 г. 33% посчитали, что «многопартийные выборы» принесли больше вреда, и 29% — что больше пользы. О «праве на забастовку» 36% сказали «больше вреда» и 23% — «больше пользы».

— «Как лучший период в истории XX в. общественное мнение выделяет времена правления Брежнева и Хрущева, перестройка же оказывается *наихудшим* временем по соотношению негативных и позитивных оценок... *“Правильной” кажется перестройка имеющим высшее образование (23%), москвичам (22%), избирателям “Выбора России” (29%)».*

Таким образом, даже в группах, где антисоветская идеология считалась господствующей, слом советского строя положительно оценивает лишь около четверти респондентов.

— «За пять лет реформ (1990—1994 гг.) число приверженцев частной собственности сократилось, а доля ее противников — возросла. Можно утверждать: население укрепились в своем представлении о том, что основой частной собственности должен быть малый бизнес. Крупное производство, по мнению большинства населения, должно оставаться вне частной собственности... В массовом сознании богатство нынешних «новых русских» не является легитимным, поскольку, по мнению населения, получено в результате либо «прихватазации» бывшей госсобственности, либо финансовых махинаций и спекуляций... К участию иностранного капитала в российской экономике большинство россиян по-прежнему относится отрицательно, причем заметна тенденция усиления негативного отношения. Особое неприятие вызывает возможность распространения собственности иностранных граждан на крупные фабрики и заводы. Против собственности иностранцев на крупные участки российской земли по-прежнему высказываются более 80% россиян, на мелкие — более 60%» [197].

Надо отметить, что советский тип трудовых отношений стал даже более привлекательным в ходе реформы. В 1989 г. из всех вариантов 45% респондентов выбрали такой, типично советский: «Небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне». В 1994 г. этот вариант выбрали уже 54%. Типично «антисоветский» вариант («Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск») выбрали 9% в 1989 г. и 6% в 1994 г. В среднем 84% опрошенных считали в 1989 г., что обязанностью правительства является обеспечение всех людей работой, а в нояб-

ре 1991 г. более 90% выразили это убеждение, которое в антисоветской пропаганде было одним из главных объектов атаки.

Первые же шаги реформы оживили и резко усилили коммунистические «архетипы». Уже в предчувствии реформы общественное мнение стало жестко уравнильным. В октябре 1989 г. на вопрос: «Считаете ли вы справедливым нынешнее распределение доходов в нашем обществе?» 52,8% ответили *«несправедливо»*, а 44,7% — *«не совсем справедливо»*. Что же считали несправедливым 98% жителей СССР — невыносимую уравниловку? Совсем наоборот — люди считали распределение *недостаточно уравнильным*.

Среди опрошенных 84,5% считали, что «государство должно предоставлять больше льгот людям с низкими доходами», и 84,2% считали, что «государство должно гарантировать каждому доход не ниже прожиточного минимума». В 1996 г. ВЦИОМ повторил этот опрос, и выяснилось, что уравнильные настроения усилились: 93% опрошенных считали, что государство должно обеспечивать всех желающих работой, 91% — что оно должно гарантировать доход не ниже прожиточного минимума. Это — уравнильная программа коммунизма, а не социальной защиты социал-демократии и тем более не рыночного либерализма.

Самым крупным международным исследованием установок и мнений граждан бывших социалистических стран — СССР и Восточной Европы — была в 90-е годы XX в. программа «Барометры новых демократий». В России с 1993 г. в рамках совместного исследовательского проекта «Новый Российский Барометр» работала большая группа зарубежных социологов.

В докладе руководителей этого проекта Р. Роуза и Кр. Харпфера в 1996 г. было сказано: «В бывших советских республиках практически все опрошенные положительно оценивают прошлое и никто не дает положительных оценок нынешней экономической системе» [157]. Если точнее, то положительные оценки советской экономической системе дали в России 72%, в Белоруссии — 88% и на Украине — 90%. Оценки новой политической системы были еще хуже.

Те же оценки получены исследователями, которые в своих опросах (1995 и 2004 гг.) строили выборки по культурным и религиозным признакам. Выводы их таковы: «Во всех мировоззренческих и конфессиональных группах опрошенные склонны связывать свое тяжелое положение, прежде всего, с конкрет-

ными политическими деятелями, находившимися у власти в течение двух последних десятилетий — М.С. Горбачевым (37%) и Б.Н. Ельциным (39%) либо обвиняют самих себя (28%). Это вполне согласуется с результатами предыдущих социологических опросов, в частности, проведенных нашим институтом в 1995 г., в которых М.С. Горбачев и Б.Н. Ельцин получили самые низкие оценки своей общественно-политической деятельности среди отечественных политиков XX в. у представителей всех мировоззренческих и конфессиональных групп» [117].

Определенно антисоветскую позицию занимало в России очень небольшое меньшинство. В начале 1996 г. ВЦИОМ по заказу французского университета провел опрос жителей трех областей (включая областной центр), в котором выяснялось отношение к советскому прошлому. Хотя по результатам выборов в Государственную Думу (декабрь 1995 г.) эти области сильно различались, отношение к советскому строю было на удивление сходным. Определенно антисоветским был выбор такого варианта ответа: «Это были тяжелые и бесполезные годы». Такой вариант выбрали 6% в Ленинградской области, 5% в Красноярском крае и 5% в Воронежской области [199]. Таков размер социальной базы убежденного антисоветизма.

Опубликованы сходные результаты еще целого ряда международных исследований. Вывод таков: те, кто исповедовали принципиально антисоветские установки, составляли незначительное меньшинство, и позиции их были *диаметрально противоположны* воззрениям подавляющего большинства¹.

Установки идеологов перестройки и массового сознания противоположны диаметрально и абсолютно, не видеть этого невозможно. Бесполезно отрицать, что перестройка есть антинародная номенклатурная революция. В докладе «Перестройка: двадцать лет спустя» сказано: «Перестройка навсегда вписана в историю как смелая попытка решительного перехода к подлинно демократическому, справедливому и гуманному социальному устройству». Какое бесстыдство! Да кровавых гуманистов перестройки проклинают миллионы людей. Согласно опросам 1990 г., перестройка уже тогда воспринималась как бедствие. Из

¹ Кстати, только 3% опрошенных позитивно воспринимали обращение «господа». Даже среди самих господ предпринимателей таких насчитывалось всего 12%. Страшно было людям оторваться от советского понятия *товарищ*.

народов СССР относительно одобрила только большая доля евреев — и то всего 11%. Но и еврейский поэт написал [39]:

Нас крестила перестройка люто,
погружая каждого во тьму,
и осколки страшного салюта
догоняли всех по одному.

И острее запаха помойки,
нищеты, что над землей летел,
был угрюмый воздух перестройки,
сладкий дух непогребенных тел.

А свободы едкая отравка
все мутила головы, как хмель.
И лежала мертвая держава,
как в прорехах грязная постель.

Авторы доклада, расписывая справедливость перестройки, лучше бы процитировали писателя А. Адамовича. Выступая в 1989 г. в МГУ, этот «прораб» сказал: «Любому правительству, какое у нас сейчас будет, придется пойти на очень жесткие меры в экономике, которые приведут к безработице, росту цен, инфляции, вызовут недовольство широких масс».

Что за дикая логика! Почему от полной занятости надо переходить к безработице, надо обрушивать производство и вызывать рост цен и инфляцию? А потому, что перестройка!

Как раздраженно назвал свою статью 7 ноября 1990 г. Н. Амосов, академик и народный депутат СССР: «Революция у нас или нет?». Вот краткие выдержки из нее: «Когда 90% избирателей бедны, а 70% еще и некультурны... экономика государства, вероятно, прогорит... Со всей определенностью скажу: нельзя полагаться на среднего гражданина... Рынок (особенно предпринимательство) воспринимается абстрактно даже его защитниками, а у большинства рабочих вызывает внутреннее сопротивление...»

Теперь о системе власти. Просвещенная демократия для нас непригодна... Важно понять: нынешняя власть Советов — недопустимая роскошь для нас. До западной же демократии с ее традициями, богатым обществом и ответственными гражданами,

владеющими собственностью, мы еще не доросли... Не хочу делать сомнительные прогнозы, но предвижу, что дело закончится шоковым вариантом по-польски. И не считаю, что это самый плохой вывод: рынок будет создан. И голода не будет. А некоторая скудость питания, по моей теории, даже пойдет на пользу здоровью...

Другого пути к оптимальному обществу действительно нет. Но как это докажешь массе людей, которые ничего не видели, кроме социализма, а при перестройке потеряли и то малое, что имели»? [5].

Таким образом, в финале перестройки вовсе не произошло, как утверждали ее идеологи, перехода масс на антисоветскую позицию, «свержения советского строя народом». Произошла номенклатурно-криминальная «революция сверху» с *дезориентацией* (точнее, *дезактивацией*) населения. Даже в 1991 г., на пике перестроечной пропаганды, антисоветизм не был принят большинством. Крах СССР был вызван тем, что большинство населения не обладало ни организационными ресурсами, ни навыками для интерпретации реальности — сама советская система лишила граждан этих ресурсов, воспитав их в тепличных условиях упрощенных представлений об общественных процессах.

Глава 15

РАЗРУШЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

Во время перестройки главным объектом воздействия на духовную сферу было *культурное ядро* советского общества. Как уже говорилось ранее, при достаточной глубине его разрушения терял связность и волю советский народ, а значит, можно было ликвидировать СССР, сменить политическую систему, произвести передел собственности и кардинально перераспределить доходы.

Удар был нанесен столь сильный, что была повреждена культура России в целом, как система, во всех ее элементах и связях. Более того, были запущены механизмы разрушения культуры, которые вошли в режим самовоспроизводства и даже самоускорения. Рассмотрим инструменты разрушения и типы по-

вреждений, которые были нанесены советской культуре, прямо относящиеся к теме книги.

Кризис культуры всегда связан с кризисом ее философских оснований. По ним и били. В центре любой национальной культуры — ответ на вопрос **«что есть человек?»**. Вопрос этот корнями уходит в религиозные представления, но прорастает в культуру. На это надстраиваются все частные культурные нормы и запреты.

Человек создан (преображен из животного) миром культуры. Первая задача культуры — заставить и научить нас быть **людьми**. Дело культуры — дать нам знания, умения и мотивы, чтобы жить в обществе и непрерывно создавать его. Культура дает нам **квалификацию** быть членом общества. Она загоняет нас в рамки **дисциплины**, как при обучении рабочего, врача и пр. Культура вбивает в нас множество табу и запретов, подчиняет **цензуре**. Культура дает нам знания и умения быть частицей **народа**.

Тысячу лет культурное ядро России покоилось на идее «человек человеку брат». Конечно, общество усложнялось, эта идея изменялась, но ее главный смысл был очень устойчивым. К нам был закрыт вход мальтузианству с его идеей борьбы за существование (и с отрицанием права на жизнь бедным). И вдруг культурная элита в конце XX в. впала вслед за идеологией в самый дремучий социал-дарвинизм, представив людей животными, ведущими внутривидовую борьбу за существование. Конкуренция — это наше все! «Человек человеку волк!»

Кризис культуры возникает, когда в нее внедряется крупная идея, находящаяся в непримиримом противоречии с другими устоями данной культуры, — люди теряют ориентиры, путаются в представлениях о добре и зле. Вот определение **культурной травмы**: «Если происходит нарушение порядка, символы обретают значения, отличные от обычно означаемых. Ценности теряют ценность, требуют неосуществимых целей, нормы предписывают непригодное поведение, жесты и слова обозначают нечто, отличное от прежних значений. Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает, харизма терпит крах, идолы рушатся» (П. Штомпка).

Травма возникла, потому что авторитетные деятели культуры России стали проповедовать **социальный расизм**. Внедрение в массовое сознание антропологической модели социал-дар-

винизма велось как специальная программа. Целью ее и было вытеснение из мировоззренческой матрицы народа прежнего, идущего от Православия и стихийного общинного коммунизма *представления о человеке*.

Академик Н.М. Амосов, ставший одним из ведущих духовных авторитетов в среде интеллигенции, в 1988 г. выпустил манифест, проникнутый самым дремучим социал-дарвинизмом. В журнале «Вопросы философии» он так определял сущность человека: «Человек есть стадное животное с развитым разумом, способным к творчеству... За коллектив и равенство стоит слабое большинство людской популяции. За личность и свободу — ее сильное меньшинство. Но прогресс общества определяют сильные, эксплуатирующие слабых» [6].

А вот как излагал сущность человека «Московский комсомолец»: «Изгнанный из эдемского рая, он озверел настолько, что начал поедать себе подобных — фигурально и буквально. Природа человека, как и всего живого на земле, основывается на естественном отборе, причем на самой жестокой его форме — отборе внутривидовом. Съешь ближнего!». Такая обработка велась во всем диапазоне средств: от желтой прессы до элитарных академических журналов.

В разных вариациях во множестве сообщений давались клише из Ф. Ницше, Г. Спенсера, Т. Мальтуса. Вот высказывание одного из первых крупных бизнесменов Л. Вайнберга, специально опубликованное 1 мая, в *День солидарности трудящихся*: «Биологическая наука дала нам очень необычную цифру: в каждой биологической популяции есть четыре процента активных особей. У зайцев, у медведей. У людей. На западе эти четыре процента — предприниматели, которые дают работу и кормят всех остальных. У нас такие особи тоже всегда были, есть и будут».

Поначалу этот антисоветский социал-дарвинизм был вульгарным, как бы бытовым, стихийным: много говорили о сантехнике «дяде Васе», какой он пьяница, люмпен, иждивенец, неумеха и т.д., и как хорошо было бы ввести в СССР безработицу, чтобы его приструнить и заставить работать так же хорошо, как работают немцы. Потом это представление о человеке обрело концептуальную форму и дошло до уровня мальтузианства.

Вот, Ю. Волков, доктор философских наук, зав. кафедрой социологии и социального управления Академии труда и социальных отношений (!) пишет о слабых попытках трудовых коллекти-

вов некоторых предприятий протестовать против приватизации: «Демократическое движение, начавшее развиваться в стране в последние годы и охватывающее главным образом прогрессивную интеллигенцию, вряд ли сможет само по себе преодолеть сопротивление консервативных сил и обеспечить утверждение нормальной, эффективной рыночной экономики... Ориентация на смешанную рыночную экономику присуща многим организациям в современном рабочем движении. Однако в нем присутствует и противоположная позиция — полная неприятия не только частной собственности и частного предпринимательства, но даже той “полурыночной” экономики, которая проектируется некоторыми в рамках незыблемости “социалистических принципов”... Это движение, выражающее люмпенизированную психологию наиболее отсталых — в массе своей — слоев рабочих и служащих, имеет не так уж мало сторонников,.. а в условиях резкой пауперизации масс с весны 1991 г. люмпенская психология может пойти вширь» [29].

Приняв и поддерживая подобную идеологию и в то же время считая ее выражением «*демократического движения прогрессивной интеллигенции*», эта самая интеллигенция впала в состояние искусственной шизофрении. Пользуясь своим заслуженным профессиональным авторитетом в массе трудящихся, наши интеллигенты, выступив в качестве идеологов, «оболтали» здравомыслящую массу, сбили ее с толку и помогли номенклатурной шайке разграбить народное хозяйство. И это было со стороны интеллигенции величайшей, неприличной глупостью. Можно если не оправдать, то хотя бы понять козла-provokatora: для него в конце коридора, по которому он ведет на бойню овец, есть маленькая дверка. Для нашей прогрессивной интеллигенции такой дверки не оказалось, да она о ней даже не спросила.

Этот поворот был предопределен историческим выбором 80-х годов XX в., сделанным частью номенклатуры в союзе с частью элитарной интеллигенции. Проект имитации общественных институтов Запада требовал принять и западную антропологическую модель, которая лежит в основании идеологии буржуазного общества.

В советское время к категории высших ценностей, которые и служат «полицией нравов» для населения, была причислена *социальная справедливость*. Авангард идеологов перестройки отверг эту ценность, а затем изъясил из обихода и само это поня-

тие. В 1992 г. Ю. Латынина свою статью-панегирик рынку назвала «Атавизм социальной справедливости». С возмущением помянув все известные истории попытки установить справедливый порядок жизни, она привела сентенцию неоллибералов: «Среди всех препятствий, стоящих на пути человечества к рынку, главное — то, которое Фридрих Хайек красноречиво назвал *атавизмом социальной справедливости*» [93].

Этот сдвиг к социал-дарвинизму незаметно привел очень многих из соблазненных антисоветизмом к утрате элементарного чувства сострадания, к странной холодности и жестокости по отношению к простому человеку. Страдания от реформ многообразны. Пусть демократ, возненавидевший империю, не признает и не уважает страдания, причиненные уничтожением СССР, сдачей национальных богатств вора, ликвидацией науки и т.п. Но он не может отрицать простое и видимое следствие — резкое обеднение большей части граждан. Это прямой результат его усилий. И вот, зная масштабы этих страданий, кладя их на чашу весов, средний демократ выше ценит свой душевный комфорт типа многопартийности. Ему не жаль страдающих. Он в целом *рад тому, что происходит*.

Из сочетания социал-дарвинизма и безответственности возник поразительный «моральный релятивизм». Уже в конце 60-х годов XX в. сознательные «антисоветски мыслящие» товарищи стали выделяться в особую субкультуру. Они говорили друг с другом как посвященные — так, что постороннему было трудно понять, о чем идет речь. Было видно, что по отношению к «непосвященным» у них не действовали те моральные нормы, которые раньше казались общепринятыми, как бы «естественными». Напротив, антисоветская позиция как-то преломлялась у этих интеллигентов в ощущение своей причастности к высокой миссии, которая позволяла им не обращать внимания на такие мелочи. Это поначалу очень удивляло.

Когда во время перестройки начали со всех трибун проклипать якобы «рабскую» душу русских и требовать от них стать «свободными индивидами», это было требованием отказаться от своей культурной идентичности. Под давлением соблазнов и новой идеологии часть русских, особенно молодежи, пыталась изжить традиционное представление о человеке. Результатом становилось разрыхление связей русского народа (и даже по-

явление прослойки людей, порвавших с нормами русского общества, — изгоев и отщепенцев).

Культура — это и есть те силы, что собирают народ. Представления о добре и зле, о человеке и его правах, о богатстве и бедности, о справедливости и угнетении — часть национальной культуры. Из этих представлений выводятся и принятые в нашей культуре нравственные нормы, ими же питается и искусство. Попытка смены смысла в ответе на главный вопрос культуры ставит под угрозу все остальные части культуры.

Почему это произошло так легко? Об этом говорилось в гл. 12. Нам казалось, что заданное культурой представление о человеке очень устойчиво, а оказывается, что его надо постоянно воспроизводить, обновляя язык, логику и художественные средства со сменой каждого поколения. Этого не делалось.

Следствием такого срыва являются разрушение СССР и массовые страдания людей в период разрухи. Советское общество сорвалось в глубокий кризис в таком состоянии, что он превратился в «ловушку». Прежняя траектория исторического развития опорочена в глазах молодых поколений, и в то же время никакой из мало-мальски возможных проектов будущего в новых культурных формах не получает поддержки у населения.

Вопреки разуму и совести большинства, после краха СССР идет сдвиг к **эгоцентризму**. Этот дрейф к утопии «Запада» как устоявшегося порядка начался в интеллигенции. Он не был понят и даже был усугублен попыткой «стариков» подавить его негодными средствами. В 80-е годы XX в. этот сдвиг уже шел под давлением идеологической машины КПСС. Если на нынешнее неустойчивое равновесие не воздействовать целенаправленно и умело, сдвиг продолжится в сторону распада русского и других народов России. Вопрос в том, найдутся ли культурные силы, способные остановить его, пока дрейф не станет лавинообразным.

Пока что культура нынешней России находится в отступлении. В среде новой «элиты» возникли течения, следующие гротескному, болезненному ницшеанству.

Пройдем по некоторым другим сферам культуры, которые подвергаются деформации на наших глазах.

Фундаментальный элемент культуры — **язык**. В нем записываются, воспроизводятся и развиваются все смыслы мировоззрения. Как говорят, «человек видит и слышит лишь то, к чему его сделал чувствительным язык его народа». Поэтому та дефор-

мация языка, которую мы наблюдали во время перестройки, — вовсе не следствие безграмотности. Это операция той холодной гражданской войны, в состоянии которой мы пребывали.

Деформировался не только словарь языка, но и строение фразы, ритм. Многие телеведущие или дикторы радио начали говорить как будто не по-русски: с другим ритмом, интонациями, звуковой структурой речи. Нравственное чувство людей оскорбила начатая во время перестройки кампания по внедрению в язык «ненормативной лексики» (мата). Его стали узаконивать в литературе и прессе, на эстраде и телевидении. Появление мата в публичном информационном пространстве вызывало общее чувство неловкости, разъединяло людей.

Это была диверсия в сфере языка. Ведь для каждого его средства есть своя ниша, оговоренная выработанными в культуре нравственными и эстетическими нормами. Разрушение этой системы вызывает тяжелую болезнь всего организма культуры.

Произошел разрыв большей части художественной интеллигенции с корпусом *художественных образов*, которыми питалось наше самосознание. Поднявшаяся наверх вместе с новой властью, новая художественная элита исходила из небывалой в истории культуры установки необратимого разрыва непрерывности, полного отрицания культуры нескольких прежних поколений. В антисоветской революции обрыв корней производился систематически при поддержке государства. В. Ерофеев в статье «Поминки по советской литературе» писал: «Итак, это счастливые похороны, совпадающие по времени с похоронами социально-политического маразма».

«Счастливыми похоронами» началось лавинообразное разрушение всех структур культуры. Этика любви, сострадания и взаимопомощи ушла в катакомбы, диктовать стало *право сильного*. Оттеснили на обочину как нечто устаревшее культуру уживчивости, терпимости и уважения. Мы пережили реванш торжествующего хама в самых пошлых и вызывающих проявлениях. Это и набор символических вещей (вроде «джипов»), и уголовная эстетика на телевидении, и повсеместное оскорбление обычаев и приличий. Это и наглое открытое растление коррупцией символических фигур нашей общественной жизни — милиционера и чиновника, офицера и учителя... Все это — суть культурной политики перестройки. Удар был нанесен по всей мировоз-

зренческой матрице, на которой был собран человек — носитель русской культуры XX в., **человек советский**.

Средства, которые применялись при подавлении «старой» культуры, зачастую преступны. Из духовного пространства России удалены целые пласты культуры: Блок и Брюсов, Горький и Маяковский, многие линии в творчестве Л. Толстого и С. Есенина, революционные и большинство советских песен и романсов. Каков масштаб ампутации! То опустошение культурной палитры, которое произвели под лозунгами демократии, — особый тип измены Родине.

Перестройка привела к важному провалу в культуре, о котором не принято говорить. Он из тех, которые тянут на дно, как камень на шею. Речь о том, что элита присвоила себе *право на ложь*. Общество, где утверждено такое право, слепо. Оно не видит реальности, и с каждой ложью в нем слепнут и поводыри.

Кризис советской политической системы начался с XX съезда, когда верховная власть партии применила фундаментальный (в отличие от ритуального) обман как средство управления самой партией. Тогда в своем известном докладе Н.С. Хрущев пошел на заведомый и сознательный подлог в заявлении о количественных масштабах репрессий сталинского периода. Это положило начало развитию *культуры лжи* в политической верхушке.

С тех пор быстрее всего по лестнице партийной (в том числе в общественных науках) иерархии быстрее всего стали продвигаться люди *двуличные*. Некоторые из них были талантливыми, другие посредственными, но важно, что они приняли нормы двоемыслия, что деформировало всю когнитивную структуру сознания гуманитарной элиты.

Вот, например, воспоминание видного и уважаемого философа Л.Н. Митрохина: «К тому времени (1958) нам была ясна идеологически-корыстная фальшь официальной социальной науки (прежде всего “научного коммунизма”), уверявшей, что советский человек “проходит как хозяин по просторам Родины своей”... Да, Федор Васильевич Константинов... был одной из самых мрачных фигур того времени. Под его началом я работал несколько лет, был заведующим сектором, секретарем партбюро Института, переводил его во время командировки в Вену».

Это — деформация сознания, произведенная перестройкой. Воспоминания Л.Н. Митрохина полны достоинства и уважения к самому себе. Но, если ему «была ясна идеологически-

корыстная фальшь официальной социальной науки», из каких побуждений он пробивался вверх по иерархии этой самой науки? Зачем он «был заведующим сектором, секретарем партбюро Института», работал под началом «одной из самых мрачных фигур того времени»? Если он делал это из шкурных побуждений, то зачем откровенничать, да еще принимать благородную позу? Это ненормально. Ведь, чтобы после этого себя уважать и на своем примере учить жизни молодежь, должно же было быть какое-то объяснение, какая-то уважительная причина! Но почему же он ее не называет?

Как с такой интеллектуальной элитой может не впасть в кризис страна? Интеллектуальные авторитеты, выведенные теперь на авансцену, передают обществу расщепление своего сознания. Мы не говорим о циничной части номенклатуры, которая после 1991 г. пустилась во все тяжкие, занялась коррупцией и глумилась над доверчивыми людьми. У них сознание не расщеплено. Эта ситуация не была обдумана. В результате большая часть гуманитарной интеллигенции стала осознавать себя как *двуличную*, а затем и приняла *двуличие* и обман как норму. Очень многие впали и в *цинизм*.

Лжец теряет контроль над собой, как клептоман, ворующий у себя дома. Речь идет о сдвиге в мировоззрении, подрыве жизнеспособности нашей культуры. Это произошло в самой доктрине перестройки и стало элементом «культурного ядра» общества. Это программа-вирус нашего сознания. Большим и резким изменением в культуре стал тот факт, что в идеологическую борьбу активно включились ученые, обладающие «удостоверением» разумного беспристрастного человека (иногда завоевавшего доверие и своей профессиональной работой). Это подрывало систему престижа, важную опору культуры.

Поток подобных утверждений заполнил все уголки массового сознания и создавал ложную картину буквально всех сфер бытия России. Наше общество было просто «контужено» массивной ложью.

Помню, началось со статей юриста С.С. Алексеева 1986—1987 гг., где он утверждал, что на Западе давно нет частной собственности и эксплуатации, а все стали кооператорами и распределяют трудовой доход. Казалось невероятным: член-корреспондент АН СССР, который должен смотреть в лицо студентам, — и так врать! Ведь известны данные по США: 1% взрослого населе-

ния имеет 76% акций и 78% других ценных бумаг. Эта доля колеблется очень незначительно начиная с 20-х годов XX в.

Вот сводка в «Нью-Йорк таймс» от 17 апреля 1995 г.: 1% населения США владеет 40% всех богатств (включая недвижимость и пр.). А вот данные из переведенной на русский язык книги: «Наиболее богатые 0,05% американских семей владеют 35% всей величины личного имущества, в то время как имущество “нижних” 90% домашних хозяйств составляет лишь 30% его совокупной величины» [182]. Так что десяток акций, которые имеет в США кое-кто из рабочих, — фикция, вроде ваучера Чубайса. Такое вранье, как в пропаганде частной собственности в годы перестройки, видеть приходится нечасто.

Стандарты лжи задавал сам «архитектор перестройки» член Политбюро ЦК КПСС А.Н. Яковлев. Позже он признавался, даже с гордостью: «Для пользы дела приходилось и отступать, и лукавить. Я сам грешен — лукавил не раз. Говорил про “обновление социализма”, а сам знал, к чему дело идет... Есть документальное свидетельство — моя записка Горбачеву, написанная в декабре 1985 г., т.е. в самом начале перестройки. В ней все расписано: альтернативные выборы, гласность, независимое судопроизводство, права человека, плюрализм форм собственности, интеграция со странами Запада... Михаил Сергеевич прочитал и сказал: рано» [209].

Да, в 1985 г. «кончать с советским строем» было рано, идеологическая обработка населения заняла еще 7 лет. Выступая перед партийной аудиторией, с расчетом на публикацию в массовой печати, А.Н.Яковлев сознательно лгал. Он утверждал, что в планах «архитекторов перестройки» и речи нет о приватизации банков и промышленных предприятий, и одновременно имел постоянные контакты с С. Шаталиным, Г. Явлинским и другими экономистами, которые лихорадочно готовили проекты тотальной приватизации банков и промышленности, а в кабинетах шла дележка кусков государственной собственности и подбирались кадры олигархов.

А.Н. Яковлев мог лгать именно потому, что интеллигенция, эта своего рода «национальная корпорация» высокообразованных людей, относилась к этим политическим лжецам благосклонно и даже позволяла им при обмане общества прикрываться авторитетом своих научных титулов.

Сам М.С. Горбачев выполнял важную функцию *«усыпляющего бдительность»*. Это особый тип обмана — он резко снижал способность общества предвидеть и распознавать порождаемые перестройкой угрозы. М.С. Горбачев успокаивал доверчивых граждан: «Иные критики наших реформ упирают на неизбежность болезненных явлений в ходе перестройки. Пророчат нам инфляцию, безработицу, рост цен, усиление социального расслоения, т.е. то самое, чем так “богат” Запад» [40, с. 129]. При этом в окружении самого М.С. Горбачева никто и не сомневался в том, что реформы приведут к «инфляции, безработице, росту цен и усилению социального расслоения». Президент СССР усыплял бдительность общества.

Тяжелый удар по культуре нанесла ложь, которой был пропитан весь идеологический дискурс перестройки, представляющий ее переходом к *демократии* и *правовому* государству. Для тех, кто лично общался с этими идеологами и читал их тексты, эта ложь стала очевидной уже в 1989—1990 гг., но основная масса населения искренне верила в лозунги и обещания — общество действительно доросло до общей потребности в демократии. Но стоило ликвидировать СССР и его политический порядок, как те же идеологи стали издеваться над обманутым населением с удивительной глумливостью.

Большая кампания в перестройке была направлена на разрушение базовых нравственных норм, которое и привело к общей культурной травме, помимо поражения отдельных социокультурных групп. Телевидение и СМИ начали пропаганду *моральной распущенности*, под которой прежде всего понимают отказ от привычных (традиционных) норм отношений полов. Это рассматривалось как средство подрыва «старого порядка». Легитимируя и поощряя половую распущенность, используя ее как инструмент разрушения *культурного ядра* общества, на которое опиралась *культурная гегемония* советского строя, политтехнологи перестройки создали особый срез кризиса культуры.

Было известно, что эта программа *аморализации* общества приведет к тяжелым социальным болезням, которые общество оплатит дорогой ценой и будет изживать очень долго и трудно. Однако эффективность этой политической технологии высока, и решение применить ее против СССР все же было принято.

Поначалу вызывал шок непонятный и неожиданный поворот молодежной прессы, которая занялась активной пропаган-

дой «свободного секса». В 1986—1987 гг. «Московский комсомолец», массовая газета, вдруг начал печатать большую серию статей, пропагандирующих оральный секс. Это казалось полным абсурдом — газета ВЛКСМ. Потом пошли «письма читателей» (скорее всего фальшивые), в которых девочки жаловались на мам, отнимающих у них и рвущих в клочки их любимую газету.

Юристы и психологи пишут в 1991 г.: «Подростки потеряли интерес к привычным общественным ценностям и институтам, традиционным формам проведения досуга. Они больше не доверяют миру взрослых. Не случайно стремительно растет армия ничем не занятых подростков (с 1984 г. она увеличилась в 6 раз). В пресловутых молодежных “тусовках” неминуемо наступает сексуальная деморализация несовершеннолетних девушек» [7].

Социологи из Академии МВД констатировали: «Росту проституции, наряду с социально-экономическими, по нашему глубокому убеждению, способствовали и другие факторы, в частности воздействие средств массовой информации. Отдельные авторы взяв за объект своих сочинений наиболее элитарную часть — валютных проституток, живописали их доходы, наряды, косметику и парфюмерию, украшения и драгоценности, квартиры и автомобили и пр... Эти публикации вкупе с повестью В. Кунина “Интердевочка”, известными художественными и документальными фильмами создали красочный образ “гетер любви” и сделали им яркую рекламу, оставив в тени трагичный исход жизни героинь.

Массированный натиск подобной рекламы не мог остаться без последствий. Она непосредственным образом воздействовала на несовершеннолетних девочек. Примечательны в этом отношении результаты опросов школьниц в Ленинграде и Риге в 1988 г., согласно которым профессия валютной проститутки попала в десятку наиболее престижных» [77].

Цинично, что пропаганда проституции велась под флагом *демократии*, она была представлена «формой протеста» против советского строя — в то время против такого «протеста» невозможно было возразить. Авторы из Академии МВД приводят слова актрисы Е. Яковлевой, сыгравшей роль интердевочки в одноименном фильме П. Тодоровского: «Это следствие неприятия того, что приходится “исхитряться”, чтобы прилично одеваться, вечно толкаться в очередях и еле дотягивать до полочки

или стипендии, жить в долгах. Между тем у них на глазах кому-то доставались любые блага явно не по труду. Образцов роскошной жизни и безнравственного поведения тех, кто до недавнего времени был на виду, хватало. Но именно эти люди громче всех требовали от молодежи нравственной чистоты и бескорыстия. Поэтому проституция часто была для девочек формой протеста против демагогии и несправедливости, с которыми они сталкивались в жизни» [77]¹.

А.А. Зиновьев так обрисовал *структуру* процесса *деградации* ценностной шкалы молодежи, которая была необходимым условием краха СССР: «В России больше нет той системы воспитания и образования детей и молодежи, которая еще не так давно считалась лучшей в мире. Вместо нее новые хозяева России создали систему растления новых поколений с раннего детства и во всех их жизненных проявлениях. Те поколения, которые теперь подрастают, уже принадлежат к иному миру, к иной цивилизации, к иной человеческой общности. Они не имеют исторических корней в делах, идеях и системе ценностей своих предшественников. Растет поколение людей, являющееся карикатурной имитацией всего худшего, созданного в странах Запада. Растет поколение плохо образованных, завистливых, жадных до денег и развлечений, морально растленных с детства, лишенных понятия Родины и гражданского долга и т.п. ловкачей, мошенников, деляг, воров, насильников и вместе с тем людей с рабской психологией и изначальным комплексом неполноценности. С таким человеческим материалом уже невозможны никакие великие свершения» [64].

Наконец, отдельной колонной, которая наступала на СССР во время перестройки, стала преступность, которую финансировала и защитила перестройка.

Во время перестройки произошло событие аномальное: в СССР, одной из самых благополучных по критерию безопасности

¹ По состоянию на 1989—1990 гг. положение было таково: «Чаще других среди проституток преобладают представительницы сферы обслуживания, а также студентки вузов, учащиеся техникумов и ПТУ, школьницы... Ежегодно от проституток заражается свыше 350 тыс. мужчин. Более 1/3 проституток перенесли венерические заболевания, причем некоторые из них по два, три и более раз. Наблюдается рост венерических заболеваний от 20 до 200% в различных регионах страны, в основном у несовершеннолетних... Так, в Новосибирской области 16-летняя проститутка-“дальнобойщица” за короткое время заразила сифилисом 27 водителей» [77].

стран мира, был искусственно раскручен маховик жесткой, массовой, организованной преступности. Страна перешла в совершенно новое качество — новый политический режим сдал население в лапы «братвы».

Был в СССР в 60—70-е годы XX в. преступный мир, но он был замкнут, маскировался, держался в рамках теневой экономики и воровства, воспроизводился *без расширения масштабов*. Общество и государство (и хозяйство, и нравственность, и органы правопорядка) не создавали питательной среды для взрывного роста этой раковой опухоли.

Причины ее роста были известны, и первая из них — изменение социальных условий. Но только от внезапного обеднения и потери работы люди не становятся ворами и убийцами — необходимо было и разрушение нравственных устоев. Оно было произведено, и сочетание этих причин с неизбежностью повлекло за собой взрыв массовой преступности. Преступность — процесс активный, она затягивает в свою воронку все больше людей, преступники и их жертвы переплетаются, меняя всю ткань общества. За пять лет перестройки преступное сознание заняло господствующие высоты в экономике, искусстве, на телевидении. Культ денег и силы! Без духовного оправдания преступника авторитетом искусства не было бы взрыва преступности. Особенностью нашего кризиса стало включение в этическую базу элиты элементов преступной морали в прямом смысле. Преступник стал положительным лирическим героем в поэзии — таков был социальный заказ элиты культурного слоя.

Чтобы этот особый дух «уважения к вору» навязать, хоть на время, большей части народа, трудилась целая армия поэтов, профессоров, газетчиков. Первая их задача была — устранить общие нравственные нормы, которые были для людей неписаным законом. В результате сегодня одним из главных препятствий к возврату России в нормальную жизнь стало широкое распространение и укоренение преступного мышления. Это нечто более глубокое, чем сама преступность. Этот вал антиморали накатывает на Россию и становится одной из фундаментальных угроз.

На телевидении возникла особая мировоззренческая и культурная система, работающая «на понижение». Экран испускал поток лжи и скандалов, сцен насилия и преступлений, в котором тонула проблема добра и зла. На этот поток нельзя было

опереться, в нем захлебывался сам вопрос о бытии. Произошло совмещение того, что должно быть разделено.

А.С. Панарин, говоря о катастрофических изменениях в жизнеустройстве советского общества, подчеркивает это сторону сдвига в культуре: «Но сказанного все же слишком мало для того, чтобы передать реальную атмосферу нашей общественной жизни. Она характеризуется чудовищной инверсией: все то, что должно было бы существовать нелегально, скрывать свои постыдные и преступные практики, все чаще демонстративно занимает сцену, обретает форму “господствующего дискурса” и господствующей моды» [134, с. 297].

В целом удары по советской культуре сыграли в крахе СССР гораздо большую роль, чем обычно считается. Речь идет не о гуманитарной культуре: поэзии и балете, музыке и театре, а обо всей системе представлений о мире и человеке, о добре и зле, о прекрасном и безобразном. Культуролог и социолог Л.Г. Ионин писал: «Гибель советской моностилистической культуры привела к распаду формировавшегося десятилетиями образа мира, что не могло не повлечь за собой массовую дезориентацию, утрату идентификаций на индивидуальном и групповом уровне, а также на уровне общества в целом. В таких обстоятельствах мир для человека и человек для самого себя перестают быть прозрачными, понятными, знакомыми» [69].

Глава 16

ДЕМОНТАЖ НАРОДА

Надо преодолеть ограничения подходов, загоняющих всю жизнь общества за узкие рамки интересов *социальных* групп, и посмотреть, что происходит со *всей системой связей*, объединяющих людей в общности, а их — в общество. Тогда мы сразу увидим, что гораздо более фундаментальными, нежели классовые (социальные) отношения, являются связи, соединяющие людей в *народ*.

При таком взгляде главная причина нашего состояния видится в том, что за годы перестройки был в большой мере «разобран» главный субъект нашей истории, создатель и хозяин СССР — советский *народ*. Это и стало условием разрушения ос-

тальных несущих конструкций общественного строя. В конце перестройки и в 90-е годы XX в. о советском народе наговорили много нелепых вещей: и справа, и слева. Сейчас идеологический накал снизился, в литературе появляются спокойные суждения специалистов. В.Ю. Зорин в книге «Национальная политика в России: история, проблемы, перспектива» (2003) пишет об СССР и его правовой основе: «В его рамках действительно сформировалась новая полиэтническая общность со своей четко выраженной социокультурной спецификой, идеологией, ментальностью, стереотипами поведения, ценностями и критериями духовной жизни» [65, с. 202].

Даже по мнению антисоветского социолога Ю. Левады, «советский народ» — суперэтническая категория, синтезирующая идею государственности и национальной идентичности («семья народов»). По его словам, в советское время эта категория «подавляла и заменяла остальные социогрупповые идентичности, прежде всего этнические». Это сказано как обвинение, но речь идет о том, что в советском обществе этничность отдельных народов была выражена слабее, чем общегражданская идентичность, что и является признаком гражданской нации [94].

Идея *разборки и создания* народов непривычна, поскольку нам внушили, будто общество развивается по таким же законам, что и природа. Мол, зарождаются в природе *виды* растений и животных так же естественно, как зарождаются и развиваются *народы* у людей. В действительности все сообщества людей складываются в ходе их сознательной деятельности, они *проектируются и конструируются*. Это явления культуры, а не природы.

Этот народ и был подвергнут «демонтажу» во время перестройки (подробнее см. [75]). Надо ли понимать термин *демонтаж народа* как метафору, будто народ разбирают, как машину? Если сравнивать с машиной, то да, это метафора. А если считать машину всего лишь наглядным и не слишком сложным примером *системы*, то слова *демонтаж народа* придется принять как нормальный технический термин. Потому что народ — именно система, в которой множество элементов (личностей, семей, общностей разного рода) соединены множеством типов связей так, что целое обретает новые качества, не сводимые к качествам его частей. *Общество* — тоже система, но структурированная существенно иначе, нежели народ.

Связи, соединяющие людей в народ, поддаются исследованию и целенаправленному воздействию. Раз так, можно создать и *технологии* такого воздействия. Эти технологии создавались с момента возникновения народа и государства в рамках традиционного «ремесленного» знания. Теперь они создаются и совершенствуются на научной основе. Если есть технологии воздействия на связи между людьми, значит, народ можно «разобрать», демонтировать так же, как на наших глазах был демонтирован советский рабочий класс или научно-техническая интеллигенция.

Если какая-то технологически продвинутая и имеющая ресурсы сила производит демонтаж народа нашей страны, то исчезает общая воля, а значит, теряет силу и государство — оно *остается без народа*. При этом ни образованный слой, ни политические партии, мыслящие в понятиях классового подхода, этого даже не замечают. В их познавательном аппарате эти процессы не видны.

Бывало ли такое, чтобы народы «разбирали», чтобы угасали их память, разум и воля? Не просто бывало, а и *всегда* было главной или вспомогательной причиной национальных катастроф, поражений, даже исчезновения больших стран, империй, народов. В большинстве случаев нам неизвестны причины таких катастроф, историки лишь строят их версии. Сами же современники бывают слишком потрясены и подавлены бедствиями момента, чтобы вникнуть в суть происходящего.

Почему великая Российская империя в феврале 1917 г., по выражению В.В. Розанова, «слиняла в два дня»? Кучка петербургских масонов виновата? Нет, масоны всего лишь воткнули нож в спину обессилившим «самодержавию, православию и народности». И бессилие это готовилось, уже на стадии необратимой деградации, в течение целых десяти лет.

После 1907 г., когда старая государственность не смогла вобрать в себя энергию революции, а просто *подавила* ее, кое с какими косметическими улучшениями, начался быстрый демонтаж старого имперского народа — и в феврале 1917 г. полк личной охраны государя, набранный исключительно из георгиевских кавалеров, нацепил красные банты.

Если это болезненное состояние возникает в момент большого противостояния с внешними силами (в условиях горячей или холодной войны), то оно непременно будет использовано

противником, и всегда у него найдутся союзники *внутри* народа — какие-то курбские, масоны, диссиденты, сепаратисты и пр. Посмотрите сегодня на Ливию или Сирию.

И едва ли не главный удар будет направлен как раз на тот механизм, что *скрепляет народ*. Повреждение этого механизма, по возможности глубокая разборка народа, — одно из важных средств войны во все времена. В наше время в западных армиях возник даже особый род войск — для ведения *информационно-психологической* войны.

Раньше и сами «люди из народа», и государи это прекрасно знали и о сохранении народа как целого непрерывно пеклись, охраняли его *связность*. Потом мы увлеклись западными экспортными идеями: одни уперлись в идею классов, другие — в идею гражданского общества. О народе думали как о чем-то данном и вечном. У нас даже мало кто знает, *когда* возник русский народ и *каким образом* он был собран. Не учили этому в школе и не надоумили задуматься самим. Когда с середины 70-х годов XX в. Запад, как противник СССР в холодной войне, начал большую программу, направленную именно на демонтаж советского народа, наше общество и государство восприняли эту весть как буржуазную пропаганду. Это не вызвало беспокойства даже в защитных службах государства. Шоры исторического материализма не позволили советскому обществу осознать масштаб этой угрозы. Считалось, что в СССР «нации есть, а национального вопроса нет».

Антисоветские революции в СССР и в Восточной Европе, сходная по типу операция против Югославии в большой мере опирались на искусственное разжигание агрессивной этничности, направленной против *целого*. В годы перестройки уже с участием властной верхушки КПСС по советской системе международных отношений были нанесены мощные удары во всех ее срезax: от хозяйственного до символического. Технологии, испытанные в этой большой программе, в настоящее время столь же эффективно применяются против постсоветских государств и всяких попыток постсоветской интеграции.

В момент смены поколений (80-е годы XX в.) была предпринята форсированная операция. Разрушению духовного и психологического каркаса советского народа была посвящена большая культурная программа. Демонтаж народа проводился сознательно, целенаправленно и с применением сильных тех-

нологий. Предполагалось, что взамен удастся создать новый народ, с иными качествами («новые русские»). Это и был бы *демос*, который должен был получить всю власть и собственность. Ведь *демократия* — это власть демоса, а гражданское общество — «республика собственников»! «Старые русские» («совки»), утратив статус народа, были бы переведены в разряд охлоса, лишённого собственности и прав.

Выполнение этой программы свелось к холодной гражданской войне государства с М. Горбачевым во главе в союзе с этим наспех сколоченным новым народом и его дружинами («новых русских») со старым (советским) народом. Против большинства населения (старого народа) применялись средства информационно-психологической и экономической войны.

Экономическая война внешне выразилась в разрушении народного хозяйства, «приватизации» земли и промышленности. Это привело к кризису и утрате социального статуса огромными массами рабочих, технического персонала и квалифицированных работников села. Резкое обеднение и резкое обогащение привели к изменению *образа жизни* всего населения. Это означало резкое изменение в материальной культуре народа и разрушало его мировоззрение и культуру.

Воздействие на массовое сознание в *информационно-психологической* войне имело целью непосредственное разрушение *культурного ядра* народа. Был произведен демонтаж исторической памяти на очень большую глубину, опорочены или осмеяны символы, скреплявшие национальное самосознание, в людях разжигалось антигосударственное чувство, неприязнь к главным институтам государства: власти, армии, школе, даже Академии наук.

В результате этих войн население утратило систему ценностных координат и норм, что привело к разрыву или ослаблению соединяющих людей связей. Сдвиги и в сознании, и в образе жизни были инструментами демонтажа того *народа*, который составлял общество и на согласии которого держалась легитимность советской государственности. Защитные системы советского государства и общества не нашли адекватного ответа на этот исторический вызов.

Здравый смысл (преимущества совместной жизни в большой сильной стране) побуждал большинство поддерживать связность советского народа. Это проявилось на референду-

ме 1991 г. и во множестве последующих исследований. Утопия (братство народов в единой семье) также сохранила свою сплачивающую силу вплоть до ликвидации СССР. Однако к 1991 г. советский народ был в большой степени «рассыпан»: осталась масса людей, лишенных национальной информационной системы и не обладавших «надличностным» сознанием и коллективной волей. Эта масса людей утратила связную картину мира и способность к логическому мышлению, выявлению причинно-следственных связей и предвидению будущего.

В этом состоянии у населения отсутствует ряд качеств народа, необходимых для организации действий в защиту хотя бы своего права на жизнь. Можно говорить, что народ болен и лишен дееспособности, как бывает ее лишен больной человек, который еще вчера был сильным и энергичным. У государства с таким населением резко ослаблен суверенитет. Власть в нем легко свергается просто при помощи спектакля, построенного на голом отрицании и возбуждении эмоций. Свержение государств и уничтожение народов происходит сегодня не в ходе классовых революций и межгосударственных войн, а посредством искусственного создания и стравливания *этносов*. Бесполезно пытаться защититься от этих новых типов революции и войны марксистскими или либеральными заклинаниями — бои идут в ином пространстве.

Внешние атрибуты державы и вообще независимой страны — сильная государственность и наличие национального проекта, понятого и поддержанного большинством общества. Но для их сохранения необходимо существование *народа*. В народе, в отличие от населения, люди, семьи, общности связаны так, что «целое больше суммы частей». Здесь возникает мнение народное, народная сила, которых нет даже в сотнях миллионов «свободных индивидов», они — как куча песка.

Одним из губительных дефектов нашего общественного сознания была убежденность, будто народ, когда-то возникнув (по воле Бога или под влиянием космических сил, пассионарного толчка и др.), не может пропасть. Разве когда-нибудь мы задумывались о том, что народ надо сохранять? Разве говорилось нам в школе, вузе, в СМИ, что для этого необходимы такие-то и такие-то усилия и средства? Нет, мы будто получили народ от предков как *данность* и даже не думали, что он нуждается, как любая система, в охране, уходе, «ремонте».

На деле жизнь народа сама по себе вовсе не гарантирована, нужны непрерывные усилия по ее осмыслению и сохранению. Это — особый труд, требующий ума, памяти, навыков и упорства. Как только этот труд перестают выполнять, жизнь народа деградирует, иссякает и утрачивается. Народ жив, пока все его части — власти, воины, поэты и обыватели — непрерывно трудятся ради его *сохранения*. Одни охраняют границы «родной земли», другие возделывают землю, не давая ей одичать, третьи не дают разрастись опухолу преступности. Все вместе берегут и ремонтируют центральную мировоззренческую матрицу, хозяйство, тип человеческих отношений. Кто-то должен строго следить за «универсумом национальных символов»: не позволять, чтобы вредители их очерняли или осмеивали. Эту работу надо вести как непрерывное строительство, как постоянное *созидание* этнических и национальных связей между людьми.

В этом смысле схожа судьба складывавшейся нации Российской империи и вполне сложившегося советского народа. Обе эти общности обладали большой энергией и переживали период быстрого развития. Но социальные и культурные условия стали тормозить это развитие — и начался распад связей, который был использован заинтересованными политическими силами (антиимперскими в прошлом и антисоветскими в конце XX в.) для активного *демонтажа* народа. Ослабление связности народа — средство любой холодной войны, что прямо отражено даже в наставлениях и руководствах (например, США).

В начале XX в. кризис был взорван «снизу», и в России оказалось достаточно организованных сил, чтобы произвести пересборку народа и подгонку условий, отвечающих его чаяниям. При назревании очередного кризиса в конце XX в. инициатива была перехвачена альянсом «верхов» (части номенклатуры), «низов» (преступного мира) и внешних сил (геополитических противников СССР на Западе). Разрушение страны (СССР как «империи зла») требовало и разрушения ее народа. «Рассыпание» народа как раз и стало главной причиной глубокого затяжного кризиса.

К концу 1991 г. степень «разрыхления» народа была достаточна для ликвидации СССР при полной недееспособности всех защитных систем государства. Без глубокого демонтажа советского народа было невозможно установить жесткий контроль и передачу национального достояния новым хозяевам. По вы-

ражению А.С. Панарина, «атомизация народа, превращаемого в диффузную, лишенную скрепляющих начал массу, необходима не для того, чтобы и он приобщился к захватывающей эпопее тотального разграбления, а для того, чтобы он не оказывал сопротивления» [134, с. 31].

Прочтение, уже «после битвы», основных текстов доктрины перестройки показывает, что ликвидация советского народа как особой полиэтнической общности была целью *фундаментальной*. Эта операция велась в двух планах: ослабление и разрушение ядра советской гражданской нации, *русского народа*, и разрушение системы межэтнического общежития в СССР. Интенсивно разрабатывался тезис, что никакого советского народа (нации) не существует и что обитающие в СССР народы системной общностью не являются.

Планы политиков «разделения дома», каким был для советского народа СССР, резко ослабляли «семейные узы» разных народов, провоцировали дезинтеграцию народа по национальным границам. Разрывались связи не только между нерусскими народами и русским ядром, но и между народами-соседями, а также между субэтносами, соединившимися в народы сравнительно недавно (например, между частями таких народов, как аварцы, коми или мордва). Политики отравили сознание народов.

В годы перестройки уже с участием властной верхушки КПСС по советской системе межнациональных отношений были нанесены мощные удары во всех ее срезах: от хозяйственного до символического. Были использованы инструменты всех больших идеологий: либерализма, марксизма и национализма. Рупором идеи разрушения Советского Союза стал А.Д. Сахаров [164]. В информационно-психологической подготовке политических акций принял участие весь цвет либерально-демократической элиты.

Предложенная А.Д. Сахаровым «Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии» (1989) означала расчленение СССР на 150 независимых государств. Например, о нынешней РФ в ней сказано (ст. 25): «Бывшая РСФСР образует республику Россия и ряд других республик. Россия разделена на четыре экономических района: Европейская Россия, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь. Каждый экономический район имеет полную экономическую самостоятельность, а также самостоятельность в ряде других функций». Примечательно, что в этой «конститу-

ции» Северный Кавказ в Россию не включен — он входит в «ряд других республик» [164, с. 272].

В «Предвыборной платформе», которую А.Д. Сахаров опубликовал 5 февраля 1989 г., было выдвинуто такое требование: «Компактные национальные области должны иметь права союзных республик... Поддержка принципов, лежащих в основе программы народных фронтов Прибалтийских республик». Помимо полной (!) экономической самостоятельности эти «области» и даже части «республики Россия» должны были получить свои силовые структуры — предполагалась не только политизация этничности, но и ее вооружение.

Вот ст. 20 «конституции» А.Д. Сахарова: «Вооруженные силы формируются на основе Союзного договора... республика может иметь республиканские Вооруженные силы или отдельные рода войск, которые формируются из населения республики и дислоцируются на ее территории». А вот ст. 23: «Республика имеет собственную, независимую от Центрального Правительства систему правоохранительных органов (милиция, министерство внутренних дел, пенитенциарная система, прокуратура, судебная система)» [164, с. 270-271].

Это были важные действия в сфере политики и даже политической философии. Вспомним первые этапы реализации доктрины развала СССР во время перестройки. В июне 1987 г. Европарламент учредил День памяти жертв геноцида в Армении. Началась череда торжественных церемоний в Ереване. К этому были приурочены публикации писателей З. Балаяна и С. Капутикян, в которых ненависть к туркам переносилась на соседей-азербайджанцев, которых называли не иначе как «турками». Готовился кровавый конфликт — самое сильное средство разрушения межнациональных отношений.

В этой операции большую подготовительную работу провели «московские демократы». Историк С. Лёзов писал об их роли в провоцировании конфликта вокруг Нагорного Карабаха: «По моим наблюдениям, “московские друзья” нередко добились эффекта при помощи запрещенного приема: обращаясь к армянской аудитории, они использовали глубоко укорененные антитуркские и антиисламские чувства армян, т.е. унижались до пропаганды национальной и религиозной вражды в чужой стране, относясь при этом к армянам как к “братьям нашим меньшим”, с которыми можно и нужно говорить именно на раси-

стском языке. “Московские друзья” укрепляют как раз те элементы армянского мифа, что изолируют армян от соседних народов и обеспечивают их “антитурецкую” идентичность» [95].

Генерал-майор КГБ В.С. Широнин, направленный в зону конфликта, пишет: «Первый сигнал к волнениям в Карабахе поступил к нам «из-за бугра». Академик Абел Аганбегян в середине ноября 1987 г. во время приема, устроенного в его честь Армянским институтом Франции и Ассоциацией армянских ветеранов, выразил желание узнать о том, что Карабах стал армянским. Кроме того, в Москве широко распространились слухи о том, что Аганбегян сослался на свою беседу с Горбачевым, в которой всемогущий генсек ЦК КПСС якобы сказал, что Карабах будет передан Армении. Поразительно, несмотря на этот чрезвычайно устойчивый слух, ни тогда, ни позже, даже в разгар карабахской войны, Горбачев ни прямо, ни косвенно его не опроверг...

Заявление Абела Аганбегяна мгновенно стало центральной темой для многих зарубежных армянских газет и журналов, для радиостанции “Айб” в Париже, а также армянских редакций радио “Свобода”, “Голос Америки” и других... В результате прозвучавший в далеком Париже призыв к беззаконию стал по сути началом карабахского конфликта» [192].

В Москве идею «принадлежности Карабаха к Армении» сразу поддержал А.Д. Сахаров. В письме М. Горбачеву он потребовал передачи НКАО в состав Армении и начал кампанию в прессе. Одновременно были созданы условия для вооружения боевиков Народного фронта Азербайджана¹. Так началась война в Закавказье еще в рамках СССР. Была создана возможность повсеместно разжечь «политизированную этничность» — напряженность и конфликты на «границах» контакта разных этнических групп. Расселение этносов уже в Российской империи привело к «чересполосице», а при повышении мобильности во время индустриализации и урбанизации население всей территории СССР стало многонациональным. Был выработан ряд экономических, культурных и административных механизмов, которые быстро и «автоматически» разрешали межэтнические противоречия в до-торговой фазе и предотвращали развитие конфликтов.

Именно благодаря доработанному в СССР типу межнационального общежития кооптация в русский народ близких по

¹ Они переправляли через реку Аракс в Иран советские телевизоры и за один телевизор получали автомат Калашникова.

культуре «этнически иных» стала процессом молекулярным, идущим непрерывно. Он стал выгоден всем, а значит, шел самопроизвольно. В 1988 г. 16% русских мужчин и 17,2% русских женщин вступили в брак с людьми другой национальности. Большинство детей от этих браков становились бы в советское время русскими. Усиление этнонационализма сразу блокировало этот процесс и даже могло обратить его вспять — те, кто уже осознавал себя русским, могли отказаться от этого звания.

В целом народы упирались под давлением националистических элит (точнее, «этнических предпринимателей», которые создавали хаос для захвата собственности своих же народов). В книге «Есть мнение» из опросов 1989—1990 гг. делается вывод, что политизация этнического чувства была еще очень слабой: «Наибольшую значимость этих вопросов выразило население Прибалтийских республик (максимальное значение — 23%, минимальное — Украина — 6%)... [На Украине] кроме гуманитарной интеллигенции (писателей, журналистов, педагогов) этими вопросами мало кто встревожен... Проблематика “крови и почвы” волнует преимущественно националистические почвенные группы... В целом их позиция мало значима для основной массы населения (на Украине этот пункт анкеты получил наименьшее число голосов — 1%; близкие данные по Казахстану — 2%)» [58, с. 198—199].

Но технологии разжигания межэтнических войн были отработаны до совершенства в ходе борьбы западных стран с национально-освободительными движениями колоний в послевоенные годы. Как только был разрушен союзный центр и ликвидирован СССР, и в РСФСР, и на окраинах СССР возникли тяжелые межэтнические проблемы.

Вернемся к демонтажу советского народа в целом, независимо от его многонациональной структуры. К концу перестройки исподволь стала культивироваться фундаментальная мысль, что население СССР вообще не является *народом*, а народом является лишь скрытое до поры до времени в этом населении особое меньшинство. В середине 80-х годов XX в. эти рассуждения поражали какой-то абсурдной элитарностью, но мы просто не понимали их смысла¹.

¹ Точно так же не поняли мы и смысла созданного в конце 80-х годов XX в. понятия «*новые русские*». Оно было воспринято как обозначение обогатившегося меньшинства, хотя разрабатывалось как обозначение *нового народа* — тех, кто

Ненависть возникающего в революции-перестройке «нового народа» к прежнему народу была вполне осознанной. К 1991 г. самосознание «новых русских» как народа, *рожденного революцией*, вполне созрело. Их лозунги, которые большинству казались антидемократическими, на деле были именно *демократическими* — но в понимании западного гражданского общества. Потому что только причастные к этому меньшинству были *демосом* (т.е. народом), а остальные остались «совками».

Г. Павловский писал в июле 1991 г.: «То, что называют “народом России”, — то же самое, что прежде носило гордое имя “актива”, — публика, на которую возлагают расчет. Политические “свой”...» [132]¹. Отношение к тем, кто программу новой власти признавать не желал, с самого начала было крайне агрессивным. В «Московском комсомольце» поэт А. Аронов писал об участниках первого митинга оппозиции: «То, что они не люди, — понятно. Но они не являются и зверьми. «Зверье, как братьев наших меньших...» — сказал поэт. А они таковыми являться не желают. Они претендуют на позицию третью, не занятую ни человечеством, ни фауной».

Интеллектуал из Института философии РАН, выступая в Горбачев-фонде перед лицом бывшего Генерального секретаря ЦК КПСС, говорил такие вещи: «Британский консерватор скорее договорится с африканским людоедом, чем член партии любителей Гайдара — с каким-нибудь приматом из отряда анпиловцев». Вдумаемся: философ, который считает себя *демократом*, на большом собрании элитарной интеллигенции называет людей из «Трудовой России» *приматами*. Только потому, что они пытались, чисто символически, защитить именно демократические ценности человеческой солидарности.

отверг «дух Отечества». При введении самого термина «новые русские» было сказано, что к ним принадлежат те, кто отверг «русский Космос, который страшнее Хаоса».

¹ Вот рассуждение Г. Павловского о «его народе», интеллигенции: «Русская интеллигенция вся инакомыслящая: инженеры, поэты, жида. Ее не обольстишь идеей национального (великорусского) государства... Она не вошла в новую историческую общность советских людей. И в сверхновую общность “республиканских великорусов” едва ли поместится... Поколение-два, и мы развалим любое государство на этой земле, которое попытается вновь наступить сапогом на лицо человека. Русский интеллигент является носителем суверенитета, который не ужился ни с одной из моделей российской государственности, разрушив их одну за другой» [132].

Доктрина такой сегрегации населения излагалась еще до краха советского государства. Предполагалось, что на первом этапе реформ будут созданы лишь «оазисы» рыночной экономики, в которых и будет жить *демос* (10% населения). В *демократическом* государстве именно этому демосу и будет принадлежать власть и богатство. Прежде такое представление о народе в России почти никому не приходило в голову, на Западе же проблематика гражданского общества, в котором население разделяется на две общности, собранные на разных основаниях и обладающих разными *фактическими* правами, и поныне продолжает быть предметом политической философии.

Весной 1991 г. в типичной статье была дана формула этой доктрины: «Демократия требует наличия демоса — просвещенного, зажиточного, достаточно широкого “среднего слоя”, способного при волеизъявлении руководствоваться не инстинктами, а взвешенными интересами. Если же такого слоя нет, а есть масса, где впритирку колышутся люди на грани нищеты и люди с большими... накоплениями, масса, одурманенная смесью советских идеологем с инстинктивными страхами и вспышками агрессивности, — говорить надо не о демосе, а о толпе, охлосе... Надо сдерживать охлос, не позволять ему раздавить тонкий слой демоса, и вместе с тем из охлоса посредством разумной экономической и культурной политики воспитывать демос» [56].

Сразу же была поставлена задача изменить тип государства так, чтобы оно изжило свой *патерналистский* характер и перестало считать *все* население народом (и потому собственником и наследником достояния страны). Теперь утверждалось, что *настоящей* властью может быть только такая, которая защищает *настоящий* народ, т.е. «республику собственников»¹.

В своих требованиях срочно изменить тип государственности идеологи *народа собственников* особое внимание обращали на армию — задача создать наемную армию была поставлена сразу же, еще до ликвидации СССР. Для этого надо было превратить армию из «защитницы трудового народа» в армию карательного типа. Когда мы читали эти тексты в элитарных жур-

¹ В главном план оказался утопическим и выполнен не был. Созданный социально-инженерными средствами квазинарод («новые русские») оказался выхолощенным, лишенным творческого потенциала и неспособным к строительству в социальной и культурной сфере. Состояние, в которое был приведен народ России, превратило кризис в *смуту*. Это положение более тяжелое, чем кризис.

налах в 1991 г., они казались бредом сумасшедшего, а на деле говорилось о программе, над которой долго корпели «лучшие умы» мировой элиты.

Д. Драгунский пишет: «Поначалу в оазисе рыночной экономики будет жить явное меньшинство наших сограждан... Надо отметить, что у жителей этого светлого круга будет намного больше даже конкретных юридических прав, чем у жителей крошечной (т.е. внешней, окольной) тьмы: плацдарм победивших реформ окажется не только экономическим или социальным — он будет еще и правовым... Но для того чтобы реформы были осуществлены хотя бы в этом, весьма жестоком виде, особую роль призвана сыграть армия...

Армия в эпоху реформ должна сменить свои ценностные ориентации. До сих пор в ней силен дух РККА, рабоче-крестьянской армии, защитницы сырых и обездоленных от эксплуататоров, толстосумов и прочих международных и внутренних буржуинов... Армия в эпоху реформы должна обеспечивать порядок. Что означает реально охранять границы первых оазисов рыночной экономики. Грубо говоря, защищать предпринимателей от бунтующих люмпенов. Еще грубее — защищать богатых от бедных, а не наоборот, как у нас принято уже семьдесят четыре года. Грубо? Жестоко? А что поделаешь...» [57].

Говоря об этом разделении, его сторонники в разных выражениях давали характеристику того большинства (охлоса), которое не включалось в народ и должно было быть отодвинуто от власти и собственности. Г. Померанц пишет: «Добрая половина россиян — вчера из деревни, привыкла жить по-соседски, как люди живут... Найти новые формы полноценной человеческой жизни они не умеют. Их тянет назад... Слаборазвитость личности — часть общей слаборазвитости страны. Несложившаяся личность не держится на собственных ногах, ей непременно нужно чувство локтя» [143].

На завершающей стадии перестройки в обиход вошла ветхозаветная метафора *Исхода*. Она уже была «активирована» и стала действенным политическим лозунгом — СССР вполне серьезно уподоблялся Египту. Стоит напомнить ее смысл.

В книге *Исход* сказано: «В полночь Господь поразил всех первенцев в земле Египетской, от первенца фараона, который сидит на престоле своем, до первенца узника, находившегося в темнице, и все первородное из скота. И сделался великий вопль

во всей земле Египетской, ибо не было дома, где не было бы мертвеца... И сделали сыны Израилевы по слову Моисея и просили у Египтян вещей серебряных и вещей золотых и одежд. Господь же дал милость народу Своему в глазах Египтян: и они давали ему, и обобрал он Египтян».

Главный раввин Москвы Рав Пинхас Гольдшмидт писал в «Независимой газете» в 1994 г.: «Гематрия, один из разделов Каббалы, где дается объяснение явлениям на основе числовых значений слов и понятий, показывает нам, что сумма числовых значений слова «Мицраим» — «Египет» и «СССР» одинаково. Так же и ситуация сейчас во многом сходна» [151].

В этой общей концепции разделения на демос и охлос, на «совков» и «новых русских», на две расы и т.д. был и военный мотив не просто ограбления или «приватизации», подобно тому как в Египте библейский избранный народ «обобрал Египтян».

Политики, которые конструировали этничность «новых русских», определенно считали их *нацией*. В газете «Утро России», органе партии *Демократический союз* (В. Новодворской), ее главный редактор В. Кушнир писал в статье «Война объявлена, претензий больше нет» (февраль 1991 г.): «Рано или поздно, осыпаемые оплеухами, мы перейдем наш Рубикон и тогда все изменится. Вот почему я за войну... После взрыва, ведя войну всех со всеми, мы сумеем стать людьми. Страна должна пройти через испытания... Сражаться будут две нации: новые русские и старые русские. Те, кто смогут прижиться к новой эпохе, и те, кому это не дано. И хотя говорим мы на одном языке, фактически мы две нации».

Как повлиял на связность советского народа начавшийся в 1990 г. экономический и социальный кризис, спровоцированный реформой? Если в духовном плане соединение в народ требует наличия общего культурного ядра (мировоззрения, понятий о добре и зле), общего образа «благой жизни», то в плане материальном требуется общий для народа *образ жизни*, принадлежность к одному типу цивилизации. Иными словами, не должно быть слишком глубокого расслоения по доступности основных благ, как в социальном (между группами и классами), так и в национальном плане (между народами и народностями России). Это те плоскости, в которых уложены главные связи, соединяющие людей в народы. Связи общего хозяйства, общей культуры, общей памяти. Для России эти плоскости были одинаково важны и связаны неразрывно. Болезни социальные всегда при-

нимали у нас национальную окраску — и наоборот. В обеих этих плоскостях поработали «архитекторы и прорабы перестройки».

Одним народом ощущают себя люди, ведущие совместимый, понятный всем частям народа *образ жизни*. Иными словами, когда социальное расслоение народа достигает «красной черты», социально разделенные общности начинают расходиться и приобретают черты разных народов. Сходство материального уровня жизни ведет к сходству культуры и мировоззрения, отношения к людям и государству, моральных норм. Напротив, возникновение резкого отличия какой-то группы по материальному положению, по образу жизни отделяет ее от тела народа, делает членов этой группы отщепенцами или изгоями.

В России социальный разлом в XIX в. в конце концов «рассек народ на части» вплоть до Гражданской войны, начавшейся с крестьянских волнений 1902 г. Крестьяне воевали со своими соплеменниками-помещиками как с иным, враждебным народом. Классовое и этническое чувство превращаются друг в друга. В начале XX в. на социальный раскол наложился и раскол мировоззренческий. Такие расколы возникают, когда какая-то часть народа так резко меняет важную установку мировоззрения, что остальные не могут с этим примириться. Расколы, возникающие как будто из экономического интереса, тоже связаны с изменением мировоззрения, что вызывает ответную ненависть.

Эта история сегодня повторяется в худшем варианте. В годы перестройки социал-дарвинизм, представление «слабых» («люмпенов», «неприспособленных» и пр.) как иного биологического подвида, стал почти официальной идеологией, которая внедрялась в умы всей силой СМИ. Многие ей соблазнились, тем более что она подкреплялась шансами пожить за счет «низшей расы». Этот резкий разрыв с традиционным представлением о человеке проложил важнейшую линию раскола.

Богатые стали осознавать себя особым, «новым» народом. Уже перестройка стала делить народ на две части, живущие в разных цивилизациях и как будто в разных странах: на богатых и бедных. И они расходятся на два враждебных народа. Этот раскол еще не произошел окончательно, но мы уже на краю пропасти. От тела народа «внизу» отщепляется общность людей, живущих в *крайней* бедности, — «социальное дно», численность которого за 10 лет достигла около 10% городского населения или 11 млн. человек. В состав его входят нищие, бездомные, беспри-

зорные дети. Большинство нищих и бездомных имеют среднее и среднее специальное образование, а 6% — высшее.

«Дно» непрерывно «перемалывает» втягиваемую в него человеческую массу (смертность бездомных составляет 7% в год при среднем уровне для всего населения 1,5%). Столь же непрерывно оно засасывает в себя пополнение из бедной части населения. Сложился слой «придонья», в который входят примерно 5% населения (7 млн. человек). Принадлежащие к этому слою люди еще в обществе, но с отчаянием видят, что им в нем не удержаться [155].

Это — пропасть, отделяющая от народа общность изгоев в размере около 18 млн. человек — целый народ большой страны. При этом и благополучное большинство меняется, потому что признать бедственное положение своих братьев и сограждан как приемлемую норму жизни — значит порвать с традиционной культурой. Вся бедная часть по мере исчерпания унаследованных от советского времени ресурсов начинает отделяться от «среднего класса» и сдвигаться вниз, в цивилизацию трущоб. Россия обретает черты двойного общества, в котором практически складываются нормы апартеида.

Тут и таится первая и главная опасность для постсоветской России — продолжается демонтаж народа.

Глава 17

ПЕРЕСТРОЙКА: ДЕМОНТАЖ ОБЩЕСТВА

Субъекты общественных процессов — это не отдельные личности, а общности, собранные и воспроизводимые на какой-то матрице. Состояние всей системы общностей, соединенных в общество, определяет возможности «личного состава» страны: ее населения и народа.

Мы говорили в гл. 16, что во время перестройки самым первым объектом трансформации и даже демонтажа стал *народ* (*нация*). Выполнение политической задачи «разборки» советского народа привело к повреждению или разрушению многих связей, соединявших граждан в народ. Альтернативной матрицы для сборки иного народа (нации) создано не было. Никакой программы нациестроительства государство не выработало до сих пор.

Разделение народа становится привычным фактом — разведенные реформой части общества уже осознали наличие между ними пропасти. Фундаментальный «системный» раскол, раскол на *бедных* и *богатых*, прошел по экономическим, социальным и мировоззренческим основаниям: «Бедные и богатые в России — два социальных полюса, причем речь идет не просто о естественных для любого общества с рыночной экономикой различных уровнях дохода отдельных социальных страт, источников поступления этого дохода и его структуры, но о таком качественном расслоении общества, при котором на фоне всеобщего обеднения сформировалась когорта сверхбогатых, социальное поведение которых несовместимо с общепризнанными моральными, юридическими и другими нормами» [44].

На этот раскол накладывается сетка деления по региональным основаниям и по типам поселений. Жители мегаполисов и российская провинция — совершенно разные «России».

В результате дезинтеграции народа сразу же началась деградация *внутренних* связей каждой отдельной общности (профессиональной, культурной, возрастной). Совокупность социальных общностей как структурных элементов российского общества утратила «внешний скелет», которым для нее служил народ (нация). При демонтаже народа была утрачена скрепляющая его система связей «горизонтального товарищества», которые пронизывали все общности: и как часть их «внутреннего скелета», и как каналы их связей с другими общностями. Произошла *дезинтеграция* советского общества.

Приступая к этой проблеме, надо кратко уточнить наше представление об *обществе*. Как и в отношении понятия *народ*, в обыденном сознании общество представляется как *вещь* — массивная, подвижная, чувственно воспринимаемая и существующая всегда. Это представление было воспринято вместе с механицизмом картины мира в проекте Просвещения и укреплено в советское время историческим материализмом, в котором общество выглядело как движение масс, организованных в классы, ведущих между собой борьбу.

Привычная для нас социология, сложившаяся в рамках такого классового подхода, и занималась изучением состава и численности социальных групп, названия которых были им присвоены как раз в канонах этого подхода. Социологи старались определить границы этих групп, споря о принадлежности от-

дельных групп и «прослоек» к тому или иному классу. Этот образ нам близок.

Однако такое положение подвергается критике. Как говорят, оно приводит к тому, что «социальные группы натурализируются... т.е. наделяются таким же онтологическим статусом, что и “вещи”, существующие вне и независимо от сознания социолога». Критики даже пишут: «Можно констатировать, что подавляющее большинство социологов отождествляют социальную группу с “субстанцией” — множеством людей, границы которого тем или иным способом конструирует научное сообщество» [80].

Учитывая эту критику, мы рассматриваем здесь общество как сложную систему, которая не возникает «сама собой» и не является данной нам «вещью». Ее надо конструировать и создавать, непрерывно воспроизводить и обновлять. Общество находится в процессе непрерывного развития, так что переплетаются интеграция и дезинтеграция — как отдельных элементов, так и всей системы в целом.

В ходе кризиса западного индустриального общества последних десятилетий XX века обнаружилась угроза распада общества как системы. В 2002 г. один из ведущих социологов Запада А. Турен таким образом сформулировал вызов, перед которым оказалось обществоведение: «Мир становился все более капиталистическим, все большая часть населения втягивалась в рыночную экономику, где главная забота — отказ от любого регулирования или экономического, политического и социального контроля экономической деятельности. Это привело к дезинтеграции всех форм социальной организации, особенно в случае городов. Распространился индивидуализм. Дело идет к исчезновению социальных норм, заменой которых выступают экономические механизмы и стремление к прибыли.

В завершение можно утверждать, что главной проблемой социологического анализа становится изучение исчезновения социальных акторов, потерявших под собой почву или из-за волюнтаризма государств, партий или армий, или из-за экономической политики, пронизывающей все сферы социальной жизни, даже те, что кажутся далекими от экономики и логики рынка. В последние десятилетия в Европе и других частях света самой влиятельной идеей была смерть субъекта. Это можно считать эквивалентом того, что принято называть критической социологией» [176].

Это вывод, трагический для современной цивилизации: *смерть субъекта. Исчезновение социальных акторов*, т.е. коллективных субъектов общественных процессов! Это совершенно новое состояние социального бытия, мы к этому не готовы ни интеллектуально, ни духовно, а осваивать эту новую реальность надо срочно. Но, судя по множеству признаков, глубина и разрушительность этого кризиса «в Европе и других частях света» не идет в сравнение с тем, что пережил СССР и переживает в настоящее время Россия.

Кризис нашего общества, вошедший в открытую фазу в 1985 г. и перешедший в 1991 г. в острую стадию, потряс всю общественную систему, все ее элементы и связи. Он был организован политическими средствами как инструмент разрушения общественного строя, ведь этот строй есть создание общества. В свою очередь, глубокая дезинтеграция общества стала одной из главных причин продолжительности и глубины общего кризиса постсоветских стран. Маховик этого процесса, запущенный перестройкой, был раскручен в 90-е годы XX в. как способ демонтажа остаточных структур *советского* общества. Остановить этот маховик после 2000 г. не удалось (если такая задача вообще была осознана и поставлена).

А. Тойнби писал, что «больное общество» (в состоянии дезинтеграции) ведет войну «против самого себя». Образуются социальные трещины: и «вертикальные» (например, между региональными общностями), и «горизонтальные» (внутри общностей, классов и социальных групп). Это и происходит в России. В большой обзорной работе (1999) сказано: «В настоящее время в российском социальном пространстве преобладают интенсивные дезинтеграционные процессы, размытость идентичностей и социальных статусов, что способствует аномии в обществе. Трансформационные процессы изменили прежнюю конфигурацию социально-классовой структуры общества, количественное соотношение рабочих, служащих, интеллигенции, крестьян, а также их роль. Судьба прежних высших слоев (политическая и экономическая элита) сложилась по-разному: кто-то сохранил свои позиции, используя имеющиеся привилегии, кто-то утратил. Хуже всех пришлось представителям прежних средних слоев, которые были весьма многочисленны, хотя и гетерогенны: профессионалы с высшим образованием, руководители среднего звена, служащие, высококвалифицированные рабочие. Боль-

шая их часть обеднела и стремительно падает вниз, незначительная доля богатеет и уверенно движется к вершине социальной пирамиды...

Коренным образом изменились принципы социальной стратификации общества, оно стало структурироваться по новым для России основаниям... Исследования подтверждают, что существует тесная связь между расцветом высшего слоя, «новых русских» с их социокультурной маргинальностью, и репродукцией социальной нищеты, криминала, слабости правового государства» [45].

В перестройке демонтажу были подвергнуты прежде всего профессиональные общности, игравшие ключевую роль в поддержании политического порядка СССР. Таковыми были, например, *промышленные рабочие* («рабочий класс»), *крестьяне, интеллигенция, офицерство*.

Дезинтеграция российского общества — едва ли не главная тема современной социологии. Многие исследования по этой теме были начаты еще в середине 80-х годов XX в. и дают нам достаточно материала. Все типы воздействий на общество в этом процессе находятся в системном взаимодействии. Мы здесь кратко рассмотрим лишь одну сторону дела, более наглядную и измеримую, — воздействие на восприятие массовым сознанием разных социокультурных общностей посредством СМИ. В городском обществе, в котором резко ослаблены потоки информации об обществе через личные контакты, действует правило: «То, что не представлено в СМИ, не существует». А если какая-то социальная группа «не существует» в массовом сознании, она «угасает» и в реальной общественной жизни¹. Люди, входившие в эту группу, остаются, но группа как *система* распадается.

Эта операция вытеснения конкретных социокультурных групп из массового сознания, осуществленная в перестройке, есть все лишь видимая «верхушка айсберга» большой политической и экономической кампании (например, политическим

¹ Мы привыкли «видеть» социальные общности как *объективную реальность*, хотя это — продукт нашего мыслительного конструирования образа реальности, которое иногда побуждается теоретической работой философов. П. Бурдьё сказал в интервью (1992): «Тот особый случай, который представляет собой проблема социальных классов, считающаяся уже решенной, очевидно, чрезвычайно важен. Конечно, если мы говорим о классе, то это в основном благодаря Марксу. И можно было бы даже сказать, если в реальности и есть что-то вроде классов, то во многом благодаря Марксу, или более точно, благодаря теоретическому эффекту, произведенному трудами Маркса» [22].

инструментом разрушения самосознания и самоуважения профессиональных общностей стало резкое обеднение этих общностей, которое вызвало культурный шок и привело к сужению сознания людей). Но по этой верхушке можно судить о целом, как по симптому судят о болезни.

Во время перестройки были повреждены или ликвидированы инструменты, необходимые для поддержания *самосознания* общностей — необходимого средства для их сплочения. Одновременно их существование замалчивалось в СМИ или они дискредитировались.

О.А. Кармадонов измерял количественные и качественные индикаторы представления в самых популярных СМИ образа главных социокультурных групп начиная с 1984 г. В большой итоговой работе (2010) он так пишет об участии СМИ в «трансформации основных социально-профессиональных групп в годы перестройки и постсоветской трансформации»: «Как следует из представленного анализа, в тот период развенчивались не только партия и идеология. В ходе “реформирования” отечественного социума советского человека убедили в том, что он живет в обществе тотальной лжи. Родная армия, “на самом деле” — сборище пьяниц, садистов и ворья, наши врачи, по меньшей мере, непрофессионалы, а по большей — просто вредители и убийцы, учителя — ретрограды и садисты, рабочие — пьяницы и лентяи, крестьяне — лентяи и пьяницы. Советское общество и советские люди описывались в терминах социальной тератологии — парадигмы социального уродства, которая якобы адекватно отображает реалии. Это, разумеется, не могло не пройти бесследно для самоощущения представителей этих общностей и для их социального настроения, избираемых ими адаптационных стратегий — от эскапизма до группового пафоса.

Происходила массированная дискредитация профессиональных сообществ, обесмысливание деятельности профессионалов» [76].

Рассмотрим подробнее, как происходил процесс демонтажа общности *промышленных рабочих*. Это может служить как учебный материал. Процессы дезинтеграции других общностей (крестьян, интеллигенции, офицерства и др.), в принципе, протекают сходным образом.

Утрата профессиональной общности промышленных рабочих как угроза *деиндустриализации* России с ее выпадением из

числа индустриально развитых стран — проблема особой важности. В советском обществоведении образ этой общности рабочих формировался в понятиях *классового* подхода марксизма. Рабочий класс представлялся как носитель некоторых присущих ему качеств (пролетарской солидарности, пролетарского интернационализма, ненависти к эксплуатации и несправедливости и т.д.).

В советской государственной системе «группа уполномоченных представителей» рабочего класса ежедневно и успешно давала театральное представление «социальной реальности», в которой рабочие выглядели оплотом советского строя — сплоченной общностью с высоким классовым самосознанием. В действительности, и советские историки, и западные советологи, и неомарксисты уже накопили достаточно материала, чтобы увидеть под классовой риторикой революции совсем другое явление, нежели планировал К. Маркс, и совсем иные социальные акторы. Рабочий класс дореволюционной России был еще проникнут крестьянским мироощущением, которое и определяло и его мировоззрение, и образ действий в политической практике.

В советский период этот «рабоче-крестьянский народ» совсем утратил навыки классового мышления и практики (в понимании марксизма) и оказался совершенно не готов к обороне против политических технологий *постмодерна*. За послевоенное время эти технологии сделали на Западе огромный скачок, найдя подходы к разборке и сборке общностей разных типов. Советские рабочие с их «классовым сознанием» оказались беспомощны перед идеологической машиной перестройки. Они выглядели перед ней, как воины-махдисты Судана против англичан с пулеметами (в 1898 г. под Хартумом отряд англичан, вооруженный 6 пулеметами «Максим», уничтожил 11 тыс. воинов-махдистов, потеряв убитыми 21 человека).

Рабочие и стали бульдозером перестройки, который крушил советский строй. На тех, кто сидел за рычагами, здесь отвлекаться не будем. Б.И. Максимов, изучающий социологию рабочего движения во время перестройки и реформы, дает такую периодизацию этапов [100]:

— Первый: активное участие рабочих в действиях по «улучшению» советского строя под знаменем социализма и с риторикой идеологии рабочего класса.

— Второй: переход от «улучшения социализма» к критике советских порядков без отказа от «социализма» в целом, хотя рабочих и использовали в качестве разрушителей системы.

— Третий: рабочие поддержали «переход к рынку», но «молча». Они выступили в роли *соисполнителей* преобразований «сверху». Они следовали «иллюзиям народного капитализма», за прежнюю систему не держались, новая не пугала ввиду незнания и непонимания того, что происходило...

— Четвертый: кардинальный переход к протесту против новых порядков. Недовольство ими стало всеобщим, его усилило возмущение «большим обманом». Это восприятие не вело к практике, рабочие находились под гипнозом неотвратимости (необратимости) реформ, «входили в положение» руководства, лишения воспринимались как неизбежные, почти как стихийные бедствия.

Из всего этого видно, что ни на одном повороте хода этих событий рабочие не выступили как исторический субъект, как общность, сплоченная развитой информационной и организационной системами. Как только они лишились *представительства* в КПСС, профсоюзах, министерствах и СМИ, обрушились те связи, которые соединяли их в общность, дееспособную и даже могучую в *советских условиях*. Они вновь стали группой-в-себе — рабочие есть, а общность демонтирована.

Первый удар, нанесенный всей общности советских рабочих с целью ее демонтажа, состоял в ее *дискредитации*. Приведем большую выдержку из работы О.А. Кармадонова:

«В периоды глубоких социальных трансформаций реестры престижных и не престижных групп могут подвергаться своего рода конверсии. Группы, престижные в “спокойные” времена, могут утратить таковое качество в ходе изменений, а группы, пребывавшие в социальной тени, выходят в центр авансцены, и возврата к былому не предвидится...

Поощрения в данном типе стратификации включают, прежде всего, *объем общественного внимания к группе и его оценочный характер*. Общественное внимание можно измерить только одним способом — квантифицировать присутствие данной группы в дискурсе масс-медиа в тот или иной период жизни социума. Полное или частичное отсутствие группы в дискурсе означает присутствие ее в социальной тени. Постоянное присутст-

вие в дискурсе означает, что на эту группу направлено общественное внимание...

Драматичны трансформации с группой рабочих — в референтной точке 1984 г. они занимают максимальные показатели по обоим количественным критериям. Частота упоминания — 26%, объем внимания — 35% относительно обследованных групп. Символические триады референтного года подчеркивают важную роль советских рабочих. Когнитивные символы (К-символы) — *“коллектив”, “молодежь”* — говорят о сплоченности и привлекательности рабочих профессий в молодежной среде. Аффективные символы (А-символы) — *“активные”, “квалифицированные”, “добросовестные”* — фиксируют высокий социальный статус и моральные качества советских рабочих. Деятельностные символы (Д-символы) — *“трудятся”, “учатся”, “премируются”* — указывают на повседневность, на существующие поощрения и возможности роста...

В 1985 г. резко снижаются частота упоминания и объем внимания к рабочим — до 3 и 2% соответственно... Доминирующая символическая триада более умеренна, чем год назад, К-символ — *“трудящиеся”*, А-символ — *“трудолюбивые”*, Д-символ — *“работают”*...

Снижение внимания к рабочим объясняется отказом от пропаганды рабочего класса в качестве “гегемона”, утратой к нему интереса, другими словами, экономической и символической депривацией данной общности. Работают символы и символический капитал. Утратив его, рабочий класс как бы “перестал существовать”, перешел из состояния организованного социального тела в статус дисперсной и дискретной общности» [76].

Выведение в тень промышленных рабочих произошло не только в СМИ и массовом сознании, но и в общественной науке — рабочий класс перестал быть объектом изучения общности. Красноречивы изменения в тематической структуре социологии. Предпочтительными объектами социологии стали предприниматели, элита, преступники и наркоманы. В любом индустриальном обществе *рабочий класс* является объектом постоянного внимания обществоведения. Обществоведение, «не видящее» этого класса и происходящих в нем (и «вокруг него») процессов, становится инструментом не познания, а трансформации общества.

Именно такая деформация произошла в постсоветском обществоведении — рабочий класс России был практически исключен из числа изучаемых объектов. Между тем в этой самой большой общности экономически активного населения России происходили драматические изменения. Страна втягивалась государством в *деиндустриализацию*, а рабочий класс, соответственно, в *деклассирование*. Эти социальные явления, которых не переживала ни одна индустриальная страна в истории, — колоссальный эксперимент, фундаментальное изменение социальной системы.

Второй удар нанесла *приватизация промышленных предприятий*. В короткий срок контингент промышленных рабочих России лишился статуса и сократился вдвое. Что произошло с 12 млн. рабочих, покинувших предприятия? Что произошло с социальным укладом предприятий в ходе такого изменения? Как изменился социальный престиж рабочих профессий в массовом сознании и в среде молодежи? Что произошло с системой профессионального обучения в промышленности? По всему кругу этих вопросов имелись лишь отрывочные и «фольклорные» сведения. Сегодня ни общество, ни государство не имеют ясного представления о том, какие угрозы представляет для страны утрата этой профессиональной общности, соединенной определенным типом знания и мышления, социального самосознания, мотивации и трудовой этики¹.

В целом первый этап реформ (90-е годы XX в.) погрузил унаследованную от советского порядка общность рабочих в состояние социального бедствия, которое в кооперативном взаимодействии с информационно-психологическими ударами оказало разрушительный эффект на связность этой общности.

Рабочие вплоть до начала 90-х годов XX в. сохраняли внушенную советской идеологией уверенность в том, что они — класс-гегемон, отвечающий за судьбу страны. Приватизация и деиндустриализация вырвали с мясом этот элемент самосознания из мировоззренческой матрицы, на которой была собрана общность рабочих.

¹ Б.И. Максимов сообщает: «Обращаюсь в Петербургкомстат за справкой о заработной плате, условиях труда, занятости рабочих. Отвечают: показатель “рабочие” изначально не закладывается в исходные данные, собираемые с мест. Поэтому “ничем помочь не можем”. Даже за деньги» [101].

С начала экономической реформы в 1987 г. быстро снижалось место труда в системе жизненных ценностей рабочих, как и удовлетворенность трудом. Наблюдению за этим процессом посвящено большое число работ. Вот выводы одного исследования нескольких предприятий разных форм собственности: в 1990 г. на обследованных предприятиях труд занял второе место после таких ценностей, как семья и ее материальное благополучие и здоровье.

К 1994 г. произошло более чем двукратное снижение ценности труда. Авторы пишут: «Индекс удовлетворенности непосредственно трудом колеблется в пределах от 2,81 (у рабочих арендного предприятия) до 3,11 (у рабочих государственного предприятия)¹... Таким образом, состояние удовлетворенности рабочих трудом на предприятиях, где они являются в какой-то степени совладельцами, ниже, чем на государственном и частном предприятиях, и ниже, чем в 1970—1980-х гг. Так, индекс удовлетворенности трудом рабочих промышленности Российской Федерации в 1978 г., по данным обследования ЦСУ, составлял 4,09» [138].

В Британско-Российском исследовательском проекте «Перестройка управления и производственных отношений в России» был сделан такой вывод (1994): «Изменение статуса рабочих напрямую связано с изменением статуса труда в обществе, его ценности. Это уже не сфера, в которой только и осуществляется реализация сущностных сил человека, а товарный мир. Социальная ценность труда, закреплённая официальной идеологией ("Трудом красив и славен человек!", "Слава труду!" и т.п.), сменяется новой идеологией, даже не упоминающей о труде, для которой наиболее ценным качеством является умение делать деньги ("Мы сделаем Ваш ваучер золотым!", "Играйте и выигрывайте!")» [18].

Если рабочие не включают труд в систему своих жизненных ценностей, рушится этос коллективного труда «прометеевского» типа (промышленность — пространство «огня и железа»). Такой труд превращается для рабочих в каторгу, при этом распадаются нормативные «производственные отношения», которые необходимы для поддержания технологической дисциплины². Реформа,

¹ Минимальное значение индекса равно 1, максимальное — 5.

² Это в равной степени губительно для промышленного предприятия как советского, так и капиталистического типа. М. Вебер подчеркивал, что для промышленного капитализма этика рабочих даже важнее, чем этика предпринима-

сумев устранить это восприятие, лишила рабочих тех этических ценностей, которые собирали их в профессиональную общность. Эта культурная деформация едва ли не важнее социальной.

Мы говорили о воздействии реформы на связность *всей* общности промышленных рабочих, понимаемой в терминах современной социологии. Теперь подойдем с другого края: каково воздействие реформы на группу, *представляющую* рабочих. В социологии признана безусловная необходимость наличия этого *актива* для воспроизводства общности. Что произошло с этими группами представителей?

Вот что говорится о составе этой группе и ее связи со всей общностью:

«Практически на каждом крупном советском предприятии существовал слой так называемых кадровых рабочих, которые составляли как бы рабочую элиту предприятия. Основные социально-производственные характеристики кадровых рабочих: большой производственный стаж, высокая квалификация и профессиональный опыт, стабильность пребывания в коллективе (отражаемая в непрерывности стажа). Из кадровых рабочих складывалось большинство партийных организаций промышленности. Они были наиболее социально-активным слоем рабочих. Само понятие кадровый рабочий как бы растворялось среди многих обозначений (передовики, новаторы, ударники и пр.) Соответственно они имели ряд привилегий и занимали высшую ступень в рабочей иерархии на предприятии...

Формальные привилегии — это те, что были закреплены в официальных, чаще всего внутризаводских документах. Типичным примером являются «Положения о кадровых рабочих»... Этот канал влияния и эта прослойка рабочих исчезли вместе с парткомом и старой системой привилегий...

Личное мастерство рабочего, к которому персонально, в случае острой необходимости, могли обращаться руководители разного уровня, вплоть до генерального директора, перестало играть сколько-нибудь значимую роль. Значение группы кадровых рабочих падает... Наиболее работоспособные кадровые рабочие еще с 1989 г. уходили в кооперативы и другие структуры, альтернативные государственным, где их заработная плата в три

телей, и никакая невидимая рука рынка не может заменить ценности труда как *профессии* — восприятия его как формы служения Богу.

и более раза превышала зарплату рабочих тех же специальностей на госпредприятиях... Результатом стало то, что слой кадровых рабочих на предприятиях становился тоньше» [18].

В цитированных работах констатируется, что «представлявшие» рабочий класс группы были во время перестройки и реформы 90-х годов XX в. демонтированы и «пересобраны» таким образом, что они или полностью перестали выполнять свои функции, необходимые для существования и воспроизводства промышленных рабочих как «общности для себя». Из них были, во-первых, исключены кадровые рабочие — основной контингент в составе *актива*. От общности рабочих были оторваны и даже противопоставлены ей управленческие работники предприятий и госаппарата («Рабочих как социальную силу перевели в разряд объектов и даже потенциальных оппозиционеров, каковыми реально они вскоре и сделались»). Наконец, в новую политическую систему были включены профсоюзы, которые не завоевали легитимности в глазах рабочих и потому не могут быть их доверенными институтами.

Статус кадровых рабочих изменился уже в первый год реформы вследствие практической ликвидации Советов трудовых коллективов, делегатами которых были представители актива рабочих: «В процессе происходящих социально-экономических преобразований рабочие все больше уstraняются от управления. Для наглядности сравним первые законодательные акты экономической реформы с последующими законами и практикой...

Сопоставим следующие друг за другом законы: «Закон СССР о государственном предприятии (объединении)» (1987) и «О предприятиях в СССР» (1990). По Закону 1987 г. общее собрание трудового коллектива могло рассматривать и утверждать планы экономического и социального развития предприятия, определять пути увеличения производительности труда, укрепления материально-технической базы производства. В Законе 1990 г. исключены функции трудового коллектива, относящиеся не только к планированию и эффективности производства, но и к его контролю. По Закону 1990 г. трудовой коллектив и его орган (общее собрание) уже не имеют полномочий в управлении и использовании доходов предприятия, оплате труда. Руководитель предприятия (представитель собственника) «решает самостоятельно все вопросы деятельности предприятия...». Констатацией

“исключительности” прав администрации устраняется влияние профсоюза и других общественных организаций» [90].

Таким образом, демонтаж общности промышленных рабочих («рабочего класса»), необходимый для подрыва советского строя и ликвидации СССР, оплачен дорогой ценой — деиндустриализацией постсоветской России и созданием непреодолимых (в сложившейся системе) препятствий для ее промышленного и научно-технического развития. Перестройка — первая в Новой истории великая *революция регресса*.

Очень коротко скажем о других больших общностях.

Крестьянство

Второй по величине, после рабочего класса, общностью, унаследованной РФ от советского общества, было *крестьянство*. Оно считалось классом, хотя признаков «классовости» в нем было еще меньше, чем в «рабочем классе». Но это уже несущественно. Иногда уточнялось: *колхозное крестьянство*, т.е. общность, сформировавшаяся в конкретной социальной форме колхоза, возникшей в СССР 30-х годов XX в. После войны за 30 лет было произведено постепенное укрупнение колхозов, и они из небольших кооперативов жителей одной деревни превратились в многопрофильные крупные предприятия с высокой концентрацией кадров специалистов и техники.

Строго говоря, в общность «крестьянство» включались и работники совхозов, которые по своим социальным и культурным признакам в 80-е годы XX в. уже мало отличались от колхозников. И те и другие жили в сельской местности (в селах и деревнях) и трудились на крупных сельскохозяйственных *предприятиях*. В 1989 г. в СССР действовало 23,5 тыс. государственных предприятий (совхозов) и 27,9 тыс. кооперативных предприятий (колхозов). В совхозах работало 11 млн. и в колхозах 11,8 млн. человек. Имелись также межхозяйственные предприятия и организации (6,6 тыс., 327,8 тыс. работников соответственно). Примерно половина этой общности жила и трудилась в РСФСР¹.

В 1970 г. постоянных работников всех сельскохозяйственных предприятий в СССР было 26,8 млн. человек. За 40 лет

¹ Подростки, пенсионеры, жители, не занятые в сфере сельского хозяйства, но возделывающие свои приусадебные участки (таких — около трети сельского населения), в состав социально-профессиональной общности крестьян нами не включаются. Так было принято и в советской статистике.

(1950—1989 гг.) объем производства продукции утроился при небольшом уменьшении численности занятых. Тот факт, что сельское хозяйство, которое развивалось в таком ритме с устойчивым ростом производительности, в общественном сознании (особенно в среде интеллигенции) было представлено негодным, говорит о глубоком кризисе советской культуры 70—80-х годов XX в.

Судьба этой общности после 1991 г., в принципе, схожа с судьбой рабочего класса, хотя во многих отношениях тяжелее. После ликвидации колхозов и совхозов сельское население, утратившее рабочие места, в массе своей «отступило на подворья», занявшись ручным трудом на приусадебных участках. Усиление подворья с его низкой технической оснащенностью — социальное бедствие и признак *разрухи*. Необходимость в XXI в. зарабатывать на жизнь тяжелым трудом на клочке земли с архаическими средствами производства и колоссальным перерасходом времени — значит не только растрчивать свою жизнь, но и лишать ее общественного смысла. Между современным индустриальным аграрным производством и архаичным подворьем не только экономическая, но и культурная пропасть. Ее неожиданное возникновение травмировало массовое сознание сельского населения. Прямые затраты труда на производство 1 ц молока на подворье, содержащем одну корову, в середине 90-х годов XX в. были равны 48 чел.-ч, а в 1990 г. на колхозной или совхозной ферме — 6,4 чел.-ч. В 2008 г. член Совета Федерации РФ С. Лисовский сказал: «Мы за 15 лет уничтожили работоспособное население на селе». Надо же вдуматься в эти слова! *Уничтожили...*

Начнем с удара, который был нанесен по общности крестьян «в дискурсивно-символическом аспекте». О.А. Кармадонов пишет: «В худшей [чем рабочие] ситуации оказались крестьяне. В 1984 г. группа занимала в медийном дискурсе “АиФ” 11 и 13% по объему и частоте упоминания соответственно. После повышения обеих распределений до 16 и 14% соответственно в 1989 г., что было связано с надеждами на развитие фермерских хозяйств и спорами о приватизации земли, показатели не поднимались выше 4% (2001 г.), а в 2008 г. составили менее 0,3% по обоим критериям.

Доминирующая триада 1984 г. *“труженики”, “успешные”, “работают”* в 2003 г. приобрела вид *“селяне”, “нищие”, “деградируют”*, в последующие годы меняясь мало. Крестьяне, как и рабо-

чие, вытеснены в социальную тень и характеризуются негативными символическими образами...

Учитывая доли общественного внимания, достигаемые сегодня тем или иным социально-профессиональным группам, можно выделить группы "абсолютной социальной тени" — это рабочие и крестьяне; группы "социальной полутени", включающие врачей, учителей, военных; группы "социального света", вошедшие в себя, прежде всего, чиновников и бизнесменов» [76].

При этом отметим важный, даже фундаментальный, факт. Подавляющее большинство населения до сих пор именно в *рабочих и крестьянах* видит общности, которые могут вытащить Россию из кризиса. Здесь — принципиальный разрыв между представлениями населения и политической системы с ее СМИ. Вот вывод из большого исследования (2010): «И в самосознании населения, и в реальности в современной России имеются социальные группы, способные выступать субъектами модернизации, но весьма отличающиеся друг от друга. Принимая в расчет оценки массового сознания, можно сделать вывод, что основными силами, способными обеспечить прогрессивное развитие России, выступают рабочие и крестьяне (83 и 73% опрошенных соответственно). И это позиция консенсусная для всех социальных-профессиональных, возрастных и т.д. групп...

Если говорить о степени социальной близости и наличии конфликтных отношений между отдельными группами... то один социальный полюс российского общества образован сегодня рабочими и крестьянами, тогда как второй — предпринимателями и руководителями...

Можно констатировать, что «модернисты» — на две трети представители так называемого среднего класса, в то время как традиционалисты — это в основном «социальные низы», состоящие почти полностью из рабочих и пенсионеров. В то же время, как это ни парадоксально, именно последние в восприятии населения являются одновременно главной движущей силой прогрессивного развития нашей страны» [47].

Интеллигенция

Перестройка привела к распаду ценностной и мировоззренческой матрицы *интеллигенции* — системообразующей для СССР большой специфической общности. В начале XX в. кри-

терием отнесения образованного человека к общности интеллигенции было, разделяет ли этот человек ее стремление «во что бы то ни стало избежать полного втягивания страны в зону абсолютного господства “золотого тельца”, ведущего к отказу от духовных приоритетов».

Посвятив себя во время перестройки именно «втягиванию страны в зону абсолютного господства “золотого тельца”», элитарная часть той общности, которую обозначали словом *интеллигенция*, совершила радикальный разрыв с этой общностью, что привело к ее дезинтеграции. Статус интеллигенции сразу потеряла та часть образованного слоя, которая в конце 80-х годов XX в. впала в социал-дарвинизм и отвергла ценность справедливости. Сама же «трудовая интеллигенция», лишившись своей элиты, пока что в новую общность собраться не может.

Начатая в 1987 г. реформа разорвала общность интеллигенции по тем же самым трещинам, как и другие большие общности, разделив ее по социальным слоям. «Либеральная интеллигенция» в большинстве своем встроилась в новые общности «победителей» как идеологи, предприниматели, эксперты и управленцы. Они были интеллектуальным авангардом антисоветских сил и имеют право на свою долю трофеев. «Трудовая интеллигенция» оказалась не нужна новому «рыночному и демократическому» обществу.

Вот формулировка социолога (2004): «Раскол постсоветской интеллигенции на небольшую по численности богатую “верхушку” и массы полунцихов бюджетников давно привлекает внимание специалистов и простых граждан как одно из наиболее драматичных проявлений социального неравенства в современной России. Есть все основания видеть в нем проявление острой социальной несправедливости и источник социального напряжения в противостоянии “богатые—бедные”...

Бедная интеллигенция — прежде всего люди, работающие на должностях специалистов. Заметен “уход” некоторой, пусть и небольшой (около 6%) ее части на должности рабочих. Подавляющее большинство интеллигенции работают на предприятиях государственной формы собственности (около 70%), чем заметно отличаются не только от группы богатых, но и от населения в целом» [146].

В 90-е годы XX в. интеллигенция стала замещаться «средним классом» — новым социокультурным типом с «полугуманитар-

ным» образованием, приспособленным к функциям офисного работника без жестких профессиональных рамок. З.Т. Голенкова, которая с 90-х годов XX в. изучает изменения в структуре российского общества, пишет (в 1998 г.): «Ситуация сложилась таким образом, что мы “потеряли” средний класс интеллектуалов и интеллигенции (так называемый новый средний класс) и получили средний класс предпринимателей (старый средний класс)» [43].

Что значит «потеряли» интеллигенцию? Прежде всего эту общность вытолкнули со света в «социальную полутень», хотя во время перестройки именно интеллигенция была авангардом наступления на советскую систему. Такая неожиданная «несправедливость» нанесла интеллигенции тяжелую травму и сразу деморализовала ее.

О.А. Кармадонов пишет об изменении в годы перестройки статуса двух массовых групп интеллигенции: врачей и учителей: «Специфична дискурсивно-символическая трансформация врачей. Анализ “АиФ” 1984 г. показывает положительное к ним отношение — 88% сообщений такого характера. Доминирующую триаду формируют символы советских медиков: “профилактика”, “высококвалифицированные”, “современные”, “бесплатные”, “лечат”. Объем внимания составлял 16%, частота упоминания — 11%.

В 1987 г. показатели обрушиваются до 0,1%. После этого освещение группы в медийном дискурсе приобретает нестабильный характер, не поднимаясь выше 5 по частоте и 6% по объему. Рост этих показателей объясним популяризацией “национального проекта” здравоохранения больше, чем вниманием к его работникам.

Показательна тональность оценок в сообщениях “АиФ” о данной группе. С 1987 г. больше пишут о недостатках; врачи становятся “труднодоступными” для пациентов. В 1988 г. тенденции усугубляются, появляются первые статьи о врачебных ошибках (доминирующий Д-символ “вредят”), о врачах-мошенниках, нетрудовых доходах (доминирующий К-символ “преступники”). Но еще много “профессионалов”, “заботливых” и “самоотверженных” докторов.

В 1989 г. появляются статьи о халатности и безответственности врачей, однако отношение к “людям в белых халатах” выглядит более позитивным, что, на мой взгляд, объясняется снижением частоты упоминания и объема внимания к медицинским работникам по сравнению с 1988 г. В 1993 г. вновь доминируют термины “непрофессиональные”, “вредят”, что является, помимо

всего, следствием сокращения финансирования здравоохранения, в том числе на обновление технической базы и на повышение квалификации врачей.

Триада-доминанта 1995 г.: *"энтузиасты"*, *"малообеспеченные"*, *"работают"*, сообщает о снижении материального достатка медиков, продолжающих, тем не менее, активную профессиональную деятельность — феномен группового пафоса, суррогат социального престижа.

На протяжении 2002, 2004, 2006, 2007 гг. доминируют символы исключительно негативной окраски: *"преступники"*, *"дилетанты"*, *"убийцы"*. Присутствуют символы *"специалисты"* (2003 г.), *"советчики"* (2004 г.), *"профессионалы"* (2005 г.), *"повышение квалификации"* и *"нехватка врачей"* (2008 г.). В 2008 г. значительное место в медийном дискурсе занял *"кадровый голод"* — свидетельство неэффективности структуры трудовых ресурсов здравоохранения, ухода из государственной медицины специалистов. Аффективный символ, доминирующий в 2004 и 2008 гг., — *"равнодушные"*.

Тем самым, наряду со снижением количественных показателей освещения группы врачей в текстах *"АиФ"*, происходила и негативизация их символических характеристик; *"профессионалов"* превращали в *"дилетантов"* и *"мошенников"* [76].

Краткий вывод из описаний в прессе учительства таков: «Сегодня мы имеем совершенно иные образ и суть учителя, нежели в 1984 г. Уважаемый, авторитетный, высококвалифицированный, молодой, полный сил советский учитель сменился стареющей, малообеспеченной, уставшей от жизни учительницей» [76].

Важным фактором дезинтеграции интеллигенции стало разрушение информационной системы этой общности. Интеллигенция нуждается в интенсивном обмене информацией, эта общность — едва ли не главный узел каналов социодинамики культуры. Поэтому в 1988 г. интеллигенция СССР назвала главным событием года «отмену лимитов на подписку» газет и журналов. Но в результате перестройки СССР утратил *национальное информационное пространство*, а интеллигенция утратила необходимое условие для своего существования.

Интеллигенцию лишили языка, гласность создала хаос, «демократию шума», доступ к аудитории остался у элиты и у массы, а специфические для интеллигенции каналы коммуникации были перекрыты, произошло резкое расширение «желтой» прессы, слово интеллигенции потеряло силу.

Военные

Коротко скажем еще об одной из системообразующих общностей — *офицерстве*. О важности этой общности для воспроизводства и сохранения страны говорить не приходится. Именно поэтому информационно-психологическая «обработка» этой общности в ходе перестройки, целью которой было разрушение СССР, очень красноречива.

Приведем вместо подробного описания обширную выдержку из работы О.А. Кармадонова: «Драматична дискурсивно-символическая трансформация социально-профессиональной группы «военные». Триада — *«героизм», «крепкие духом», «защищают»*, частота упоминания (7%) и объем внимания (10%) — не повторялись после референтного 1984 г. В 1985 г. оба показателя падают до 2%, в 1987 г. — до 1%. Последующие всплески частоты упоминания в 1988 (6%), 1993 (6%), 1996 г. (7%) были связаны, прежде всего, с военными конфликтами в «горячих точках» — от Афганистана до чеченских кампаний.

Характерны символические ряды данного периода. В 1990 г. позитивная оценочная тональность сообщений «АиФ» о военных уменьшается до 50% (88% в 1989 г.). Нет речи о героизме советского воина. Все сводится к символам *«дедовщина», «недовольные», «конфликтуют»* (конфликты с начальством, массовая департизация). Доминирующая символическая триада 1991 г. — *«развал», «ненужные», «уходят»*. В 1992 г. *«развал»* дополняется символами *«жадные»* и *«воруют»*. Общая негативная тональность символических рядов сохраняется до 1999 г. — второй чеченской кампании... После завершения той или иной «операции» внимание к группе военных стабильно ослабевало... Возникает впечатление, что армия России либо сражается, либо *«зверствует»* в казарме» [76].

Таким образом, военных задвинули в «социальную полутьну», резко снизив уровень «общественного признания», выражаемого идеологизированными СМИ господствующего меньшинства. Во время перестройки серию тяжелых ударов нанесли по армии, обвинив «советскую военщину» в «преступном» подавлении массовых беспорядков и вспышек насилия на периферии СССР. Как сказано в одном обзоре, «военнослужащие объявлялись чуть ли не главными виновниками негативных собы-

тий, их социальных последствий. Так было в Нагорном Карабахе, Прибалтике, Тбилиси, Баку, Приднестровье, в Москве в августе 91-го, в октябре 93-го» [213]. Была проведена целая кампания по подрыву авторитета и самосознания армии и правоохранительных органов СССР.

В результате такой психологической обработки армия как важнейший политический институт стала *аполитичной*: «По данным опросов, на 1 августа 1993 г. только 3% российских офицеров считали себя приверженцами какой-либо из существующих партий».

Армия стала «безопасной» для нового режима, но одновременно утратила и волю защитника Отечества. Начался отток из армии офицеров — признак распада профессиональной общности. Вот масштабы этого процесса на исходе перестройки: «В 1990 г. количество рапортов на увольнение возросло по сравнению с началом 80-х годов XX в. более чем в 30 раз. В основном их подавали молодые офицеры; около 70% — в возрасте до 25 лет. Симптоматично, что желание уволиться изъявляли в большинстве своем дисциплинированные, прилежные, инициативные офицеры. Почти 90% из них окончили военные училища на «хорошо» и «отлично»... Если в 1982 г. 70% опрошенных накануне призыва считали, что это почетный долг и высоко оценивали престиж военной службы, особенно службы офицера, то 10 лет спустя так считали только 20%... Нравственное обоснование, идеологическое «подкрепление» для выполнения военного долга резко ослаблено (чтобы не сказать — исчезло)» [121].

Перестройка вызвала эрозию ценностной основы военной службы, а реформа 90-х годов XX в. углубила деградацию.

Наконец, тяжелую культурную травму оказала программа радикального разрушения «культурного гено типа» советской армии. К этому радикализму побуждали опасения реформаторов, видевших в армии оплот советского консерватизма, — опасения, не имевшие никаких оснований, поскольку офицерство СССР давно уже стало одним из отрядов интеллигенции, носителя демократических и либеральных идей.

Дезинтеграция общностей — от народа до конкретных профессиональных сообществ — не только создала условия для ликвидации СССР, но и предопределила глубину и продолжительность постсоветского кризиса, создала ощущение его неизбывности и безвыходности. Кажется, исчезло само *социальное*

пространство. П. Бурдые писал, что социальное пространство — это «ансамбль невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных одни через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции...». Но эти «невидимые связи» разорваны, а общественные позиции, «определенные одни через другие», стерты и смешаны.

В целом целенаправленных действий по восстановлению связности прежних больших общностей в общероссийском масштабе пока что не предпринималось ни государством, ни мало-мальски организованными оппозиционными силами. Попытка власти превратить какие-то «поднятые» реформой социокультурные группы в системообразующее ядро «нового» народа успехом не увенчалась. Эту функцию не смогли взять на себя «новые русские» (буржуазия «из пробирки»), видимо, ядром общества и социальной базой власти не сможет стать и *средний класс*.

«Инсценировка» создания новых общностей путем имитации стиля оставшихся в прошлом сословных групп (типа дворян или казаков) идет с переменным успехом, но не может заменить структуру здорового общества, которая должна обладать динамичностью и разнообразием.

Раздел 4

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА ПРОТИВ СССР

В 1987 г. в перестройке был взят курс на переход от плановой системы хозяйства к «рынку». Поначалу это подавалось как углубление социализма, что-то вроде обретения им «человеческого лица». М.С. Горбачев уверял: «Короче, преимущества планирования будут в нарастающей степени сочетаться со стимулирующими факторами социалистического рынка. Но все это будет разворачиваться в русле социалистических целей и принципов хозяйствования» [40, с. 89].

Убедительных доводов в пользу того, что «социалистический рынок» будет разворачиваться «в русле социалистических целей и принципов хозяйствования», приведено не было, и большинство населения доверия к этому странному утверждению не испытало и встретило всю эту доктрину с тревогой. Тем более что свои обещания М.С. Горбачев сопровождал оговорками такого типа: «Один из признаков революционного периода — большее или меньшее расхождение между коренными интересами общества, передовая часть которого готова к крупным переменам, и сиюминутными повседневными интересами людей. Всем, возможно, придется чем-то поступиться на первом этапе перестройки» [40, с. 49].

Сведения о том, как происходил переход к «социалистическому рынку» в Польше и Венгрии, усилили тревогу, и в кругах «консерваторов» стали прямо говорить, что целью этой «революции сверху» является разрушение основ советского хозяйства, а значит, и соответствующих этому хозяйству социальных отношений. Разговоры эти никакой политической силы не имели, организационной базы для какого-то сопротивления планам реформирования хозяйства не было.

Что главной целью экономической реформы в СССР и странах СЭВ было разрушение политической системы блока государств, противостоящих Западу в холодной войне, в самой западной прессе говорилось совершенно открыто — наша отечественная интеллигенция не могла этого не видеть. Накануне обсуждения закона о приватизации в Верховном Совете СССР можно было прочесть такие сообщения: «Западные правительства и финансовые институты, такие как Международный валютный фонд и Всемирный банк, поощряли восточноевропейские правительства к распродаже государственных активов... Со своей стороны, правительства [стран СЭВ] рассматривали приватизацию как средство разрушения базы политической и экономической власти коммунистов. Это было лейтмотивом предвыборных кампаний, прокатившихся по всей Восточной Европе в прошлом году» [54].

На наших глазах в 1987—1988 гг. была начата реализация стратегического проекта ликвидации советской экономической системы как необходимого условия ликвидации СССР и его общественного строя. Разработка этого проекта велась долгое время; сейчас бы сказали, что организационная структура этой разработки была *сетевой* и даже *теневой*. Можно ли описать стратегические доктрины и принципы главных социальных и политических акторов, которые действовали в конкретный исторический период (1980-е гг.), изложить их стратегию? В главном можно — эмпирического материала достаточно. Более того, реализуемая этими главными субъектами стратегия была с 1985 г. открытой, ее с энтузиазмом излагали ученые из ЦЭМИ и других институтов АН СССР. Сейчас о ней пишут в мемуарах авторы разных разделов доктрины реформ. Эта доктрина вызревала с конца 1960-х гг. и уже тогда имела вполне определенные очертания. Она была подчинена определенной цели — трансформации или уничтожению советской системы как «империи зла».

Стратегические планы были реализованы системно и последовательно. Ничего стихийного в этом процессе не было. Ни те авторы, которые излагали доктрину, ни ее идеологи, ни практики — никто не отрицает, что речь шла о выполнении стратегического плана. Если взять сотни три главных индикаторов всего жизнеустройства России (и в форме СССР, и в нынешней) и построить графики их динамики, то можно наглядно видеть реализацию этой стратегии. Экономическая программа перестройки,

завершенная ликвидацией СССР, привела к социальному бедствию на огромной территории СССР. Это можно было предвидеть, и об этом предупреждали западные специалисты.

Был об этом даже доклад ЦРУ и разведуправления Министерства обороны США, представленный Конгрессу США по его запросу 16 мая 1991 г. Его анонимные авторы вызывали уважение и признательность. Они просто и взволнованно говорили о том, какие массовые страдания ожидают советских людей в результате приватизации, к которой совершенно не готово ни хозяйство, ни общество.

В докладе, в частности, было сказано: «Переход от централизованной плановой экономики к рыночной представляется чрезвычайно болезненным процессом для осуществляющих его стран. При этом переходе выпуск продукции и занятость населения существенно, а в отдельных случаях весьма резко сокращаются, уровень инфляции, наоборот, увеличивается в два, а то и три раза... Вместе с тем приватизация не может быть осуществлена быстрыми темпами. В частности, большинство восточноевропейских стран достигли определенного прогресса при передаче в частные руки небольших предприятий, однако испытывают значительные сложности при осуществлении политически очень щекотливого процесса передачи частникам крупных предприятий, являющихся собственностью государства. Существенным и, возможно, самым главным условием успешного осуществления реформ по переходу к рыночной экономике является политическое единство страны, базирующееся на доверии к избранному правительству, которое пользуется широкой поддержкой населения» [86].

Эти простые слова доклада ЦРУ находились в таком контрасте с тем, что мы слышали от своих «родных» политиков, академиков и поэтов, что потрясало это дикое смещение всех устоев. Было ясно, что приближается катастрофа.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию 2004 г. В.В. Путин говорит: «С начала 90-х годов Россия в своем развитии прошла условно несколько этапов. Первый этап был связан с демонтажем прежней экономической системы... Второй этап был временем расчистки завалов, образовавшихся от разрушения "старого здания"... Напомню, за время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала».

Реформа представлялась обществу как *модернизация* отечественной экономики, а оказывается, это был ее *демонтаж*, причем грубый, в виде *разрушения* «старого здания». На это согласия общества не спрашивали, а разумные граждане никогда бы не дали такого согласия. Ни в одном документе не было сказано, что готовился *демонтаж экономической системы* России. Власть следовала *тайному* плану. В любом государстве уничтожение «половины экономического потенциала» страны было бы квалифицировано как измена Родине или вражеская диверсия в беспрецедентно крупном размере.

Когда в 1988—1991 гг. шел выбор доктрины реформы хозяйства и социальной сферы СССР (и РСФСР), «консервативная» часть экономистов, социологов и криминалистов пыталась отстаивать компромиссный вариант — увеличение разнообразия советской системы и создание новых («рыночных») структур путем «наращивания» их на существующую основу. «Радикальные» реформаторы предлагали осуществить *слом* практически всех систем советского жизнеустройства, обеспечить политическими средствами необратимость их демонтажа и построить рыночные системы производства и распределения по образцу «западных» (конкретно, англосаксонских). Общественного диалога, парламентских и даже академических дебатов по выбору альтернативных доктрин не было. Верхушкой партийно-государственной номенклатуры было принято политическое решение о выборе *радикальной* доктрины. Ее реализация в полной мере началась после ликвидации СССР¹.

А.Д. Сахаров в «Предвыборной платформе» в феврале 1989 г. в первом пункте прямо декларировал как цель этой «платформы» смену всей экономической основы жизнеустройства СССР: «Ликвидация административно-командной системы и замена ее плюралистической с рыночными регуляторами и конкуренцией... Свободный рынок рабочей силы, средств производства, сырья и полуфабрикатов» [164, с. 257].

Речь здесь шла о смене общественного строя, причем радикальной («ликвидация», а не реформирование). В основу нового общества предлагалось положить конкуренцию, а не сотру-

¹ Эволюцию доктрины реформы можно проследить по трудам ведущих экономистов, близких к верховной власти времен перестройки, в частности, академик А.Г. Аганбегяна.

ничество, т.е. имелся в виду вовсе не «социализм с человеческим лицом», не «конвергенция» и даже не социал-демократия шведского типа, а именно «дикий капитализм» (как пишут либеральные философы, «палеолиберализм»). Свободный рынок рабочей силы! Даже без профсоюзов, коллективных договоров и трудового законодательства. Интеллигенция, которая аплодировала А.Д. Сахарову, получила от него совершенно ясную и четкую программу, так что ее аплодисменты означали одобрение этой программы — утопии дикого капитализма в уже индустриальной России.

Как сказал Г.В. Плеханов, «нет ни одного исторического факта, которому не предшествовало бы, которого не сопровождало бы и за которым не следовало бы известное состояние сознания». Антисоветской революции 1991 г., этому историческому факту всемирного значения, предшествовала интенсивная идеологическая работа, которая и произвела в обществе необходимые изменения сознания. Рассмотрим важные операции в этой военной кампании против советской экономики.

Глава 18

МИФ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ В СССР

Кредо идеологов перестройки в 80-е годы XX в. сводилось к следующему: *«Советская система хозяйства улучшению не подлежит. Она должна быть срочно ликвидирована путем слома, поскольку неотвратимо катится к катастрофе, коллапсу»*.

В таком явном виде эта формула стала высказываться лишь после 1990 г., до этого в нее бы просто не поверили — настолько это не вязалось с тем, что мы видели вокруг себя в 70—80-е годы XX в. Однако под давлением пропаганды все больше людей стали принимать смену типа хозяйства как неизбежность.

Казалось невозможным, чтобы масса образованных людей одобрила такую глубокую, катастрофическую реорганизацию всего народного хозяйства страны совсем без всяких аргументов. Однако они были заменены мифами, противоречили логике и здравому смыслу. Элита советских экономистов и их консультантов, которая в конце 80-х годов XX в. разрабатывала доктрину реформ, сдвинулась от рационального к мифологическому

сознанию. Очевидно, были и теневые политические и экономические цели, но их невозможно было бы достигнуть без идеологической подготовки общественного сознания. Почему политически активная и образованная часть общества эти мифы приняла — особая большая проблема, которой мы здесь не будем касаться. Она требует еще интенсивных исследований, надежного диагноза этой культурной аномалии пока нет.

Даже академик А.Д. Сахаров, который в среде демократической интеллигенции считался интеллектуальным лидером антисоветских диссидентов, писал в 1987 г.: «Нет никаких шансов, что гонка вооружений может истощить советские материальные и интеллектуальные резервы и СССР политически и экономически развалится — весь исторический опыт свидетельствует об обратном» [162, с. 66].

Подобные предупреждения, даже от ученых и политиков, советских и западных, игнорировались, идеологическая машина была запущена на полную мощность, и уверенность, что советская экономика с начала 80-х годов XX в. катилась к катастрофе, стала превращаться в непререкаемую догму. В западной социальной философии этому явлению даже был присвоен термин: «ретроспективный детерминизм». Неизбежность, предсказанная задним числом!¹

А.Н. Яковлев в 2001 г. оправдывался задним числом: «Если взять статистику, какова была обстановка перед перестройкой, — мы же стояли перед катастрофой. Прежде всего экономической. Она непременно случилась бы через год-два» [211].

Это утверждение А.Н. Яковлева, если его принимать всерьез, является обвинением всей бригады перестройщиков, включая себя самого, в лживости. Ведь в 1988 г. сам Яковлев публично заявлял прямо противоположное тому, что сказал в 2001 г., а именно: «Нужен поистине тектонический сдвиг в сторону про-

¹ Американский советолог Стивен Козн в большой статье анализирует аргументы всех вариантов концепции «смертельного кризиса» советской системы (начиная с НЭПа) и делает вывод: «У нас не осталось больше теоретических или концептуальных оснований утверждать, что советская система была нерепарированной и, значит, как стало принято говорить, "обреченной" с самого начала горбачевских реформ. На самом деле, если тщательно изучить те перемены, которые произошли в Советском Союзе в период "перестройки" — особенно в 1985—1990 гг., т.е. до того, как кризисы дестабилизировали страну, — то окажется, что система была замечательно реформируемой» [89].

изводства предметов потребления... Мы можем это сделать, **наша экономика, культура, образование, все общество давно уже вышли на необходимый исходный уровень**» (выделено мной. — С.К.-М.).

Если он говорил это в тот момент, когда Политбюро действительно считало, что «мы стояли перед катастрофой, прежде всего экономической», то он поступал как сознательный вредитель. Но, скорее всего, ничего подобного в 1988 г. в Политбюро не говорилось, и никаких признаков катастрофы А.Н. Яковлев не видел.

21 апреля 2004 г. подобные откровения сделал в публичной лекции член одной из трех групп реформаторов-теоретиков В. Найшуль. Он сказал: «В конце 70-х годов не только наша группа, но и еще несколько толковых человек в Госплане знали, что страна находится в смертельном экономическом кризисе... Точка, в которой чувствуются все проблемы плановой экономики, — это Госплан. Госплан лихорадило, лихорадило не как организацию, а как схему работы — Госплан все время пересчитывал собственные планы. Итак, в конце 70-х годов в Госплане ощущалось, что система находится в кризисе, из которого у нее, по всей видимости, нет выхода...

Выход был в децентрализации. Децентрализация — все с этим соглашались, но дальше надо было додумать. Может быть, потому что мы были математиками, людьми со свободной головой для логического анализа, ясно было, что отсюда следуют свободные цены. Если у нас свободные цены, то возникает вопрос о собственности... Мы получаем, что необходима частная собственность, а необходимость частной собственности предполагает приватизацию» [119].

Разберем аргументы В. Найшуля.

— «*Несколько толковых человек*» считают, что «*страна находится в смертельном экономическом кризисе*».

Это мнение нетривиальное, и В. Найшуль как «толковый человек» должен был обосновать свой странный тезис развернутыми аргументами. Однако видимых симптомов смертельного кризиса В. Найшуль не называет. Общепринятые показатели (динамика капиталовложений, рост производства, потребления и даже производительности труда) не предвещали не только смерти, но даже и тяжелого кризиса. Попробуйте сегодня найти тексты тех лет, в которых была бы внятно обоснована неминуемая гибель советской экономики.

Рассмотрим тезисы В. Найшуля.

— *«Госплан лихорадило»*. Причем лихорадило не как организацию, а как схему работы (?). Это заключалось в том, что *«Госплан все время пересчитывал собственные планы»*.

Ну и что? В факте пересчета планов нет признаков гибели. В меняющемся мире всегда приходится «пересчитывать собственные планы», и было бы странно, если бы Госплан этого не делал, — это прямо входило в его обязанности. Как из этого следует, что *«по всей видимости, нет выхода»*? Никак не следует, это просто глупое утверждение. И уж никак из сказанного не следует, что *«эта система не выживает»*.

Скорее всего, В. Найшуль придумал это задним числом — почитайте сегодня все статьи этих теоретиков, относящиеся к концу 70-х годов XX в. (включая статьи редактора журнала «Коммунист» Е. Гайдара).

— Но допустим, что «несколько толковых человек» действительно прозрели признаки кризиса. Что делают в таком случае разумные люди? Ставят диагноз, составляют перечень альтернативных подходов к лечению, вырабатывают критерии выбора лучшего варианта и доказывают его преимущества. Но В. Найшуль пропускает все необходимые стадии работы и изрекает: *«Выход в децентрализации!»* Почему, откуда это следует? Никто откуда, никакой логики в этом нет.

Что понимает Найшуль под «децентрализацией»? Вовсе не сокращение плановых воздействий на периферию хозяйства с сосредоточением усилий планирования на ядре экономики. Напротив, по его понятиям децентрализация — это уничтожение именно **ядра** экономической системы, а затем и *приватизация*. Это не реформа, а революционное уничтожение системы. Сначала без всяких оснований утверждают, что человеку грозит смертельная болезнь, а потом на этом основании его убивают.

Как было сказано, А.Д. Сахаров не видел признаков экономического кризиса. Можно предположить, что бригада экономистов-реформаторов не считала его «толковым человеком». Но вот ретроспективный анализ экономического состояния СССР, обобщенный в статье экономиста из МГУ Л.Б. Резникова: *«Исключительно важно подчеркнуть: сложившаяся в первой половине 80-х годов в СССР экономическая ситуация, согласно мировым стандартам, в целом не была кризисной. Падение темпов роста производства не перерастало в спад последнего, а замедление*

подъема уровня благосостояния населения не отменяло самого факта его подъема» [153, с. 66].

На Западе отсутствие кризиса в экономике СССР было зафиксировано не только в докладах ЦРУ, опубликованных позже, но и в открытых работах американских экономистов. Л.Б. Резников цитирует американских экономистов М. Элмана и В. Конторовича, специализирующихся на анализе советского хозяйства, авторов вступительной статьи к книге «Дезинтеграция советской экономической системы» (1992). Они пишут: «В начале 80-х годов как по мировым стандартам, так и в сравнении с советским прошлым дела... были не столь уж плохи».

Ухудшаться они стали именно под воздействием вносимых в ходе перестройки изменений. По данным тех же американских экономистов, «если в 1981—1985 гг. среднегодовой бюджетный дефицит составлял всего 18 млрд руб., то в 1986—1989 гг. — уже 67 млрд. В 1960—1987 гг. в среднем за год выпускалось в обращение 2,2 млрд руб., в 1988 г. — уже 12 млрд, в 1989 г. — 18 млрд, а в 1990 г. — 27 млрд руб.».

В действительности никакого экономического кризиса в советском хозяйстве не было до тех пор, пока не была начата реформа, означавшая отход от принципов плановой экономики. С 1987 г. экономика СССР шаг за шагом переставала быть советской.

В «Программе совместных действий кабинета министров СССР и правительств суверенных республик...» (10 июля 1991 г.) было сказано: «Социально-экономическое положение в стране крайне обострилось. Спад производства охватил практически все отрасли народного хозяйства. В кризисном состоянии находится финансово-кредитная система. Дезорганизован потребительский рынок, повсеместно ощущается нехватка продовольствия, значительно ухудшились условия жизни населения. Кризисная обстановка требует принятия экстренных мер с тем, чтобы в течение года добиться *предотвращения разрушения народного хозяйства страны*».

Таким образом, **кризис был создан политическими решениями 1987—1990 гг.** — эти решения и означали начало реформы. В открытую фазу кризис перешел в 1990 г. До этого никакого кризиса в СССР не было, и даже все крупные экономические кризисы мировой капиталистической системы с 1930 г. советская экономика прошла без заметных негативных последствий.

Почему следует сегодня вернуться к этой проблеме? Есть несколько причин, одна из них — методологическая. В 1990—1991 гг., когда был запущен миф о смертельном кризисе советской экономики, который якобы был очевиден уже с конца 70-х годов XX в., были неоднократные попытки выяснить у этих «толковых» людей в ранге от младшего научного сотрудника до академика, каковы *эмпирические индикаторы и критерии*, которые позволяют им сделать такой важный вывод. Эти вопросы задавались в профессиональной среде без всякой задней мысли и без политического интереса.

В действительности даже те специалисты, которые позже перешли на антисоветские позиции, видели реальность так: система хозяйства улучшается, но *слишком медленно*. Это понятно, хочется поскорее. Но потом, задним числом, они стали говорить, что надвигался коллапс, но это уже были неискренние, чисто идеологические утверждения. Они их делали скрепя сердце.

Ощущения коллапса и даже кризиса совершенно не было в массовом сознании, в том числе интеллигенции, в массе своей очень критически относившейся к советской системе. Это показало двухгодичное (1988 и 1990 гг.) исследование ВЦИОМ под руководством Ю. Левады [58]. Весь пафос исследователей является открыто антисоветским, но даже они никакого предчувствия кризиса не обнаружили.

Такие катастрофы, как коллапс хозяйства, не приближаются без достаточно длительного нарастания явных симптомов, если, конечно, сама власть по каким-либо причинам вдруг не разрушает хозяйство политическими средствами. Даже в середине 80-х годов XX в. никаких веских причин ожидать катастрофы не было. Потому-то во время первой фазы перестройки речь шла об *ускорении*. Никто же не имел при этом в виду «ускорение коллапса». Директивные документы, принятые тогда по проектам Госплана и правительства, не содержали и намека на опасность катастрофического спада или кризиса. Но нельзя же было заподозрить огромные коллективы специалистов в дьявольском заговоре и поразительном единодушии — знать о грядущей катастрофе и помалкивать.

Но разумных ответов на вопросы об индикаторах и критериях слышать или читать не приходилось. Тогда это вызывало тревогу — что происходит с людьми? Круговорот событий не

оставил в тот момент времени, чтобы заняться методологической проблемой. Однако она носит фундаментальный характер, и, если в ней не разобраться сегодня, российское общество так и останется слепым, без рациональных инструментов оценки состояния народного хозяйства. Тогда слишком большая часть общества, особенно интеллигенции, искренне поверили в миф. Страна заплатила за это огромную цену. Но недопустимо верить в подобные мифы и через двадцать лет драматического опыта!

В отчете правительства перед Государственной Думой 20 апреля 2010 г. В.В. Путин так сказал о советской экономике: «Действительно, мы много добились в советское время, и я далеко не отношусь к категории людей, которые все охаивают... Но факт остается фактом... Ну, развалилась экономика, неэффективны эти методы управления экономикой!»

Несомненно, В.В. Путин искренне верит в то, что советская экономика *развалилась*. Но ведь он, в тот момент глава правительства страны, которая унаследовала системы советской экономики и буквально *живет* с этого наследства, должен был бы исследовать этот необычный феномен. Что значит «экономика развалилась»? Каковы эмпирические проявления этого процесса? Каковы его симптомы, позволяющие предвидеть зарождение этой странной аномалии?

Причин развала СССР, достоинств и недостатков его хозяйства и социальной системы мы в этой главе не касаемся — это другая тема, о ней особый разговор. Здесь речь о методологии.

Вспомним заявление А.Н. Яковлева о том, что, согласно статистике хозяйства перед перестройкой, «мы стояли перед экономической катастрофой». Это заявление, видимо, следует считать пропагандистской акцией академика от экономики. Каждый может сегодня «взять статистику» и убедиться, что главные экономические показатели середины 80-х годов XX в. никакой катастрофы не предвещали.

Устойчиво росли индексы потребления населением материальных благ и услуг: по сравнению с 1980 г. они составляли в 1985 г. 114,7% и в 1989 г. 127%. Быстро росли в СССР капиталовложения, вплоть до слома системы, что уж совсем никак не вяжется с представлением о назревающей катастрофе, когда все силы бросаются на срочные задачи ее предотвращения. Поскольку экономический эффект от инвестиций отложен на до-

вольно длительный срок, при первых признаках кризиса средства для его смягчения всегда изымаются именно из инвестиций. А если вкладывают в будущее, а не в починку настоящего, коллапса не ожидается. По сравнению с 1980 г. капиталовложения в СССР возросли в 1988 г. на 40%, а, например, в США на 30%, во Франции на 10%, в ФРГ несколько не возросли.

Улучшались и самые массивные, системообразующие качественные показатели советского хозяйства: урожайность сельскохозяйственных культур, надои молока, удельный расход топлива на получение 1 кВт·ч электроэнергии — с 468 г в 1960 г. до 325 г в 1987 г.¹ Возьмем другую сторону жизнеустройства: не производство, а *образ жизни*. Именно за 70—80-е годы XX в. страна в целом перешла по главным показателям к современному типу благоустроенного быта. Произошла полная электрификация села и почти полная газификация населенных пунктов. Дальние поездки даже на самолете стали для среднего человека обыденной вещью. Это — массивные и фундаментальные улучшения жизни. Те явления застоя, упадка или даже регресса, на которые указывали критики, на фоне главных, массивных процессов никак не служили признаками коллапса. Надо же взвешивать общественные явления на верных весах.

Подобных признаков было много, и это были именно «неумолимые» общие тенденции системы. Доклад ЦРУ 1990 г. «О состоянии советской экономики» также утверждает, что даже и кризиса в советском хозяйстве не было, не то что неизбежного коллапса. Этот доклад довольно часто цитируется американцами. В нем по американской методике и с собственными данными ЦРУ были пересчитаны показатели советской статистики и признаны, в общем, верными. Уж кому должны были бы верить антисоветские идеологи, как не своим верным союзникам?

Иными словами, самые главные объективные показатели никакой катастрофы не предвещали, и формирование ее образа в массовом сознании было *манипуляцией*. Надо признать, однако, что главное здесь — не работа манипуляторов, а тот факт, что их пропаганде *охотно верили* влиятельные группы интеллигенции, в том числе номенклатурной. Они и транслировали эти стереотипы в массовое сознание.

¹ По этому важному показателю СССР обогнал большинство стран Запада — в США на 1 кВт·ч электроэнергии расходовалось 354 г топлива, во Франции 359 г.

Первые признаки кризиса обнаруживаются в 1990 г. В табл. 4 показаны массивные, базовые показатели, определяющие устойчивость экономической основы страны. Никто в этих показателях не сомневался и не сомневается.

Таблица 4. Основные экономические показатели СССР за 1980—1990 гг. (данные ЦСУ СССР)

Показатель	1980 г.	1985 г.	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1990 г.
Валовой национальный продукт (в фактически действовавших ценах), млрд. руб.	619	777	799	825	875	943
Производственные основные фонды всех отраслей народного хозяйства (в сопоставимых ценах 1973 г.), млрд. руб.	1150	1569	1651	1731	1809	1902
Продукция промышленности (в сопоставимых ценах 1982 г.), млрд. руб.	679	811	846	879	913	928
Продукция сельского хозяйства (в сопоставимых ценах 1983 г.), млрд. руб.	188	209	220	219	222	225
Ввод в действие жилых домов, млн. кв. м	105	113	120	131	132	129
Мощность электростанций, млн. кВт	267	315	322	332	339	341

Но табл. 4 дает грубую, разрозненную картину. Приведем ряд показателей в динамике: или *натуральных величин*, или *индексов* их роста и падения.

Вот первый график — динамика рождаемости в РСФСР, выраженной суммарным коэффициентом рождаемости (рис. 5). Он показывает, сколько детей в среднем родила бы одна женщина за весь детородный период своей жизни, если бы сохранился постоянным уровень рождаемости данного года. В преддверии экономической катастрофы этот коэффициент, как правило, падает — рождаемость сокращается из-за предчувствия трудных времен.

Этот показатель приводится для РСФСР—РФ, потому что в советской статистике он не публиковался, а теперь рассчитыва-

ется задним числом для отдельных лет. В 1969—1970 гг. в СССР суммарный коэффициент рождаемости был равен 2,389, а в 1978—1979 гг. — 2,285 рождений в расчете на 1 женщину [53].

В РСФСР и СССР в целом в 60—70-е годы XX в. происходил демографический переход, типичный для периодов индустриализации и урбанизации — снижалась и рождаемость, и смертность. Но в 80-е годы XX в. система стабилизировалась, и до 1988 г. суммарный коэффициент рождаемости в РСФСР возрастал и достиг значения 2,2. Для городской страны это хороший показатель. Резкое его падение, переросшее в 90-е годы в демографическую катастрофу, наблюдается именно с начала реформы — с 1988 г. Эта катастрофа адекватна кризису, который поразил хозяйство, социальную сферу и культуру.

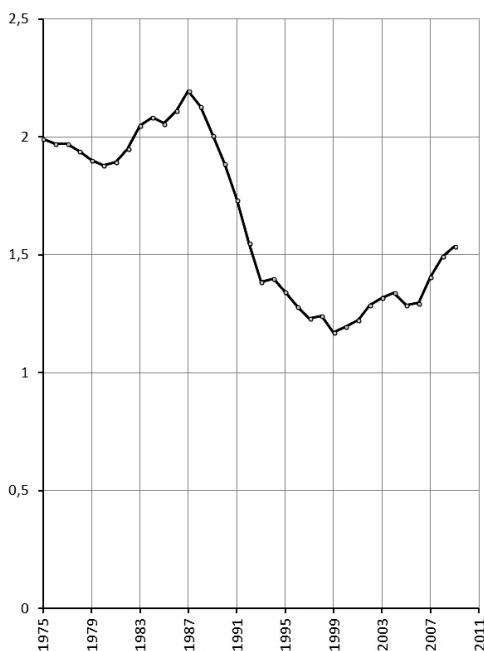

Рис. 5. Суммарный коэффициент рождаемости в РСФСР—РФ

Но для нас здесь важно то, что признаков кризиса *накануне перестройки* этот показатель не обнаруживает.

Вплоть до 1988 г. увеличивался и другой важный показатель — ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Он также стал снижаться с *началом реформы* (рис. 6).

Рис. 6. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в РСФСР—РФ, лет
(шкала растянута и начинается не с нуля, а с 60)

График на рис. 7 представляет динамику объема *капиталовложений* (инвестиций) в народное хозяйство СССР в сопоставимых ценах. Из графика видно, каков масштаб того хозяйства, которое было создано за 1960—1988 гг. Очень многие этого просто не представляли себе, живя «внутри» того времени.

Но для нас здесь важнее не величина экономики, а *вектор* процессов. При первых признаках кризиса форма кривой этого графика должна была бы резко измениться. Они могут «потерпеть», а цепной процесс кризиса надо блокировать в ранней стадии (это наглядно продемонстрировал и кризис в РСФСР—РФ начиная с 1991 г.). Напротив, динамика инвестиций в СССР не обнаруживает никаких признаков кризиса, тем более катастрофы.

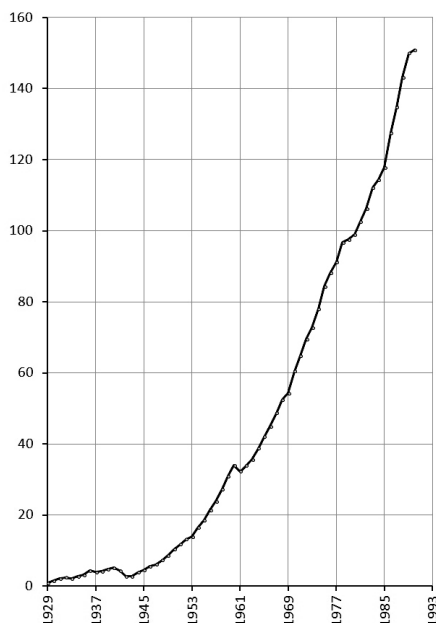

Рис. 7. Объем капитальных вложений по народному хозяйству СССР, млрд руб. (в сопоставимых ценах на 1 июля 1955 г.)

На рис. 8 показана динамика трех важных показателей с 1940 по 1990 г.: индексов *инвестиций*, *национального дохода* и *розничного товарооборота* (относительно уровня 1940 г.). Они вместе характеризуют процессы расширенного воспроизводства хозяйства, производства средств для жизнеобеспечения и развития, а также динамику потребления домашних хозяйств (населения).

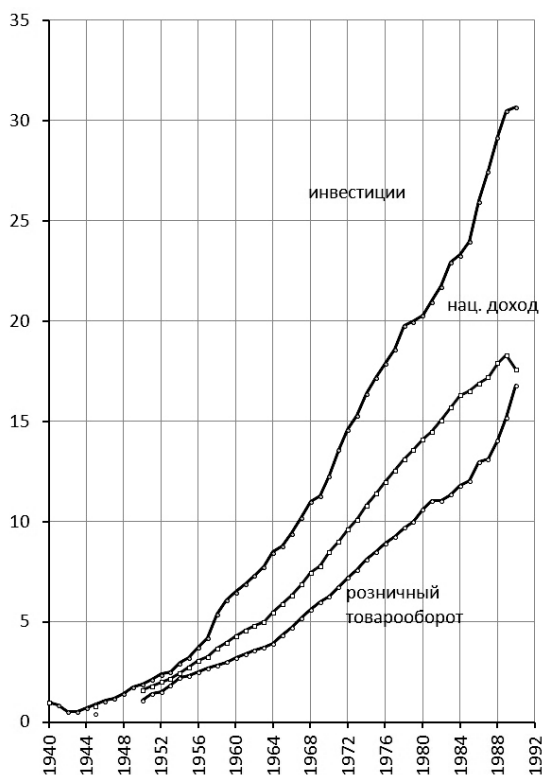

Рис. 8. Индексы инвестиций, национального дохода и розничного товарооборота в СССР (1940 г. = 1)

На графике видно, что после восстановительного периода, с 1956 г., неукоснительно выполнялся принятый в СССР принцип плановой экономики: рост капиталовложений превышал рост объема производства, а последний — рост объема потребления. Между этими тремя величинами поддерживался баланс, определяемый Госпланом. Этот баланс, который обеспечивал устойчивое развитие всей системы, нарушился только в 1989—1990 гг. — тогда произошел ускоренный рост *потребления* при одновременном быстром спаде *производства*. Рост инвестиций остановился в 1990 г., после чего произошел глубокий длительный спад — уже в экономике Российской Федерации и странах СНГ.

Итак, динамика инвестиций, производства и потребления не проявила «накануне перестройки» никаких признаков кризиса. Напротив, при кризисе 90-х годов XX в., который якобы пришлось организовать Е. Гайдару, чтобы спасти страну от катастрофы, произошло резкое нарушение равновесия между инвестициями, производством и потреблением. Это нарушение привело к «проеданию» инвестиционных ресурсов и основных фондов, а значит, к блокированию развития.

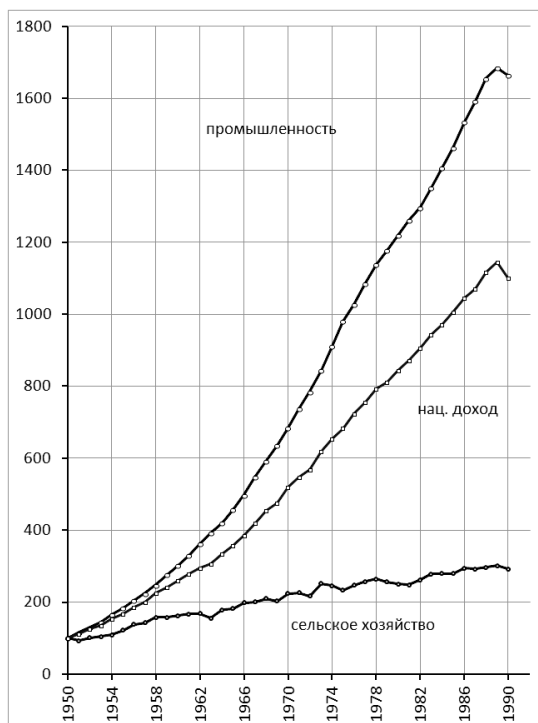

Рис. 9. Индексы производства национального дохода, валовой продукции промышленности и сельского хозяйства в СССР (1950 г. = 100)

На рис. 9 показана динамика валового объема промышленного и сельскохозяйственного производства СССР начиная с 1950 г., а также произведенного национального дохода (показателя, который употреблялся в статистике СССР до 1988 г. по ана-

логии с ВВП). Мы видим неуклонное развитие промышленности без каких бы то ни было признаков кризиса вплоть до 1990 г.

Сельское хозяйство гораздо сложнее поддается интенсификации, но и здесь колебания показателя связаны с неустойчивостью природных условий, а не с гипотетическим кризисом — о катастрофе и речи нет. За 33 года объем сельскохозяйственного производства вырос **в три раза**. Это очень неплохо, если учесть, что только за 1990—1998 гг. объем сельскохозяйственного производства в РФ снизился **в два раза**, а за последующие 11 лет вышел только на уровень 1980 г. За 20 лет реформ показатель упал на 25%.

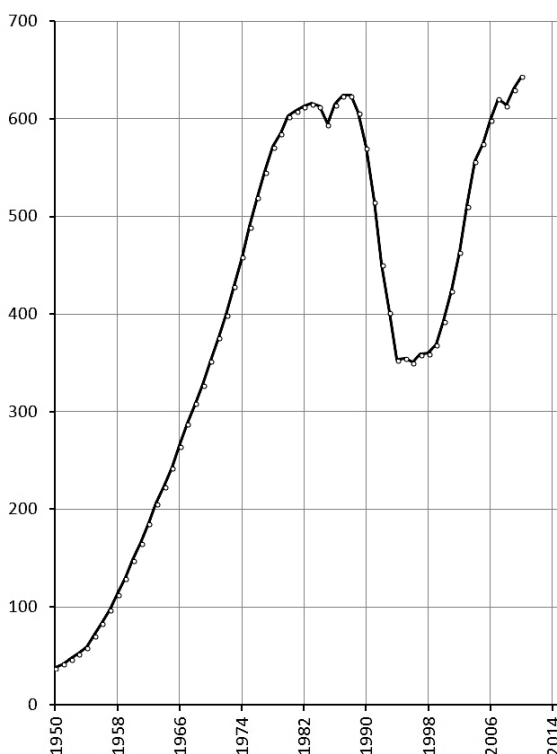

Рис. 10. Добыча нефти (включая газовый конденсат) в СССР и СНГ (во всех нефтедобывающих республиках СССР), млн. т

Национальный доход, валовая продукция и капиталовложения — расчетные агрегированные показатели. Некоторые люди им не доверяют, хотя большие искажения в них внести непросто, так как все они взаимосвязаны и фальсификация легко обнаруживается. Но все же приведем несколько *натурных* показателей, на динамике которых катастрофический кризис должен был бы сказаться **неизбежно**.

Вот один из важных для СССР и России показателей — добыча нефти и природного газа. На рис. 10 приведена динамика добычи нефти до 1990 г. в СССР, а затем в СНГ, в который вошли все нефтедобывающие республики.

Из этих рисунков можно сделать важные выводы, которые в годы перестройки и реформы были вытеснены из общественного сознания мифами, но которые необходимы, чтобы трезво оценивать процессы в хозяйственной сфере.

Первый вывод состоит в том, что нефтегазовый комплекс СССР и Российской Федерации *не унаследован* от Российской империи и даже от первых советских пятилеток. Он почти полностью создан за исторически кратчайший срок 1960—1980-е гг.

Одно это надежно показывает, что в период «накануне перестройки» никакого катастрофического кризиса в экономике СССР не было, ибо создание производственного комплекса такого масштаба (разведка и обустройство месторождений, создание обеспечивающих производств, строительство магистральных нефте- и газопроводов, распределительных и перерабатывающих систем) было делом *всего народного хозяйства*. Можем ли мы представить себе подобный научно-технический, инвестиционный и строительный проект такого масштаба в 90-е годы XX в. или в «эпоху Путина»?

Второй вывод — отсутствие признаков кризиса в самой динамике *добычи нефти*, за исключением *стабилизации* добычи в 1984—1985 гг. как реакции на начавшееся падение мировых цен на нефть. Но стабилизация — это не «распад экономики». Если бы в целом народное хозяйство СССР приближалось к коллапсу, внутреннее потребление нефти, а значит, и добыча были бы резко снижены.

Третий вывод заключается в том, что начало реального кризиса есть именно следствие реформ, оно стало очевидным с 1991 г. Этого кризиса невозможно не видеть, но никакой связи с советской экономикой он уже не имеет. Он порожден политической катастрофой, которая ударила по хозяйству.

То же самое можно сказать и о других системообразующих отраслях советской экономики: производстве *электрической энергии, стали и цемента, машиностроении* и др. В их динамике наблюдаются небольшие колебания, но признаком кризиса они служить никак не могут. И здесь кризисом надо считать резкий глубокий спад производства начиная с 1990 г.

Забегим вперед и представим обобщенную макроэкономическую картину развития хозяйства СССР, а с 1992 г. — его осколков, тех независимых государств, на которые он был расчленен и которые собрались в СНГ. Так сможем оценить не слова, а дела организаторов перестройки.

Составим эту картину в форме графика, сконструированного из двух показателей: первый — динамика ВОП (валового общественного (национального) продукта) СССР; второй — ВВП СНГ (совокупности входящих в него республик). За исходную точку, с которой начинается хозяйственная деятельность постсоветских республик, представлена индексами их ВВП, прием уровень ВОП СССР 1991 г. Поскольку мы представляем индексы, величины относительные, эта операция правомерна. Динамика этого индекса показана на рис. 11.

Это картина национальной экономической катастрофы постсоветских республик. Провал производства товаров и услуг за 22 года реформ примерно равен продукту хозяйства СССР за предыдущие 22 года. Чтобы выйти из кризиса и «преодолеть бедность», надо заполнить этот провал, а до этого еще очень далеко. Более того, есть веские опасения, что хозяйство постсоветских республик вообще не сможет в среднесрочной перспективе вновь выйти на траекторию развития, по которой шло советское хозяйство с 1965 по 1988 г. Во всяком случае «синтетический» график рис. 11 наглядно показывает, что СССР накануне перестройки не переживал экономического коллапса, сравнимого с тем, которые пережили республики после ликвидации СССР и смены экономической системы.

Еще глубже и драматичнее спад инвестиций в основной капитал. Провал подобного масштаба — фундаментальная угроза для любого народного хозяйства, изношенные основные фонды после некоторого предела становятся источником прямой опасности. Индексы инвестиций представлены на рис. 12, аналогичном графику рис. 11.

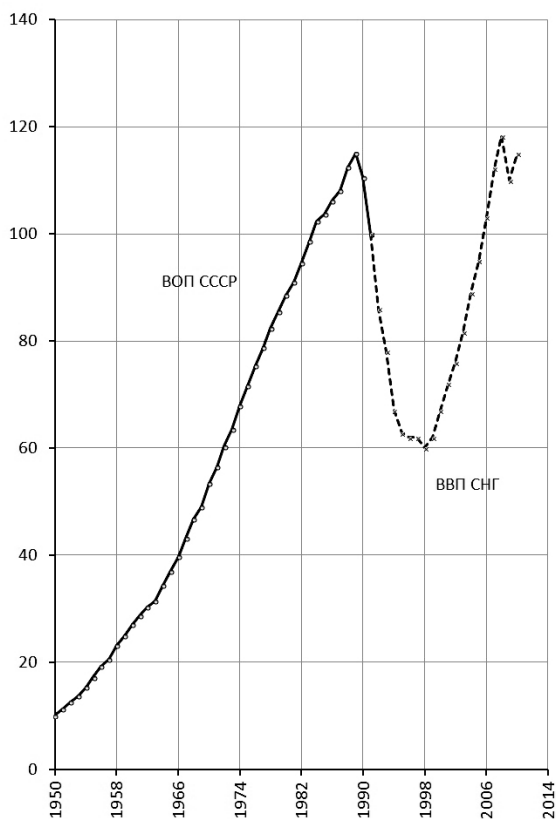

Рис. 11. Индексы ВОП СССР и индексы ВВП СНГ
(относительно точки 1991 г. = 100)

Здесь надо рассмотреть важную побочную ветвь мифа об экономическом коллапсе СССР. Стало нормой и привычным штампом утверждение, будто советское хозяйство имело «экспортно-сырьевой» характер, отчего теперь страдает Российская Федерация. В Послании Федеральному Собранию 12 ноября 2009 г. Д.А. Медведев сказал, например: «Советский Союз, к сожалению, так и остался индустриально-сырьевым гигантом и не выдержал конкуренции с постиндустриальными обществами... Вместо примитивного сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику, производящую уникальные знания» [109].

Д.А. Медведев представляет дело так, будто все 20 лет реформ постсоветская Россия шаг за шагом преодолевала «сырьевую зависимость», якобы присущую экономике СССР, но до конца так и не преодолела. Он пишет: «Двадцать лет бурных преобразований так и не избавили нашу страну от унизительной сырьевой зависимости» [110]. Это задает неверное определение вектора процесса. В действительности нынешнее «примитивное сырьевое хозяйство» не наследие прошлого, а именно *продукт реформы, результат деиндустриализации* советского хозяйства.

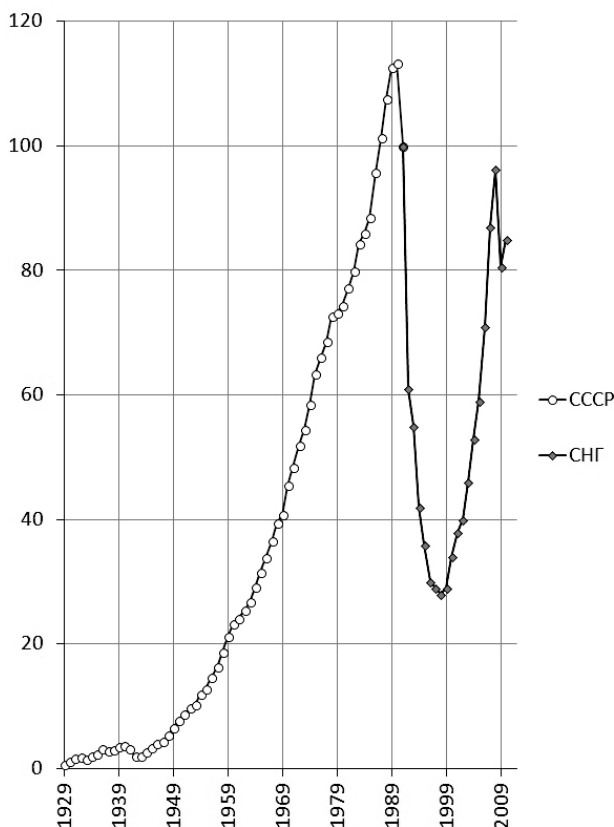

Рис. 12. Индексы инвестиций в основной капитал в СССР и СНГ (1991 г. = 100)

Взглянем на «унизительную сырьевую зависимость» в целом. В ежегоднике «Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.» на стр. 32 есть таблица: «Вывоз продукции из РСФСР по отраслям народного хозяйства в 1989 г. (в фактически действовавших ценах)».

Суммируя продукцию отраслей перерабатывающей промышленности и транспортные услуги, получаем, что доля продуктов высокого уровня переработки в вывозе продуктов из РСФСР составляла 77%. Из них «машиностроение и металлообработка» — 34,7%. Доля «добывающих» (сырьевых) отраслей — 23%. Это максимум со всеми допущениями в пользу «сырья».

Теперь берем «Российский статистический ежегодник. 2007». На стр. 756 имеется таблица: «Товарная структура экспорта Российской Федерации (в фактически действовавших ценах)». В 2006 г. «минеральные продукты, древесина и сырье» составили 70% экспорта Российской Федерации, а «машины, оборудование и транспортные средства» — 5,8%.

Но дело даже не в доле сырья в экспорте, а в зависимости всего хозяйства от экспорта (и, таким образом, от экспорта сырья). Сравним два образа: величину экспорта и стоимость годового объема продукта промышленности. В 1986 г. стоимость продукции промышленности в СССР составила 836 млрд. руб., а весь экспорт 68,3 млрд. руб., в том числе в капиталистические страны 13,1 млрд. руб., т.е. экспорт на *мировой* рынок был равен в стоимостном выражении всего 1,6% продукта промышленности (экономика СЭВ была кооперирована с СССР, и экспорт в его страны — другая статья). Но даже если суммировать, то весь экспорт составил 8,2% продукта промышленности.

Каков же вес экспорта в нынешней России? В 2008 г. продукция промышленности РФ составила 14,6 трлн. руб., а экспорт — 471 млрд. долларов или примерно 14 трлн. руб. — чуть меньше, чем стоимость всей продукции промышленности РФ. При этом 70% экспорта — сырье. Именно за последние 20 лет Российская Федерация стала *«сырьевым гигантом»*, а РСФСР была *индустриальной* страной. Мы живем, потому что государство политическими средствами удерживает цены внутри страны на более низком уровне, чем на внешнем рынке, а сырье там сейчас дорого¹.

¹ Кстати, искажает реальность и вторая часть утверждения Д.А. Медведева: «Советский Союз не выдержал конкуренции с постиндустриальными обществами». СССР не выдержал *войны* с Западом, причем войны на уничтожение, хотя и холодной. Война — это вовсе не конкуренция. Если бы нынешняя Россия не унас-

Из тезиса о «сырьевой зависимости» СССР выводился и производный от него тезис о том, что «экономика развалилась», потому что держалась на экспорте нефти, а правящие круги США в 80-е годы XX в. обрушили мировые цены на нефть, чтобы лишить СССР валюты и заставить его капитулировать в холодной войне.

Этот миф настолько нелеп, что приходишь в отчаяние: как сможет Россия выбраться из нынешней ямы, если ее интеллектуальная элита верит в эти примитивные байки! Ведь, выдвигая такой тезис, любой экономист, историк или политик должен был бы прикинуть в уме, какой **вес** имел экспорт нефти в жизнеобеспечении страны. Например, должен был бы сообщить, какова была доля экспорта нефти в ВВП или в национальном доходе СССР. Эти данные можно получить в любом статистическом ежегоднике.

Доля экспорта в ВВП была очень невелика, и колебание цен на мировом рынке не могло сказаться на состоянии экономики в целом. Если же взять конкретно экспорт нефти, то его вес в экономике был совсем невелик. Согласно Госкомстату СССР, в 1988 г. весь экспорт из СССР составил 67,1 млрд. руб. Экспорт **топлива и электричества** составил 42,1% всего экспорта или 28,2 млрд. руб. В 1988 г. ВВП СССР составил 875 млрд. руб. Таким образом, **весь экспорт топлива и электричества составил 3,2% от ВВП**. Основная его часть (две трети) направлялась в социалистические страны по долгосрочным соглашениям, экспорт энергоносителей на конвертируемую валюту составил всего 1,03% от ВВП СССР (в долях валового общественного продукта это 0,59%¹). Очевидно, что не могло **сокращение** экспорта нефти привести к краху экономики «индустриально-сырьевого гиганта» СССР!

Теперь о том, будто «мы подсели на нефтяную иглу, что и закончилось в конце 80-х годов XX в. крушением Советского Союза». Накануне «обрушения цен» экспорт нефти и нефтепродуктов в долларовую зону принес СССР доход, равный 46 долларам на душу населения в год. Это называется «сесть на нефтяную иглу»? А вот в Российской Федерации в 2008 г. экспорт нефти и нефтепродуктов составил 241 млрд. долларов, или 1697 долларов на

ледовала от СССР продуктов *советского постиндустриализма* (хотя бы в виде ракетно-ядерного оружия), то сегодня она вся была бы превращена в «сырье» уязвимыми «постиндустриальными обществами».

¹ Возможно, для СССР 1988 г. валовой общественный продукт — более близкий аналог ВВП, чем ВВП.

душу населения (не будем уж говорить, как этот доход был разделен среди населения). Это в 37 раз больше, чем доход на душу населения в СССР, и уже реально означает «сесть на нефтяную иглу». Здесь обрушение цен потрясает все хозяйство, а в СССР такое обрушение означало сокращение дохода с 46 долларов в год до 30. Это в масштабах экономики была малозаметная флуктуация. В период с 1975 г. до конца 80-х годов XX в. СССР ежегодно экспортировал «в развитые капстраны» около 30 млн. т нефти в год. Это не порождало крупного риска, который могут создать колебания цены со снижением на треть.

Трудно себе представить, как множество образованных людей объясняли сами себе механизм катастрофы в экономике СССР, происходящей из-за снижения цен на товар, который продается в столь небольших количествах. И что, по их мнению, конкретно изменилось в массивных элементах хозяйства СССР из-за снижения мировых цен на нефть в середине 80-х годов XX в.? Ведь с 1980 по 1988 г. экспорт, при всех колебаниях цен на нефть, надежно оплачивал импорт с положительным сальдо в 3—7 млрд. руб. — что еще надо? При этом внутри страны стабильно росли инвестиции и уровень потребления материальных благ населением. Как тезис об автаркии советской экономики совмещается в одной голове с тезисом об «унизительной сырьевой зависимости»? Ведь это два взаимоисключающих суждения.

Из этой истории мифотворчества следует тяжелый вывод. Из сознания политиков и экономистов в ходе перестройки была вытеснена *методологическая* компонента. Но и до сих пор в восприятии идущих в народном хозяйстве процессов рациональные оценки заменены идеологическими. Образованные люди выслушивают важнейшие, чреватые необратимыми последствиями утверждения политиков, но не требуют и не ожидают рациональной аргументации этих утверждений. Они принимают или отвергают их в зависимости от политических установок момента, а принятые оценки становятся у них стереотипами мышления. В годы перестройки поверили М.С. Горбачеву и А.Н. Яковлеву, и в сознании запечатлен устойчивый штамп: СССР рухнул из-за смертельного экономического кризиса 70—80-х годов XX в. За 20 лет все эти люди, обладай они минимальной способностью к рефлексии, могли убедиться в ложности этого штампа, но этого не произошло. Навыки критического анализа и рефлексии в отношении экономических процессов утрачены.

**ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ОБВИНЕНИЯ
В АДРЕС СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА.
ЕГО УНИЧТОЖЕНИЕ**

Миф о кризисе (и даже коллапсе) советской экономики накануне перестройки был обращен к прагматическому здравому смыслу доверчивых людей. Он следовал важному положению учения А. Грамши о подрыве культурной гегемонии: не ставить принципиальных вопросов, не отрицать существующую систему как неприемлемую, а воздействовать на обыденные мысли обычного человека. Да, наверное, плановое советское хозяйство — вещь хорошая, но смотрите: на полках магазинов шаром покати. По какой-то причине плановое хозяйство парализовано, но причины пусть изучают ученые, а нам надо срочно принять меры, используя опыт западной экономики. Вы же видите, как исправно она работает. Конечно, мы возьмем у Запада только механизм, как взяли у него паровоз или самолет. Ужасная несправедливость, которой прославился капитализм, — это нам ни к чему, у нас другая культура. Неважно, какого цвета кошка, лишь бы ловила мышей!

М. Горбачев даже пожурил неизвестных соблазнительей, желающих вместе с объективным рыночным механизмом привнести в СССР чуточку капитализма: «Правда, на страницах печати были и предложения, выходящие за пределы нашей системы, в частности, высказывалось мнение, что вообще надо бы отказаться от плановой экономики, санкционировать безработицу. Но мы не можем допустить этого, так как собираемся социализм укреплять, а не заменять его другим строем. То, что подбрасывается нам с Запада, из другой экономики, для нас неприемлемо... Среди ныне живущих в СССР каждые четырнадцать из пятнадцати родились после революции. А нас продолжают призывать отказаться от социализма. Спрашивается, почему это вдруг советские люди, выросшие и окрепшие при социализме, должны от своего строя отказаться? Мы будем всемерно социализм развивать и укреплять. Думаю, раскрыты еще только самые минимальные возможности нового строя.

Вот почему странно для нас звучит, когда нам предлагают — некоторые даже искренне — изменить общественную систему, обратиться к методам и формам, характерным для другого социального строя. Этим людям невдомек, что такое просто невозможно, даже если бы кто и захотел повернуть Советский Союз к капитализму» [40, с. 38—39, 84].

Таковы были речи Генерального секретаря ЦК КПСС. А параллельно с ними на головы людей лился поток выступлений команды экономистов, которые содержали *отрицание советского хозяйства в целом*. Рассмотрим главные тезисы.

Отрицание советского хозяйства как неэффективного. Ключевым постулатом этой идеологической кампании было утверждение, что рыночная экономика западного типа *эффективнее* советской. Более того, «теоретики» реформы даже считали, что советская экономика не является *нормальной*. Строго говоря, этот тезис относился не только к советскому социализму, а имел *цивилизационное* измерение (например, распространялся и на Российскую империю).

Экономист В.А. Найшуль, который тоже участвовал в разработке доктрины перестройки, даже опубликовал в журнале «Огонек» статью под красноречивым названием «Ни в одной православной стране нет нормальной экономики» [118]. И это нелепое утверждение значительная часть интеллигенции «глонала»! Православные страны существуют, иные по полторы тысячи лет, — почему же их экономику нельзя считать нормальной? Странно как раз то, что экономисты перестройки вдруг стали считать нормальной экономику Запада — недавно возникший тип хозяйства небольшой по населению части человечества. Если США, где проживает 5% населения Земли, потребляют 40% минеральных ресурсов, то любому овладевшему арифметикой человеку должно быть очевидно, что хозяйство США никак не может служить нормой для человечества.

В официальной идеологии перестройки стало общепринятым утверждение, будто рыночная экономика (капитализм) является «*естественным*» типом хозяйства в отличие от советского, «*неестественного*». Г.Х. Попов заявил в своей книжке «Что делать»: «Социализм пришел, как нечто искусственное, а рынок должен вернуться, как нечто естественное».

Рыночная экономика — *недавняя* социальная конструкция, возникшая как глубокая мутация в очень специфической куль-

туре Запада. Она тем более не является чем-то *естественным* и универсальным. Уж если на то пошло, естественным всегда считалось именно нерыночное хозяйство, хозяйство ради удовлетворения потребностей, потому-то оно и обозначается понятием *натуральное хозяйство*. Только равнодушием нашей гуманитарной интеллигенции к фундаментальным категориям можно объяснить тот факт, что в массе своей она даже не попыталась вникнуть, какого типа жизнеустройство команда Горбачева—Ельцина пытается навязать СССР и России.

Эта кампания могла быть успешной только в условиях полной монополии номенклатуры КПСС на СМИ. Из мышления и языка перестройки была исключена сама проблема *выбора*, а вся политика опущена с уровня *бытия* до уровня *быта*. Дебаты шли только по поводу *решений*, как будто исторический выбор был задан стране откуда-то сверху и обсуждению не подлежал. Силами СМИ заставили людей принять абсурдную установку: «иного не дано» (или «альтернативы нет...»). Дальше в формулу подставлялись разные объекты: нет альтернативы перестройке, курсу реформ, рынку и т.д. При этом широко использовался прием внушения, который выражается поговоркой «поезд уже ушел». Мол, назад пути нет, слишком многое уже разрушено, и теперь уж, делать нечего, надо продолжать реформы.

В прессу и на телевидение не мог просочиться никакой голос, который изложил бы целостное рациональное умозаключение относительно этого тезиса. Мы сравниваем капитализм («рынок») и советский строй («план»). Какой строй эффективнее? Абстрактного ответа быть не может, надо задать условия. Правильный вопрос звучит так: *какой строй эффективнее в тех условиях, в которых реально находился СССР?* При этом прежде надо было зафиксировать оценку по самому жесткому ограничению — *выживанию*.

Принимаем во внимание жесткий факт, который историк капитализма Ф. Бродель, поднятый на щит именно во время перестройки, сформулировал таким образом: «Капитализм является порождением неравенства в мире; для развития ему необходимо содействие международной экономики... *Капитализм вовсе не мог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда*». В контексте Ф. Броделя, который делает этот вывод после подсчета притока ресурсов из колоний в Англию в XVIII в., сло-

во «развиваться» равноценно понятию «существовать»¹, т.е. «услужливая помощь чужого труда» есть условие выживания капитализма — мысль довольно банальная, которой, однако, наша интеллигенция и знать не хотела.

Вот к этому-то факту и прилагаем для сравнения столь же очевидный факт: *«Советский строй мог развиваться и развивался без услужливой помощи чужого труда»*. Согласно самому абсолютному критерию — выживаемости, следовал вывод: **в условиях, когда страна не получает услужливой помощи чужого труда, советское хозяйство эффективнее капиталистической экономики**. Если источники услужливой помощи чужого труда доступны, надо разбираться особо. Но этот случай для населения СССР был неактуален, поскольку все мы знаем: ни СССР, ни нынешняя Россия этих источников чужого труда не имели, не имеют и, скорее всего, не будут иметь. Место занято!

Та формула, которую дал Ф. Бродель на основе скрупулезного подсчета ресурсов, которые западный капитализм бесплатно получил из колоний, в разных вариантах повторяется и другими крупными учеными и философами самого Запада, так что тут никакой ошибки нет. К. Леви-Стросс, например, высказался так: «Запад построил себя из материала колоний». Из этого можно сделать простой вывод: глупо надеяться построить у себя в стране такой же тип хозяйства, как у Запада, если ты не можешь отнять у других народов такую уйму «строительного материала»².

И уже тогда вызывала удивление способность наших «прогрессивных» товарищей вырвать проблему из ее реального контекста и как бы забыть общеизвестные вещи. Ведь *эффектив-*

¹ По данным Ф. Броделя, в середине XVIII в. Англия только из Индии извлекала ежегодно доход в 2 млн. фунтов стерлингов, в то время как все инвестиции в Англии оценивались в 6 млн. фунтов стерлингов. Таким образом, если учесть доход от всех обширных колоний Англии, то выйдет, что за их счет делались и практически все инвестиции и поддерживался уровень жизни англичан, включая образование, культуру, науку, спорт и т.д.

² 17—21 июня 1992 г. в Нидерландах прошел симпозиум Международной социологической ассоциации «Среда и общество» в рамках Рио-92. В обращении президента ассоциации Дж. Шелла сказано, в частности: «Очевидно, что война против Ирака в 1991 г. была войной за американскую гегемонию и за сохранение существующего американского образа и уровня жизни, основанного на потреблении дешевой энергии... Возможно, война в Персидском заливе явилась началом кровавого конфликта Север-Юг. В начале 1992 г. Пентагон перенацелил половину своих ядерных подводных лодок с советской империи на страны "третьего мира" вроде Индии, Бангладеш, Индонезии, Бразилии» [191].

ность системы никак нельзя оценить, сравнивая только «выходы» (*эффект*). Ясно, что для оценки надо приводить Запад и СССР к общему знаменателю по ресурсам — хотя бы приблизительно, по главным, наиболее массивным «вкладам».

Но этот фактор из рассуждений исключался категорически, и считалось даже дурным тоном попытаться о нем напомнить. «Прогрессивные» тогда уже встали на тропу войны против «империи зла», причем такой войны, в которой все средства хороши, — войны на уничтожение.

Другое дело, новое поколение интеллигенции. Молодежь (например, студенты) видит, что слом советской системы хозяйства привел вовсе не к вхождению осколков СССР в «наш общий европейский дом». Что же касается РФ, то она неотвратимо превращается в специфическую зону «дополняющей экономики», в периферию западного капитализма, служащую сырьевым придатком. Дело идет к ликвидации России как страны, культуры и народного хозяйства (т.е. хозяйства, обеспечивающего жизнь и воспроизводство именно ее народа).

В свете этого почти очевидного факта тезис о «неэффективности» советской хозяйственной системы теряет основание: та система явно выполняла эту свою главную фундаментальную функцию, а нынешняя не выполняет. Построить же в России «Запад» оказалось явно невозможно, поскольку доступа ни к «материалу колоний», ни к «услужливой помощи чужого труда» у России нет и не будет.

Но в то время выступления «прогрессивных» экономистов в среде интеллигенции встречались с энтузиазмом. Их поддержка была шумной и демонстративной и сильно воздействовала на массовое сознание. Писатель В. Лакшин, тогда главный редактор журнала «Иностранная литература», пишет об этой поддержке как о важном и редкостном явлении культуры: «Вторая сторона [первая сторона этого необычного состояния — «журнальный бум». — С.К.-М.] состояла в поразительном успехе экономистов. На заре перестройки читали ученых-социологов, аграрников и т.п., начиная со Шмелева, Лисичкина, Селюнина и т.д... Была иллюзия, что ученые не ошибутся и не соврнут, потому что экономика — точная наука, подобно математике. Экономисты были популярны, как эстрадные «звезды», как Валерий Леонтьев или Алла Пугачева. Помню, как Н. Шмелева приветствовал на читательской конференции зал: чуть ли не вставали, засыпали цветами» [92].

Кого засыпали цветами советские интеллигенты? Номенклатурных экономистов, которые до этого были несостоятельны в своей миссии изучения и объяснения народного хозяйства своей страны! Когда эта несостоятельность стала очевидной и опасной, они вместе с коррумпированной частью номенклатуры приступили к разрушению национальной экономики и, пренебрегая своей обязанностью предупредить общество о грядущих последствиях, повели себя как соблазнители и обманщики. Ведь уже в середине 90-х годов XX в., когда в реформе была достигнута желанная необратимость, они с откровенным глумлением говорили, что всегда знали, к каким бедственным последствиям приведет эта реформа.

В январе 1994 г. у видных авторов доктрины реформы Институт социологии РАН взял интервью о том, как они представляли замену плановой экономики на рыночную. Академик А. Аганбегян сказал так: «Думаю, что замена одной системы другой по содержанию своему предполагает коренную ломку. Конечно, понятие “коренной ломки” очень относительно. Если речь идет о том, будут ли людей убивать, то можно обойтись без того, чтобы людей убивали. Конечно, переход от одной системы к другой очень болезнен для людей, и надо прямо сказать, что рыночная система — это очень жестокая система по отношению к человеку. Система с очень многими негативными процессами. Рыночной системе свойственна инфляция, рыночной системе обязательно свойственна безработица. Наш образ жизни коренным образом изменится. Во-первых, в нашу жизнь войдет безработица, в нашу жизнь войдет дифференциация богатых и бедных и прочее».

Все это он знал, но об этом не предупредил в 1989 г., когда завлекал нас в рынок. Кстати, и в интервью обманывает: людей именно убила эта «коренная ломка», и очень многих.

Наблюдалась поразительная вещь: ни один из ведущих экономистов СССР никогда не сказал, что советское хозяйство *может быть переделано* в рыночное хозяйство западного типа. Никто никогда и не утверждал, что в России можно *построить* экономическую систему западного типа. Ситуация аномальная: заявления по важнейшему для народа вопросу строились на предположении, которого никто не решался явно высказать. Никто не заявил, что на рельсах нынешнего курса возникнет дееспособное хозяйство, достаточное, чтобы гарантировать выживание России как целостной страны и народа. Сколько ни

изучаешь сегодня документов и выступлений, никто четко не заявляет, что он, академик такой-то, уверен, что курс реформ выведет нас на безопасный уровень без срыва к катастрофе. А вот предупреждений об очень высоком риске прийти к катастрофе было достаточно.

Доктрина реформ противоречила знанию, накопленному даже в рамках *либерализма*! В 1991 г. к М.С. Горбачеву обратилась с «Открытым письмом» группа из 30 американских экономистов (включая трех лауреатов Нобелевской премии по экономике — Ф. Модильяни, Дж. Тобина и Р. Солоу; еще один, У. Викри, стал нобелевским лауреатом в 1995 г.). Они предупреждали, что для успеха реформ надо сохранить землю и другие природные ресурсы в общественной собственности. Виднейшие западные экономисты видели разрушительный характер доктрины российских реформ и пытались предотвратить тяжелые последствия. Однако на их письмо просто не обратили внимания.

Вот как характеризовала суть перестройки академик Т.И. Заславская: «Перестройка — это изменение типа траектории, по которой движется общество... При таком понимании завершением перестройки будет выход общества на качественно новую, более эффективную траекторию и начало движения по ней, для чего потребуется не более 10—15 лет... Необходимость принципиального изменения траектории развития общества означает, что прежняя была ложной» [61].

Здесь сказано, что население и страну ждет не улучшение каких-то сторон жизни, а смена самого *типа* жизнеустройства, т. е. *всех сторон* общественного и личного бытия. Речь идет даже не о том, чтобы с перекрестка пойти «другой дорогой», а о том, чтобы сменить *тип траектории*. Что это означает? В чем оказалась ложной «прежняя траектория»? В какой момент Россия пошла по ложному пути?

СССР в 70—80-е годы XX в. располагал ресурсами, чтобы разработать и произвести хорошие самолеты и ракеты, но не было возможности сделать пылесосы и джинсы не хуже, чем в США. В те годы сложился совокупный научно-технический потенциал Запада и его общий рынок. По масштабам этот потенциал был просто несравним с советским, а нам очень многие западные продукты не продавали и за большие деньги. В то же время номенклатура изделий и материалов, необходимых для самых приоритетных программ, стала столь широкой, что средства,

оставляемые на производство ширпотреба, были действительно малы. Научоемкость всех вещей повысилась скачкообразно, а мощность советской системы рутинной доводки (ОКР — опытно-конструкторские разработки), в отличие от генерации идей и создания прототипов (НИР — научно-исследовательские работы), скачкообразно отстала от НИОКР Запада. Если для оборонных целей был досрочно нужен какой-то материал, то в СССР приходилось его производить по технологии с выходом хоть 3%, а на Западе выход доводили, скажем, до 60%.

Та часть хозяйства, которая работала на оборону, не подчинялась критериям *экономической* эффективности (а по критериям обороноспособности она была весьма эффективной). На этом основании согласиться разрушить такое хозяйство — симптом тяжелого культурного кризиса, даже болезни. Это значит, что в массовом масштабе у людей возникает сладкое чувство **безответственности**. А.С. Панарин трактует этот большой сдвиг в сознании в терминах психоанализа как «*бунт юноши Эдипа*», бунт против принципа отцовства, предполагающего ответственность за жизнь семьи и рода [135].

Отрицание плановой системы. После 1987 г. было оказано сильнейшее давление на остатки планирования. Г.Х. Попов, «прораб перестройки» и вечный декан экономического факультета МГУ, верно писал в 1989 г.: «В документах июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС “Основные положения коренной перестройки управления экономикой” и принятом седьмой сессией Верховного Совета СССР Законе СССР “О государственном предприятии (объединении)” есть слова, которые можно без преувеличения назвать историческими: “Контрольные цифры... не носят директивного характера”. В этом положении — один из важнейших узлов перестройки» [145].

Г. Попов понимал, что в законе прописаны *исторические слова*! Значит, речь идет о чем-то самом важном. План для предприятий перестал быть законом, из системы планового хозяйства вырвали системообразующий стержень.

Начался демонтаж главных отраслей народного хозяйства. Это происходило в 1989—1991 гг. даже при формальном сохранении плановой системы через сокращение или полное прекращение капиталовложений, остановку строительства и ликвидацию госзаказа. Начиная с 1992 г. ликвидация системообразующих отраслей народного хозяйства была возложена на действие

«стихийных рыночных сил», которые, однако, точно направлялись посредством подготовленных ранее политических решений правительства на уничтожение самых новых и технологически прогрессивных производств.

Отрицая идею планирования, экономисты сводили дело к якобы неверным техническим решениям (типа «в 70-е годы надо было строить хорошие картофелехранилища, а не ракеты»). Но ведь именно сделанный тогда обществом *выбор* («устоять в условиях военного быта») и определял приоритеты для планирования: отправлять средства на строительство хранилищ для картофеля или на строительство новой ракеты. Выбор критериев — не техническое решение, он определяется высшими ценностями.

На деле за конкретными «ошибками», которые вспоминали критики советского проекта, кроется отрицание именно критериев высокого уровня. Но это скрывают и вытаскивают «ошибку», которую с ходу непросто оценить. Потом незаметно производится подмена предмета, и ошибочным начинает казаться критерий высшего уровня.

Но допустим, что есть некий интегральный и применимый для обеих систем показатель «эффективности». Но и в этом случае противопоставление «рынка плану» оказывается подлогом. Страны «свободного рынка» всегда имели огромную помощь государства, которая и приводила систему в равновесие. Например, только государство могло обеспечить экономике Запада захват колоний и перекачку оттуда ресурсов. Без них «рынок» (капитализм) вообще не мог бы существовать, о чем и говорит эмпирический анализ школы Броделя. Сказано, что «невидимая рука рынка» беспомощна без «невидимого кулака государства».

Когда в США «рынок» слишком усилился по сравнению с государством, случилась Великая депрессия. Ответом была «кейнсианская революция». Раз революция, значит, речь шла о катастрофе, о принципиальной неэффективности обратных связей рынка. В западной литературе приходится читать выражения типа «сама по себе рыночная система является саморазрушающейся».

Напротив, имеется большой и прозрачный эмпирический опыт, говорящий о том, что нерыночное хозяйство с прямыми связями *при отсутствии большого резерва ресурсов* извне гораздо эффективнее рыночного. Речь идет, прежде всего, о семейном хозяйстве. Оно устроено не на купле-продаже или пря-

мом обмене, а на кооперации и взаимопомощи. Это типично плановое хозяйство: с бюджетом, безналичным расчетом и условными ценами.

В США были работы, в которых пытались обчислить хозяйство семьи в рыночных категориях — как если бы члены семьи перешли на отношения купли-продажи с эквивалентным обменом. Оказалось, и об этом говорилось с удивлением, как об открытии, что семья жить бы не смогла — все услуги были столь дороги, что никто их оплатить бы не смог.

Самое странное было в том, что в семейном хозяйстве возникала энтелехия (системное качество) в крупном размере. Сумма оборота была не нулевая, в семье все получали большие деньги как бы из ничего — бесплатный *синергический* эффект.

Одним из важных аргументов в этих нападках на систему планирования был тезис о якобы *избыточном производстве ресурсов как фундаментальном дефекте плановой экономики*. Этот тезис вошел, в действительности, в самое ядро всей доктрины подрыва легитимности советского строя и затем подрыва самого хозяйства СССР и оставшихся от него «независимых» республик. Ведь вслед за атаками на какую-то «избыточную» отрасль (производства стали, тракторов, энергии и т.п.) или даже параллельно с этими атаками принимались политические решения по подрыву этих отраслей.

Это совершенно дикое в своей иррациональности стремление уничтожить отечественную промышленность было присуще всей реформаторской элите, она действовала как «партизанский отряд» в тылу врага. В важной перестроечной книге В.А. Найшуль пишет: «Чтобы перейти к использованию современной технологии, необходимо не ускорить этот дефектный научно-технический прогресс, а произвести почти полное замещение технологии по образцам стран Запада и Юго-Восточной Азии. Это возможно достичь только переходом к открытой экономике, в которой основная масса технологий образует короткие цепочки, замкнутые на внешний рынок. Первым шагом в этом направлении может стать привлечение иностранного капитала для создания инфраструктуры для зарубежного предпринимательства, а затем — сборочных производств, работающих на иностранных комплектующих» [120].

Как раз когда в Москве в 1991 г. обсуждался закон о приватизации, в журнале «Форчун» был опубликован большой обзор

о японской промышленной политике. Там сказано: «Японцы никогда не бросили бы нечто столь драгоценное, как их промышленная база, на произвол грубых рыночных сил. Чиновники и законодатели защищают промышленность, как наследка цыплят». Японцы поступали разумно, а советская интеллигенция аплодировала тем, кто планировал уничтожение отечественной промышленности.

В СССР с начала перестройки велась интенсивная кампания по дискредитации советской промышленности в целом, как системы. После 1991 г. была открыто провозглашена программа *деиндустриализации* — небывалая в истории операция по возвращению научно-промышленной державы в состояние слабозависимости. Видимо, это решение было навязано правящими кругами США команде Горбачева и правительству постсоветской РФ, подрывившимся уничтожить СССР как страну, экономику, культуру. Но ведь это было равнодушно, а то и с одобрением встречено многомиллионной научно-технической интеллигенцией СССР! Вот где надо искать причину краха советской системы — ее интеллигенцией овладела *воля к смерти*.

После запуска первого советского спутника влиятельный американский обозреватель У. Липпман написал: «Немногие посвященные в эти дела и способные понимать их говорят, что запуск такого большого спутника означает, что Советы находятся далеко впереди этой страны [США] в развитии ракетной техники. Это их лидерство не может быть объяснено некоей удачной догадкой при изобретении устройства. Напротив, оно свидетельствует о наличии в СССР множества ученых, инженеров, рабочих, а также множества высокоразвитых смежных отраслей промышленности, эффективно управляемых и обильно финансируемых» [98]. Он написал именно о советской науке и промышленности как о великолепной *системе*, замечательном творении нашей цивилизации. И эту систему уничтожили на наших глазах. В это надо вникнуть.

Соппротивление курсу на ликвидацию плановой системы было подавлено, в том числе и «культурными средствами», т.е. внедрением в сознание мифа об избыточности ресурсов в хозяйстве, которое якобы «работает само на себя». «Шестидесятник» А. Адамович активно вел кампанию по дискредитации советского хозяйства. Он, например, так проклинал промышлен-

ность: «Абсурдный процесс производства ради производства. Когда все больше стали выплавляется для строительства машин по выплавке стали, а народу и умыться нечем. В десять, что ли, раз больше, Юрию Черниченко это лучше знать, выпускается тракторов, комбайнов, а сельскохозяйственную продукцию покупаем» [4, с. 341]. Это, на первый взгляд, — примитивная глупость, но ее принимали с аплодисментами, не вдумывались.

Слишком большая часть интеллигенции приняла и миф, и логику, которые лежали в основе этой программы. Это видно из того, что в пропаганде таких стереотипных мифов, выработанных в идеологических лабораториях перестройки, с энтузиазмом приняли участие интеллектуалы из, казалось бы, разных политических лагерей.

Формула «абсурдной избыточности ресурсов» облекалась в самые разные содержательные оболочки и служила как генетическая матрица вируса, внедряемая в сознание человека уже независимо от той или иной оболочки. В частности, были резко уменьшены все капиталовложения в *энергетику*, хотя специалисты с отчаянием доказывали, что сокращение подачи энергии и тепла в города Севера и Сибири просто приведет к отъезду «потребителей». Тот факт, что интеллигенция благосклонно приняла программу, в которой почти невозможно было не видеть большой опасности для хозяйства и даже для шкурных интересов каждого обывателя, настолько необычен, что должен был бы сам по себе стать предметом большого исследования.

Более того, широкие круги интеллигенции не просто благосклонно приняли эту программу, но и проявили в ее поддержке непонятную агрессивность и даже ненависть к энергетике. В «Меморандуме в защиту природы» (1988), подписанном видными деятелями науки и культуры, велась атака на уже наполовину выполненную Энергетическую программу СССР, которая выводила СССР на уровень самых развитых стран по энергооснащенности. Вдумайтесь в логику приведенных ранее аргументов, которые выдвигались против программы в упомянутом «Меморандуме»: «Зачем увеличивать производство энергоресурсов, если мы затрачиваем две тонны топлива там, где в странах с высоким уровнем технологии обходятся одной тонной?»

Примем, что экономисты и писатели, рассуждающие об энергетике, не обязаны интересоваться такими скучными веща-

ми, как климат, расстояния, энергозатраты на жизнеобеспечение и на производственные операции. Допустим даже, что наша техносфера действительно расточительна и где-то в мифических «США» энергии тратят меньше, чем в России. Но каким образом из этого можно сделать вывод, что именно нам, *живущим в России*, а не в этих «США», не следует «увеличивать производство энергоресурсов»?

Даже если авторы этого «Меморандума» считали, что можно в одночасье заменить ту техносферу, что пару сотен лет складывалась в России, на техносферу США, это невозможно было бы сделать без огромных дополнительных затрат энергоресурсов — и на строительство, и на экспорт, чтобы оплатить закупки технологий за рубежом.

Сделаем маленькое отступление для примера частного, но типичного. Что поражало и поражает в «культуре критики» советских и российских интеллектуалов, так это агрессивность формулировок и полное нежелание разобраться в понятиях, параметрах, индикаторах и критериях, необходимых для оценки. Во время перестройки обвиняли экономику СССР, что производится много энергии вместо развития энергосберегающих технологий. После 1991 г. эта критика усилилась. Началась пропаганда большой программы по утеплению жилых домов, построенных в СССР. Там, где удалось получить бюджетные деньги, эти проекты начались — стены обкладывают минеральной ватой. Но публику не интересует, окупятся ли эти меры, хотя порог рассчитан для большинства городов Азии, Европы и Америки — исходя из климата, цены тепловой энергии, материалов и цены банковского кредита.

Вот что пишут специалисты: «Предельное значение единовременных затрат на утепление стены, при которых они окупаются в Москве, составляло в 2000 г. 5,90 долл./м². В 2007 г. это значение составляло 11,4 долл./м², т.е. на утепление стен старых зданий до значений сопротивления теплопередаче, соответствующих современным требованиям, можно потратить не более чем 11,4 долл./м², иначе это утепление не окупится. В то же время, например, для Стокгольма эта величина в 2000 г. составляла 112,4 долл./м². При цене жестких минераловатных плит 100—150 долл./м³ и при необходимости использования на утепление стены слоя толщиной 0,1 м цена только теплоизоляционного материала составит 10—15 долл./м². Предельное значение едио-

временных затрат для Москвы будет превышено, а для условий Стокгольма цена теплоизоляционного материала составит всего 13% от предельного значения единовременных затрат, т.е. в Москве такое утепление стен никогда не окупится, а в Стокгольме окупится, если цена остальных материалов и работы «уложится» в оставшиеся 87%» [33].

Вернемся к временам перестройки. Речь в «Меморандуме» шла не о критике Энергетической программы, огонь велся на ее поражение. Замечательна сама фразеология «Меморандума»: «Вся многолетняя деятельность Минэнерго завела наше энергетическое хозяйство в тупик... Большая часть добываемого топлива расходуется на технологические нужды, и прежде всего на выработку электроэнергии. Более трех четвертей производимой в стране электроэнергии используется на производственные нужды в промышленности, сельском хозяйстве и транспорте. Это означает, что энергетические ресурсы в основном используются для производства опять же энергетических ресурсов и сырья с крупномасштабным разрушением природной среды.

Именно этот абсурдный принцип развития нашей энергетики заложен в Энергетической программе СССР и ныне осуществляется. Никто за все это не понес ответственности» [113].

Бессмысленное, шаманское заклинание, что советская система породила «производство ради производства, а не ради человека», здесь приобрело характер безумия — затраты энергии «на производственные нужды в промышленности, сельском хозяйстве и транспорте» считаются *бесполезными для человека* (и даже почему-то рассматриваются как «опять же производство энергетических ресурсов»). И ведь 13 подписей под документом, из них 6 докторов разных наук. Но главное, что это было принято на «ура» слишком уж большой частью интеллигенции, в том числе и интеллигенцией Приморского края. И она радовалась отказу от Энергетической программы, закрытию «нерентабельных» шахт и прекращению работ на почти обустроенных новых карьерах для открытой добычи угля и на стройках электростанций, хотя эти шахты и ТЭЦ были единственными источниками тепла и света для квартир физиков и лириков Приморья.

И когда в 2000 г. у жителей Приморья отключили отопление, множество хорошо одетых образованных людей вышли на улицы с плакатами «Хотим жить!». Но в современном городском обществе, тем более без советской власти, может выжить лишь че-

ловек, способный сформулировать простейшие вопросы, сделать простейшие вычисления и определить, что ему выгодно, а что нет. А интеллигенция эту способность утратила. Мало того, что сама замерзла, но заставила мерзнуть и людей, которые надеялись на эту ее способность и верили ей¹.

Отношение интеллигенции к энергетике хорошо высвечивает то состояние мышления, которое и позволило ничтожному меньшинству завоевать культурную гегемонию, сменить политическую систему, завладеть хозяйством и обескровить его, перекачав его ресурсы на свои личные счета за рубежом. Причина того, что наша интеллигенция попала в этот мировоззренческий тупик, коренится в ее «полузападном» образовании, в котором оказались подавленными ответственность в подходе к проблемам общества и отсутствие интереса к фундаментальным вопросам. В советском проекте эта проблема не была предусмотрена, а потому не была и осмыслена и решена. В этот исторический урок должна вникнуть молодежь нынешней России, если хочет сохраниться как *поколение народа*, а не как расходный материал «развитых стран».

Советская плановая система характеризовалась тремя особыми качествами, отличавшими ее от капиталистической. Во-первых, она сумела запустить молекулярные процессы массового создания «снизу» самых ценных ресурсов. Прежде всего, это — здоровый, спокойный, образованный человек. Это видно из множества жестких эмпирических показателей. Во-вторых, это создание всеобъемлющей системы поиска, разработки и собирания материальных средств: от сырья и энергии до рабочей силы. В-третьих, создание механизма концентрации ресурсов в ключевых точках в нужный момент и маневра ресурсами.

При реальных ресурсных возможностях СССР только посредством комплексного планирования можно было создавать большие технологические системы типа Единой энергетической системы или Ракетных войск стратегического назначения. В сумме это дало такой запас эффективности, по сравнению с кото-

¹ Поразительно, что никто даже не замечал, что Приморье вымерзает при парализованном производстве, на которое в норме должно было бы уходить две трети энергоресурсов. О каком же экономическом росте в Приморье вообще может идти речь? Спасибо, хоть срочно пустили часть почти построенной в советское время и законсервированной Бурейской ГЭС.

рым гипотетическое превосходство обратных рыночных связей над прямыми плановыми несущественно.

Сейчас уже перестали применять прием пропаганды, который был излюбленным в первые годы реформы, — утверждение, будто кризис унаследован от советской системы и является просто продолжением созревших в ней тенденций. Сама форма кривых, выражающих динамику экономических показателей, говорит о том, что в 1991—1992 гг. произошел именно слом системы народного хозяйства СССР, ее убийство политическими средствами. Если мы оценим хотя бы приблизительно те средства, которые с тех пор потеряло хозяйство, мы поймем, с какой интенсивностью работала экономическая машина СССР.

Конечно, трудно учесть все средства, которые успели реформаторы растратить за десять лет. Сколько, например, реально стоило поддерживать военный паритет с Западом? От него отказались, вооружения не разрабатывали, не производили и не приобретали, армию почти распустили — сколько на всем этом сэкономили правительства Е. Гайдара и В. Черномырдина? Где эти деньги? Десять лет практически не делалось капиталовложений в производство, были свернуты большие строительные и мелиоративные программы. Почти не выделялось средств даже на поддержание технической инфраструктуры. Инвентаризация всех этих изъятых из хозяйства средств — большая задача. Есть и очевидные изъятия: например, присвоение правительством Гайдара вкладов населения в Сбербанке (450 млрд. долл.).

Главный дефект той системы, к которой перешли от советского строя, вовсе не в том, что «новые русские» вывезли около триллиона долларов или накупили себе мерседесов. Главное, что они при этом уничтожили в десятки раз больше ресурсов, т.е. с точки зрения интересов общества оказались *бессмысленными хищниками*. И это — свойство фундаментальное. Рядом с этим свойством «тупость планирования» — свойство именно не фундаментальное, а исторически данное и устранимое. Да и потери эта тупость порождала гораздо меньшие, чем нынешняя хищность.

По отношению к советской системе, которая, как и капитализм, была комбинацией прямых и обратных связей, можно было бы спорить об изменении пропорций или структуры связей, методологии планирования. Однако цель антисоветского

движения была совершенно иной — она заключалась в уничтожении советской системы.

Сегодня, когда мы находимся в тяжелейшем положении и окидываем мысленным взором совокупность антисоветских суждений о разрушенной системе хозяйства, возникают тяжелые чувства. Они выглядят поразительно бесплодными, из них нельзя извлечь никакого полезного урока. Это критика, построенная на ложных основаниях, недобрых чувствах и недобросовестных приемах. Но причина краха СССР не в самой этой критике, а в том, что ей поверила часть граждан — достаточно влиятельная, чтобы парализовать защитные силы советского общества.

Отрицание государственной собственности. Частью большой антисоветской доктрины в сфере экономики была атака на представление об общенародной и государственной, а также коллективной и общинной *собственности*. Позитивная часть этой доктрины сводилась к вере в благодатные свойства *частной* собственности. Делались нелепые высказывания о «естественном» характере частной собственности и даже ее «священном» характере. Что само понятие «*священный*» является иррациональным, это именно символ веры. Для одних священно одно, для других другое, и логикой тут не возьмешь.

Придание же этому чисто социальному феномену статуса «естественного», т.е. природного, внесоциального, также надо считать иррациональным, поскольку здесь слово «естественный» просто заменяет слово «священный» и никакого содержательно-го значения не имеет. Частная собственность в ее современном виде возникла лишь в Новое время, с превращением человека в свободного индивида (исходный элемент этой собственности — собственность на *тело* индивида). Так что самой этой категории, на которой строится все здание современного капитализма, всего-то от роду четыре века. А только в цивилизованном состоянии человечество живет уже 20 тысяч лет — 200 веков!

Более того, даже не частная, а и более ранние формы собственности возникли лишь с появлением земледелия, т.е. сравнительно недавно. А до этого вполне сформировавшийся *homo sapiens*, живущий племенами, лишь координировал использование угодий для охоты или собирательства. Никакого «естественного», биологически присущего человеку «чувства» частной собственности не существует, это исторически обусловленная часть

культуры, продукт общественных отношений. Возник в определенных условиях, побыл в культуре и исчез.

Соответственно, не существует и никакого природного «чувства хозяина», которое было якобы утрачено советскими людьми из-за обобществления собственности на средства производства. Создание мифа об этом «чувстве» или инстинкте — биологизаторство культуры, отрывка социал-дарвинизма. Прискорбно было наблюдать его в культурной образованной среде, так легко поверившей манипуляторам. Что же касается этого «чувства хозяина» как продукта культуры, то вовсе не советская власть его ограничила в России, а Православие. С. Булгаков пишет в книге «Христианский социализм»: «Именно это-то *чувство* собственности, духовный яд ее, сладострастие Мамоны, и осуждается бесповоротно христианством, как коренным образом противоречащее основной заповеди любви» [21].

Во время перестройки настойчиво внушалась мысль, что собственность в СССР захватило государство, так что *общенародной* советскую собственность называют лишь для отвода глаз. Был даже изобретен мифический «собственник» — бюрократия, номенклатура. Идея эта совершенно схоластична. Бюрократия в СССР представляла собой общность работников *управленческого аппарата* и признаками класса-собственника не обладала¹. Так же как и менеджер в частной корпорации выполняет функции управления и участвует в принятии решений, но вовсе не является *собственником* капитала. Что собственность на средства производства была в СССР именно общенародной, а государство ею лишь распоряжалось, говорит как раз «уравниловка», которую на все лады склоняли антисоветские мыслители. В виде бесплатных благ и через низкие цены граждане на уравнилельной основе получали свои дивиденды с принадлежащей им частицы общенародной собственности. Кроме того, как частичные собственники средств производства, они имели реальное право

¹ В 1980 г. в ФРГ и Австрии вышла книга доктора исторических и философских наук из АН СССР М.С. Восленского «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза» (он эмигрировал в 1972 г.). В понятиях классового подхода автор описывает СССР как общество, в котором работники управления сплотились в социальный класс, овладевший собственностью и эксплуатирующий трудящихся. Этот чисто идеологический труд был широко растиражирован и легко принят нашей антисоветской интеллигенцией, мыслящей стереотипами исторического материализма. В СССР книга вышла в 1991 г. в издательстве «Советская Россия» (!). Практического значения она уже не имела — маховик и так был раскручен.

на труд. Это достаточные признаки обладания собственностью, вполне очевидные и понятные.

Эксплуатируя миф о собственности, философы доходили до абсурда. Видный философ-правовед В.С. Нерсисянц писал: «Создаваться и утверждаться социалистическая собственность может лишь внеэкономическими и внеправовыми средствами — экспроприацией, национализацией, конфискацией, общеобязательным планом, принудительным режимом труда и т.д.» [124].

Вдумаемся в это тоталитарное утверждение: философ отрицает всякую возможность создать социалистическую собственность экономическими и правовыми способами. В.С. Нерсисянц, вероятно, имеет в виду национализацию 1918—1920 гг., но почему же национализация — неправомерный акт? А приватизация — правовой? Какие можно придумать правовые основания, чтобы отдать комсомольскому работнику Кахе Бендукидзе машиностроительный суперкомбинат «Уралмаш» за смехотворную цену — одну тысячную не стоимости завода, а стоимости его годовой продукции?

Да, национализация следовала чрезвычайному революционному праву, но это был всего лишь краткий миг в истории советского хозяйства, да и национализированы были парализованные предприятия. Ее главной причиной была именно остановка производства владельцами предприятий, что грозило рабочим голодной смертью. Именно владельцы нарушили свои обязанности, которые предусмотрены «общественным договором», каковым и является частная собственность на средства производства.

Согласно промышленной переписи, на 31 августа 1918 г. было национализировано 3 тыс. крупных предприятий — практически все, какие были в России. Большинство их было разрушено во время Гражданской войны и потом восстановлено уже советским государством. Но уже за годы первой и второй пятилеток и часть третьей пятилетки до начала войны было *построено* 9 тыс. крупных предприятий. Разрушенные в войне предприятия опять восстанавливались государством. После войны за 45 лет была построена огромная по масштабам и стоимости промышленная система, крупницы когда-то национализированной собственности в ней полностью растворились.

То, что сохранилось после 7 лет войны (1914—1921 гг.) и было национализировано, составляло около *трети* промышленного потенциала 1913 г., который и сам производил 0,5%

от объема производства промышленности СССР 1990 г. После 1991 г. была приватизирована промышленность, **полностью (на 99,85%) созданная советским народом** — в основном поколениями, родившимися после 1920 г. Большого числа отраслей просто не существовало в 1913 г. Многие под идеологическим давлением перестройки и реформы это как будто забыли.

И теперь говорят, что все это строительство, восстановление, модернизация противоречат праву! На каком основании считает философ внеправовыми и внеэкономическими явлениями, например, строительство «Уралмаша», ВАЗа или московского метро? Самые благожелательные попытки додумать разумные аргументы за В.С. Нерсисянца к успеху не приводят. А ведь он как юрист оправдывал *грабительскую* приватизацию советской промышленности.

Возьмем совсем уж крайний случай. Непонятно, почему надо считать «внеправовым» явлением хотя бы и принудительный труд осужденных, если он регулируется правом. Само понятие права у этого правоведа становится совершенно расплывчатым.

Своей хулой на социалистическую (и вообще коллективную) собственность философ-юрист по контрасту пытается доказать, что уж частная-то собственность создавалась исключительно в рамках права и без внеэкономического принуждения. Но ведь эта мысль просто нелепа. Не будем уж поминать, что «на каждом долларе следы грязи и крови» или 9 млн. африканцев-рабов, доставленных в Америку живыми (по оценкам историков, живыми до Америки доплывало около 10% из тех, кто загонялся в трюм в Африке).

Понятно, что в статье, написанной в 1989 г., автор своими манипуляциями с понятием собственности выполняет чисто политическую задачу — разрушает легитимность советской экономической системы. Но ведь эти манипуляции уже были нормой в мышлении «продвинутой» части номенклатуры КПСС!

Выступая в 1992 г. в Германии, Горбачев так оправдывает свою деятельность по ликвидации советского строя: «Отличительной особенностью советской тоталитарной системы было то, что в СССР фактически была полностью ликвидирована частная собственность. Тем самым человек был поставлен в полную материальную зависимость от государства, которое превратилось в монопольного экономического монстра» [46, с. 187—188].

Откуда вытащил эту мысль функционер КПСС, всю жизнь после МГУ карабкавшийся по номенклатурной лестнице? Из советского обществоведения для элиты, а также из чтения ведущих марксистов СССР и Запада. Без опоры на К. Маркса его проклятья «советской тоталитарной системе» были бы просто ругательствами, не имеющими смысла. Почему государство, обладая собственностью, становится «монстром»? При каком количестве собственности у него появляются монструозные черты и почему? Является ли таким же монстром частная корпорация «Дженерал электрик», собственность которой по размерам превышала государственную собственность многих социалистических стран? И почему, если собственность государственная, человек «поставлен в полную материальную зависимость от государства»? В чем это выражается? Чем в этом смысле государственное предприятие хуже частного? Маркс так сказал, и Маркузе подтвердил!

Ясно, что при создании в СССР общества, основанного на началах социальной справедливости и общественного хозяйства, представления К. Маркса о таком строительстве имели принципиальное значение. А как видел К. Маркс преодоление капиталистического способа производства? На этот вопрос он отвечает в «Капитале» таким образом:

«Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют.

Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а *индивидуальную собственность* на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства... Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов» [105, с. 772-773] (выделено мной. — С. К.-М.).

Итак, не национализация и не восстановление общины, а индивидуальная собственность — что-то вроде «ваучерной при-

ватизации» по Чубайсу. Затем эти индивидуальные собственники вступают в отношения кооперации с образованием *ассоциаций свободных производителей*.

Во время дискуссии о политэкономии социализма это положение «Капитала» наверняка вызвало недоумение. Почему надо восстанавливать «индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры»? Почему не строить сразу общенародную собственность на основе общинной культуры и достижений некапиталистической индустриализации? Разве это значит «вернуть назад колесо истории»? Это настолько не вязалось со здравым смыслом и русской культурой, что в комментариях к приведенному положению К. Маркса в канонической книге советской политэкономии цитата Маркса прерывается, а далее своими словами говорится: «На смену капиталистической собственности идет **общественная** собственность» [156, с. 285]. Советскому официальному обществоведению пришлось радикально *подправить* К. Маркса, сказав вместо слов «индивидуальная собственность» слова «общественная собственность».

Но так можно было обмануть лишь массу советских людей, которые жили себе, не вчитываясь в Маркса. А элита, советская и западная, которая считала своей миссией «делать жизнь по Марксу», после Второй мировой войны стала вчитываться в его труды.

Философ Г. Маркузе, который сильно повлиял на мировоззрение «новых левых», подчеркивал как одно из важнейших положений К. Маркса: «Крайне важно отметить, что отмену частной собственности Маркс рассматривал только как средство для упразднения отчуждения труда, а не как самоцель... Если они [обобществленные средства] не будут использованы для развития и удовлетворения потребностей свободного индивида, они просто перерастут в новую форму подчинения индивидов гипостазированному всеобщему. Отмена частной собственности только в том случае знаменует формирование новой социальной системы, когда хозяевами обобществленных средств становятся свободные индивиды, а не общество» [108].

В СССР Э.В. Ильенков так интерпретировал это положение К. Маркса, отталкиваясь от реальной практики русской революции и национализации промышленности: «Дело, на мой взгляд, заключается в том, что после осуществления коммунистическим движением первой своей акции — революционного превраще-

ния “частной собственности” в собственность *всего общества*, т.е. в общегосударственную и общенародную собственность, перед этим обществом как раз и встает вторая половина задачи. А именно — задача превращения уже учрежденной общественной собственности в действительную собственность “человека”, т.е., выражаясь языком уже не “раннего”, а “зрелого” Маркса, в личную собственность *каждого индивида*.

Ибо лишь этим путем *формальное* превращение частной собственности в общественную (общенародную) собственность может и должно перерасти в реальную, в действительную собственность “всего общества”, т.е. *каждого из индивидов*, составляющих данное общество» [67].

Но это — вольная трактовка. У К. Маркса не предусмотрено, что «экспроприация экспроприаторов» приводит к переходному состоянию государственной и общенародной собственности, которую лишь впоследствии надо делить, превращая «в личную собственность *каждого индивида*». К тому же большая часть национального богатства в СССР уже была создана в рамках общественной собственности, и «экспроприация экспроприаторов» осталась в истории, основные фонды советского хозяйства 1991 г. никакой генетической связи с ней не имели. В СССР во времена М. Горбачева готовилась именно *приватизация плодов общего труда*.

Эта идея К. Маркса, которая была припрятана в советском обществоведении, все время «работала» в сознании гуманитарной элиты. Эта мина, заложенная под СССР, и была взорвана в конце перестройки.

Но это лишь дымовая завеса. Вся атака на общенародную и государственную собственность велась исключительно в целях прикрытия наглой и жестокой акции по присвоению этой собственности горсткой хищников. Присвоив ее, они вовсе не отнеслись к этой собственности с «чувством хозяина» — они ее разграбили, надолго парализовав производительные силы страны.

Идею «распродать государство» пропагандировали популярные партийные интеллектуалы, которых с энтузиазмом встречали на многочисленных собраниях интеллигенции. Например, Н.П. Шмелев сказал в беседе с корреспондентом «Известий» (30 октября 1989 г.): «Страна в тяжелейшем положении, и сегодня, пожалуй, не время обсуждать, почему мы в нем оказались... Продаваться должно все, что покупается. Не только по-

требительские изделия и строительные материалы, но и металл, грузовики, жилье, постройки и фермы — на селе, земля — в городе, в том числе иностранцам... Пора дать возможность купить клочок земли в городе каждому желающему»¹.

Действовала и тяжелая артиллерия — архитектор перестройки А.Н. Яковлев сразу поддержал торговцев: «Без того, чтобы иностранному капиталу дать гарантии свободных действий, ничего не получится. И надо, чтобы на рынок были немедленно брошены капиталы, земля, средства производства, жилье».

Наконец, в «Программе совместных действий кабинета министров СССР и правительств суверенных республик» (10 июля 1991 г.) было дано такое предписание: «Осуществлять широкую распродажу незавершенных строительством производственных объектов советским и иностранным юридическим лицам и гражданам под обязательства ускоренного их ввода». Таким образом, производственные объекты, в которые уже были вложены десятки миллиардов государственных средств, предполагалось распродать, возможно, за бесценок иностранцам и своим криминальным дельцам. В условиях начавшегося разгула коррупции это решение ориентировало на то, чтобы сознательно не достраивать производственные объекты, а передавать их за взятки будущим предпринимателям.

Советская система хозяйства сложилась в своих основных чертах в процессе индустриализации, войны и послевоенного восстановления (30—50-е годы XX в.). Это эпоха так называемого *мобилизационного социализма* («сталинизма»). Многие называют первейшим признаком этого хозяйства *огосударствление собственности*. Это верно, но в любом тезисе важна мера. Говорилось, что в СССР произошло *полное* огосударствление собственности и это якобы стало причиной краха экономики. На деле личная собственность в СССР не только существовала и была узаконена, но уже представляла собой очень значительную часть национального богатства и была вовлечена в хозяйство.

Возьмем хотя бы такую важную его составляющую, как жилищный фонд, составляющий треть всех основных фондов СССР.

¹ Самое поразительное здесь то, что доктор наук, обращаясь прежде всего к интеллигенции, предлагает отказаться от едва ли не главного инструмента рационального мышления — выявления причинно-следственных связей. Не надо обсуждать, почему мы оказались в тяжелом положении! И все это встретили аплодисментами.

Какая же здесь монополия государства? В 1989 г. государственный жилищный фонд составлял 54,8% (общественный и кооперативный фонд — 6,3%, в личной собственности граждан 38,9%). Но ведь и государственный фонд в большей своей части находился в пользовании граждан. Один из самых радикальных рыночников В. Найшуль пишет о 70-х годах XX в.: «По новому жилищному кодексу человека вынуть из квартиры нельзя было практически ни при каких условиях. У нас на улице никто не мог оказаться. Фактически мы стали страной буржуа. И в рыночные преобразования вступили, будучи де-факто страной домовладельцев. У нас каждый обладал немалой собственностью в размере нескольких тысяч или десятков тысяч долларов. Не хухры-мухры! Поэтому сначала многие люди даже не понимали, зачем им приватизировать свои же квартиры. Она и так моя!» [118].

На селе в СССР жило 100 мл. человек. Практически все они имели подворья, которые играли существенную роль в производственной структуре страны. Да и рассматривать колхозы как часть государственного производства — очень большое, недопустимое искажение. Даже как с метафорой с этим трудно согласиться. На личной собственности было основано в СССР *домашнее хозяйство*, в которое была вовлечена очень большая часть трудовых усилий нации (порядка 30%). Это хозяйство — сложное производство со своей технологией, сложная система распределения и сложная социокультурная система.

Конечно, избыточное огосударствление производства мешало некоторым направлениям развития, но оно и блокировало нежелательные направления развития ряда угроз: сегодня мы это можем наконец-то понять, глядя на расцвет преступности или на Саяно-Шушенскую ГЭС. Но главное для нашей темы, что эта «избыточность государства» вовсе не была тяжелой болезнью общественного строя и тем более не привела его к гибели. К тому же для развития предпринимательства, к которому в перестройке стала благосклонно относиться часть граждан, вовсе не требуется полной собственности (т.е. права пользования, распоряжения и владения), достаточно пользования, максимум распоряжения. Дж. Гэлбрайт основательно показывает, что за послевоенные годы в частных корпорациях США предпринимателями реально стали не собственники капитала, а слой управляющих — те, кто не *владеет*, но *распоряжается* собственностью.

До заключительной фазы перестройки проблема собственности вообще не волновала сколько-нибудь значительную часть общества и не могла послужить причиной отрицания советского строя. Даже и сегодня, после глубокого промывания мозгов, поворота к частной собственности на главные средства производства в массовом сознании не произошло. Тезис о фатальном воздействии государственной собственности на советскую экономику, как он был сформулирован в перестройке, — идеологическая диверсия «пятой колонны». Он оказал разрушительное воздействие даже и на тот «российский капитализм», о котором так мечтали наши антисоветские романтики. Хотели, «чтоб было как в Швеции», а попали в руки братвы.

Однако стереотип отрицания государственной собственности застрял в сознании. На конференции в Давосе (январь 2009 г.) тогда премьер-министр РФ В.В. Путин высказался против усиления роли государства в экономике и так сослался на опыт СССР: «В Советском Союзе в прошлом веке роль государства была доведена до абсолюта. Что, в конце концов, привело к тотальной неконкурентоспособности нашей экономики, мы за это дорого заплатили. Этот урок нам дорого обошелся».

Это клише, которым оправдывал свой провал М. Горбачев. Что значит «роль государства была доведена до абсолюта»? Как это измерено? Во многих отношениях роль государства замечалась гражданами до перестройки гораздо меньше, чем сегодня, — все системы и институты работали «как бы сами собой». А сейчас месяца не проходит, чтобы государство не огорошило нас какой-нибудь странной инициативой или программой, которая обойдется в десятки миллиардов рублей, а то и долларов. Одна только идея «построить русскую Силиконовую долину» чего стоит.

И что значит «тотальная неконкурентоспособность нашей экономики»? Неужели советники В.В. Путина не рассказали ему, что в Советском Союзе была плановая экономика, т.е. нечто вроде *натурального хозяйства* в масштабе страны? Это экономика, предназначенная не для извлечения прибыли на рынке, а для удовлетворения потребностей страны и народа. Другими словами, конкуренция на мировом рынке не играет в такой экономике существенной роли, а значит, *категория конкурентоспособности*, присущая рыночной экономике, к советскому хозяйству была просто неприменима как критерий ее успешности.

В качестве абстракции можно представить себе, как бы выглядели многие продукты советской экономики на гипотетическом *свободном* рынке. Оказывается, они были бы в высшей степени конкурентоспособны. Возьмем хотя бы автомат Калашникова, ракетно-ядерное оружие, космическую технику, нефть и газ, электрическую энергию, алюминий и минеральные удобрения, услуги транспорта. Не будем вспоминать о Великой Отечественной войне, которая была *абсолютным* экзаменом для только-только поднимающейся советской экономики (сравните ее мысленно с нынешней экономикой В. Вексельберга и О. Дерипаски в условиях аналогичной войны).

И вот другой реальный экзамен на конкурентоспособность — приватизация. Мы помним, какая драка поднялась между теневыми и преступными кликами за то, чтобы урвать куски советской «неконкурентоспособной» экономики при ее дележе в 90-е годы XX в. Надо спросить Р. Абрамовича, доволен ли он своим куском, не подвел ли он его на мировом рынке.

Поучительной операцией перестройки было создание «мифа Столыпина». Это было типичной лабораторной разработкой, ибо происходило при доскональной изученности реального состояния дел. Идеологи изощрялись в изобретении эпитетов. А.Н.Яковлев додумался сказать, что беда П.А. Столыпина была в том, что он оказался «слишком истинником». Этот миф был неожиданным и странным.

Итальянский политолог М.Феретти, составившая обзор работ, посвященных канонизации П.А. Столыпина, пишет: «Показательно быстрое и легкое забвение призыва о возврате к демократическим идеалам Февральской революции. Само по себе это неудивительно. У тех, кто считает Учредительное собрание воплощением демократической воли России, сразу возникает очень неудобная проблема: поскольку большинство голов было отдано эсерам, “демократическая воля” России высказалась против реализации “западного пути” в экономическом и политическом переустройстве России... Февраль был тут же забыт. Возник миф великого реформатора Столыпина» [95].

Эту фигуру подняли на пьедестал потому, что П.А. Столыпин был альтернативой советской аграрной политике, как бы предшественником М. Горбачева и А. Чубайса. Он разрушал сельскую общину так же, как А.Н.Яковлев мечтал разрушить колхоз. Видный историк крестьянства и аграрных отношений начала XX в. В.П. Да-

нилов писал о том, как во время перестройки фабриковался миф Столыпина: «Над аграрной реформой с самого начала витал идеализированный, раскрашенный в светлые тона образ Столыпина, не предвещающий ей ничего хорошего... Столыпинская аграрная реформа стала изображаться прообразом горбачевской аграрной “перестройки”. Начавшийся в 1988 г. культ Столыпина достиг в 1990—1991 гг. масштабов массовой идеологической кампании, апогеем которой можно считать появление в одной из центральных газет 12 мая 1991 г. панегирика “Столыпин и Горбачев: две реформы “сверху”» («Неделя», 1991, № 19, 6—12 мая).

Историки-профессионалы, прежде всего из среды шестидесятников, не могли не обратить внимание на бестактность подобных параллелей, поразивших всех нас своей несообразностью и полным противоречием всему тому, что провозглашалось целями и средствами «перестройки».

В 1988 г. завершил работу над рукописью своего последнего исследования Арон Яковлевич Аврех — крупнейший специалист по истории государственной политики России столыпинского времени. Это была книга, специально посвященная теме «П. А. Столыпин и судьбы реформ в России». А. Я. Аврех обратился ко мне с просьбой стать редактором этой книги и написать к ней предисловие. Он успел сдать рукопись в Политиздат незадолго до своей смерти в декабре 1988 г. Автор застал лишь начало идеологической кампании по возвышению Столыпина и его аграрной реформы, но уже тогда смог оценить остроту и значение возникшей проблемы. В его книге было показано действительное содержание столыпинских реформ, их подчиненность помещичьим интересам и административно-принудительный характер их методов. Именно поэтому издание книги задержалось почти на три года¹, причем содержание подверглось грубому издательскому редактированию, многие тексты, не отвечающие новым идеологическим установкам, были изъяты. Я вынужден был отказаться от участия в издании настолько искаженной книги покойного автора. Мое предисловие было издательством отклонено.

Не менее печальной оказалась судьба последней работы Андрея Матвеевича Анфимова, выдающегося исследователя аг-

¹ Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России / А.Я.Аврех. — М. : Политиздат, 1991.

рарной истории России, особенно истории крестьянства конца XIX — начала XX в., одного из главных представителей «нового направления», подвергнутого в 1970-х гг. идеологическому осуждению и разгрому. В 1991 г. А. Анфимов закончил работу над книгой о столыпинской аграрной реформе «Реформа на крови». Это было очень точное название, поскольку реформа была вызвана первой русской революцией и проводилась после ее подавления. Издательства потребовали изменить название книги. Второе название было очень спокойным — «П. А. Столыпин и российское крестьянство», но рукопись ни одно издательство не приняло.

После кончины А. М. Анфимова коллегам удалось опубликовать особенно важный раздел его исследования «Новые собственники», посвященный крестьянским хозяйствам, выделившимся из общины, выполненный по данным единственного массового обследования, проведенного в 1912 г.¹ Положение, в котором оказались «Новые собственники», не дает никаких оснований для восторгов по поводу успехов столыпинской аграрной реформы. Издание книги состоялось в 2002 г.² тиражом всего в 300 экземпляров, что оставляет ее недоступной широкому читателю...

Между тем перестройка приобретала все более радикальный и неуправляемый характер... В ноябре 1990 г. Верховный Совет РСФСР (расстрелянный Б. Ельциным 3—4 октября 1993 г.) практически без обсуждения принял законы «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» и «О земельной реформе»... Комиссия ЦК КПСС по вопросам аграрной реформы по-прежнему существовала, хотя сколько-нибудь активная ее работа после пресловутой встречи в августе 1990 г. стала невозможной. Никакого обсуждения ельцинских аграрных законов не получилось» [147].

Приняв миф Столыпина как свое убеждение, власть постсоветской России отвернулась от *достоверности*. Издержки от этого решения будут немалыми.

Отрицание советской индустриализации. Этот фарисейский мотив в кампании против советского хозяйства был якобы вызван *состраданием* к населению, ставшему жертвой форсиро-

¹ Анфимов А. М. Новые собственники (из итогов столыпинской аграрной реформы) / А.М.Анфимов // Крестьяноведение. Теория. История. Современность : Ежегодник. — М. — 1996. — С. 60—95.

² Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство / А.М.Анфимов. — М. : Институт российской истории РАН, 2002.

ванного развития. Судя по тому, что сделали с населением анти-советские реформаторы после прихода к власти в 1992 г., это страдание было заведомым лицемерием, но до 1991 г. оно действовало на сознание гуманной публики. Она как будто не замечала, что перегрузки 30-х годов XX в. не могут оправдать разрушения уже созданной промышленности в 90-е годы. Но в антисоветской прессе конца 80-х годов XX в. (как западной, так и отечественной) из исторической мифологии делали два важных вывода: глупо было СССР предпринимать ускоренную индустриализацию; глупо было ввязываться в гонку вооружений с Западом.

В принципе, это не проблема экономики. Та или иная точка зрения о том, что нужно было делать СССР, определяется моральными ценностями, о которых нет смысла спорить. Но примем эту позицию и предположим, что советский народ, в своем подавляющем большинстве принявший политику индустриализации, фатально ошибся.

Очевидно, что эту ошибку и все дефекты и перегибы индустриализации советские люди оплачивали своей кровью и потом. Разумно считать, что люди, проливавшие пот и кровь, размышляли об альтернативах этой политики. Скорее всего, оценка именно этих людей была наиболее достоверной, поскольку речь шла об их собственной шкуре и шкуре их детей. И эта их оценка убедительно выразилась в редкостном историческом явлении — культе личности И. Сталина как символа индустриализации.

Позиция, отвергающая индустриализацию, могла бы быть рассмотрена как рациональный вариант, если бы ее сторонники провели ревизию всех имевшихся в тот период реальных альтернатив и сказали бы: та альтернатива, что была реализована, наихудшая. А народ, полюбивший тирана Сталина, — дурак.

Многие (и я в их числе) не раз спрашивали идеологов реформы: «Какова была реальная альтернатива?». Молчали. Ибо вот что им пришлось бы ответить:

— лучше было бы отказаться от индустриализации, для которой не было средств из колоний;

— лучше было бы не механизировать поле, а поддержать кулаков с дешевой батрацкой силой;

— лучше было бы вновь начать гражданскую войну, расстреливая этих батраков в селе и безработных в городе;

— лучше было бы сдаться Гитлеру и отдать Сибирь Японии.

Очевидно, что советский строй оказался неподготовлен к «сытой» жизни, — тут он сразу породил элиту, вожделевшую буржуазной собственности и образа жизни. СССР оказался беспомощным против внутреннего врага, вскормленного холодной войной и избыточным патернализмом своего государства.

Не странно ли: никто не вспоминает сбывшееся пророчество И. Сталина. На языке марксизма он сказал: по мере развития социализма классовая борьба против него будет нарастать. Уж как над этим насмеялись! А ведь в переводе на русский язык это было важное предупреждение. Смысл его таков: в советском строе есть глубокий изъян, и как только настанет сытая жизнь, в обществе появится сила, которая постарается этот строй уничтожить. Как разрешить это противоречие, поколение фронтовиков не знало. Но оно хоть предупреждало.

Что поражает в самой структуре антисоветского мышления, так это полное отсутствие в нем исторической памяти, интеллектуальной преемственности. Из него исключена рефлексия над теми оценками советской экономической системы, которые давали не только наши отцы и деды, но и виднейшие мыслители Запада, наблюдавшие ее становление. Причем мыслители, обладающие высочайшим духовным авторитетом в среде самой антисоветской интеллигенции. Понятно, что можно считать те их оценки также ошибочными, находить им какое-то объяснение, но ведь этого нет — их просто игнорируют без всяких внутренних сомнений.

Вот, А. Эйнштейн, хорошо информированный и об издержках советской индустриализации, и о репрессиях, писал в мае 1949 г.: «Экономическая анархия капиталистического общества, каким мы его знаем сегодня, является, по моему мнению, действительной причиной всех зол. Мы видим перед собой огромное сообщество производителей, которые непрерывно борются друг с другом, ради того чтобы присвоить плоды коллективного труда, причем борются не из объективной необходимости, а подчиняясь законно установленным правилам...

Результатом такой эволюции стала олигархия частного капитала, чья колоссальная власть не может быть поставлена под эффективный контроль в демократически организованном политическом обществе. Это неизбежно, поскольку члены законодательных органов подбираются политическими партиями, финансируемыми или во всяком случае находящимися под влия-

нием частных капиталистов... более того, в нынешних условиях частные капиталисты неизбежно обладают контролем, прямо или косвенно, над основными источниками информации (прессой, радио, образованием). Таким образом, оказывается исключительно трудным, если не невозможным в большинстве случаев, чтобы отдельно взятый гражданин смог сделать объективные выводы и разумно использовал свои политические права. Это выхолащивание личности кажется мне наиболее гнусной чертой капитализма...

Я убежден, что имеется единственная возможность устранить эти тяжелые дефекты — посредством установления социалистической экономики, дополненной системой образования, ориентированной на социальные цели. В этом типе экономики средства производства находятся в руках общества и используются в плановом порядке. Плановая экономика, которая регулирует производство в соответствии с общественными потребностями, распределяет работу между всеми, способными работать, и гарантирует существование всем людям, всем женщинам и детям. Воспитание личности, кроме того чтобы стимулировать развитие ее внутренних способностей, культивирует в ней чувство ответственности перед согражданами, вместо того чтобы прославлять власть и успех, как в нашем нынешнем обществе» [215].

Говоря о «катастрофах, вызванных ускоренной индустриализацией», критики советской экономики сразу же забывают о них, когда хотят показать неэффективность плановой системы с *другой стороны* — через отсталость советской технологии в сравнении с западной или через низкий уровень потребления в стране. Бывает, один и тот же экономист в одной и той же статье видит дефект советской системы в том, что она провела *слишком форсированную ускоренную* индустриализацию, и одновременно в том, что индустриализация была *недостаточно форсированной* и не вывела СССР на уровень США. Такова диалектика антисоветского мышления.

Особо наглядны разрывы в логике и «обратных связях», когда само планирование трактуется как «гигантский механизм по растрате усилий и ресурсов». Вспомним реальность России 20—30-х годов XX в. и представим себе альтернативу плановой экономике. Предположим заведомо невозможное: после Гражданской войны в России установилась экономика свободного капиталистического рынка. Результат нетрудно смоделировать, и

вряд ли кто-нибудь всерьез сомневается в том, что в реальных условиях разрухи, отсутствия капиталов, огромного внешнего долга и хронического аграрного перенаселения (нехватки земли для экстенсивного земледелия) первым результатом стала бы длительная массовая *безработица* невиданных масштабов. Вот это действительно было бы «гигантским механизмом по растрате ресурсов», несопоставимым по своей разрушительной силе с дефектами планирования.

Этой безработицы удалось избежать именно потому, что путем планового распределения ресурсов, не подчиняющегося локальным экономическим критериям (прибыль), огромные массы людей были вовлечены в строительство заводов, каналов, железных дорог, хотя бы с помощью «неэффективного» ручного труда. С помощью планирования этим людям было обеспечено скромное, но достойное существование и возможность учиться. А затем, опять-таки вопреки экономическим критериям рынка, на заводах было установлено самое современное по тем временам оборудование, которое бывшие крестьяне сначала нещадно ломали. Все это с точки зрения рынка совершенно иррационально, а с точки зрения страны в целом было национальным спасением и средством избежать огромных страданий.

Могли ли согласиться с нарастающей безработицей и социальным расслоением миллионные массы красноармейцев, воевавших под знаменем уравнительного идеала («против эксплуатации»)? Ни в коем случае. Достаточно сказать, что даже введение НЭП, т.е. строго дозированное и контролируемое допущение рыночной экономики, вызвало не только волну самоубийств, но и возникновение вооруженных банд из красных ветеранов Гражданской войны.

Нет смысла спорить о нюансах, ошибках и перегибах. Не в них суть. Важно, что в целом принятый при планировании приоритет социальных критериев над экономическими и долгосрочных целей над краткосрочными не был «очевидно иррациональным». Потому-то эта политика и была поддержана населением. Сама история провела объективный экзамен: войну против СССР нацистской Германии, использующей промышленность почти всей Европы. Имеются достаточно точные, проверенные немецкими «экспертами» данные о количестве и качестве советского вооружения и военных материалов. Исходя из этих дан-

ных нетрудно рассчитать реальные темпы роста промышленности, образования и культуры в СССР за 30-е годы XX в.

Сдвиг интеллигенции к идее перестройки народного хозяйства и перехода к частному предпринимательству происходил быстро и вопреки установкам основной массы населения. Это отражено в большом докладе ВЦИОМ под ред. Ю. Левады «Есть мнение» (1990) [58]. Прямых вопросов об отношении к отказу от планового хозяйства социологи ВЦИОМ в 1989 г. еще не ставили, а «прощупывали» это отношение с помощью косвенных вопросов. В общем, вывод был таков: «Если среди респондентов пресс-опроса [т.е. опросы интеллигенции через «Литературную газету». — С. К.-М.] за новые экономические отношения высказываются до 1/3 ответивших, то по стране их доля снижается в 3—4 раза, т.е. значительная часть населения не принимает непривычных путей развития, рыночных механизмов и отношений, основанных на индивидуальной инициативе и выгоде» [58, с. 69].

Надо заметить, как уклончиво трактуют результат социологи ВЦИОМ. Новых экономических отношений «не принимает» не *значительная* часть населения, а *подавляющее большинство* — более 90% (если же из выборки общего опроса удалось бы отделить ответы 17% интеллигентов, то доля «непринимающих» стала бы больше 95%).

Опрос показал наличие глубокого раскола в советском обществе. Две его части видели реформу в разном свете — прозорливость основной массы населения сопровождалась неспособностью влиятельной трети интеллигенции предвидеть последствия своих устремлений. Красноречиво отношение к трем проектам преобразований (в скобках приведена доля поддержавших эти проекты по порядку):

- *внедрить частное предпринимательство;*
- *привлечь иностранный капитал;*
- *развивать кооперативы.*

Во всесоюзном опросе в выборке всего населения эти проекты нашли самую большую поддержку у технической интеллигенции, студентов и у самих кооператоров (20, 12 и 8%)¹. А среди читателей «Литературной газеты», в пресс-опросе, эта поддерж-

¹ Примечательно, что за «привлечение иностранного капитала» высказались 16,6% директоров предприятий и 0% руководителей предприятий второго эшелона.

ка составила 32,6, 30,2 и 18%. Отношение рабочих, независимо от квалификации, было отрицательным (поддержали 10,8, 6,4 и 5,6%). Резко отрицательное отношение ко всем трем проектам выразили военные и юристы, категорически отрицательное — колхозники и сельские механизаторы (поддержали 3, 0 и 3%), а также пенсионеры¹.

В общем, вывод авторов книги таков: «Носителями радикально-перестроечных идей, ведущих к установлению рыночных отношений, являются по преимуществу представители молодой технической и инженерно-экономической интеллигенции, студенчество, молодые работники аппарата и работники науки и культуры» [58, с. 83].

Масса явно *не желала капитализма*, и ее надежды на улучшение вытекали из того, что советская власть не позволит прозойти такому перевороту, чреватому разрушением хозяйства. Можно сказать, что выбор большинства народа был фундаментально верен, но ошибочен на уровне политики: КПСС обманула их ожидания и «сдала» страну. Иное дело у интеллигенции: она *хотела капитализма* и ждала его от бригады Горбачева—Ельцина. Она не ошиблась политически, но ее ошибка на фундаментальном уровне грандиозна. «Капитализм» разрушил отечественное хозяйство и оставил подавляющее большинство населения, включая большинство интеллигенции, у разбитого корыта.

Приватизация промышленности. Во время перестройки была разработана доктрина приватизации промышленности, которая была реализована (по-разному в разных союзных республиках) уже после формальной ликвидации СССР. Над доктриной работали несколько групп специалистов, хотя гласности эта работа не предавалась и научных дискуссий не велось.

¹ Надо добавить, что, в отличие от образованного слоя, массовое сознание СССР не было ориентировано на США — люди без высшего образования считали, что гораздо полезнее было бы поучиться реформам у стран Юго-Восточной Азии. Ориентация на зарубежный опыт расщепилась так резко, что можно говорить о двух противоположных векторах. В «общем» опросе населения СССР в 1989—1990 гг. опыт Японии назвали самым ценным 51,5%, а в опросе через «Литературную газету» (пресс-опрос), т.е. среди интеллигенции, — только 4%! Американские эксперты писали: «За пренебрежение восточноазиатской моделью постсоциалистические страны уплатили очень высокую цену. Ведь по крайней мере два краеугольных камня восточноазиатского “чуда” имелись также в России и Восточной Европе: высокий уровень образования и равномерность распределения доходов» [201].

В мае 1991 г. был представлен проект закона СССР «О разгосударствлении и приватизации промышленных предприятий». Готовился он в особо закрытом порядке и появился неожиданно. Все попытки организовать обсуждение в печати или хотя бы в руководящих органах КПСС были блокированы (этого не могли добиться даже «консервативные» члены Политбюро).

В принципе, уже принятие этого закона означало бы фактическую ликвидацию СССР и его общественного строя. СССР как союз народов был собран и стоял на принципе общенародной собственности и всеобщего труда всех граждан. Это был не только механизм, обеспечивающий и воспроизводящий все социальные отношения и права граждан, но и важнейший символ «общего дела» и общей исторической судьбы. Таким образом, этот закон в равной степени подрывал основы и советского народного хозяйства, и социальной системы, и государства СССР.

Что главной целью приватизации в СССР и странах СЭВ было разрушение политической системы блока государств, противостоящих Западу в холодной войне, в самой западной прессе говорилось совершенно открыто — наша отечественная интеллигенция не могла этого не видеть. Накануне обсуждения закона о приватизации в Верховном Совете СССР можно было прочесть такие сообщения: «Западные правительства и финансовые институты, такие как Международный валютный фонд и Всемирный банк, поощряли восточноевропейские правительства к распродаже государственных активов... Со своей стороны, правительства [стран СЭВ] рассматривали приватизацию как средство разрушения базы политической и экономической власти коммунистов. Это было лейтмотивом предвыборных кампаний, проходивших по всей Восточной Европе в прошлом году» [54].

В июне Закон был проведен через голосование в ВС СССР практически без прений (возразить, причем только с места, смог лишь депутат Л.И. Сухов, таксист с Украины). Еще более радикальный закон был принят в ВС РСФСР (на деле и он не выполнялся, приватизация проводилась по Указу)¹. Все экономиче-

¹ Группа «Союз» равнодушно отнеслась к прохождению Закона: считалось, что общенародный характер собственности на промышленные предприятия есть конституционная норма и для приватизации требуется предварительное внесение изменений в Конституцию СССР, для которых сторонники Закона не смогут собрать необходимых 2/3 голосов. В момент принятия Закона оказалось, что ста-

ские, социальные и культурные последствия этого шага, ставшие очевидными через 3—4 года, были точно предсказаны экспертами в мае 1991 г.

Приватизация стала и одной из крупнейших в истории программ по манипуляции сознанием. Шутка ли — уговорить народ отдать его собственность, с которой он регулярно получал большие дивиденды (хотя бы в виде низких цен и бесплатного жилья и медицинской помощи). Рабочие, которые в 1989 г. категорически отвергали частное владение предприятиями, в 1992 г. отнеслись к этому равнодушно и даже благосклонно. А ведь они не получили для этого никаких разумных доводов и положительного опыта — так им промыли мозги.

В 2005—2006 гг. было проведено большое Всероссийское исследование по подведению итогов приватизации и отношения к ней разных групп населения России, результаты которого изложены в [66]. Во введении к отчету так определяется значимость приватизации как социального факта: «Самым существенным моментом в экономических, а стало быть, и в социальных, преобразованиях в России в последние пятнадцать лет явилось кардинальное изменение роли частной собственности в жизнедеятельности российского социума. Именно ее утверждение в качестве базовой формы собственности означало переход от одной общественно-экономической формации (так называемый «развитый социализм») к другой (олигархический капитализм)... Очевидно, что главным инструментом [реформаторов] и в 1990-е годы, и в настоящее время является приватизация. Именно на ее основе была осуществлена небольшой группой номенклатурных чиновников экспроприация собственности государства и денежных средств населения» [66].

Кратко изложу свой личный опыт, связанный с прохождением закона. В мае 1991 г., когда уже были готовы законопроекты о приватизации в СССР и РСФСР, премьер-министр В. Павлов поручил Аналитическому центру АН СССР, где я работал, организовывать их экспертизу, а дирекция поручила мне руководить рабочей группой. По вопросу уже была богатая литература, хорошо изучен опыт приватизации в Польше и Венгрии, сделаны прогнозы и о том, что произойдет в СССР.

тья о характере собственности была давно исключена из Конституции без обсуждения среди множества мелких поправок.

Готовя в Аналитическом центре доклад с анализом законопроекта о приватизации, мы обсуждали с экспертами все стороны дела, последствия применения всех статей будущего закона. И потом не раз приходилось удивляться, насколько верны были их прогнозы. Специалисты из МВД даже знали уже, как и кому будут распродаваться запасы ценных сплавов, материалов и оборудования с приватизированных заводов.

Для сообщения выводов из нашего доклада меня вызвали на заседание Комитета по экономической реформе Верховного Совета СССР, последнее перед голосованием по закону о приватизации. Дали мне слово в самом конце долгого заседания, на 5 мин. Все у них уже было решено, глаза блестели, речи были возбужденными — предвкушали эпохальное ограбление страны.

М.С. Горбачева представлял элегантный молодой человек, он только сказал, что «президент просит провести закон срочно, без проволочек». Я за 5 мин смог изложить только самые главные выводы — об экономических, технологических и криминальных последствиях такого закона. Мне засмеялись в лицо, даже спорить не стали — все это было досконально известно собранию из депутатов, академиков и высших чиновников. Мне даже на момент показалось, как в страшном сне, что я попал по ошибке в банду и бандиты смеются моей ошибке. Вдруг вижу милиционера, кидаюсь к нему, а он тоже смеется — он тоже бандит. Промелькнуло тогда в мозгу такое видение.

После завершения приватизации Е. Боннэр издевалась: «Главным и определяющим будущее страны стал передел собственности. У народа собственность так и ограничится полным собранием сочинений Пушкина или садовым домиком на шести сотках. И, в лучшем случае, приватизированной двухкомнатной квартирой, за которую неизвестно сколько надо будет платить — многие не выдержат этой платы, как не выдержат и налог на наследство их наследники. Ваучер не обогатит их, может, с акций когда-нибудь будет хватать на подарки внукам». Ну что ж, может, внуки будут умнее...

Подготовка приватизации на последнем этапе проводилась совместной бригадой экономистов из окружения Б. Ельцина и эмиссаров из США. Эта работа сопровождалась столь крупномасштабной коррупцией, что против ряда ведущих американских консультантов дома были возбуждены уголовные дела. Газета «Завтра» перепечатала из американского журнала Nation

подробности этой операции. Не будем здесь говорить о подробностях, а напомним следующее.

В статье говорится: «На протяжении позднего лета и осени 1991 г., когда советское государство разваливалось, гарвардский профессор Джеффри Сакс и другие западные экономисты участвовали во встречах на даче под Москвой, где молодые ельцинские реформаторы планировали российское экономическое и политическое будущее. Сакс вошел в команду с Егором Гайдаром, первым ельцинским архитектором экономических реформ, для продвижения плана “шоковой терапии”, направленной на быструю ликвидацию большей части контроля над ценами и субсидий, которые на протяжении десятилетий поддерживали жизнь советских граждан. Шоковая терапия привела к большому шоку, а не к меньшему, к гиперинфляции, достигшей 2500 процентов, — а не к терапии. Одним из ее результатов стало испарение большей части потенциального инвестиционного капитала — значительных сбережений россиян...

Когда им было это удобно, Шлейфер, Хэй и другие основные гарвардские сотрудники, все граждане США становились «русскими». Хэй, к примеру, попеременно, а иногда одновременно работал в качестве контрагента по распределению помощи, менеджером других контрагентов и представителем российского правительства... Если же люди из окружения Чубайса попадали под огонь за злоупотребление выделенными финансовыми фондами, они могли утверждать, что решения принимались американцами. В свою очередь, западные доноры могли настаивать, что русские действовали сами по себе» [28].

Приватизация и уничтожение СССР как ее прямое следствие породили глубокий раскол между большинством населения и государством. В обзоре результатов общероссийского исследования «Новая Россия: десять лет реформ», проведенного Институтом комплексных социальных исследований РАН (2001), говорится: «Проведение ваучерной приватизации в 1992—1993 гг. положительным событием называли 6,8% опрошенных, а отрицательным 84,6%» [55].

Важно тот факт, что приватизация *оскорбила* массу людей. Она была воспринята не как экономическая операция, одним выгодная, другим нет, а как *ограбление*. Уже к середине 90-х годов XX в. эффект пропаганды улетучился и население определилось в своих оценках. В исследовании, проведенном в июне

1996 г., сделан такой вывод: «Абсолютное большинство россиян (92% опрошенных) убеждено, что ‘современное российское общество устроено так, что простые люди не получают справедливой доли общенародного богатства’». Эта несправедливость связывается в массовом сознании с итогами приватизации, которые, по мнению 3/4 опрошенных, являются не чем иным, как “грабежом трудового народа” (15% не согласны с такой оценкой, остальные затруднились с ответом)» [158].

Итак, 75% опрошенных считают приватизацию *грабежом*. Этим все сказано. На грабеже не может быть создано устойчивое жизнеустройство.

Социологи фиксируют: «Главным итогом приватизации, по мнению опрошенных, стало изменение общественного строя в России — не стало ни свободного, классического капитализма (только 3% идентифицировали подобным образом общественно-государственное устройство страны), ни социально ориентированного рыночного строя (5%), ни “народного капитализма” (2%). Тот общественный строй, который сложился в России, большинство респондентов определяет как олигархический капитализм (41%) и “криминальный капитализм” (29%), который не защищает интересы простых людей, а проводимая государством политика не отвечает интересам большинства населения страны (так считают 67% респондентов)» [66].

А общий вывод из исследования 2005 г., проведенного к юбилею начала перестройки, был категоричен: «Приведенные данные фиксируют очень важное обстоятельство — *ни перестройка сама по себе, ни последовавшие за ней либеральные реформы, ни социальные трансформации сегодняшнего дня не смогли создать в России той общественной “среды обитания”, которая устроила хотя бы относительное большинство населения*» [139].

То революционное антисоветское меньшинство, которое рвалось к собственности и надеялось влиться в ряды «мировой элиты», действовало рационально, хотя и преступно. Удивительно то, что в буржуазный энтузиазм впала интеллигенция, которая всегда претендовала на то, чтобы быть духовной аристократией, хранительницей культурных ценностей России. Как случилось, что она вдруг оказалась охвачена тупым, неразумным мировоззрением мещанства и стала более буржуазной, неже-

ли российская буржуазия начала XX в.? Быть мещанином и в то же время совершенно непрактичным — это болезнь сознания, смертельная для социокультурной группы.

Как представляла себе интеллигенция свое собственное бытие в обществе периферийного капитализма, тем более криминального, если бы его действительно удалось построить в России? Ведь сам этот культурный тип *интеллигенции* в таком обществе был бы никому не нужен. Если бы интеллигенция, подержав М. Горбачева и Б. Ельцина, сознательно желала бы своего уничтожения и растворения в массе ларечников и нищих — куда ни шло. В этом социальном самоубийстве было бы даже нечто героическое. Но ведь все было не так! Наши интеллектуалы полагали остаться аристократией при государственной кормушке, так же служить «инженерами человеческих душ», но чтобы вне их круга экономика была бы рыночной, а общество буржуазным. Чему только их учили в университетах и аспирантурах?

Перестройка и программа Международного валютного фонда

Как инструмент быстрого и необратимого разрушения советской экономики и единого народного хозяйства СССР была избрана так называемая «программа структурной стабилизации» МВФ. Ее применение готовилось группой экономистов в тесном контакте с американскими консультантами.

Уже к концу 80-х годов XX в. было точно известно, что применение программы МВФ привело к экономической катастрофе в странах Латинской Америки и Африки (кроме тех стран, вроде Чили, Коста-Рики и Египта, которым по политическим причинам условия программы смягчили). Этого избежали страны Юго-Восточной Азии (Тайвань, Южная Корея и др.), которые не пустили к себе МВФ. Результаты применения программы МВФ были исследованы и изложены в более чем сотне диссертаций, защищенных в университетах США, причем объектами изучения стали все до одной страны, в которых эта программа была применена.

Эта программа (в форме «шоковой терапии») была применена в августе 1989 г. в Польской Народной Республике. Было парализовано хозяйство, население пережило тяжелую культурную травму, были легко демонтированы структуры прежней по-

литической и социальной системы. Знали об этих результатах советники М. Горбачева?

Знали. Вплоть до того, что их предупреждали крупные политики Запада. На проходившем осенью 1991 г. в Праге заседании Комитета действий за международное сотрудничество (в него входили бывшие руководители крупных стран) экс-президенты и премьеры П. Трюдо (Канада), В. Жискар д'Эстен (Франция), Мигель де ла Мадрид (Мексика) и Г. Шмидт (ФРГ) предупреждали СССР и восточноевропейские страны, что следование рекомендациям МВФ в экономических реформах и применение методов шоковой терапии приведут к тяжелым последствиям. Ответом было полное молчание и М. Горбачева, и Б. Ельцина, и их советников по экономике. Казалось бы, сам ранг и опыт персон, которые прямо обратились к нашим реформаторам, обязывали хотя бы из вежливости что-то сказать в ответ — ни слова! Никто из организаторов гласности не довел выводы ученых и политиков Запада и до сведения советского общества (о замалчивании выводов отечественных ученых и говорить нечего).

Авторитетный философ либерализма Дж. Грей как будто прямо обращается к нашей интеллигенции, поддержавшей неолиберальную программу реформ: «Будет жаль, если посткоммунистические страны, где политические ставки и цена политических ошибок для населения несравнимо выше, чем в любом западном государстве, станут испытательным полем для идеологий, чья стержневая идея на практике уже обернулась разрушениями для западных обществ, где условия их применения были куда более благоприятными» [50].

В январе 1992 г. в Вашингтоне в Комитете по советско-американским отношениям Дж. Сакс делал доклад о программе, к которой приступали в РСФСР. Как писал академик Г. Арбатов, в своем выступлении по докладу Д. Гэлбrait сказал: «На Западе слишком хорошо знают, что такой подход неприемлем. И потому никогда не позволят осуществлять его на практике в своих собственных странах». На это Дж. Сакс ответил: «Шоковая терапия имеет шанс на успех, но лишь в том случае, если Запад предоставит значительную помощь, особенно для стабилизации рубля. К сожалению, Запад едва ли такую помощь мобилизует» [8]¹.

¹ Б. Клинтон без согласования с Конгрессом США перечислил бюджетные деньги Международному валютному фонду, которые были переданы Б. Ельцину как кредит вовсе не для стабилизации экономики, а для финансирования организационных

Более того, известна была и прямая связь между применением программы МВФ и криминализацией общества тех стран, где она была применена. В 1995 г. в Испании прошла международная конференция «Наркотики и правовое государство». Главный доклад «Глобальный долг, макроэкономическая политика и отмывание денег» был сделан виднейшим канадским экономистом и экспертом по наркобизнесу. В нем много места уделено прямой связи между интересами наркобизнеса и программой МВФ. Некоторые выводы прямо касаются нас:

«Программа макроэкономической стабилизации МВФ способствовала разрушению экономики бывшего советского блока и демонтажу системы государственных предприятий. С конца 80-х годов “экономическое лекарство” МВФ и Всемирного банка навязано Восточной Европе, Югославии и бывшему СССР с опустошительными экономическими и социальными последствиями. Показательно, в какой степени эти экономические изменения в бывшем СССР разрушают общество и деформируют фундаментальные социальные отношения: криминализация экономики, разграбление государственной собственности, отмывание денег и утечка капиталов — вот результат реформ. Программа приватизации (через продажу госпредприятий на аукционах) также способствует передаче значительной части государственной собственности в руки организованной преступности. Преступность пронизывает госаппарат и является мощной группой влияния, которая поддерживает экономические реформы Ельцина. Согласно последним расчетам половина коммерческих банков России находится под контролем мафии и половина коммерции в Москве в руках организованной преступности. Неудивительно, что программа МВФ получила безоговорочную политическую поддержку “демократов”, так как соответствует интересам нового коммерческого класса, включающего элементы, связанные с организованной преступностью. Правительство Ельцина верно служит интересам этой “долларовой элиты”, осуществив по указанию МВФ либерализацию цен и крах рубля и обеспечив обогащение малой части населения».

расходов на приватизацию. Координатор американской помощи Ричард Морнингстар оправдывался: «Если бы нас там не оказалось с нашим финансированием Чубайса, смогли бы мы выиграть битву за приватизацию? Возможно, что нет. Когда вы говорите о нескольких сотнях миллионов долларов, вы не собираетесь изменить страну, но можете предоставить нацеленное содействие в помощь Чубайсу» [28].

Однако под крылом М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина график выполнения программы МВФ в СССР был составлен и начал с лихорадочной скоростью выполняться сразу после роспуска КПСС и ликвидации СССР.

Глава 20

ПЕРЕСТРОЙКА: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА К ЛИКВИДАЦИИ СССР. ВОЙНА С ГОСУДАРСТВОМ

Перестройку верхушка партийно-государственной номенклатуры понимала как *революцию*. Первым условием успешной революции (любого толка) является отщепление активной части общества от государства. Каждого человека тайно грызет червь антигосударственного чувства, ибо любая власть давит. Да и объективные основания для недовольства всегда имеются. Но в норме разум и другие чувства держат этого червя под контролем. Разрушение этой функции разума и государственного чувства советского человека и было одной из главных задач перестройки. Она стала операцией информационно-психологической войны против СССР как государства.

Это особый важный срез перестройки, очень важный учебный материал на будущее, для нынешней молодежи. Перестройка в СССР стала полигоном для испытания и доводки целого комплекса новых технологий подрыва легитимности государств, уже с включением новых, необычных концепций *постмодерна*. Это целый пласт нового знания о человеке и обществе, поднятый западными антропологами, культурологами и системотехниками, на базе которого и разрабатывались политические технологии «бархатных» революций в Восточной Европе, потом «цветных» революций в Югославии и в постсоветских республиках, а недавно и «арабской весны». От этого знания советское обществоведение было экранировано ведомством М. Суслова, а потом А. Яковлева. Эти ведомства, сменив идеологическую шапку и хозяев, продолжают блокировать доступ к знанию о новых технологиях «войны смыслов».

Но мы можем хотя бы упорядочить тот массив эмпирических наблюдений, которыми нас обеспечила перестройка, это необходимый шаг.

Начнем с того, что та часть партийной и гуманитарной элиты, которая составила интеллектуальную бригаду власти во время перестройки, была проникнута фанатическим *антиэтатизмом* — ненавистью к государству. В тот момент казалось, что это конъюнктурная политическая установка, необходимая для нагнетания враждебности к государству, именно *советскому*. Но то, как повели себя эти люди и после ликвидации СССР, в том числе вошедшие в высшие эшелоны новой власти, наводило на мысль, что перед нами предстала необычная для советского уклада социокультурная группа. Это группа, сплоченная ненавистью к *государству вообще* и к *державному* государству в особенности. Что-то вроде *перманентных революционеров*, о которых мы смутно помним из курса истории, из Ф.М. Достоевского или «Вех». Трудно сказать, собралась ли эта элитарная группа уже в ходе перестройки как ее авангард, как «партия новейшего типа», — или, наоборот, перестройка произошла потому, что эта партия сплотилась в полуподполье начиная с 60-х годов XX в. Скорее всего, оба процесса раскручивались в кооперативном взаимодействии.

Первой важной кампанией в открытой фазе демонтажа советского строя была большая операция по подрыву *авторитета* государства — «Гласность». Она велась так, чтобы государство не только утратило в глазах человека уважение и признательность, — оно должно было быть превращено в коллективного «врага народа». Проклятия в его адрес стали обязательным довеском к уверениям в лояльности демократии. Эта кампания была предельно *антидемократичной*, так как противоречила культурным устоям большинства населения. В книге Ю. Левады «Есть мнение» на основании опросов 1989—1990 гг. сделан вывод, что «державное сознание в той или иной мере присуще подавляющей массе (82—90%) населения страны», что это «комплекс, уходящий в глубь традиций Российской империи» [58].

Гласность была большой программой по разрушению образов, символов и идей, скрепляющих «культурное ядро» советского общества и укреплявших гегемонию советского государства. Эта программа была проведена всей силой государственных средств массовой информации с участием авторитетных ученых, поэтов, артистов. Успех этой программы был обеспечен полной блокадой той части интеллигенции, которая взывала к здравому смыслу, и полным недопущением общественного диа-

лога — «реакционное большинство» высказаться не могло. Время от времени для контраста допускались тщательно отобранные гротескные выступления вроде известного «письма Нины Андреевой».

Дискредитация символов и образов была проведена на большую историческую глубину: от Г.К. Жукова и З. Космодемьянской, через А. Суворова и М. Кутузова до Александра Невского. Интенсивно использовались катастрофы (Чернобыль, гибель теплохода «Адмирал Нахимов»), инциденты (приземление на Красной площади в Москве самолета Руста), кровопролития (Тбилиси, 1988 г.). Поднимите сегодня подшивку «Огонька», «Столицы», «Московского комсомольца» тех лет — захлебывающаяся радость по поводу любой аварии, любого инцидента.

Широкая и планомерная программа проводилась и проводится в целях подрыва всего строя символов, связанных с Великой Отечественной войной. Известный английский военный историк Дж. Эриксон отмечал, что во время перестройки в СССР возник «капитулянтский курс на демонтаж принципиальных итогов войны». Одним из способов подрыва символов войны было пробуждение симпатий или уважения к тем, кто во время войны действовал на стороне гитлеровцев против СССР.

Чисто идеологические задачи выполняло т.н. «экологическое движение», которое порой доводило читающую публику до стадии психоза (так называемый «нитратный бум» с созданием абсурдных страхов перед морковью и капустой). В республиках проблемам окружающей среды придавалось национальное звучание (например, движения за закрытие Игналинской и Армянской АЭС). По завершении перестройки «экологическое движение» было распущено.

Под огнем оказались буквально все элементы государства: от армии и органов хозяйственного управления до школы и детских садов. Все это было представлено как элементы «административно-командной системы», войну против которой начал Г.Х. Попов. Эта программа так сбивала с толку людей, что они перестали трезво рассуждать. Государственные институты, обеспечивающие жизнь страны, имеют сложную структуру и выполняют сложную систему функций. Одни из этих функций очевидны, другие еле видны, а чтобы понять третьи, надо пошевелить мозгами. Люди как будто вдруг утратили способность мысленно

увидеть структуру государства и те функции, которые призваны выполнять разные его элементы.

Видные деятели перестройки открыто выступали как враги своего государства. Писатель А. Адамович (депутат Верховного Совета СССР!) в марте 1989 г. даже воззвал к иностранным ученым, прося у них помощи против советского государства. Он так описал свои отношения с обществом: «Одни ведомства ведут химическую войну против собственного народа и природы. Другие — с помощью мощной мелиоративной техники, третьи — почти уже атомную (Чернобыль)... Вот почему и ученые наши, которые не продали душу ведомствам, и “зеленые” наши так рассчитывают опереться на вас, мировую науку, в борьбе с ведомственным Левиафаном» [4, с. 225].

Чуть ли не атомную бомбу клянчил, чтобы бросить на «империю зла». Что-то вроде этого и бросили. А прогрессивная интеллигенция с наивной безответственностью одобряла начатое разрушение министерств и ведомств — сложных структур государства, которые ничем не заменялись, а просто вдруг переставали выполнять свои функции. Причем нередко речь шла о творениях уникальных, и нет уверенности, что эти структуры вообще удастся возродить после их гибели. Так, каждый отраслевой НИИ каждого министерства «сопровождал» какую-то подсистему огромной техносферы страны. В таком НИИ работали люди, досконально знавшие эту подсистему, участвовавшие в ее разработке и создании, выезжавшие на все аварии и отказы. Ликвидация этих НИИ и сложившихся в них экспертных сообществ была уничтожением колоссального национального богатства. Эта утрата до сих пор не может быть восполнена в нынешней экономической системе. Никаких разумных оправданий такому погрому не было. Спрашивать было бесполезно, ответы заменялись идеологическими сентенциями.

Люди старшего поколения помнят, какому избиению в прессе и с трибун были подвергнуты в годы перестройки все правоохранительные органы, армия и особенно КГБ. Кто забыл, пусть полистает подшивки газет и журналов конца 80-х и начала 90-х годов XX в., это чтение освежает голову.

Во время перестройки подверглась разрушению сама *политическая культура* нашего общества — условие существования государства. Западные политологи выделяют именно это направление перестройки, которое несло в себе предпосылки нацио-

нальной катастрофы. А. Браун (США) пишет, что важнейшей ценностью советской политической культуры являлся *порядок*. Страх перед беспорядком и хаосом, которые в первой половине XX в. принесли народу тяжелые страдания, объединял все социальные группы: рабочих, крестьян, интеллигенцию, управленцев.

Что же совершила перестройка? Произвела именно подрыв порядка и искусственное создание хаоса с взрывом массовой преступности, кровопролития в национальных конфликтах и терроризма. Советологи сравнивали М. Горбачева с «Мартинусом Лютером, который стремился разрушить или существенно ослабить косные институты правящей церкви». Надо вспомнить, что Реформация унесла в Германии 2/3 человеческих жизней.

М. Горбачев резко дестабилизировал состояние государства в целом. Став президентом, он сделал именно то, что категорически противоречило главной ценности политической культуры нашего общества и историческому опыту народа. Видный американский советолог А. Брумберг признал: «Ни один советолог не предсказал, что могильщиком Советского Союза и коммунистической империи будет настоящий номенклатурный коммунист, генеральный секретарь КПСС Михаил Горбачев» [219].

Нагнетая ненависть к государству, М. Горбачев вытаскивает туманный, никогда внятно не объясненный тезис К. Маркса (а позже Л. Троцкого) об «отчуждении» работника от собственности по вине государства: «Массы народа, отчужденные от собственности, от власти, от самостоятельности и творчества, превращались в пассивных исполнителей приказов сверху. Эти приказы могли носить разный характер: план, решение совета, указание райкома и так далее — это не меняет сути дела. Все определялось сверху, а человеку отводилась роль пассивного винтика в этой страшной машине» [46, с. 188].

Это — схоластика, заменяющая аргументы потоком слов. Почему люди, имея надежное рабочее место на государственном предприятии, становились вследствие этого «отчужденными от самостоятельности и творчества»? Как может жить человек в цивилизованном обществе без «приказов сверху»? И как понять, что, хотя «приказы могли носить разный характер», это не меняет сути дела? «План, решение совета, указание райкома, сигналы светофора и так далее» — все это разные способы координации и согласования наших усилий и условий нашей жизни. Почему же им не надо подчиняться? Почему, если ты следу-

ешь обдуманному плану действий, ты становишься «винтиком в этой страшной машине»? Все это — *демагогическое отрицание государственности*.

Крайними антигосударственниками были «младореформаторы», видный представитель которых Е. Гайдар так выражает их кредо, представляя российскую историю как сплошное «красное колесо» (1995): «В центре этого круга всегда был громадный магнит бюрократического государства. Именно оно определяло траекторию российской истории... Эта система называлась по-разному: самодержавие, интернационал-коммунизм, национал-большевизм, сегодня примеривает название «державность». Но сущность всегда была одна — корыстный хищнический произвол бюрократии, прикрытый демагогией» [34]. И этого человека перестройка подняла до премьер-министра!

В 2005 г. А.Н. Яковлев бросает «черную метку» фашизма Российскому государству «всех времен», независимо от политического режима: «Россия больна вождизмом. Это традиционно. Царистское государство, князья, генеральные секретари, председатели колхозов и т. д. Мы боимся свободы и не знаем, что с ней делать. Я понимаю, что тысячу лет жить в нищенстве и бесправии — другого менталитета не создашь. Отсюда и появляются у нас фашистские группировки. «Идущие вместе»... Завтрашние штурмовики» [210].

Такое отношение к государству в этой среде очень устойчиво. В своем почти последнем интервью «архитектор перестройки» А.Н. Яковлев снова выразил свою ненависть к госаппарату: «Меня тревожит наше чиновничество. Оно жадное, ленивое и лживое, не хочет ничего знать, кроме служения собственным интересам. Оно, как ненасытный крокодил, проглатывает любые законы, оно ненавидит свободу человека... Я уверен: если у нас и произойдет поворот к тоталитаризму, то локомотивом будет чиновничество. Распустившееся донельзя, жадное, наглое, некомпетентное, безграмотное сборище хамов, ненавидящих людей» [210].

Из антигосударственности вылупился самый вульгарный и пошлый *антипатриотизм*. Николай Петров, преуспевающий музыкант, сделал такое признание: «Когда-то, лет тридцать назад, в начале артистической карьеры, мне очень нравилось ощущать себя эдаким гражданином мира, для которого качество рояля и реакция зрителей на твою игру, в какой бы точке планеты это ни происходило, были куда важнее пресловутых березок и осто-

чертевшей трескотни о "советском" патриотизме. Во время чемпионатов мира по хоккею я с каким-то мазохистским удовольствием болел за шведов и канадцев, лишь бы внутренне остаться в стороне от всей этой квасной и лживой истерии, превращавшей все, будь то спорт или искусство, в гигантское пропагандистское шоу» [141]. Держал фигу в кармане — болел за шведов и канадцев! Не потому, что они ему нравились, а потому, что какая-то мелочь в государственной пропаганде резала ему слух.

Какова же была философская база, подведенная под уничтожение государства? Тогда на арену вышла энергичная группа обществоведов-марксистов, которые получили трибуну для идеологической кампании против государства как формы организации общества. В конце 80-х годов XX в. выпускались целые книги с перепевами антигосударственных идей К. Маркса, причем прямо прилагаемых к советскому государству.

Например, профессор МГУ А.П. Бутенко, давая в книге «Власть народа посредством самого народа» (1988) большую подборку выдержек из К. Маркса, которые утверждали паразитическую суть государства, добавлял: «Важно подчеркнуть, что такая тенденция — не особенность какого-либо определенного типа государства, а общая черта развития государства как такового» [23, с. 49]. Далее из этого делается вывод, что само существование государства указывает на то, что в таком обществе примирение классов невозможно. Следовательно, в СССР существуют непримиримые межклассовые противоречия и перестройка должна перерасти в *революцию*.

А.П. Бутенко пишет: «По Марксу, государство не могло бы ни возникнуть, ни держаться, если бы возможно было примирение классов. У мещанских и филистерских профессоров и публицистов выходит, — сплошь и рядом при благожелательных ссылках на Маркса! — что государство как раз примиряет классы» [23, с. 77]. А дальше — пересказ рассуждений К. Маркса о «казарменном коммунизме» и подведение к выводу, что советское государство из всех «паразитических наростов» самое паразитическое. Почему же?

Потому, что советское государство рождено в революции, совершенной союзом рабочих и крестьян, которые в силу отсталости России были еще не втянуты в товарное производство, а потому якобы «закономерно давили в направлении утверждения культа правителя и его деспотической власти». Согласно

А.П. Бутенко, крестьянин, рабочий и люмпен в России «не имели ничего» — ни дисциплины, ни привязанности к частной собственности, ни образования, ни культуры — ибо все это несет людям только капитализм, а он в России не успел развиваться.

А.П. Бутенко пишет: «В ходе исторического развития именно патриархальное крестьянство, глубоко враждебное товарному производству и власти денег, разлагающих его консервативный, застойный мир, отстаивая свои интересы и устои жизни, выступает поборником “сильной власти” (К. Маркс), поскольку деспотическая власть самого такого крестьянина как главы патриархальной семьи есть продукт его натурального, мелкого производства, покоится на его незыблемости»¹ [23, с. 129].

Так и возникло советское государство: строили его «наиболее обездоленные слои патриархального и полупатриархального крестьянства (да и сам рабочий — часто вчерашний крестьянин) и люмпенов, поскольку как раз эти слои в силу своей обездоленности и озлобленности старыми порядками готовы на отчаянно смелые, решительные действия, на самое беспощадное разрушение никогда им не принадлежавшей частной собственности» [23, с. 132].

А дальше следует, с безумной логикой, вывод, что сам генезис советского государства, созданного «крестьянами и люмпенами», предопределил «объективную тенденцию, *постоянно и закономерно ведущую общество* к превращению демократического централизма в централизм бюрократический, управления в самоуправство, власти в деспотизм» [23, с. 134]. И цель перестройки в политической сфере излагается так: «Через полную реализацию социалистического самоуправления народа к неполитическому коммунистическому самоуправлению».

Если бы все это А.П. Бутенко писал от своего имени, это приняли бы за плод больного воображения, но он обосновал свои тезисы ссылками на К. Маркса. Вот важный фактор: в своей атаке на государственность деятели перестройки оперировали поня-

¹ Эти представления о реакционном характере крестьянского мироощущения были распространены в среде интеллектуалов перестройки. Философ Д.Е. Фурман в книге «Иного не дано» (1988) пишет о влиянии консерватизма крестьян на становление СССР как государства: «Основные носители этих тенденций, очевидно, поднявшаяся из низов часть бюрократии, которая, во-первых, унаследовала многие элементы традиционного крестьянского сознания, во-вторых, хочет не революционных бурь, а своего прочного положения» [184].

тиями марксизма, против которых в общественном сознании не было психологической защиты.

Какие планы скрывали эти анархо-коммунистические утопии, можно было понять уже в 1988 г., а население прочувствовало в 1992 г. Насколько искренними были те, кто ставил дымовые завесы этих утопий, не так уж важно. Скорее всего, искренних было раз-два и обчелся.

Каждый удар по государственной системе обосновывался в ходе перестройки разными идеологическими концепциями. Они становились все более радикальными и все более отходили от главных принципов советского жизнеустройства. Сначала (до января 1987 г.) был выдвинут лозунг «Больше социализма!», затем лозунг «Больше демократии!» — это был период культурной подготовки. Создание панорамы этой военной кампании — дело историков. Здесь мы лишь выделим главные направления или, точнее, срезы этой системы. Разрушая то или иное основание легитимности советского государства, идеологи перестройки обращались к тем сторонам бытия, о которых постоянно думают люди и в отношении которых они должны сделать свои оценки и свой выбор. Основными темами были социальные интересы, национальные чувства, угрозы будущим поколениям и нравственные переживания: и актуальные, и разбуженные в коллективной исторической памяти.

Разделить эти темы трудно, все они переплетены: социальные интересы в многонациональной стране всегда приобретают национальный характер, и наоборот, давно уснувшие исторические обиды и зарубцевавшиеся раны можно разбудить и растравить. Перестройка была войной, в которой линию фронта было провести очень трудно, и вся карта действий была очень подвижна. В «революции сверху» силы власти и оппозиции несравнимы.

В каждом случае после достаточно интенсивной идеологической кампании власть принимала политические решения и предпринимала действия, которые необратимо изменяли ситуацию согласно целям антисоветской революции. В нашей теме кульминацией является подписание беловежских соглашений о роспуске СССР. Потом начинается новый этап истории, хотя многие события до декабря 1991 г. становятся понятными лишь по прошествии времени, когда мы можем «по делам их судить» решения «архитекторов перестройки».

Начнем с социальных интересов. Один из главных тезисов перестройки заключался в том, что советская экономика *невыгодна* для трудящихся. Доводы были таковы. Экономика СССР неэффективна, потому что *огосударствлена* — государство владеет большей частью средств производства, подчиняет производство плану, распределяет по своему усмотрению ресурсы, устанавливает цены и зарплаты. Поскольку все эти функции выполняют бюрократы, а не «хозяева», качество решений низкое или решения недобросовестны. Вывод: надо изъять народное хозяйство из ведения государства — провести *разгосударствление* экономики, передать ее частным собственникам. Эффективность резко повысится, объем производства благ увеличится, качество товаров улучшится, зарплаты вырастут. Значит, интересы всех слоев общества будут удовлетворены лучше, чем в советской плановой экономике.

Для пропаганды этого тезиса был собран большой контингент интеллигенции, в основном гуманитарной, но она первым делом действовала на массовую техническую интеллигенцию, которая через личные контакты передавала сообщения в трудящиеся массы. В результате, как пишет социолог, работавший в промышленности, «рабочие, как и другие социально-профессиональные группы, находились под гипнозом формулы о прогрессивности и даже неотвратимости (необратимости) реформ, приватизации».

Можно даже допустить, что под «гипноз формулы о прогрессивности реформ» подпали инженеры, но подозревать в этом экономистов из АН СССР немислимо. Они действовали как «бойцы невидимого фронта» войны против государства. Возьмем самый крайний случай — организацию забастовок шахтеров Кузбасса 1989—1990 гг., которые нанесли тяжелейший удар по советскому строю.

Шахтеры получали в СССР самую высокую зарплату по сравнению с рабочими того же квалификационного уровня других профессий. И в то же время они знали, что почти все шахты нерентабельны и получают большие дотации. В этих условиях требовать «полной экономической свободы шахт от государства», перевода шахт на рыночные принципы и «смены общественного строя» было явной глупостью с точки зрения шкурных интересов самих шахтеров. «Рынок» означал для них безработицу, а на уце-

левших шахтах — сокращение в несколько раз зарплаты горняков и ухудшение условий труда. Кто же их «загипнотизировал»?

В марте 2004 г. большая передача на телевидении была посвящена 15-летию начала шахтерских забастовок. В передаче была показана хроника того времени, выступали сами шахтеры, руководители забастовочных комитетов. На телеэкране мы видим шахтеров 1989 г.: веселых, сытых, уверенных в себе. Б. Ельцин перед ними заискивает, они его хлопают по плечу. Через несколько лет те же шахтеры, исхудавшие и понурые, говорят, что «они теперь стали быдлом». Ну так вспомните, как это получилось! Чего вы ждали, добиваясь отмены государственных дотаций? Как вы представляли себе действия собственников шахт после их приватизации? Ведь с каким апломбом вели такие разговоры: «Нам все равно, кто у власти — коммунисты, демократы или фашисты. Лишь бы работа была и платили вовремя!».

Т. Авалиани, бывший в 1989 г. председателем стачкома Кузбасса, рассказывает, как экономисты из СО АН СССР срывали соглашение, достигнутое между комиссией Верховного Совета СССР и забастовщиками. Шахтеры требовали прибавки к зарплате в виде коэффициента и удовлетворялись его величиной 1,3. Т. Авалиани пишет: «Рассматривая пункты соглашения, мы столкнулись с тем, что во многих случаях нет расчетов, а пункты об экономической самостоятельности и региональном хозрасчете вообще носят декларативный характер... Я попросил первого секретаря обкома КПСС А.Г. Мельникова вызвать к утру доктора экономических наук Фридмана Юрия Абрамовича и его шефа Гранберга Александра Григорьевича — директора института экономики СО АН СССР из Новосибирска с обоснованиями данных прожектов, по которым они выступали в областной прессе уже более года. Оба явились утром 18 июля, но на мою просьбу дать текст, что они предлагают для включения в правительственные документы, дружно ответили, что у них ничего нет...

Вдруг появилось предложение: поясной коэффициент шахтерам поднять с 1,25 до 1,6! Все разом заговорили, а автора нет! Но коэффициент 1,6 был ранее проработан СО АН СССР и, видимо, подкинут моим товарищам А. Гранбергом. Вдруг кто-то подкинул предложение записать в протокол «предоставить экономическую свободу всем цехам и участкам заводов и шахт». И опять пошла буза» [1].

Ну хоть бы сейчас инженеры и экономисты, которые редактировали требования шахтеров, изложили, для урока молодежи, тогдашнюю логику своих рассуждений. В тех требованиях была выражена «твердая убежденность в необходимости смены государственного руководства, а может быть, и всей общественно-политической системы». Инженеры, руководившие забастовками, не считают себя провокаторами, гордятся собой — и все говорят о тяжелейших социальных последствиях, к которым привели их собственные действия.

Другой подход к тезису о том, что советская экономика *невыгодна* для трудящихся, усиливает его нравственной проблемой: в «административно-командной системе» бюрократия превратилась в *класс*, который фактически владеет средствами производства. Раз так, то, согласно политэкономическим законам (особенно трудовой теории стоимости), этот класс эксплуатирует наемных работников, изымая созданную ими прибавочную стоимость. Значит, в советском обществе царит социальное неравенство, тем более подлое, что класс эксплуататоров маскирует свою сущность фикцией общенародной собственности.

Эта идея была сформулирована К. Марксом в отношении любого государства, а затем развита Л. Троцким в его теории перманентной революции уже в ходе его борьбы с советским государством, в котором, по его мнению, произошел «сталинский термидор». Иными словами, выходило, что и в СССР рабочие вынуждены и даже обязаны вести революционную борьбу против государства, которым овладел класс бюрократии. В рамках этого представления был создан и образ «номенклатуры» как элиты эксплуататорского класса, что-то вроде крупной буржуазии при капитализме. И главный источник страданий советского человека — *отчуждение* от собственности и власти; и то и другое узурпировано номенклатурой. На эту тему в эмиграции и в среде еврокоммунистов есть масса литературы. В СССР ее изучали в кружках, что-то упрощали для «распространения знаний».

С приходом к власти М. Горбачева этот поток хлынул как «политграмма». Один демократически настроенный гуманист с удивлением писал в 1992 г.: «Начиная с горбачевского призыва строить социализм «с человеческим лицом» «отчуждение» стало входить в отечественный лексикон борьбы за лучшую советскую жизнь. Громом среди ясного неба прозвучали возгласы покончить с отчуждением, порожденным казарменным, тотали-

тарно-бюрократическим социализмом... Появились статьи, брошюры, в которых с усердием, с обилием цитат разъяснялось, что бюрократия — враг народа, а разгадка ее тайны — в отчуждении власти от простых людей, от народа, что общественная собственность — ничейная, собственность без хозяина, т.е. не принадлежит народу. Были и научные дискуссии, и постоянные семинары, даже провели конкурс на лучшую работу по проблеме отчуждения, а победители получили премии. Короче, колесо попало в наезженную колею — интеллектуалы засучили рукава, философы — в первую очередь.

Оказывается, десятилетиями мы копили деформации и вот столкнулись лицом к лицу с отчуждением, когда, как оказалось, созданное усилиями поколений общественное здание во все не «наш» дом, а тюрьма, задавившая инициативу, творчество, семью, нацию, гражданскую жизнь, наконец, свободу человека. Обязательно нужно преодолеть отчуждение — перестроить здание, избавить его от последствий дегуманизации, деперсонализации. Многое нужно преодолеть — отчуждение людей от труда, от продукта труда, от власти, от управления, от культуры, духовности, друг от друга» [102].

В своем программном докладе о перестройке академик Т.И. Заславская заявила: «Главное социальное отношение советского общества на протяжении десятилетий заключалось в экономической эксплуатации и политическом подавлении трудящихся партийно-государственной номенклатурой. Возникшее в начале 30-х годов и резко углубившееся к 80-м социальное противостояние этих классов носило и носит антагонистический характер» [63].

На эту подстрекательскую пропаганду клюнуло множество людей — приятно было, что их пожалели. Здесь уж нет сомнений — все эти философы и академики совершали идеологическую диверсию. Они прекрасно знали, что вся эта перестройка замысливалась в высших эшелонах самой номенклатуры — той ее части, которая посчитала выгодным действительно захватить народную собственность и вынырнуть уж в виде «буржуазии». И социологи это знали: все опросы показывали, как представляли себе итог этой революции разные категории граждан. Вот результат опросов на промышленных предприятиях с января по май 1991 г., когда в Верховных Советах СССР и РСФСР утверждались законы о реформе. Вот какая доля опрошенных (%)

считала, что при переходе к рынку их личные доходы возрастут: неквалифицированные рабочие — 21,7; квалифицированные рабочие — 27,6; специалисты с высшим образованием — 32,5; директора предприятий — 62,8 [122].

К тематике социальных интересов относилась и кампания по поводу «дефицита продуктов» в СССР. Объективно, в СССР был обеспечен достаточный и сбалансированный рацион питания, и он непрерывно улучшался (при всех известных дефектах в системе переработки и распределения). По оценкам ФАО, СССР входил в десятку стран в мире с наилучшим уровнем питания (7-е место в 1990 г., 40-е в 1996 г.). Имея 6% населения Земли, СССР производил, по разным оценкам, 13—16% продовольствия.

Во время перестройки государство подвергалось жесткой критике за то, что СССР импортировал мясо. Да, улучшали рацион импортом, до реформы из 70 кг потребляемого на душу мяса импортировали 2 кг (зато экспортировали 10 кг рыбы). И во всем импорте СССР мясо составляло всего 1%. Импорт продовольствия может быть и признаком кризиса, и признаком достатка, хозяйственного благополучия. И почему это ставится в вину только СССР? На душу населения ФРГ ввозила в 4 раза больше мяса, чем СССР, а Италия в 7 раз больше. Почему же никто не призывал разгонять там фермы, как у нас колхозы? Эта критика была нелогична — ведь для того и существует торговля, чтобы дополнять отечественное производство, выгодно используя разделение труда. Но перестройка была войной на уничтожение, и огневые точки логики были подавлены.

И ведь тоже было надежно предсказано, что произойдет, когда разогнут колхозы и приватизируют землю. В 1990 г. в РСФСР уже было импортировано из-за рубежа СССР 787 тыс. т мяса и мясопродуктов (за вычетом экспорта), т.е. 5,3 кг на душу населения, или около 7,6% потребления. В 2005 г. из стран вне СНГ было импортировано 2543 тыс. т — 35,8% потребления (которое на душу населения было на 27,5% меньше, чем в 1990 г.). Это действительно зависимость от импорта. Но об этом почетные идеологи перестройки на ее юбилеях — ни гу-гу.

Целый блок обвинений в адрес советского государства, поданных под прикрытием заботы о социальных интересах населения, на деле был отрицанием всей геополитической линии СССР. Эта линия исходила из тех же представлений о месте России в мироустройстве, которые сложились уже в XIX в.: Россия

(СССР) есть особая локальная цивилизация и великая держава, которая выстраивает и защищает свою независимость и культурную идентичность.

Современная государственная власть вырабатывает доктрину своей политики и принимает стратегические решения исходя из *цивилизационных* представлений о своей стране. В XX в. было уже невозможно представить себе рациональные действия власти большой страны без того, чтобы определить ее цивилизационную принадлежность и траекторию развития. В переломные моменты именно здесь возникают главные противоречия и конфликты. Лозунгом перестройки стало «вернуться в лоно цивилизации!». СССР был представлен страной, которая уклонилась «со столбовой дороги развития человечества». Эта атака на государство была очень серьезной.

В условиях современного мирового кризиса понятие цивилизации стало исключительно актуально. Мир вступает в длительный период «переформатирования» индустриального общества в «постиндустриальное». В этот переходный период возрастает значение *информационно-психологических* войн, причем «войн цивилизаций». В таких войнах одной из главных целей является убедить население противника и мировое общественное мнение в том, что другая воюющая сторона *не является цивилизацией*.

Если это достигается, эта сторона теряет очень большую часть своих *символических ресурсов*. В обычном праве, а сейчас все больше и в формальном международном праве, страна, лишенная статуса цивилизации, практически перестает быть субъектом права. На деле до сих пор действует разработанная еще Дж. Локком презумпция естественного права *цивилизованного* государства вести войну с *варварской* страной, захватывать ее территорию, экспроприировать ее достояние (в уплату за военные расходы) и обращать в рабство ее жителей.

Крайней степенью лишения страны статуса цивилизованной является ее квалификация как «страны-изгоя» или, как в случае СССР, «империи зла». Такие кампании достигают успеха в том случае, когда в стране возникает влиятельная общественная группа, воюющая на стороне противника, а в редких удачных случаях, когда такая сила возникает в лоне власти. Это и произошло в СССР.

Весь XIX в., а потом и в XX в. в России (СССР) споры шли в основном о проекте *модернизации*, т. е. о развитии во взаимодей-

ствии с Западом; но уже у большевиков в картине мироустройства на арену выходят цивилизации Востока. Цивилизационное строительство СССР шло под влиянием концепции *евразийства* — учения, в котором был систематизирован и «онаучен» длительный опыт формирования и развития Российской империи как *евразийской цивилизации*.

А.С. Панарин в своей последней книге сделал вывод, что и в основе кризиса последних двух десятилетий лежит *цивилизационный* конфликт. Он писал: «Народ по некоторым признакам является природным или стихийным *социалистом*, сквозь века и тысячелетия пронесшим крамольную идею социальной справедливости... А следовательно, и «советская империя» есть не просто империя, а способ мобилизации всех явных и тайных сил, не принявших буржуазную цивилизацию и взбунтовавшихся против нее... Именно совпадение коммунистического этоса советского типа с народным этосом как таковым вызвало величайшую тревогу Запада перед “русским вызовом”. Были в прошлом и возможны в будущем и более могущественные в военном отношении и при этом враждебные Западу империи. Но они не вызывали и не вызывают такой тревоги на Западе» [136, с. 156].

Как же определялись в вопросах цивилизационной идентичности России во время перестройки? Среди идеологов антисоветского проекта бытовали три версии.

Первая из них гласила, что Россия не является ни самостоятельной цивилизацией, ни частью иной большой цивилизации, она выпала из мирового цивилизационного развития и осталась в состоянии *варварства*.

Эту мысль проводил А.Н. Яковлев. Он писал: «На Руси никогда не было нормальной, вольной частной собственности... Частная собственность — материя и дух цивилизации... На Руси никогда не было нормальной частной собственности, и поэтому здесь всегда правили люди, а не законы».

Никогда не было... Значит, речь не о «большевиках». А.Н. Яковлев представлял реформу как «Реформацию России» — попытку политическими средствами превратить ее в *цивилизованное* общество. Не было никогда в России «материи и духа цивилизации» — а теперь будет! При этом речь здесь уже не идет о выпадении из цивилизации на период советского строя, а именно о том, что «духа цивилизации» здесь не было *никогда*.

Философ В.М. Межуев писал в важной книге времен перестройки («Освобождение духа»): «Согласование нашей культурной традиции с тем цивилизационным путем развития общества, на который мы все-таки должны вступить, но пока еще никак вступить не можем, и есть, видимо, та главная проблема, которая сегодня встала перед нами в своем полном объеме и во всей своей сложности...

Современная цивилизация опирается на традиции, идущие, как известно, от европейской средневековой "бюргерской" (городской) культуры с ее цеховой автономией ремесел, торговли, финансов, образования, науки, постепенно отделившейся от традиционной культуры земледельческих обществ с их натуральным хозяйством, патриархальным образом жизни, государственным патернализмом и обособленной духовной жизнью господствующих слоев общества... Мышление, психология товарного производителя — нечто совсем иное, чем мышление крестьянина, занятого натуральным производством. Одно дело видеть в хлебе — каравай, в корове — Зорьку, в козе — Машку; совсем другое — видеть в них и стоимость, измеряемую денежными знаками... И такое меркантильное, прагматическое, расчетливое отношение к земле намного полезнее для той же земли, чем простое чувство естественной сращенности с ней, якобы генетически врожденное каждому крестьянину» [111].

Это рассуждение в духе евроцентризма, согласно которому есть одна правильная цивилизация (Запад), на матрицах которой все остальные культуры ведут доводку своих институтов и структур. Это представление уже преодолено и на самом Западе, хотя и применяется в идеологических и политических целях. У К. Леви-Стросса, виднейшего ученого XX в., изучавшего контакты Запада с незападными культурами, читаем: «Не может быть мировой цивилизации в том абсолютном смысле, который часто придается этому выражению, поскольку цивилизация предполагает сосуществование культур, которые обнаруживают огромное разнообразие; можно даже сказать, что цивилизация и заключается в этом сосуществовании. Мировая цивилизация не могла бы быть ничем иным, кроме как коалицией, в мировом масштабе, культур, каждая из которых сохраняла бы свою оригинальность... Священная обязанность человечества — охранять себя от слепого партикуляризма, склонного приписывать статус человечества одной расе, культуре или обществу, и никогда не

забывать, что никакая часть человечества не обладает формулами, приложимыми к целому, и что человечество, погруженное в единый образ жизни, нелепимо» [218].

Вторая версия состояла в том, что Россия (СССР) представляет собой цивилизацию, но изначально антигуманную и тоталитарную. Философ А.И. Ракилов (позже — советник Б. Ельцина) так излагал «особые нормы и стандарты, лежащие в основе российской цивилизации»: «Ложь, клевета, преступление и т.д. оправданы и нравственны, если они подчинены сверхзадаче государства, т.е. укреплению военного могущества и расширению территории». Он радовался уничтожению СССР: «Самая большая, самая жестокая империя в истории человечества распадается».

А.И. Ракилов подчеркивает, что патологическая жестокость якобы была изначально присущим качеством государства России: «Надо говорить не об отсутствии цивилизации, не о бесправии, не об отсутствии правосознания, не о незаконности репрессивного механизма во времена Грозного, Петра, Николая I или Сталина, но о том, что сами законы были репрессивными, что конституции были античеловечными, что нормы, эталоны, правила и стандарты деятельности фундаментально отличались от своих аналогов в других современных европейских цивилизациях» [152]. В этой версии перестройка видится не как переход из варварства в цивилизацию, а как смена типа цивилизации, «вступление в Запад».

Третья версия, самая мягкая, сводилась к тому, что Россия была и есть часть Запада. Она лишь отклонилась от «столбовой дороги» из-за советского эксперимента, и теперь надо прилежно учиться у Запада, чтобы наверстать упущенное за 70 лет.

Эта версия была сформулирована уже в 60-е годы XX в., во время «оттепели». П. Вайль и А. Генис показывают это в книге «60-е. Мир советского человека», где описаны умонастроения «кухонь» интеллигентской богемы, чьим идеологом и пророком стал И. Эрнбург (его они уподобляют апостолу Павлу): «Спор об отношении к западному влиянию стал войной за ценности мировой цивилизации. Эрнбург страстно доказывал, что русские не хуже и не лучше Запада — просто потому, что русские и есть Запад».

В совокупности все три версии с конца 80-х годов XX в. господствуют в «гуманитарном» дискурсе и постоянно подпитываются заявлениями авторитетных интеллектуалов. Они служат важным оправданием уничтожения СССР как «империи зла».

И нас не должно удивлять, что в цивилизационной войне против России в конце XX в. объединяются антикоммунисты и люди, «взращенные» КПСС, вроде М.С. Горбачева и А.Н. Яковлева¹. По этому пути прошли еврокоммунисты Западной Европы, а за ними и советские «коммунисты с человеческим лицом».

Для СССР претендовать на цивилизационную идентичность означало быть объектом «столетней горяче-холодной войны» Запада. После короткого перемирия в рамках антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне против СССР была вновь начата холодная война, уже с угрозой применения ядерного оружия.

Разработку секретного плана Третьей мировой войны против СССР (под кодовым названием «Немыслимое») У. Черчилль поручил Генштабу уже в марте 1945 г.² Затем разработка планов войны переместилась в США. В 90-е годы XX в. началось рассекречивание этих планов, их сборник на русском языке позволяет проследить динамику [38].

В ответ в СССР была проведена модернизация ВПК и его научно-технической базы, реализованы атомная и ракетно-космическая программы, что отодвинуло угрозу войны. После достижения паритета СССР с Западом в потенциале стратегических вооружений война стала практически невероятной. Для этого хозяйству СССР пришлось нести дополнительную нагрузку в виде «гонки вооружений». Во время перестройки это принципиальное решение государства СССР стало объектом интенсивной идеологической атаки.

Исходя из программных текстов антисоветских идеологов (прежде всего, А.Д. Сахарова) кампания против советской «гонки вооружений» велась не с пацифистской, а с проамериканской позиции. Придав фигурам А.Д. Сахарова и А.И. Солженицына статус духовных лидеров перестройки, «команда Горбачева» определила и свою позицию. Для «широких народных масс»

¹ То же самое наблюдалось и в начале XX в., с тем отличием, что тогда социалисты и правые буржуазные идеологи были по разные стороны баррикады в социальных вопросах. Как вспоминает меньшевичка Лидия Дан, сестра Ю. Мартова, в 90-е годы XIX в. для студента было «почти неприличным» не стать марксистом. Особую роль в формировании мировоззрения меньшевистской молодежи сыграли марксистские произведения Г.В. Плеханова. Историк меньшевизма Л. Хеймсон пишет: «В этих работах молодежь, пришедшая в социал-демократию, нашла опору для своего бескомпромиссного отождествления с Западом и для своего не менее бескомпромиссного отвержения любых форм российской самобытности».

² В Великобритании он опубликован впервые в 1998 г., в России в 1999 г.

обвинение советского государства аргументировалось тем, что «гонка вооружений» была избыточной и непосильной для экономики СССР, что и привело к резкому снижению благосостояния населения.

Эта кампания также была операцией психологической войны против СССР и основана на дезинформации населения. Однако она была успешной вследствие тотального контроля верхушки КПСС над СМИ и вообще над каналами информации. Лишь к концу 90-х годов XX в. реальные сведения стали просачиваться в информационное пространство, хотя и очень малыми порциями.

В гл. 5 (Народное хозяйство) приведена выдержка из статьи эксперта по проблеме военных расходов в СССР и в нынешней РФ, бывшего заместителя председателя Госкомитета РФ по оборонным вопросам В.В. Шлыкова. Он участвовал в серии конференций американских и российских экспертов по проблеме вооружений, которые проводились с начала 90-х годов XX в. в США. Начиная с 1950 г. ЦРУ проделало огромную работу по определению реальной величины советских военных расходов. Согласно полученным таким образом оценкам ЦРУ считало, что военные расходы СССР составляли 6—7% от ВВП. При этом доля военных расходов в ВВП СССР постоянно снижалась. Так, если в начале 50-х годов XX в. СССР тратил на военные цели 15% ВВП, в 1960 г. — 10%, то в 1975 г. всего 6%.

В 1976 г. военно-промышленное лобби США добилось пересмотра этих оценок в сторону увеличения. Была создана группа из 5 экспертов («Команда Б») под руководством Р. Пайпса, она признала оценки ЦРУ заниженными минимум вдвое. Как пишет В.В. Шлыков, «Команда Б после трехмесячной работы представила в декабре 1976 г. свой доклад, положивший начало радикальному пересмотру американским руководством степени советской военной угрозы. Результатом такого пересмотра стал новый, несравненно более крутой виток в гонке вооружений между Востоком и Западом».

Как же оценивает уже после краха СССР руководство американской разведки новые величины военных расходов СССР (12—13% ВВП), которые легли в основу политики США? В.В. Шлыков пишет: «Выводы “Команды Б” об огромных масштабах и агрессивном характере советских военных приготовлений выглядят абсурдно преувеличенными. Не удивительно, что ЦРУ всячески стремится теперь откреститься от этих выводов, на основе кото-

рых строилась в основном вся военная политика США с середины 70-х годов. В своем докладе на Принстонской конференции директор ЦРУ Дж. Тенет признает, в частности, что «все до одной Национальные разведывательные оценки (НРО), подготовленные с 1974 по 1986 годы, давали завышенные прогнозы темпов и масштабов модернизации Москвой своих стратегических сил». Р. Перл, бывший замминистра обороны США по международной безопасности, писал: «Остается загадкой, почему была допущена столь огромная ошибка и почему она приобрела хронический характер. Возможно, мы так и не узнаем истину» [193]¹.

Здесь давайте зафиксируем факт: величина военных расходов СССР в размере 12—13% ВВП признана в США *абсурдно завышенной*. Можем считать ее за верхний предел той величины, точно установить которую мы не можем. Исходя из структуры расходов на оборону выходит, что собственно на закупки вооружений до перестройки расходовалось в пределах 5—10% от уровня конечного потребления населения СССР. Таким образом, утверждение, будто «мы жили плохо из-за непосильной гонки вооружений», является ложным.

В.В. Шлыков пишет об этом: «Сейчас уже трудно поверить, что немногим более десяти лет назад и политики, и экономисты, и средства массовой информации СССР объясняли все беды нашего хозяйствования непомерным бременем милитаризации советской экономики. 1989—1991 гг. были периодом настоящего ажиотажа по поводу масштабов советских военных расходов. Печать и телевидение были переполнены высказываниями сотен экспертов, торопившихся дать свою количественную оценку реального, по их мнению, бремени советской экономики...

Министр иностранных дел Э. Шеварднадзе заявил в мае 1988 г., что военные расходы СССР составляют 19% от ВВП, в апреле 1990 г. М.С. Горбачев округлил эту цифру до 20%. В конце 1991 г. начальник Генерального штаба В.Лобов объявил, что военные расходы СССР составляют одну треть и даже более от ВВП (260 млрд. руб. в ценах 1988 г., т.е. свыше 300 млрд долл.). Хотя ни один из авторов вышеприведенных оценок никак их не обосновывал, эти оценки охотно принимались на веру общественно-

¹ Сенатор Д. Мойнихен даже требовал роспуска ЦРУ за завышение советских военных расходов, в результате чего США выбросили на ветер через гонку вооружений триллионы долларов.

стью... Надо сказать, что, давая свои оценки военного бремени СССР, ни М.Горбачев, ни генерал В. Лобов, ни академики О. Богомолов и Ю. Рыжов никогда не приводили никаких доказательств и расчетов в подтверждение своих слов» [193].

Но разве кто-то пытался в это вникнуть? И разве кто-нибудь сегодня спросит с академиков О. Богомолова или Ю. Рыжова, из какого пальца они высосали свои данные о военных расходах СССР? А ведь стереотипное мнение, будто именно гонка вооружений разорила советскую экономику и сделала невыносимо низким уровень потребления граждан, стало в среде интеллигенции непререкаемым — и остается таким до сих пор!

В.В. Шлыков пишет, даже с некоторым удивлением: «Насколько изменилось отношение общества к проблеме военных расходов по сравнению с концом 80-х — началом 90-х годов. Если в те годы советские и российские политики и экономисты в своем стремлении показать неподъемное, по их мнению, бремя военных расходов апеллировали к мнению на сей счет прежде всего западных экспертов, то сейчас это мнение никого — ни власть, ни общество — не интересует».

Ничего тут нет удивительного — задача этой части «советских и российских политиков и экономистов» была подпилить еще одну опору государства СССР. Как только задача была решена, всякий интерес к проблеме военных расходов пропал и деньги на эту кампанию никто не дает.

Надо сказать, что пафос обличения «гонки вооружений» во многом объяснялся и ненавистью этой «группы политиков» к армии. Когда эти люди пришли к рычагам власти, сразу же стала подрываться одна из главных функций государства — оборона и обеспечение безопасности страны, причем подрываться методами, присущими вредителям.

А.Н. Яковлева спрашивает корреспондент: «Не жалеете, что в свое время с Горбачевым силовиков не разогнали?». И этот агент влияния отвечает: «Я думаю, это наша ошибка. Что касается монстра, я бы его ликвидировал... Кстати, по моей записке КГБ был разделен на несколько частей» [210].

Поразившее весь мир заявление М.С. Горбачева 15 января 1986 г. о программе полного ядерного разоружения СССР было неожиданностью для военных. Тогда была создана межведомственная комиссия по разоружению («большая пятерка»). Но договоренности с США по разоружению не только не согласовыва-

лись, но даже не доводились до сведения комиссии. Начальник Генштаба М.А. Моисеев доложил, что в результате махинаций Э.А. Шеварднадзе США получили право иметь 11 тыс. боеголовок против 6 тыс. для СССР. Не удалось обнаружить никаких сведений о подготовке решения об уничтожении ракетного комплекса «Ока», о котором открыто вообще не было речи на переговорах.

Но для нашей темы важнее не диверсии М. Горбачева и Э. Шеварднадзе, а позиция влиятельного массового слоя интеллигенции, от которой и зависела легитимность СССР. Почему ей так хотелось поверить в миф об избыточной вооруженности СССР? Добиться, каким критерием пользовался человек, принявший эту оценку, практически никогда не удавалось. 60 тыс. танков плохо — а сколько хорошо? Попытки военных объяснить, из каких критериев исходило советское военное планирование, интереса не вызывали.

Давайте все же вспомним эти объяснения. Генерал-полковник А. Данилевич, бывший заместитель начальника Генерального штаба и один из военачальников, отвечавших за военное планирование, писал в журнале «Проблемы прогнозирования» (1996 г., № 2): «Спрашивают, зачем нам было нужно почти 64 тыс. танков. Мы исходили из того, какой может быть новая война, рассчитывали возможный объем потерь, которые оказались бы несравнимыми с потерями во Второй мировой войне. Сравнивали потенциалы восполнения потерь, с одной стороны — США и НАТО и с другой — СССР и ОВД. Оказывалось, что американцы во время войны могли бы не только восполнять потери, но и наращивать состав вооруженных сил. К концу первого года войны они имели бы возможность выпускать вдвое больше танков. Наша же промышленность, как показывают расчеты возможных потерь (вычислялись с помощью ЭВМ, проверялись на полигонах), не только не могла бы наращивать состав вооружения, но была бы не в состоянии даже поддерживать существовавший уровень. И через год войны соотношение составило бы 1 : 5 не в нашу пользу. При краткосрочной войне мы успели бы решить задачи, стоящие перед нами. А если долгосрочная война? Мы же не хотели повторения ситуации 1941 г. Как можно было выйти из сложившегося положения? Создавая повышенные запасы вооружения, т.е. такие, которые превосходили бы их количест-

во, требуемое в начале войны, и позволяли бы в ходе ее продолжать снабжать ими армию в необходимых размерах» [193].

Это объяснение на случай войны. Однако бронетанковые силы служили и фактором сдерживания, были средством *предотвращения* войны. А. Данилевич поясняет: «Американцы считали, что благодаря танкам мы способны пройти всю Европу до Ла-Манша за десять дней, и это сдерживало их». Возможно, эти суждения были ошибочны, но, чтобы выявить ошибку, требовалось привлечь дополнительные фактические данные и логические аргументы. Никто этих данных не привлекал и не просил, а на дефекты в логике военных не указывал. Вот — причина краха СССР.

Одной из важнейших операций перестройки по развалу СССР было категорическое отрицание критически важного инструмента государства — *насилия*¹. Была предпринята атака на монопольное право государства на легитимное насилие и обязанность использовать это право в целях безопасности страны, общества и личности. Эта атака началась еще при Н.С. Хрущеве, когда была идеологизирована в антисоветском ключе проблема «сталинских репрессий». Саму эту проблему здесь мы не будем разбирать, к моменту перестройки она стала уже предметом истории, и в любом случае не в интересах страны и народа было превращать этот предмет в оружие войны против СССР не 30-х, а 80-х годов XX в. Но нагретая «гласностью» публика охотно в эту войну ввязалась и стала крушить структуры безопасности, как бульдозер (за рычагами сидели деятели типа А.Н. Яковлева).

В 1989 г. пресса крушила правоохранительные органы, так что в московской прокуратуре за два месяца уволились почти все следователи — не желали работать в обстановке травли. Тогда забойной поговоркой в прессе была такая: «Лучше оставить на свободе десять преступников, чем посадить в тюрьму одного невиновного». Выкопали и вытащили все судебные ошибки за много лет — смотрите, мол, как советские суды жагут невиновных. Никто и слова тогда не осмелился возразить².

¹ Заметим, что отвращение к государственному насилию распространялось именно на советское государство, а насилие, например, в США вызывало у наших демократов уважение.

² Позже мне довелось прочесть материалы о судебных ошибках в Великобритании и Испании, и это действительно потрясает: нам с советской судебной системой такое и в страшном сне не могло присниться.

А ведь здравомыслящий человек, подумав, должен был бы спросить: а почему на свободе надо оставить *десять* преступников, а не пять, не двадцать, не сто? Откуда такая мера? Меры и не было, речь шла о предоставлении свободы действий преступникам вообще, чтобы в период беспаравья и полного паралича МВД, суда и прокуратуры разграбить государственную собственность да и обывателя «пощипать». Но ведь обыватели и приняли эту ложную дилемму! А глава государства, допустивший разгул преступников, становится палачом своего народа, даже если он допустил этот разгул из моральных соображений (боялся быть палачом).

Вспомним, как начиналась большая кровь в Средней Азии и на Кавказе. Бандиты начали в Фергане погромы против турок-месхетинцев. Они демонстративно сжигали их живьем, устроив большой кровавый спектакль, как разведку боем. За бандитами стояли организованные преступно-политические силы. Власть направила против бандитов, вооруженных автоматами и самыми современными средствами связи, безоружных курсантов. Мол, нельзя стрелять в граждан, у которых проснулось демократическое самосознание! Ведь ради этого пробуждения и замысливалась перестройка!

Та «разрешенная» кровь перевела все бытие Средней Азии в новую плоскость. М. Горбачев своим бездействием снял запрет на организованные массовые убийства по национальному признаку и на изгнание русских. Сожжение в Андижане шестерых безоружных русских солдат, ехавших в городском автобусе, также было «разрешено», а затем и прощено М. Горбачевым — и стало символическим событием, за ним накатил вал убийств.

На Северном Кавказе случай прозрачнее. В Чечне еще стояли гарнизоны и части Советской армии, действовали КГБ и МВД. Многие помнят, как было совершено первое, символическое убийство. Люди Д. Дудаева схватили офицера КГБ, который по обычным служебным обязанностям находился на очередном митинге. Еще ничто не предвещало будущей беды — в 18 ч центральное телевидение передало встречу репортеров с задержанным офицером. А уже вечером то же телевидение сообщило, что дудаевцы выдали властям его труп — «он был судим и казнен народом».

Перед этим были сознательно запущены процессы, разрушающие «империю», ту сложную систему национальных отношений, которая была кропотливо создана за 200 лет. В советском проекте представление о жизнеустройстве по типу семьи выстраивалось в двух измерениях: *социальном* и *национальном*. В стране, где соединились в одном общежитии более сотни народов, национальное устройство было не менее важным, нежели социальное. Точнее, это были два среза одной системы, социальное и национальное не существовали друг без друга.

В информационно-психологической подготовке политических акций по развалу СССР принял участие весь цвет либерально-демократической элиты. Сразу после ликвидации СССР многие номенклатурные гуманитарии стали откровенно излагать свои антисоветские представления, которые до этого распространяли полулегально. Вот, историк и заведующий сектором Института востоковедения АН СССР А. Праздаускас пишет: «СССР силой и посредством тотального контроля удерживал вместе разнородный мир, своеобразный евразийский паноптикум народов, не имевших между собой ничего общего, кроме родовых свойств *Homo sapiens* и искусственно созданных бедствий» [147].

Вот еще несколько кратких утверждений из огромного потока программных сообщений в широком диапазоне авторов. Историк Ю. Афанасьев: «СССР не является ни страной, ни государством... СССР как страна не имеет будущего». Советник президента Г. Старовойтова: «Советский Союз — последняя империя, которую охватил всемирный процесс деколонизации, идущий с конца Второй мировой войны... Не следует забывать, что наше государство развивалось искусственно и было основано на насилии».

Историк М. Гефтер говорил в Фонде Аденауэра об СССР, «этом космополитическом монстре», что «связь, насквозь проникнутая историческим насилием, была обречена» и Беловежский вердикт, мол, был закономерным. Писатель А. Адамович заявлял на встрече в МГУ: «На окраинах Союза национальные и демократические идеи в основном смыкаются — особенно в Прибалтике». В 2005 г. в докладе Горбачев-фонда развал СССР оправдывают так: «Не секрет, что Советский Союз был построен на порочной сталинской идее автономизации, полностью подчиняющей национальные республики центру. Перестройка хотела покончить с такой национальной политикой» [140].

При чем здесь «порочная идея» 1920 г. — ко времени перестройки СССР пережил несколько исторических эпох, прошел самые тяжелые испытания.

В 1991 г. был проведен референдум с провокационным вопросом: надо ли сохранять СССР. До этого сама постановка такого вопроса казалась абсурдной и отвергалась массовым сознанием. Теперь сам президент заявил, что целесообразность сохранения СССР вызывает сомнения и надо бы этот вопрос поставить на голосование.

Но надо сказать, что одни только «западники» не могли бы легитимировать в глазах достаточно большой части интеллигенции развал страны, а значит, и поражение России в тяжелой холодной войне. Немалую роль тут сыграли и «патриоты», отвергавшие имперское устройство России (и СССР). Исходя из представлений этнонационализма они пытались доказать, что сплотившиеся вокруг русского ядра нерусские народы Российской империи, а затем СССР, истощают жизненные силы русского народа — грубо говоря, «объедают» его. Представители «правого» крыла разрушителей межнационального общежития СССР высказывали совершенно те же тезисы, что и крайняя «западница» Г. Старовойтова (иногда совпадение у них почти текстуальное).

Перестройка стравлила народы! Ее «прораб» А. Нуйкин довольно вспоминает в связи с войной в Нагорном Карабахе: «Как политик и публицист, я еще совсем недавно поддерживал каждую акцию, которая подрывала имперскую власть. Поэтому мы поддерживали все, что расшатывало ее. А без подключения очень мощных национальных рычагов ее было не свалить, эту махину» [128]. Возбуждая агрессивную этничность как таран против СССР, антисоветская интеллигенция заведомо жертвовала демократическим проектом — она открывала путь этнократическим режимам.

Развитие советского общества шло с большими перегрузками, и его полиэтничность ставила перед властью и управлением сложные проблемы. Ведь практически все социальные проблемы принимали этническую окраску, и наоборот, для решения любой этнической проблемы требовалось изменять или создавать социальные формы и отношения.

Например, плановая система хозяйства не допускала стихийной этнической миграции и внедрения больших иноэтнических масс в стабильную местную среду. Известно, что такое

смешение неизбежно ведет к напряженности и конфликтам, это определено самой природой этноса как типа человеческой общности. Вторжение в пространство такой общности большой массы «иных», не успевающих (или не желающих) следовать нормам местной культуры, неизбежно вызывает кризис, всплеск национального чувства.

С опорой на массовую социальную и культурную лояльность советская власть могла жестко подавлять все проявления этнонационализма, вплоть до репрессий против элиты и даже целых народов. После краха СССР были ликвидированы социальные и культурные механизмы, которые раньше дезактивировали этнические «бомбы». Началась их сознательная активация в идеологии, праве, экономике.

В своем походе против государства антисоветские интеллектуалы перестройки легитимировали, а потом и опоэтизировали *преступный мир*. Он всегда играет большую роль в сломах жизнеустройства. В ходе перестройки его оживили для поставки кадров искусственно создаваемой буржуазии, повязанной круговой порукой преступлений. Но важно было и создание совершенно нового культурного стереотипа. Без духовного оправдания авторитетом искусства никакие социальные трудности не привели бы к тому взрыву преступности, который мы пережили в 90-е годы XX в.

Еще предстоит исследовать процесс собирания особого, небывалого союза: уголовного мира, власти (номенклатуры) и либеральной части интеллигенции — той ударной силы, которая сокрушила СССР. Такой союз состоялся, и преступный мир являлся в нем активной, сплоченной и опытной в грязных делах силой. И речь идет не о личностях, а о крупной социальной группе.

Умудренный жизнью человек, прошедший к тому же через десятилетнее заключение в советских тюрьмах и лагерях, В.В. Шульгин написал в своей книге-исповеди «Опыт Ленина» (1958) такие слова: «Из своего тюремного опыта я вынес заключение, что “воры” (так бандиты сами себя называют) — это партия, не партия, но некий организованный союз или даже сословие. Для них характерно, что они не только не стыдятся своего звания “воров”, а очень им гордятся. И с презрением они смотрят на остальных людей, не воров... Это опасные люди; в некоторых смыслах они люди отборные. Не всякий может быть вором!

Существование этой силы, враждебной всякой власти и всякому созиданию, для меня несомненно. От меня ускользает ее удельный вес, но представляется она мне иногда грозной. Мне кажется, что где дрогнет, при каких-нибудь обстоятельствах, Аппарат принуждения, там сейчас же жизнью овладеют бандиты. Ведь они единственные, кто объединены, остальные, как песок, разрознены. И можно себе представить, что наделают эти объединенные "воры", пока честные объединяются» [196].

Фундаментальная ошибка честных антисоветчиков заключается в том, что они, встав под знамя этого тройственного союза, совершенно безосновательно полагали, что, сломав советскую политическую надстройку, они попадут в демократическое либеральное общество. Попали под теневую власть бандитов. История советского строя показала, что можно в рамках солидарного общества загнать бандитов в катакомбы и постепенно выгрызть у них почву. Эта борьба шла с переменным успехом, но в целом неуклонно, пока либеральная интеллигенция не заключила с «братками» исторический блок.

По мере внедрения в сознание достаточной части активного населения антисоветских и антигосударственных стереотипов проводились радикальные изменения структуры управления, ослабляющие государство. Так, под лозунгом перехода к «экономическим методам управления» и полному хозрасчету предприятий было проведено радикальное изменение всей структуры управления: за один год в отраслях было полностью ликвидировано среднее звено управления с переходом к двухзвенной системе «министерство—завод». В центральных органах управления СССР и республик было сокращено 593 тыс. работников, из них только в Москве 81 тыс. На 40% было сокращено число структурных подразделений центрального аппарата. Прямым результатом этой акции было разрушение информационной системы народного хозяйства.

Поскольку компьютерной сети накопления, хранения и распространения информации в СССР еще не было создано, опытные кадры с их документацией были главными элементами системы. Когда эти люди были уволены, а их тетради и картотеки свалены в кладовки, потоки информации оказались блокированными. Это стало одной из важных причин разрухи. Фактически начиная с осени 1986 г. центральный аппарат управления хозяйством стал недееспособен.

Через так называемую конституционную реформу была изменена структура верховных органов власти и избирательная система, учрежден новый высший законодательный орган — Съезд народных депутатов СССР, который собирался один раз в год. Он избирал из своего состава Верховный Совет СССР, Председателя и первого заместителя Председателя ВС СССР.

Треть мандатов имели общесоюзные общественные организации (КПСС, профсоюзы, ВЛКСМ и т.д.). Это давало руководству КПСС гарантированное большинство, так как подбор персонального состава кандидатов находился под контролем партийных органов. В округах на каждый мандат депутата пришлось по 230,4 тыс. избирателей, а в «общественных организациях» — по 21,6 избирателя (в десять с лишним тысяч раз меньше!). На выборах не соблюдался и принцип «один человек — один голос», некоторые категории граждан могли законно голосовать десятков раз.

Верховный Совет СССР создавался как постоянно действующий законодательный и распорядительный орган. Он был первым за советское время, среди депутатов которого практически не было рабочих и крестьян, подавляющее большинство его членов составляли ученые, журналисты и работники управления.

В марте 1990 г. вместо обычного для советской системы «коллегиального главы государства» (Президиума ВС СССР) был учрежден пост президента с очень большими полномочиями. «В порядке исключения» он был избран народными депутатами СССР (в 1990 г. уже нельзя было надеяться, что М.С.Горбачев будет избран на прямых выборах).

Важные изменения проходили не столько в структуре, сколько в *процессе* принятия государственных решений, которые определяли место того или иного института в государстве. Так, например, военное руководство было отстранено от участия в решении важнейших военно-политических вопросов.

В 1988 г. появились первые массовые политические организации с антисоветскими и антисоюзными платформами — «Народные фронты» в республиках Прибалтики. Они возникли при поддержке руководства ЦК КПСС и быстро перешли к лозунгам сначала экономического, а потом и политического сепаратизма. Антисоветская оппозиция на I съезде народных депутатов организационно оформилась как Межрегиональная депутатская группа, программа которой была изложена в сентябре 1989 г.

МДГ сразу стала использовать «антиимперскую» риторику и вступила в союз с лидерами сепаратистов. Два главных требования МДГ сыграли большую роль в дальнейшем процессе: отмена 6-й статьи Конституции СССР (о «руководящей роли КПСС») и легализация забастовок. Был также выдвинут лозунг «Вся власть Советам!» как средство подрыва гегемонии КПСС (впоследствии Советы были объявлены прибежищем партократов и стали ликвидироваться). Перед открытием съезда 12 декабря 1989 г. МДГ обратилась с призывом ко всеобщей политической забастовке в поддержку требований об отмене 6-й статьи.

На III Съезд сама КПСС внесла «в порядке законодательной инициативы» проект «Закона СССР об изменениях и дополнениях Конституции СССР по вопросам политической системы (ст. 6 и 7 Конституции СССР)». Правовая основа, на которую опиралась руководящая роль КПСС, была устранена, что вынуло стержень из всей политической системы государства. Президент СССР вышел из-под контроля партии. Ее Политбюро и ЦК были сразу практически отстранены от участия в выработке решений. Упразднение в 1989 г. номенклатуры вместе с лишением КПСС правовых оснований для влияния на кадровую политику освободило от контроля партии республиканские и местные элиты. Государственный аппарат превратился в сложный конгломерат сотрудничающих или противоборствующих групп и кланов.

Легализация забастовок дала мощное средство шантажа союзной власти и поддержки политических требований антисоветской оппозиции — лидеры МДГ прямо призывали шахтеров Кузбасса бастовать, и эти забастовки сыграли большую роль в подрыве государства.

Большое разрушительное значение для армии имело утверждение приоритета демократических идеалов перед воинской дисциплиной (в 1991 г. интенсивно внедрялась мысль, что солдат не должен выполнять приказы, идущие вразрез с «общечеловеческими ценностями», — такие заявления вынуждены были делать даже высшие должностные лица Министерства обороны). Так велся подрыв монополии государства на насилие, вследствие чего началась *криминализация насилия*, стирание грани между насилием легитимным и преступным. Нарастали требования о прохождении службы призывниками только в своих республиках — подготовка к расчленению Советской армии по национальному признаку.

В январе 1990 г. было создано радикальное движение «Демократическая Россия» («демократы»), которое положило в основу своей идеологии *антикоммунизм*. Другим типом антисоветских движений были возникающие националистические организации, которые готовили почву для конфликта как с союзным центром, так и с национальными меньшинствами внутри республик.

Консервативная оппозиция ни в органах власти, ни в КПСС организовать не смогла. Те народные депутаты, которые были не согласны с изменениями («агрессивно-послушное большинство»), образовали рыхлую группу «Союз». Она, однако, не выработала ни платформы, ни программы действий, выражалась туманными намеками. Воспитанные в советской системе люди не могли перейти психологический барьер и открыто выступить против руководства КПСС.

С первых лет перестройки велась жесткая идеологическая кампания против КГБ, МВД и армии как систем, обеспечивающих безопасность государства и общественного строя. Считая их личный состав наиболее консервативной частью советского государства, идеологи перестройки стремились организационно и психологически разоружить эти структуры. Велась работа по разрушению положительного образа всех вооруженных сил в общественном сознании и по подрыву самоуважения офицерского корпуса.

Были спровоцированы (с участием преступного мира и западных спецслужб) очаги насилия под этническими лозунгами. Во время всплеск насилия в Ферганской долине, Сумгаите, Нагорном Карабахе армия и правоохранительные органы сначала делали попытки пресечь действия провокаторов и преступников — и тут же из Москвы поступала команда отступить: «Нельзя применять силу против своего народа!». Насилие вспыхивало с удвоенной силой, а государство, не выполнив своей обязанности, теряло авторитет. При этом в Москве проводились демонстрации против «преступных действий военщины».

А.А. Собчак писал: «За десятилетия сталинизма глубоко укоренились в нашем общественном сознании антигуманные представления о безусловном приоритете ложно понимаемых государственных интересов над общечеловеческими ценностями... Необходим общий законодательный запрет на использование

армии для разрешения внутривнутриполитических, этнических и территориальных конфликтов и столкновений».

Одной из крупных провокаций против армии стали события в Тбилиси 9 апреля 1989 г., их расследование депутатской комиссией под председательством А.А. Собчака и обсуждение его доклада на I Съезде народных депутатов. Этой теме посвящена большая документальная и аналитическая литература. В ходе этой операции и была сформулирована концепция *преступных приказов* и преступных действий военнослужащих, которые выполняют эти приказы. К созданию этой концепции были привлечены очень большие политические силы, действия которых в нормальной ситуации следовало бы считать противозаконными. Например, СМИ широко транслировали «доклад Собчака», но не было опубликовано заключение Главной военной прокуратуры, которая проводила расследование тех событий по своей линии.

Так, «комиссия Собчака» сделала ложные выводы о том, что причинами смерти погибших при разгоне митинга людей были ранения, нанесенные саперными лопатками, и воздействие отравляющих веществ. Следствие опровергло эти выводы на основании экспертизы внутренних органов и одежды погибших¹. В проведении экспертизы участвовали эксперты ООН.

Был нанесен тяжелый удар по **национально-государственному устройству** СССР. Общественная собственность была экономической основой и условием Союза (качества союз, советский и социалистический были взаимно обусловлены). Приватизация промышленности была невозможна без разделения Союза, и наоборот, раздел общего достояния сразу должен был создать межнациональные противоречия.

В СССР даже в период становления сплоченных национальных элит (70-е годы XX в.) не было еще реальных националистических движений, так как в главной сфере хозяйства, материальном производстве, межэтнической конкуренции не существовало. Но она уже была в сфере распределения, управления и интеллектуальной деятельности, и как только был деклариро-

¹ По данным следствия, не было ни ранений саперными лопатками, ни воздействия ОВ. 18 человек погибли в давке, один «погиб от сильного удара о плоский предмет. Этот боевик-каратист намеревался в прыжке обеими ногами пробить цепь солдат. Но цепь расступилась, и нападавший упал, получив смертельное ранение головы». Доклад следствия не был доведен до сведения общественности, и до сих пор источником массовой информации остается «доклад Собчака».

ван «переход к рынку» и возникла перспектива приватизации, республиканские элиты в короткие сроки создали националистическую идеологию и внедрили ее в сознание соплеменников. В этом они получили поддержку влиятельных идеологов перестройки в центре.

Модель развития сепаратизма слегка видоизменялась в соответствии с условиями той или иной республики. Например, в Грузии националисты сначала обострили конфликт с абхазами и организовали, совместно с Центром, трагические события в Тбилиси в апреле 1989 г. (при разгоне митинга армией погибли 19 человек). После этого все движения в Грузии, включая коммунистов, стали требовать независимости, а президентом был избран крайний радикал З. Гамсахурдия. Идея демократии была прямо ассоциирована с национализмом. Это сразу многократно увеличило угрозу для СССР, так как сепаратизм соединился с подрывом государства изнутри.

Показательно, что демократы поддерживали лишь национализм *антисоветский* и *антирусский*. Напротив, испытывая угрозу со стороны этнократических движений, национальные меньшинства республик, видевшие защитника в лице СССР и России (осетины и абхазы, гагаузы, каракалпаки и др.), проявили «оборонительный» русофильский национализм, который оценивался демократами негативно.

Народные фронты в Прибалтике, созданные в 1988 г. под прикрытием республиканских компартий «в поддержку перестройки», в 1989 г. перешли на открыто антисоветские позиции сепаратизма. Затем компартии были расколоты или фактически ликвидированы.

В мае 1989 г. Балтийская ассамблея заявила, что нахождение Латвии, Литвы и Эстонии в составе СССР не имеет правового основания. Важным этапом в развитии этой линии были слушания на II Съезде народных депутатов СССР (январь 1990 г.) по вопросу об оценке пакта Молотова—Риббентропа по результатам работы специальной парламентской комиссии под руководством А.Н. Яковлева. «Прибалтийская модель» задала культурную и идеологическую матрицу для националистических движений в других республиках СССР. Анализ программ и действий всех главных сепаратистских движений показывает, что все три их главные идеологии — демократия, национализм и исланизм — на деле являлись идеологическими масками местных партийно-

государственных элит, которыми прикрывались чисто прагматические цели раздела государства и его собственности.

Почти во всех республиках были организованы инциденты с кровопролитием на национальной почве, в которые часто вовлекали Советскую армию. Единственной республикой, где национализм ни в один из моментов не стал доминирующей идеологической тенденцией, была Белоруссия.

В Москве и особенно в верховных органах власти идеологи перестройки выдвинули идею освобождения нерусских народов от «колониального господства» и их политического самоопределения. Г.В. Старовойтова, главный в то время эксперт демократов по национальному вопросу, заявляла, что нации есть основа гражданского общества и их самоопределение приоритетно («выше идеи государственного суверенитета»). Духом времени прониклись и так называемые марксисты (газета «Правда» писала о верховенстве прав наций, включая право на неограниченный суверенитет).

Положение резко изменилось после выборов народных депутатов РСФСР в 1990 г., на которых победили радикальные демократы. С этого момента высший орган власти республики — ядра СССР — оказал безоговорочную поддержку всем актам суверенизации союзных республик. В 1990 г. РСФСР заключила двусторонние договоры с Украиной, Казахстаном, Белоруссией, Молдавией и Латвией. Экономического значения они не имели, их смысл был в том, что впервые республики демонстративно выступили как суверенные государства.

В феврале 1990 г. Верховный Совет СССР принял «Основы законодательства Союза ССР и Союзных республик о земле». Если по Конституции 1977 г. земля и ее недра были определены как собственность всего *народа*, то теперь земля была признана достоянием *народов*, проживающих на данной территории. Это был очень важный первый шаг к разделению общенародной собственности.

В июне 1990 г. I Съезд народных депутатов РСФСР принял *Декларацию о суверенитете*. Она объявляла о разделе общенародного достояния СССР и верховенстве республиканских законов над законами СССР. Это был первый правовой акт, означавший начало ликвидации Союза. В октябре 1990 г. принимается Закон РСФСР «О действии актов Союза ССР на территории РСФСР», устанавливающий **наказание** для граждан и должност-

ных лиц, исполняющих союзные законы, не ратифицированные ВС РСФСР (беспрецедентный в юридической практике акт). Затем был принят Закон «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР», который перевел предприятия союзного подчинения под юрисдикцию РСФСР. Закон о бюджете на 1991 г. вводил одноканальную систему налогообложения, лишая союзный центр собственных финансовых источников.

Вслед за РСФСР Декларации о суверенитете приняли союзные и некоторые автономные республики. Они содержали официальную установку на создание *этнических* государств, т.е. на законодательное оформление отказа от государства советского типа (*«республики трудящихся»*).

Появились проекты создать вместо СССР конфедерацию с разными названиями: «Сообщество», «Содружество» и др. В декабре 1990 г. на IV Съезде народных депутатов СССР поименным голосованием было принято решение о сохранении федеративного государства с сохранением его названия — Союза Советских Социалистических Республик.

Президент СССР, вопреки мнению депутатов группы «Союз» и экспертов ЦК КПСС по национальному вопросу, вынес весной 1991 г. на референдум вопрос о сохранении СССР. Сама формула референдума включала в себя сразу несколько вопросов и допускала разные толкования их смысла; референдум был объявлен общесоюзным, но итоги голосования должны были подводиться по каждой республике в отдельности. «Демократическая Россия» обратилась с призывом ответить «нет» на референдуме. В официальной «Российской газете» 15 марта 1991 г. даже помещен плакат, на котором РСФСР на карте СССР изображена за тюремной решеткой.

В референдуме приняло участие 80% избирателей СССР, власти Латвии, Литвы, Эстонии, Грузии, Молдавии и Армении отказались от его проведения, и там он проходил по инициативе отдельных местных Советов и трудовых коллективов (в Латвии к урнам пришло свыше 500 тыс. человек, в Литве более 600 тыс., в Молдавии более 800 тыс., в Грузии 45 тыс. и в Армении 5 тыс.). 76,4% участвовавших в голосовании высказались за сохранение СССР. Никакого влияния на политический процесс это не оказало, власти и провластные политические движения результат референдума просто игнорировали. В Москве более половины проголосовали против сохранения СССР. Главным результа-

том референдума было то, что он узаконил саму *возможность* роспуска СССР, который в массовом сознании был до этого незыблемым символом.

На этом фоне велась разработка нового Союзного договора для переустройства СССР. Идея эта возникла еще в 1989 г., в мае 1990 г. был готов первый вариант, и текст его начал переиначиваться в попытке удовлетворить всех участников, со сдвигом в сторону конфедерации. 17 июня М.С. Горбачев подписал, а 18 июня направил в ВС СССР и ВС республик проект «Договора о Союзе суверенных государств». После ряда изменений последний вариант обсуждался в Ново-Огареве 23 июля 1991 г. По мнению трех групп экспертов, договор означал не только отход от принципов федеративного государства, но создание даже и не конфедерации, а «клуба государств». Новый текст Договора не был передан Верховным Советам и не публиковался до 15 августа 1991 г.

Подписание нового Союзного договора не состоялось из-за произошедшего 19—21 августа 1991 г. в Москве «государственного переворота».

События 19—21 августа 1991 г. и ликвидация СССР. Летом 1991 г. события ускорились. В июне прошли выборы первого президента РСФСР, им был избран Б.Н. Ельцин (он получил голоса 43% избирателей). В ВС СССР премьер-министр В. Павлов потребовал чрезвычайных полномочий, а министры обороны, внутренних дел и председатель КГБ на «закрытом» заседании поставили, по сути, вопрос о введении чрезвычайного положения.

В июле собрался пленум ЦК КПСС, на котором после резких выступлений М. Горбачева обязали представить отчетный доклад на съезде КПСС осенью того же года. А.Н. Яковлев сказал о том пленуме: «Я думаю, они с ним расправятся на съезде. Причем больно расправятся, безжалостно. Если он не упредит их». 2 июля произошел формальный раскол КПСС — в ней было учреждено «Движение демократических реформ» по главе с А.Н. Яковлевым и Э.А. Шеварднадзе, которые опубликовали заявление в крайне антигосударственном духе. М.С. Горбачев поддержал это движение, аргументировав свою позицию тем, что «оно направлено на достижение согласия, единства».

Утром 19 августа 1991 г. радио сообщило, что М.С. Горбачев, находящийся в отпуске в Крыму, по состоянию здоровья не

может исполнять обязанности президента и руководство СССР осуществляет Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), который временно берет на себя всю полноту власти. В Москву «для охраны общественного порядка» были введены войска и бронетехника.

В состав ГКЧП входили: вице-президент Г.И. Янаев, который исполнял обязанности главы государства во время отпуска М. Горбачева, премьер-министр, министры внутренних дел и обороны, председатель КГБ, член президентского совета по оборонной промышленности и председатели ассоциаций: промышленных предприятий и крестьянской. ГКЧП был поддержан практически всем кабинетом министров, который собрался 19 августа 1991 г. По сути, в «заговоре» участвовала вся «команда Горбачева», за исключением его самого, — вся верхушка государственной власти СССР.

Руководство РСФСР «стало на защиту Конституции и Президента СССР». ЦК КПСС лишь укрепил свою репутацию абсолютно недееспособного органа, заявив, что «не скажет о своем отношении к ГКЧП, пока не узнает, что с его Генеральным секретарем товарищем Горбачевым». Большинство руководителей республик воздержалось от комментариев, сделав вид, что «путч» — внутреннее дело России.

Никаких шагов ГКЧП не предпринимал, определенной точки зрения по конкретным вопросам не высказывал. Ночью 20 августа произошел трагический инцидент: в туннеле на Садовом кольце, по которому следовал патруль на БМП, была устроена баррикада, две машины подожжены, возникла сумятица, в которой погибли трое юношей. По иронии судьбы, именно тому подразделению, что было повинно в смерти трех юношей, было приказано передвинуться от здания МИД на охрану Белого дома, и одни и те же солдаты и офицеры, сами того не зная, были одновременно и «фашистскими убийцами», и «героями, перешедшими на сторону народа». После четырех месяцев следствия по делу о гибели юношей в туннеле уголовное дело прекращено и сделан вывод: экипаж БМП-536 подвергся нападению, оружие было применено законно, т.е., даже если бы солдаты стреляли на поражение, это было бы правомерным.

Утром 21 августа ситуация определилась: с М.С. Горбачевым официально связались по телефону, к нему поехали вице-пре-

зидент России А.В.Руцкой и премьер-министр И.С. Силаев. Они привезли М.С. Горбачева в Москву, а членов ГКЧП арестовали.

Многие обозреватели отмечают совершенно неожиданное, никак не мотивированное и никем не объясненное прекращение «путча». Никакой военной угрозы демократы для «путчистов» не представляли и наступления на них не вели. С другой стороны, никакой эволюции во взглядах самих «путчистов» также не наблюдалось, никаких переговоров, на которых они под давлением постепенно сдавали бы свои позиции, не было.

В Москве М. Горбачев выдвинул версию, согласно которой он был арестован и лишен связи на его даче в Форосе (Крым). При последующем расследовании эта версия подтверждения не получила. 24 августа генеральный директор НПО «Сигнал», которое изготовляло систему связи президента, В. Занин сделал заявление: «Ознакомившись с версией М.С. Горбачева, сделанной письменно в газетах, я утверждаю, что таким образом изолировать Президента СССР от связи невозможно... То есть был случай добровольного невыхода на связь». Самой современной спутниковой связью были оборудованы автомашины М.С. Горбачева, к которым обитатели виллы имели свободный доступ.

Согласно официальной версии, сформулированной Б. Ельциным, а затем даже утвержденной Верховным Советом СССР, в СССР был совершен государственный переворот, организованный группой заговорщиков, которые были признаны преступниками (премьер-министр России И.С. Силаев даже призывал их немедленно расстрелять). Обстановка была такова, что никого не волновали неувязки с правом: политики, подменяя суд, уже не только дали событиям юридическую квалификацию, но и вынесли приговор. Члены ГКЧП до суда и даже до следствия были признаны преступниками. В целом весь политический процесс 1991 г. находился в полном противоречии с правом. Один из обвиняемых по «делу ГКЧП», командующий сухопутными войсками генерал армии В.И. Варенников, отказался от амнистии и на суде был признан невиновным «ввиду отсутствия состава преступления».

В акцию ГКЧП не были вовлечены никакие организованные общественные политические силы. Высший оперативный орган КПСС (Политбюро) никакой деятельности в этот период не вел и документов не принимал. 20 августа в Москве находилось примерно две трети членов ЦК, однако секретариат от проведения пленума отказался. Дела, возбужденные после августа против

областных организаций КПСС, а также против ряда членов Политбюро и секретарей ЦК КПСС, были закрыты ввиду полной непричастности этих организаций к событиям в Москве. Депутатская группа «Союз», которая требовала снятия президента и введения чрезвычайного положения, также оказалась вне «путча». Более того, председатель группы Н. Блохин заявил, что осуждает действия ГКЧП.

КГБ, якобы специально предназначенный для подобных операций, ничего не знал (вплоть до самых высших уровней командования) о планах «переворота» и не участвовал в нем. Московский, весьма консервативный, ОМОН получил 19 августа приказ «О мерах по усилению общественного порядка и безопасности в условиях чрезвычайного положения», а затем ОМОН был разоружен, склады с оружием опечатаны.

Не было также никаких массовых выступлений в поддержку ГКЧП или против него (в Москве, несмотря на призывы Б. Ельцина и мэра Г. Попова, не забастовало ни одно предприятие, кроме биржи). Эти события подтвердили, что все политические конфликты перестройки представляли собой борьбу между узкими группировками при полном безразличии и бездействии подавляющего большинства населения страны.

После августа 1991 г. прошел первый этап революционного перераспределения собственности. Была во внесудебном порядке лишена всей собственности КПСС и предприняты многочисленные попытки захвата собственности общественных организаций, вузов, редакций газет и т.п. Некоторые из таких случаев получили широкую огласку — вроде осады здания Союза писателей СССР (его отстояли собравшиеся там писатели).

В первые дни эйфории после «ликвидации путча» видный публицист А. Бовин сказал, перефразируя Вольтера: «Если бы этого путча не было, его следовало бы выдумать!». М.С. Горбачев также выразил удовлетворение: «Все завалы с нашего пути сметены!».

Важнейшим результатом «августовской революции» было запрещение во внесудебном порядке КПСС и компартии РСФСР, а также ряда просоветских общественных организаций. М.С. Горбачев обратился к партии с призывом к самороспуску (к разработке М.С. Горбачевым определявших судьбу КПСС документов не были привлечены не только члены ЦК, но и секретари ЦК КПСС; все делали лично приближенные к генсеку лица).

Пресса и демократические идеологи после августа вели активную кампанию на «добивание» Центра (ставился уже вопрос и о расчленении РСФСР). Антиэтатизм достиг особого накала, многие видные деятели клялись, что они всю жизнь боролись «с государственным монстром». Министр здравоохранения РСФСР В. Калинин предписал всем облздравам и горздравам: «Категорически запрещаю исполнение каких-либо приказов и распоряжений Минздрава СССР, а также контакт с их (?) функционерами». Во время «путча» печать представила армию как институт «фашистских убийц», а генералитет — как коллективного врага народа. Потом было официально установлено, что 19—21 августа 1991 г. не было издано ни одного приказа командования, направленного против каких-то политических сил, а со стороны солдат и младших командиров не было ни одного случая агрессии или даже угрозы агрессии. Американский политолог А. Янов в лекции в Институте философии АН СССР сказал, что «августовская победа почти целиком исполнила функцию оккупационных властей».

Демонтаж всей системы государственной власти СССР был после этого лишь делом техники. На открывшемся 2 сентября 1991 г. V Съезде народных депутатов СССР ему даже не разрешили следовать повестке дня. Н.А. Назарбаев зачитал «Заявление Президента СССР и высших руководителей союзных республик», которое было ультиматумом с требованием самороспуска. Съезд был ликвидирован, а Верховный Совет СССР полностью деморализован. 14 сентября созданный новый орган — Государственный Совет СССР — принял решение об упразднении большинства министерств и ведомств СССР.

Б. Ельцин с трибуны 5-го Съезда народных депутатов РСФСР в октябре 1991 г. объявил: «Период движения мелкими шагами завершен. Поле для реформ разминировано... Мы переходим, наконец, к новому экономическому курсу... Хуже будет всем примерно полгода, затем — снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами. А к осени 1992 г., как я обещал перед выборами, — стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей... В ближайшее время начнется форсированное развитие мощного частного сектора в российской экономике... Вопросы приватизации конкретного объекта должны решаться в течение не более пяти дней» [31].

Эти обещания Б. Ельцина («хуже будет всем примерно полгода») — блеф, на который уже мало кто обратил внимание, но

повлиять на события население не могло¹. Под ворохом словесной шелухи о сокращении управленческого аппарата, «бесплатных обедах, доступу к дешевым товарам для слабого и неимущего, создании сети благотворительных столовых и ночных пансионатов» вскользь было сказано главное: «С 1 ноября Россия прекращает финансировать союзные министерства и другие учреждения центра... Мы прекращаем перечисление средств в союзный стабилизационный фонд». Это и было кардинальным решением о роспуске СССР — его задушили костлявой рукой Центрального банка РСФСР.

Удалось, однако, реанимировать подготовку Союзного договора («Ново-Огарево-II»), теперь всего лишь с созданием *конфедерации*. 1 сентября 1991 г. руководители 10 республик выразили готовность подписать договор (РСФСР, Украина, Беларусь, Казахстан, Азербайджан, Кыргызстан, Таджикистан, Армения, Туркменистан, Узбекистан). 25 ноября проект был окончательно согласован, а 27 ноября опубликован. Он должен был быть подписан в декабре. М.С. Горбачев продолжал с оптимизмом определять свою «однозначную позицию»: «Я за новый Союз, Союз Суверенных Государств — конфедеративное демократическое государство». Абсурдность формулы «конфедеративное государство» никого уже не трогала.

Б. Ельцин, Л. Кравчук и С. Шушкевич в местечке Беловежская Пуща, под Минском, 8 декабря 1991 г. тайно подписали соглашение о ликвидации СССР («с целью сохранения единства»). В их заявлении сказано, что СССР «как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование», прекращалась и деятельность органов СССР. Среднеазиатские республики, Казахстан и Армения выразили свое неодобрение, но было поздно.

История государства Союза Советских Социалистических Республик завершилась.

¹ Умиляет только обещание, что «хуже будет всем», в том числе тем, кто получает заводы, пароходства и авиакомпании «в течение не более пяти дней».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Какие главные задачи, важные для судьбы России, смог решить советский строй («русский коммунизм»)? Что из этих решений необратимо, а в чем 90-е годы XX в. пресекли этот корень? Что из советских разработок будет использовано в будущем? Главное видится так.

— Большевизм преодолел цивилизационную раздвоенность России, соединил «западников и славянофилов». Это произошло в советском проекте, где удалось произвести синтез космического чувства русских крестьян с идеалами Просвещения и прогресса. Это исключительно сложная задача, и сегодня, разбирая ее суть, поражаешься тому, как это удалось сделать. Японцам это было сделать гораздо проще, а уже Китай очень многое почерпнул из опыта большевиков.

Если брать шире, то большевики выдвинули большой проект модернизации России, но, в отличие от Петра I и П.А. Столыпина, не в конфронтации с традиционной Россией, а с опорой на ее главные культурные ресурсы. Прежде всего, на культурные ресурсы русской общины, как это предвидели народники. Этот проект был в главных своих чертах реализован в виде индустриализации, модернизации деревни, культурной революции и создания специфической системы народного образования, своеобразной научной системы и армии. Тем «подкожным жиром», который был накоплен в этом проекте, мы питаемся до сих пор. А главное, будем питаться и в будущем (если ума хватит). Пока что другого источника не просматривается (нефть и газ — из того же «жира»).

— Второе, чего смогли добиться большевики своим синтезом, — это на целый исторический период нейтрализовать западную *русофобию* и ослабить накал изнуряющего противостояния с Западом. С 1920 г. по конец 60-х годов XX в. престиж СССР на Западе был очень высок, и это дало России важную передыш-

ку. Россия в облике СССР стала сверхдержавой, а русские — полноправной нацией. О значении этого перелома писали и западные, и русские философы, очень важные уроки извлек из него первый президент Китая Сунь Ятсен и положил их в основу большого проекта, который успешно выполняется.

— Третья задача, которую решили большевики и масштаб которой мы только сейчас начинаем понимать, состоит в том, что они нашли способ «пересобрать» русский народ, а затем и вновь собрать земли «империи» на новой основе как СССР. Способ этот был настолько фундаментальным и новаторским, что приводит современных специалистов по этнологии в восхищение после того, как опыт второй половины XX в. показал, какой мощью обладает взбунтовавшийся этнический национализм.

Но в решении этой задачи еще важнее было снова собрать русских в имперский (теперь «державный») народ. Этот народ упорно «демонтировали» начиная с середины XIX в.: и сама российская элита, перешедшая от «народопоклонства» к «народоненавистничеству», и Запад, справедливо видевший в русском народе «всемирного подпольщика» с мессианской идеей, и западническая российская интеллигенция.

Сборка русского народа была совершена быстро и на высоком уровне качества. Так, что Запад этого не мог и ожидать, — в 1941 г. его нашествие встретил не «колосс на глиняных ногах», а образованная и здоровая молодежь с высоким уровнем самоуважения и ответственности.

Давайте сегодня трезво оглянемся вокруг: видим ли мы после уничтожения русского коммунизма хотя бы зародыш такого типа мышления, духовного устремления и стиля организации, который смог бы, созревая, выполнить задачи тех же масштабов и сложности, что выполнил советский народ в 30—40-е годы XX в., «ведомый» русским коммунизмом? А ведь такие задачи на нас уже накатывают.

— Русский коммунизм сохранил и продолжил развитие российской *государственности*. Он опирался на государственное чувство всех массивных социальных групп России и сумел устранить из своей доктрины представление марксизма о государстве как «паразитическом наросте на теле гражданского общества». Это было очень непростой задачей.

Русский коммунизм доработал ту модель государственности, которая была необходима для России в новых трудных усло-

виях XX в. Основные ее контуры задала та же общинная мысль («Вся власть Советам»), но в этом крестьянском самодержавии было слишком много анархизма, и мириады Советов надо было стянуть в мобильное современное государство. Это было сделано, и это была творческая работа высшего класса.

— Русский коммунизм не допустил *разрыва непрерывности* культурного развития России. В условиях той катастрофы, какой была революция в целом, это было великим, почти невероятным достижением. Достаточная для обеспечения преемственности часть ученых, инженеров, управленцев, военных и гуманитарной интеллигенции включилась в советское строительство и не была отторгнута революционной массой. Культура как национальное достояние была перенесена в советское общество и государство и стала базой для модернизации и развития. Насколько это непростое дело, мы видим сегодня, когда «рыночная революция» сознательно оборвала связь с культурой России советского периода.

— Советское государство и общество спроектировали и построили большие технико-социальные системы жизнеустройства России, которые позволили ей вырваться из исторической ловушки периферийного капитализма начала XX в., стать индустриальной и научной державой и в исторически короткий срок подтянуть тип быта всего населения к современному уровню развитых стран. Мы не понимали масштабов и сложности этой задачи, потому что жили «внутри нее», — как не думаем о воздухе, которым дышим (пока нас не взяла за горло чья-то мерзкая рука).

На деле большие системы «советского типа» — замечательное творческое достижение. Достаточно упомянуть такие создания, как советская школа и наука, советское здравоохранение и Советская армия, советское промышленное предприятие с его трудовым коллективом и советская колхозная деревня, советское теплоснабжение и Единая энергетическая система.

Суть *плана* в советском хозяйстве была вульгаризирована в идеологии перестройки. План — это не подсчет винтиков и пиджаков. Это способ согласования интересов, похожий на то, как согласовывают интересы в семейном хозяйстве. Отличие плана от рынка в том, что при рынке ресурсы *обмениваются* и *покупаются*, а при плане они *соединяются*. После Великой Отечественной войны смогли за три года восстановить промышлен-

ность, потому что ресурсы не продавались и не покупались, а соединялись при помощи плана. А купить их никаких денег не хватило бы.

Все мы — наследники русского коммунизма, никакая партия или группа не имеет монополии на его явное и тайное знание. И все же, антисоветизм и антикоммунизм отвращают от него. Отворачиваться от этого знания глупо.

Для советского строя, который складывался на матрице крестьянского общинного коммунизма, был характерен высокий уровень уравнительности, прежде всего выражавшийся в искоренении безработицы («право на труд»), в доступе к главным социальным благам (жилье, образование и здравоохранение) и в ценообразовании. К. Маркс называл это «казарменным коммунизмом», а в перестройке назвали «казарменным социализмом».

С 60-х годов XX в., в условиях спокойной и все более зажиточной жизни, в умах заметной части горожан начался отход от жесткой идеи коммунизма в сторону социал-демократии. Это явно наблюдалось в среде интеллигенции и управленцев, понемногу захватывая и квалифицированных рабочих. Для такого сдвига были объективные причины. Главная — глубокая модернизация России, переход к городскому образу жизни и быта, к новым способам общения, европейское образование, раскрытие Западу. Идеологическая машина КПСС не позволила людям увидеть этот сдвиг и поразмыслить, к чему он ведет, найти альтернативы.

Какие критически важные задачи *не решили* советское общество и государство? Критическими будем считать задачи, неудача в решении которых привела к развитию кризиса вплоть до порога, за которым начался распад государства и общества. Другими словами, речь идет о кризисе, который завершился ликвидацией СССР и сменой политического и общественного строя. Эти нерешенные задачи наглядно вскрылись уже в ходе кризиса и осмысления катастрофы 90-х годов XX в. Все они остаются актуальными и для постсоветской России.

Упорядочим этот перечень соответственно общности (системности) воздействия того фактора, который следовало тщательно контролировать, но это не удалось. Назовем эти *нерешенные задачи*, выделяя их курсивом.

— *Не удалось обеспечить необходимый и достаточный уровень самоосознания быстро развивающегося советского общества.*

На начальном этапе самоидентификация советского общества происходила в рамках понятий «общинного крестьянского коммунизма», прикрытого «тонкой пленкой» марксизма. Эффективность этого языка усиливалась состоянием и поведением *значимого иного*, которым служил Запад как инкарнация мирового капитализма. От Запада исходил тот *исторический вызов*, ответом на который и была советская революция. Более того, этот вызов приобретал и форму военной угрозы в Гражданской войне, а затем и в осознаваемой назревающей войне, которая поднялась на уровень Отечественной.

На втором этапе, уже в процессе выхода из мобилизационного состояния, общество изменилось настолько, что прежние формулы стали явно недостаточны, чтобы описать «самое себя». Появились диссиденты (в широком смысле слова), но диалога с ними не возникло. Структуры самосознания начали выхолащиваться, разногласия — углубляться. Мы перестали «знать общество, в котором живем». Это тяжелая болезнь.

В 70-е годы уже было смутное чувство, а в 90-е годы XX в. стало понятно, что советский строй не создал непрерывно действующего и обновляющегося механизма самоосознания общества и гражданина. Требуется срочный инженерный анализ этого дефекта.

— *Не удалось проводить регулярную модернизацию мировоззренческой матрицы советского общества в соответствии с изменениями картины мира и антропологией советского человека.*

Революция, форсированная индустриализация и тотальная война предопределили *чрезвычайный* темп изменений советского человека, общества и массовой культуры. Государство и его «инженеры человеческих душ» после войны перестали понимать смысл и темп этих изменений и начали «отставать» от них. В «духовном окормлении» общества возник провал, который не был закрыт. Это привело к разрыву важных коммуникаций между государством и обществом. Часть сигналов, посылаемых обществу на языке официальной идеологии, перестала восприниматься. Для идеократического государства это создавало большие угрозы. Мировоззренческая матрица, на которой было

собрано и консолидировано общество, стала разрыхляться, а во многих своих частях хаотизироваться.

Это привело к тому, что стали терять эффективность созданные ранее инструменты и механизмы воспроизводства культурной гегемонии советского строя. Ни отремонтировать, ни обновить эти инструменты и механизмы государство и его интеллектуальные службы не смогли.

— *Не удалось выработать дееспособную рациональную модель СССР как этнической системы в ее динамике и на этой основе выработать собственную доктрину нациестроительства — сплочения советского народа в полиэтническую гражданскую нацию и развития системы общежития народов.*

Благоприятный момент для обновления национально-государственной модели, которое предотвратило бы возрождение этнического национализма элит, наступил после Великой Отечественной войны, но тогда государство было вовлечено в борьбу с культом личности Сталина.

Как только со сцены стали сходить старшие поколения, решавшие задачи в сфере этничности на основе опыта и неявного знания, обнаружилось это слабое место советской системы. Была мобилизована политизированная этничность местных элит, а к середине 80-х годов XX в. были созданы очаги «бунтующей этничности». Советское государство уже не обладало ни памятью, ни знанием, чтобы справиться с этой враждебной ему силой. Более того, антисоветская часть номенклатуры даже использовала ее как таран для ликвидации советского строя. В постсоветской России положение не выправляется.

— *Не удалось выработать собственную (а не копирующую Запад) доктрину и социальные механизмы расширения и развития системы потребностей советского человека.*

Эту задачу требовалось решить как обязательное условие выхода из мобилизационного состояния и модернизации общества и государства. Она решалась медленно и на низком уровне знания и понимания. Результатом стал то острый, то вялотекущий «конфликт поколений», нарастание недоброжелательно-инакомыслия и ослабление легитимности советского строя. Этот процесс завершился «ускользанием национальной почвы из-под производства потребностей» (Маркс), что стало важным фактором краха СССР.

В постсоветской России эта проблема быстро усугубляется, приобретая характер фундаментальной угрозы.

— *Не удалось разработать концепцию советской демократии как дееспособного развивающегося механизма.*

Советский строй вырастал из традиционного сословного общества. С самого начала и «разработчики» советского проекта, и практики советского строительства предвидели угрозу возрождения в новых формах многих сторон *сословности*. Противодействовать этому могла только демократия, отвечающая антропологии и культуре советского общества. Она и развивалась на восходящей ветви революции, но не было создано концептуальной («теоретической») основы, которая позволила бы выстраивать институты демократии сознательно и планомерно. Произошла, по выражению М. Вебера, «институционализация харизмы» — бюрократизация и укрепление сословных барьеров уже в советском обществе. Это проявилось прежде всего в номенклатуре и элите всех профессиональных общностей. Те временные структуры, которые создавались для решения срочных чрезвычайных задач (например, номенклатурная система в кадровой политике), сравнительно быстро перерождались и укоренялись. Механизма их оздоровления и обновления выработать не удалось. В постсоветской России эта проблема усугубилась.

— *Руководству КПСС и элите советской гуманитарной интеллигенции не удалось объяснить с западными левыми и предотвратить их сдвиг к антисоветизму.*

Не имея внятной и развитой объяснительной модели советского проекта и советского строя, партийная интеллигенция СССР не смогла рационально представить корни конфликта, назревающего в мировом левом движении, и предотвратить переход еврокоммунистов на антисоветские позиции. Углубление конфликта привело к глубокому кризису культуры левых в целом и краху коммунистического движения как в СССР, так и в обоих «лагерях» холодной войны.

— *Самое главное: советской системе не удалось наладить воспроизводство того культурно-исторического типа, который получил название человек советский (homo sovieticus).*

Это тот культурно-исторический тип, который начал складываться с начала XX в., стал движущей силой советской революции, созрел во время Гражданской войны, индустриализации и Великой Отечественной войны. Он «продержал» Россию в те-

чение почти всего XX в., проявил специфические культурные и социальные качества, но стал слабеть и утрачивать свои позиции в обществе начиная с 60-х годов XX в. Его отступление и вытеснение конкурирующими с ним социокультурными типами и является непосредственной причиной краха советского строя.

Эта проблема остается фундаментальной и для постсоветской России, поскольку доминирующий в настоящее время социокультурный тип обнаружил неспособность быть носителем цивилизационных качеств России и обеспечивать жизнеспособность страны.

Кризис, который переживает Россия, — эпизод русской революции. Ее заряд не был исчерпан в первой трети XX в. и вырвался наружу в перестройке. На арену вышли духовные «внучата» прежних акторов с прежними проектами, вплоть до столыпинской реформы. Такая их живучесть свидетельствует о том, что советское общество было *традиционным*. Оно сохранило почти все множество «малых народов», групп и сословий, а классовое гражданское общество сплавило бы их в своем тигле.

Новым важным измерением в этой структурной трансформации стала смена поколений. Этот фактор в советском обществоведении и в обыденном сознании недооценивался, а между тем каждое новое поколение — это почти иной народ. Особенно резко отличаются поколения при быстрых изменениях в образе жизни и культуре населения, а именно таково было состояние СССР в послевоенное время.

Подростки и молодежь 70—80-х годов XX в. были поколением, не знавшим ни войны, ни массовых социальных бедствий, а государство говорило с ними на языке «общинного крестьянского коммунизма», которого они не понимали, а потом стали над ним посмеиваться. Возник конфликт поколений, в 1980-е годы переросший в холодную войну. Опереться на общее знание, чтобы вести диалог, не могли. Неявное знание стариков не было переведено на язык новых поколений, а формальное знание общественной науки, даваемое через образование и СМИ, было неадекватно реальности и главных вещей не объясняло.

Положение осложнялось тем, что советское общество находилось под сильным давлением *манипуляции сознанием* со стороны противника в холодной войне. За время после Первой мировой войны общественная наука США вела интенсивные исследования и разработки методов воздействия на массовое

сознание. На основе этих разработок сложились новые технологии информационно-психологической войны. Советское общество и государство не были готовы к противодействию этим технологиям. Не готовы, кстати, и постсоветские общества и государства — не хватает научной базы. Да и не только постсоветские, мы видим, как беззащитны перед этими боевыми средствами, например, арабские страны. Модернизация обществоведения — императив для всех незападных культур.

Какова же социокультурная «карта» постсоветского общества России в свете нашего вопроса? Ведь многие задачи, с которыми не справился СССР, стоят и перед нынешней Россией.

Грубо, эту «карту» надо представить в двух пространствах: в плоскости скрытых, не всегда осознаваемых *чаяний* и в плоскости *расхожих суждений* (идеологических, конъюнктурных, внушенных СМИ). Ортега-и-Гассет писал: «Секрет политики состоит всего-навсего в провозглашении того, *что есть*, где под тем, *что есть*, понимается реальность, существующая в подсознании людей, которая в каждую эпоху, в каждый момент составляет истинное и глубоко проникновенное чаяние какой-либо части общества... В эпохи кризисов расхожие суждения не выражают истинное общественное мнение».

Сведения о такой «карте», если она кем-то составляется, не публикуются. Но, исходя из совокупности отрывочных данных, можно сказать следующее.

Прежде всего, почти очевидны два важных факта: *легкость свержения* советской власти под социал-демократическими и либеральными лозунгами и в то же время *невозможность осуществить* социал-демократические и либеральные реформы.

Первый факт можно объяснить тем, что в ходе урбанизации иссяк ресурс *общинного крестьянского коммунизма*, служивший центральным блоком мировоззренческой матрицы, которая легитимировала советский строй. Подорвать остатки легитимности «сверху», взывая именно к стереотипам советской идеологии (равенство и справедливость), было нетрудно. Для этого с помощью «гласности» были возбуждены *расхожие суждения*.

СССР и его политическая система были ликвидированы, но затем оказалось, что реформа во всех своих главных установках противоречит *чаяниям* большинства. Это большинство, не имея политических средств, чтобы остановить реформу, оказывает ей пассивное «молекулярное» сопротивление. Каков его вектор?

Корни этого сопротивления уходят в *коммунизм*, как это было и сто лет назад. Это резко осложняет всю картину.

И дело не только в социальных установках. Парадоксальным образом и *рыцари реформы* следуют культурным принципам, несовместимым с либерализмом и социал-демократией, независимо от того, какие самоназвания принимают и какие идеологические маски нацепляют. Они исполнены иррационального мессианского чувства, которое было присуще именно большевикам. Конечно, наличие в стране контингента таких людей, да еще гиперактивных, не улучшает шансы на преодоление кризиса, но сильно ухудшает положение социал-демократического направления.

Все это делает положение нынешней России гораздо более сложным и трудным, чем даже в СССР накануне краха. Упрощая, главную идею этой книги можно кратко выразить так: СССР рухнул, потому что православная этика большинства населения, прикрытая «тонкой пленкой европейских идей», исчерпала свой потенциал — требовалась подпитка новыми интеллектуальными и эстетическими инструментами, а эта подпитка была неадекватной по структуре и качеству и недостаточной по интенсивности.

Мощное (почти безумное) наступление на христианскую идею равенства (в карикатурном образе «уравниловки»), начатое в 70-е годы XX в. в интеллигенции и к концу 80-х годов охватившее «широкие народные массы», делегитимировало главные основания советского строя. Но в сравнении с СССР тех лет социальный порядок постсоветской России — это торжествующее безбожное мракобесие.

Размеры социального «дна», т.е. общности совершенно обездоленных, в середине 2000-х годов достигало 15—17 млн. человек, но благополучная половина населения вообще этого не замечала. А кого волновало и волнует безысходное бедствие деревни? Еще в 1989—1990 гг., когда начали выезжать на Запад, нас поражало даже не столько зрелище бездомных и нищих, сколько абсолютное равнодушие благополучных. Но ведь мы сами через 5—7 лет провалились гораздо глубже.

Есть ли надежда, что «заграница нам поможет?» — на это уповают остатки наших «либералов». Эта надежда иллюзорна. Запад переживает глубокую и почти молниеносную дехристианизацию, причем синхронную с похоронами Просвещения. Универсальные ценности и нормы как будто испарились. От граж-

данского общества не осталось и побрякушек, социал-демократы выполняют жестокие неолиберальные программы, двухпартийная система называется «ambi-dextra» — «двоеправая». При падении ВВП на полпроцента, которое при более солидарной организации общества можно было бы преодолеть практически без травм, частный капитал вгоняет в бедствие четверть населения — и при этом резко возрастает число миллиардеров. Сама эта бессмысленная логика наносит культурную травму уже большинству. Запад первым испытал этот кризис — и стал «вымирать» (если бы не питался людьми из «отсталых культур»). Как говорят его мыслители, мир стал «обезбоженным», и всобщая мировоззренческая матрица распалась. Мы продержались еще полвека на советской матрице.

Чему ж мы хотим научиться у западного капитализма? Нам надо стабилизировать собственное сознание, чтобы остаться на плаву, пытаться охватить мысленно всю большую систему этого кризиса, вертеть ее в уме, чтобы найти слабые места. Какой-то одной ниточки, за которую надо потянуть, мы не найдем, надо будет растаскивать этот клубок на много ниточек. И опыт краха СССР для этого очень полезен.

Наше спасение — сдвиг к более солидарному, а не более конкурентному обществу. Надо оживить ушедшую в подсознание культуру солидарности, но придать ей рациональные формы, отвечающие современной очень жесткой реальности. Нам нужен «советский проект» нового поколения, а не «война всех против всех».

Каким может быть проект «нового советского строя»? Уход активного крестьянского коммунизма на подсознательный уровень «архетипов» сильно меняет институциональную матрицу желаемого будущего жизнеустройства. Если смена вектора нынешнего развития произойдет до катастрофы, то можно предвидеть, что будущий строй будет складываться как система с принципиально бóльшим разнообразием, нежели «первый советский строй». Большинство ограничений, которые предопределили тип жизни в старом СССР, утратили свою силу, нет нужды их восстанавливать.

Коммунизм СССР обладал большим потенциалом для прорыва в постиндустриализм посредством «туннельного эффекта» в отличие от социал-демократии, обязанной «исчерпать конструктивный потенциал капитализма». Этот потенциал можно ожи-

вить и быстро провести модернизацию хозяйства и быта, создать эффективную инновационную систему. Нынешний «переходный» тип государства и экономики таких возможностей не имеет.

Политический механизм «перехода» требует для разработки больших усилий, нежели конструирование «образа будущего». Предварительно можно сказать, что надо ожидать возникновения сильной партии, которую можно назвать «социал-демократической на российский манер», совмещающей стереотипы (расхожие суждения) социал-демократии с подсознательными архетипами русского коммунизма. Такие гибриды возможны и эффективно действуют, не вступая в борьбу с устоями национальной культуры. К несчастью, этого не получилось в начале XX в., но вполне может быть достигнуто сейчас. Если бы возникло такое культурное и политическое движение, оно бы завоевало культурную гегемонию, и вокруг него сложился бы исторический блок, способный изменить ход событий.

Литература

1. Авалиани Т. Из истории рабочего движения Кузбасса (к 15-летию шахтерской забастовки 1989 г.). — <http://vorkuta-rkrp.narod.ru/avaliani>
2. Агурский М. Великий еретик (Горький как религиозный мыслитель) / М. Агурский // Вопросы философии. — 1991. — № 8
3. Агурский М. Идеология национал-большевизма / М. Агурский. — М.: Алгоритм, 2003.
4. Адамович А. Мы — шестидесятники / А. Адамович. — М.: Советский писатель, 1991.
5. Амосов Н. Революция у нас или нет? / Н. Амосов // Литературная газета. — 1990. — № 45.
6. Амосов Н.М. Мое мировоззрение / Н.М. Амосов // Вопросы философии. — 1992. — № 6.
7. Антонян Ю.М. Опасные девицы (о несовершеннолетних преступницах) / Ю.М. Антонян, Л.В. Перцова, Л.С. Саблина // СОЦИС. — 199. — № 7.
8. Арбатов Г. «Гайдаризм» — это реакция на свой собственный марксизм // Независимая газета. — 1992. — 13 марта.
9. Бакунин М.А. Кнуто-германская империя и социальная революция / М.А. Бакунин // Философия, социология, политика. — М.: Правда, 1989. — С. 267.
10. Батыгин Г.С. «Социальные ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук // В кн.: Социальные науки в постсоветской России. — М.: Академический проект, 2005.
11. Белинский В.Г. Избранные философские произведения / В.Г. Белинский. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1941. — <http://www.runivers.ru/gal/today.php?ID=160711>
12. Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX век / Р.А. Белоусов. — М.: ИздАТ. 1999.
13. Бердяев Н. О рабстве и свободе человека / Н. Бердяев. — <http://www.vehi.net/berdyayev/rabstvo/index.html>.
14. Бердяев Н. Русская идея / Н. Бердяев // Вопросы философии. — 1990. — № 1.

15. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. — М.: Наука, 1990.

16. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Собр. соч. — Т. 4. — Париж: YMCA-Press, 1990. — http://www.klv.lg.ua/fn_09.html (Издано в России — М.: АСТ, 2006).

17. Боннэр Е. Главным и определяющим будущее страны... // ИСИ РАН. Интервью 16 февраля 1994 г. (Интервьюер Лапина Г.П.).

18. Борисов В.А. Об изменении статуса рабочих на предприятии / В.А. Борисов, И.М. Козина // СОЦИС. — 1994. — №11.

19. Бродель Ф. Игры обмена. Материальная цивилизация, экономика и капитализм / Ф. Бродель. — Т. 2. — М.: Прогресс, 1988.

20. Бродель Ф. Структуры повседневности. Материальная цивилизация, экономика и капитализм / Ф. Бродель. — Т. 1. — М.: Прогресс, 1986.

21. Булгаков С.Н. Христианство и социализм // В кн.: Христианский социализм. — Новосибирск: Наука, 1991.

22. Бурдые П. Оппозиции современной социологии / П. Бурдые // СОЦИС. — 1996. — № 5.

23. Бутенко А.П. Власть народа посредством самого народа / А.П. Бутенко. — М.: Мысль, 1988.

24. Бутенко А.П. Особенности крушения тоталитаризма коммунистических цветов / А.П. Бутенко // Общественные науки и современность. — 1995. — № 5.

25. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990.

26. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста / В.И. Вернадский. — М.: Наука, 1988.

27. Веселовский С.Б. Из старых тетрадей / С.Б. Веселовский. — М.: Аиро-XX, 2004.

28. Видел Ж. Гарвардские мальчики делают Россию // Завтра. — 1998. — № 32. — 11 августа.

29. Волков Ю.Е. Рабочее движение в условиях перехода к экономике смешанного типа / Ю.Е. Волков // СОЦИС. — 1991. — № 12.

30. Вольф Э. Крестьянские восстания // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. — М.: Прогресс, 1992. — С. 300.

31. Выступление Б.Н. Ельцина // Советская Россия. — 1991. — 29 октября.

32. Выступление Е.А. Евтушенко // Правда. — 1989. — 4 июня.

33. Гагарин В.Г. Методы экономического анализа повышения уровня теплозащиты ограждающих конструкций зданий. Ч. 2 // АВОК. — 2009. — № 2.

34. Гайдар Е.Т. Власть и собственность : Смуты и институты. Государство и эволюция / Е.Т. Гайдар. — СПб.: Норма, 2009. — С. 328.

35. Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция / Р.Ш. Ганелин. — СПб.: Наука, 1991.

36. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют / Т.Р. Гарр. — СПб.: Питер. 2005. — С. 274.

37. Гершензон М.О. Творческое самосознание // В кн.: Вехи. Интеллигенция в России. — М.: Молодая гвардия, 1991.

38. Главный противник. Документы американской внешней политики и стратегии. — М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2006.

39. Глотов В. Свет двуединый. Евреи и Россия в современной поэзии / В. Глотов. — М.: Изд-во АО «Х.Г.С.», 1996.

40. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление / М.С. Горбачев. — М.: Изд-во политической литературы, 1988.

41. Горбунов В.В. Идея соборности в русской религиозной философии / В.В. Горбунов. — М.: Феникс, 1994.

42. Гоббс Т. Избранные произведения / Т. Гоббс. — Т.1. — М., 1965.

43. Голенкова З.Т. Динамика социоструктурной трансформации в России / З.Т. Голенкова // СОЦИС. — 1998. — № 10.

44. Голенкова З.Т. Профессионалы: портрет на фоне реформ / З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян // СОЦИС. — 2005. — № 2.

45. Голенкова З.Т. Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского общества / З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян // СОЦИС. — 1999. — № 9.

46. Горбачев М. Декабрь-91. Моя позиция / М. Горбачев. — М.: Новости, 1992.

47. Горшков М.К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки / М.К. Горшков // СОЦИС. — 2010. — № 12.

48. Грамши А. Искусство и политика / А. Грамши. — М.: Искусство, 1991. — С. 60.

49. Гредескул Н.А. Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл // В кн.: Вехи. Интеллигенция в России. — М.: Молодая гвардия, 1991.

50. Грей Дж. Поминки по Просвещению / Дж. Грей. — М.: Практис, 2003. — С. 89.

51. Гундаров И.А. Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России / И.А. Гундаров. — М.: Беловодье, 2001. — С. 156—157.

52. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. — М.: Книга, 1991.

53. Демографический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1985 (<http://geography.su/demogr/item/f00/s00/e0000550/index.shtml>).

54. Демпси Дж. Пора определиться в вопросах собственности / Дж. Демпси // Файненшл Таймс. — 1991. — 16 апреля. (Цит. по: КОМПАС. — 1991. — № 94. — 17 мая.

55. Десять лет российских реформ глазами россиян // СОЦИС. — 2002. — № 10.

56. Драгунский Д. Рынок и государственная идея / Д. Драгунский, В. Цымбурский // Век XX и мир. — 1991. — № 5.

57. Драгунский Д. Законная или настоящая? / Д. Драгунский // Век XX и мир. — 1991. — № 7.

58. Есть мнение / под ред. Ю.А. Левада. — М.: Прогресс, 1990.

59. Ефременко А.В. Агрономический аспект столыпинской земельной реформы / А.В. Ефременко // Вопросы истории. — 1996. — № 11—12.

60. Заславская Т.И. О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано. — М.: Прогресс, 1988. — С. 40—41.

61. Заславская Т.И. Перестройка и социализм // В кн.: Постигение. Перестройка: гласность, демократия, социализм. — М.: Прогресс, 1989. — С. 217—240.

62. Заславская Т.И. Россия в поисках будущего / Т.И. Заславская // СОЦИС. — 1996. — № 3.

63. Заславская Т.И. Социализм, перестройка и общественное мнение / Т.И. Заславская // СОЦИС. — 1991. — № 8.

64. Зиновьев А.А. Гибель «империи зла» / А.А. Зиновьев // СОЦИС. — 1995. — № 4.

65. Зорин В.Ю. Национальная политика в России: история, проблемы, перспектива / В.Ю. Зорин. — М.: ИСПИРАН, 2003. — С. 202.

66. Иванов В.Н. Приватизация: итоги и перспективы / В.Н. Иванов // СОЦИС. — 2007. — № 6.

67. Ильенков Э.В. Философия и культура / Э.В. Ильенков. — М.: Политиздат, 1991. — <http://caute.net.ru/ilyenkov/texts/phc/marxww.html>

68. Информационный бюллетень ВЦИОМ «Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения». — 1995. — № 4.

69. Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) / Л.Г. Ионин // СОЦИС. — 1995. — № 4.

70. Ионин Л.Г. Культура и социальная структура / Л.Г. Ионин // СОЦИС. — 1996. — № 2.

71. *Ионов И.* Кризис исторического сознания в России и пути его преодоления / И. Ионов // *Общественные науки и современность*. — 1994. — № 6.

72. *Кара-Мурза С.* Народное хозяйство СССР / С. Кара-Мурза. — М.: Алгоритм, 2012.

73. *Кара-Мурза С.* Антисоветский проект / С. Кара-Мурза. — М.: Алгоритм, 2012.

74. *Кара-Мурза С.* Советская цивилизация / С. Кара-Мурза. — М.: ЭКСМО-Алгоритм, 2011.

75. *Кара-Мурза С.Г.* Демонтаж народа / С.Г. Кара-Мурза. — М.: Алгоритм, 2005.

76. *Кармадонов О.А.* Социальная стратификация в дискурсивно-символическом аспекте / О.А. Кармадонов // *СОЦИС*. — 2010. — № 5.

77. *Карпухин Ю.Г.* Проституция: закон и реальность / Ю.Г. Карпухин, Ю.Г. Торбин // *СОЦИС*. — 1992. — № 5.

78. *Карр Э.* История Советской России / Э. Карр. — Т. 1. — М.: Прогресс, 1990.

79. *Каттон У.Р., мл.* Конец техноутопии / У.Р. Каттон, мл. — Киев : ЭкоПраво, 2006. — С. 21.

80. *Качанов Ю.Л.* Как возможна социальная группа (к проблеме реальности в социологии) / Ю.Л. Качанов, Н.А. Шматко // *СОЦИС*. — 1996. — № 12.

81. *Ключников Ю.В.* Наш ответ / Ю.В. Ключников // *Смена вех*. — 1921. — № 4.

82. *Кожин В.В.* Загадочные страницы истории XX века: «черносо-тенцы» и революция / В.В. Кожин. — М.: Прима В, 1995.

83. *Кожин В.В.* Победы и беды России. Русская культура как поро-ждение истории / В.В. Кожин. — М.: Алгоритм, 2002. — С. 418.

84. *Кольцов А.В.* А.Е. Ферсман как организатор науки / А.В. Кольцов // *ВИЕТ*. — 1984. — № 1.

85. *Комков Г.Д.* Академия наук СССР / Г.Д. Комков, Б.В. Левшин, Л.К. Семенов. — Т. 2. — М.: Наука, 1977. — С. 28.

86. *Комментарии, прогнозы, анализ, события* // Бюллетень ТАСС КОМПАС. — 1991. — № 103. — 30 мая.

87. *Комозин А.Н.* Шоковая экономика: тенденции общественного мнения населения России / А.Н. Комозин // *СОЦИС*. — 1993. — № 11.

88. *Кондрашин Н.Н.* Современные концепции аграрного развития / Н.Н. Кондрашин // *Отечественная история*. — 1995. — № 4.

89. *Козн Ст.* Можно ли было реформировать советскую систему / Ст. Козн // *Свободная мысль* —XXI. — 2005. — №1.

90. Кузнецова А.П. Может ли рабочий стать хозяином? / А.П. Кузнецова // СОЦИС. — 1992. — № 1.

91. Кустарев А. Начало русской революции: версия Макса Вебера / А. Кустарев // Вопросы философии. — 1990. — № 8.

92. Лакшин В. Берега культуры / В. Лакшин // «Свободная мысль». — 1993. — № 9.

93. Латынина Ю. Атавизм социальной справедливости / Ю. Латынина // Век XX и мир. — 1992. — № 5.

94. Левада Ю. «Человек советский». — <http://www.polit.ru/lectures/2004/04/15/levada.html>

95. Лёзов С. В Нагорном Карабахе и вокруг него // Российская газета. — 1992. — 28 марта.

96. Ленин В.И. Письма из далека // ПСС. — 5-е изд. — Т. 31. — С. 16.

97. Либер М.И. Социальная революция или социальный распад / М.И. Либер. — Харьков : 1919. — С. 16, 17.

98. Липпман У. Знамение луны // Сегодня и завтра. — 1957. — 10 октября.

99. Макаревич В.Н. Игропрактики, методологи: «незримое сообщество» выходит из подполья / В.Н. Макаревич // СОЦИС. — 1992. — № 7.

100. Максимов Б.И. Рабочие как акторы процесса трансформаций / Б.И. Максимов // СОЦИС. — 2008. — № 3.

101. Максимов Б.И. Рабочий класс, социология и статистика / Б.И. Максимов // СОЦИС. — 2003. — № 1.

102. Малышев А.В. В мире фантомов / А.В. Малышев // СОЦИС. — 1992. — № 12.

103. Маркс К. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. — Т. 32. — С. 158.

104. Маркс К. Гражданская война во Франции // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. — Т. 17. — С. 543—546.

105. Маркс К. Капитал. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. — Т. 23.

106. Маркс К. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. — Т. 18. — С. 579—624.

107. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. — Т. 42.

108. Маркузе Г. Разум и революция. Гегель и становление социальной теории / Г. Маркузе. — СПб.: изд-во «Владимир Даль», 2000. — С. 362.

109. Медведев Д. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации — <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.

110. Медведев Д.А. Россия, вперед! — <http://kremlin.ru/transcripts/5413>.

111. *Межуев В.М.* Национальная культура и современная цивилизация // В кн. Освобождение духа. — М.: Политиздат, 1991.

112. Меморандум академика Сахарова. Текст, отклики, дискуссия. — Франкфурт : Посев, 1970.

113. Меморандум в защиту природы (1988) // В кн.: Перестройка: гласность, демократия, социализм. Экологическая альтернатива. — М.: Прогресс, 1990. — С. 5—13.

114. *Милов Л.* Земельный тупик : Из истории формирования аграрно-товарного рынка в России / Л. Милов // Независимая газета. — 2001. — № 31.

115. *Милов Л.В.* Особенности исторического процесса в России. (Доклад в Президиуме РАН.) / В.Л. Милов. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. — 1992. — № 4—5.

116. *Милуков П.Н.* Интеллигенция и историческая традиция // Вехи. Интеллигенция в России. 1909-1910. — М.: Молодая гвардия, 1991. — С. 299.

117. *Мчедлов М.П., Гаврилова Ю.А., Шевченко А.Г.* Мировоззренческие предпочтения и национальные различия // СОЦИС. — 2004. — № 9.

118. *Найшуль В.* Ни в одной православной стране нет нормальной экономики / В. Найшуль // Огонёк. — 2000. — № 45.

119. *Найшуль В.А.* Откуда суть пошла реформаторы — bilingua.org.ru/lectures/2004/04/21/vaucher.html

120. *Найшуль В.А.* Проблема создания рынка в СССР // В кн.: Постигание. Перестройка: гласность, демократия, социализм. — М.: Прогресс, 1989. — С. 441—454.

121. *Наумова Н.Ф.* Общественное мнение о социальных проблемах армии России / Н.Ф. Наумова, В.С. Сычев // СОЦИС. — 1993. — № 12.

122. *Нельсон Л.Д.* Перспективы предпринимательства и приватизации в России: политика и общественное мнение / Л.Д. Нельсон, Л.В. Бабаева, Р.О. Бабаев // СОЦИС. — 1993. — № 1.

123. *Ненароков А.* Политическое завещание П.Б. Аксельрода / А. Ненароков, Д. Павлов // Россия XXI. — 1999. — № 6.

124. *Нерсисянц В.С.* «Декларация прав человека и гражданина» в истории идей о правах человека / В.С. Нерсисянц // СОЦИС. — 1990. — № 1.

125. *Никулин А.М.* Кубанский колхоз — в холдинг или асьенду? / А.М. Никулин // Социологические исследования. — 2002. — № 1.

126. Новейшая история Отечества : XX век. — Т. 1. — М.: ВЛАДОС, 2002. — С. 324—325.

127. *Новосельский С.А.* Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. Календарь для врачей на 1916 г. СПб.,

1916 // *Андреев Е.М., Добровольская В.В., Шабуров К.Ю.* Этническая дифференциация смертности. — СОЦИС. — 1992. — № 7.

128. *Нуйкин А.* Считайте меня китайцем // *Российская газета*. — 1992. — 2 апреля.

129. *Ортега-и-Гассет.* Старая и новая политика // *ПОЛИС*. — 1992. — № 2—3.

130. *Осипов В.Н.* Из истории «русских мальчиков» / В.Н. Осипов // *Москва*. — 1999. — № 8—10.

131. *Островский И.В.* П.А.Столыпин и его время / И.В. Островский. — Новосибирск : Наука, 1992. — С. 79.

132. *Павловский Г.* Война так война / Г. Павловский // *Век XX и мир*. — 1991. — № 6.

133. *Пайпс Р.* Русская революция / Р. Пайпс. — Ч. 2. — М.: РОССПЭН, 1994. С. 229.

134. *Панарин А.* Народ без элиты / А. Панарин. — М.: Алгоритм-ЭКС-МО, 2006.

135. *Панарин А.С.* О Державнике-Отце и либеральных носителях «эдипова комплекса» / А.С. Панарин // *Философия хозяйства*. — 2003. — № 1.

136. *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке / А.С. Панарин. — М.: Алгоритм, 2003.

137. *Патрушев В.* Жизнь горожанина (1965-1998) / В. Патрушев. — М.: Academia, 2001.

138. *Патрушев В.Д.* Собственность и отношение к труду / В.Д. Патрушев, А.Л. Темницкий // *СОЦИС*. — 1994. — № 4.

139. Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя // *СОЦИС*. — 2005. — № 9.

140. Перестройка: 20 лет спустя. — М.: Горбачев-фонд, 2005 — http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=470&art_id=24026 \t "blank".

141. *Петров Н.* К унижениям в своем отечестве нам не привыкать // «Независимая газета». — 1993. — 13 июля.

142. *Петрусек М.* Чехословацкий самиздат как фактор социальных изменений / М. Петрусек // *СОЦИС*. — 1993. — № 8.

143. *Померанц Г.* Враг народа / Г. Померанц // *Век XX и мир*. — 1991. — № 6.

144. *Попов Г.Х.* // *Огонек*. — 1990. — №№ 50—51.

145. *Попов Г.Х.* Корень проблем. О концепции экономической перестройки / Г.Х. Попов. — М.: Изд-во политической литературы, 1989. — С. 53.

146. *Попова И.П.* Профессионализм — путь к успеху? Социально-профессиональные характеристики богатых и бедных / И.П.Попова // *СОЦИС*. — 2004. — № 3.

147. *Празаускас А.* СНГ как постколониальное пространство // Независимая газета. — 1992. — 7 февраля.
148. *Пришвин М.М.* Дневники. 1914—1922. / М.М. Пришвин. — М.: Московский рабочий, 1991 ; 1994 ; 1995.
149. *Пришвин М.М.* Дневники. 1914-1917, 1918-1919 / М.М. Пришвин. — М.: Московский рабочий, 1991.
150. *Прохоров А.П.* Русская модель управления / А.П. Прохоров. — «Журнал Эксперт». — 2002. — С. 267.
151. *Рав Пинхас Гольдшмидт.* Символ свободы // Независимая газета. — 1994. — 26 марта.
152. *Ракитов А.И.* Цивилизация, культура, технология и рынок / А.И. Ракитов // Вопросы философии. — 1992. — № 5.
153. *Резников Л.Б.* Российская реформа в пятнадцатилетней ретроспективе / Л.Б. Резников // Российский экономический журнал. — 2001.. — № 4.
154. Реформы или революция? Россия 1861-1917 / под ред. В.С. Дякина. — СПб.: Наука, 1992. — С. 259.
155. *Римашевская Н.М.* Бедность и маргинализация населения / Н.М. Римашевская // СОЦИС. — 2004. — № 4.
156. *Розенберг Д.И.* Комментарии к «Капиталу» Маркса / Д.И. Розенберг. — М.: Экономика, 1983.
157. *Роуз Р.* Сравнительный анализ массового восприятия процессов перехода стран Восточной Европы и бывшего СССР к демократическому обществу / Р. Роуз, Кр. Харпфер // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. — М.: ВЦИОМ. — 1996. — № 4.
158. *Рукавишников В.О.* В чем едино «расколотое общество»? / И.О. Рукавишников, Т.П. Рукавишникова, А.Д. Золотых и др. // СОЦИС. — 1997. — № 6.
159. Русское политическое масонство 1906—1918 гг. // История СССР. — 1989. — № 6. — 1990. — № 1.
160. *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России. XIX-XX вв. / В.Т. Рязанов. — СПб.: Наука. 1998.
161. *Сахаров А.* Воспоминания / А. Сахаров. — Т. 2. — М.: Права Человека, 1996.
162. *Сахаров А.* Мир, прогресс, права человека. Статьи и выступления / А. Сахаров. — Л.: Советский писатель, 1990.
163. *Сахаров А.* Тревога и надежда / А. Сахаров. — Нью-Йорк : «Хроника», 1978.
164. *Сахаров А.Д.* Тревога и надежда / А.Д. Сахаров. — М.: Интер-Версо, 1991.

165. Семенова С.Г. Преодоление трагедии. «Вечные вопросы» в литературе / С.Г. Семенова. — М.: Советский писатель, 1989.

166. Сенчакова Л. Крестьяне и Государственная Дума (1906—1907 гг.) / Л. Сенчакова. — Россия — XXI. — 1996. — № 9—10.

167. Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания российского крестьянства. 1905—1907 / Л.Т. Сенчакова. — Т. 1, 2. — М.: Ин-т российской истории РАН, 1994.

168. Слово о Сахарове. Научно-практическая конференция, посвященная 73-й годовщине со дня рождения А.Д. Сахарова. — М.: Юридическая литература. — Администрация Президента Российской Федерации, 1994.

169. Солоневич И.Л. Народная монархия/ И.Л. Солоневич. — М.: ЭКСМО-Алгоритм, 2003.

170. Сорокин П.А. Причины войны и условия мира / П.А. Сорокин // СОЦИС. — 1993. — № 12.

171. Степанов А. Геоисторические особенности формирования российского военно-государственного общества/ А. Степанов, А. Уткин // Россия-XXI. — 1996. — № 9—10.

172. Степанова О.К. Понятие «интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и во времени /О.К. Степанова // СОЦИС. — 2003. — № 1.

173. Таранов Е. Раскачаем Ленинские горы / Е. Таранов // Свободная мысль. — 1993. — № 3.

174. Толстой Л.Н. Стыдно // Собр. Соч., т. 16. М.: Художественная литература, 1964.

175. Трубецкой Н.С. Европа и человечество / Н.С. Трубецкой. — София, 1920. — http://hrono.rspu.ryazan.ru/libris/evro_chelov.html.

176. Турен А. Социология без общества / А. Турен // СОЦИС. — 2004. — № 7.

177. Тютюкин С.В. Июльский политический кризис 1906 г. в России / С.В. Тютюкин. — М.: Наука 1991.

178. Уваров П.Б. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции / П.Б. Уваров. — М.: АИРО-XX, 2005.

179. Уэллс Г. Россия во мгле / Г. Уэллс. — М.: Политиздат, 1959. — С. 37.

180. Феномен Сталина / под ред. Ю.М. Осипова. — М.: Изд-во МГУ, 2003.

181. Филиппов П.С. В кн. «Элита России о настоящем и будущем страны. Книга 1». — М.: ИСИ РАН. — 1994 г. — 4 января. — Интервьюер — Лапина Г.П.

182. Фишер С. Экономика / С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи. — М.: Дело, 1993. — С. 358.

183. *Фон Хайек Ф.* Дорога к рабству / *Ф.фон Хайек* // Вопросы философии. — 1990. — № 12.

184. *Фурман Д.Е.* Наш путь к нормальной культуре // Иного не дано. — М.: Прогресс, 1988. — С. 575.

185. *Ципко А.* Магия и мания катастрофы. Как мы боролись с советским наследием / *А.Ципко* // Независимая газета. — 2000. — 17 мая.

186. *Ципко А.С.* Драма перестройки: кризис национального сознания // В кн.: Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. — М.: ИЭ РАН, 2008. — С. 84.

187. *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство / *А.В.Чаянов*. — М.: Экономика, 1989.

188. *Чураков Д.О.* Русская революция и рабочее самоуправление / *Д.О. Чураков*. — М.: Агро-XX, 1998.

189. *Шафаревич И.Р.* Была ли перестройка акцией ЦРУ? / *И.Р. Шафаревич* // Наш современник. — 1995. — № 7.

190. *Шафаревич И.Р.* Россия наедине с собой / *И.Р. Шафаревич* // Наш современник. — 1992. — № 1.

191. *Шелл Дж.* Среда и общество (в поисках парадигмы) / *Дж. Шелл* // СОЦИС. — 1992. — № 12.

192. *Широнин В.* Под колпаком контрразведки / *В. Широнин*. — М.: Палея, 1996. — С. 256—257.

193. *Шлыков В.В.* Что погубило Советский Союз? Американская разведка о советских военных расходах / *В.В. Шлыков* // Военный вестник МФИТ. — 2001. — № 8.

194. *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм / *О. Шпенглер*. — М.: Праксис, 2002.

195. *Шубарт В.* Европа и душа Востока / *В. Шубарт* // Общественные науки и современность. — 1992. — № 6.

196. *Шульгин В.В.* Опыт Ленина / *В.В. Шульгин* // Наш современник. — 1997. — № 11.

197. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. — М.: ВЦИОМ, 1995. — № 2.

198. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. — М.: ВЦИОМ. — 1996. — № 2.

199. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. — М.: ВЦИОМ. — 1996. — № 2.

200. Экономическое развитие России. Выпуск второй. Эпоха финансового капитализма / сост. *Н. Ванаг* и *С. Томинский*. — М.-Л.: Государственное изд-во, 1928.

201. *Эмсден А., М. Интрилигейтор, Р. Макинтайр, Л. Тейлор.* Стратегия эффективного перехода и шоковые методы реформирования рос-

сийской экономики // Шансы российской экономики. Анализ фундаментальных оснований реформирования и развития. — Вып. 1. — М.: Ассоциация «Гуманитарное знание», 1996. 1

202. *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872-1887 / А.Н. Энгельгардт. — СПб.: Наука, 1999.

203. *Энгельс Ф.* // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. — Т. 35. — С. 76.

204. *Энгельс Ф.* Борьба в Венгрии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. — Т. 6. — 2-е изд. — С. 186.

205. *Энгельс Ф.* Демократический панславизм // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. — Т. 6. — 2-е изд. — С. 306.

206. *Энгельс Ф.* О социальном вопросе в России // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. — Т. 18.

207. *Энгельс Ф.* Об авторитете // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. — Т. 18. — С. 305.

208. *Энгельс Ф.* Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. — Т. 22. — С. 446.

209. *Яковлев А.* О перестройке, демократии и «стабильности» // Независимая газета. — 2003. — 2 декабря.

210. *Яковлев А.* Родоначалник гласности о контрреформах // Независимая газета. — 2005. — № 79. — 19 апреля.

211. *Яковлев А.Н.* // Литературная газета». — 2001. — № 41. — 10—16 октября.

212. *Янг К.* Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // В кн.: Этничность и власть в полиэтнических государствах. — М.: Наука, 1994.

213. *Янин С.В.* Факторы социальной напряженности в армейской среде / С.В. Янин // СОЦИС. — 1993. — № 12.

214. 39% жителей Приволжья обвиняют перестройку в распаде Советского союза — опрос // Новый Регион 2. — 2005. — 15 марта.

215. *Easlea B.* La liberación social y los objetivos de la ciencia. — Madrid: Siglo XXI Eds, 1977.

216. *Gramsci A.* La revolución contra "El Capital". — In: A. Gramsci. Antología. México: Siglo XXI Eds, 1984. — P. 34-37.

217. <http://ru.euronews.net/2009/11/05/mikhail-gorbachev-former-ussr-president-perestroika-won-but-politically-i-lost/>

218. *Levi-Strauss C.* Antropología estructural: Mito, sociedad, humanidades. — Mexico: Siglo XXI Eds, 1990.

219. Politics, society and nationality inside Gorbachev's Russia (Ed. Bialer S.). — L.: Westview press, 1989.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение	9
Раздел I. СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ. НАЧАЛО	
Глава 1. Короткая справка о революциях 1917 г.	15
Глава 2. Генезис советского проекта	34
Глава 3. Основания для вражды к советскому проекту на первом этапе	92
Раздел 2. ПРЕДЫСТОРИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ	
Глава 4. Реализация советского проекта после 1921 г.	134
Глава 5. Народное хозяйство СССР	146
Глава 6. Эпоха Брежнева	167
Глава 7. Изменения советского общества и предпосылки кризиса	173
Глава 8. Первые порывы «ветра свободы»	183
Глава 9. Смена культурно-исторического типа СССР	187
Глава 10. «Шестидесятники»	194
Глава 11. Диссиденты — советская «закваска» антисоветского проекта	201
Глава 12. Кризис мировоззрения 70—80-х гг.	219
Раздел 3. ПЕРЕСТРОЙКА И ГИБЕЛЬ СССР	
Глава 13. Перестройка: общие положения	235
Глава 14. Восприятие перестройки в массовом сознании	249
Глава 15. Разрушение культуры	259
Глава 16. Демонтаж народа	273
Глава 17. Перестройка: демонтаж общества	289

Раздел 4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА ПРОТИВ СССР	
Глава 18. Миф об экономическом кризисе в СССР	315
Глава 19. Принципиальные обвинения в адрес советского хозяйства. Его уничтожены	337
Глава 20. Перестройка: политическая подготовка к ликвидации СССР. Война с государством	380
Заключение	422
Литература	434

Сергей Георгиевич Кара-Мурза

КРАХ СССР

Ответственный редактор С.В. Маришков

Художник Б.Б. Протопопов

Верстка А.А. Кувшинников

Корректор И.А. Носкова

ООО «Издательство Алгоритм»

Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 617-08-25

Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 19.12.12. Подписано в печать 20.01.13.

Формат 84х108/32. Бумага тип.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л.14. Тираж 2000 экз. Заказ